

В. П. Юдин

Центральная Азия
в XIV-XVIII веках
глазами востоковеда

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
BY THE NAME OF R. B. SULEIMENOV
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

V. P. Yudin
**Central Asia
in the XIVth - XVIIIth
Centuries as an
Orientalist Saw it**

Almaty "Daik-Press" 2001

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИМЕНИ Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВА
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В. П. Юдин

Центральная Азия
в XIV-XVIII веках
глазами востоковеда

Алматы "Дайк-Пресс" 2001

ББК 63.3(0)

Ю 16

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
“КАЗАХСТАНСКИЕ ВОСТОКОВЕДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ”**

И. Н. Тасмагамбетов (председатель),
М. Х. Абусейтова, Б. Е. Кумеков,
Ю. Г. Баранова, К. Т. Талипов, Б. А. Казгулов
(Казахстан);
Б. А. Ахмедов (Узбекистан);
С. Г. Кляшторный (Россия);
А. М. Хазанов (США);
Винсент Фурньо (Франция)

Редактор-составитель

Ю. Г. БАРАНОВА

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **М. Х. АБУСЕЙТОВА**,
кандидат исторических наук **Г. М. ИСКАКОВ**

Ю **0503010000**
00(05)01

ББК 63.3(0)

ISBN 9965-441-39-1

© Баранова Ю. Г., составление, 2001
© Издательство “Дайк-Пресс”,
оформление, 2001

*Уважение к памяти и заслугам
отошедших в вечность деятелей...
является необходимым исполнением нашего
культурного долга и дает, кроме того,
повод продвинуть начатые,
но далеко не законченные их дела.*

*А. Н. Самойлович,
известный российский востоковед
(1880—1938)*

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ (вместо предисловия)

В предлагаемый вниманию читателей сборник включены избранные работы известного казахстанского востоковеда Вениамина Петровича Юдина (1928—1983), написанные в 1960—1980 гг. Часть из них, составляющая около трети объема сборника, издавалась, но более 30 лет назад. Остальные публикуются впервые и, надеюсь, будут небезынтересны для современных исследователей истории казахского и уйгурского народов, а конкретнее — персо- и тюркоязычных источников, родоплеменного состава, этимологии этнонимов, религии и многих других вопросов.

Особое место в творчестве и жизни Вениамина Петровича занимает открывающая сборник статья “Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV—XVIII веков”. Это результат его многолетнего (1960—1968) кропотливого труда, непосредственно связанного с созданием казахстанскими востоковедами большой коллективной работы, опубликованной в 1969 г., — “Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)” (МИКХ). Составителями явились сотрудники Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. В МИКХ вошли также

переводы, подготовленные ленинградскими (в то время) востоковедами О. Ф. Акимушкиным и М. А. Салахетдиновой. Статья В. П. Юдина должна была предварять МИКХ — в ней характеризуются все источники сборника в их связи и взаимозависимости по содержанию, с учетом политической и вообще социальной ориентации, мест создания и ряда других признаков. Вениамин Петрович считал, что он разработал “синтезированную классификацию персо- и тюркоязычных нарративных источников по истории казахского народа XV—XVIII вв.” с выделением, например, таких групп сочинений, как шайбанидские, чагатаидские, тимуридские, сефевидские, аштарханидские, хивинские, светские, агиографические и пр. В целом статья — серьезный вклад в теоретическое источниковедение истории казахского народа. Непосредственное ознакомление с ней позволит читателю получить представление о широте и глубине этого незаурядного исследования.

Статья, однако, была исключена из МИКХ на завершающей стадии издания по далеким от науки соображениям. И хотя в МИКХ были опубликованы (помимо выполненных и прокомментированных В. П. Юдиным переводов извлечений из 10 персо- и тюркоязычных сочинений) его 17 источниковедческих статей, предпосланных всем источникам, материалы из которых вошли в сборник, Вениамин Петрович считал, что отсутствие общего источниковедческого исследования, вводящего в проблематику и специфику такого серьезного труда, как МИКХ, снижает научный уровень последнего. О личной незаслуженной обиде говорить не приходится.

И вот более чем через 30 лет после издания МИКХ работа Вениамина Петровича “Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV—XVIII веков” наконец-то увидела свет.

В творчестве В. П. Юдина важное место занимает могульская проблематика. Рассмотрению вопросов истории Могулистана, Могулии, судьбы могульского этноса, его роли в истории Центральной Азии, родоплеменного состава и языковой принадлежности, этнических связей с казахским, уйгурским и другими наро-

дами посвящены две работы настоящего сборника. Статья “О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами” была опубликована еще в 1965 г. (Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. 1965. № 3. С. 52—65). Она получила широкую известность и признание специалистов. В следующем же году в Англии был издан ее английский перевод: “The Moghuls of Moghulistan and Moghuliya” (Central Asian Review. London, 1966. Vol. XIV. № 3. P. 241—251). В 1978 г. японский исследователь Мано Еджи в статье “Могулистан”, также на английском языке, воспроизвел все данные о родоплеменном составе могулов, приведенные Вениамином Петровичем (*Mano Eiji. Moghulistan // Acta Asiatica. 34(1978). Special Issue: Historical Studies on Central Asia in Japan. P. 46—60.*

В 1982 г. Т. И. Султанов в исследовании о литературной истории “Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад Хайдар доглата указал на выделение “в работах последних десятилетий” нового направления в изучении “Тарих-и Рашиди” — “исследование этнической истории моголов и других соседних народов”, которое “впервые превращает изучение этногенеза народов Восточного Туркестана на материалах “Тарих-и Рашиди” в исследовательскую проблему”. Первым в ряду авторов, представляющих это новое направление, был по праву назван В. П. Юдин (*Султанов Т. И. “Тарих-и Рашиди” Мирза Хайдар Дуглата: Литературная история памятника // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования: Ежегодник. 1975. М., 1982. С. 130, 135.*

Над статьей “Могулы” Вениамин Петрович работал в 1980 г. Часть ее, посвященная истории изучения могульского этноса, к сожалению, не была закончена. Однако в целом работа представляет большой интерес, во многих отношениях идет дальше первой публикации, ярко демонстрируя присущую ее автору способность к историко-лингвистическому анализу, глубокое проникновение в исследуемые вопросы.

Думается, что повторная публикация статьи “О родоплеменном составе могулов...” в связке со статьей “Могулы” безус-

ловно оправдана, и главным образом потому, что позволяет уяснить особенности исследовательских подходов В. П. Юдина.

Замечу, что и некоторые другие работы Вениамина Петровича, представленные в настоящем сборнике: “Историографическая концепция автора “Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад Хайдар доглата”, “Исторические корни уйгурской сказки о Чин Тёмюр-батуре и Махтум-суле”, а также рецензия на книгу А. М. Мугинова “Описание уйгурских рукописей Института народов Азии” — в большей или меньшей степени также связаны с могульской проблематикой. Это объясняется географией и хронологией рассматриваемых в них событий.

Об исследовании этимологии этнонима *казах*(*казақ*) Вениамин Петрович первоначально доложил на функционировавшем в те годы научно-теоретическом семинаре отдела дореволюционной истории Казахстана Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана. Было это в 1966 или 1967 г. Статья была подготовлена позднее, но так и не была опубликована. Это высокопрофессиональное историко-лингвистическое исследование, в котором критическому разбору подвергнуты 22 уже существовавшие к тому времени этимологии этнонима *казах*(*казақ*) и выдвигается новая этимология на основе данных древнетюркского рунического памятника с реки Уюк-Туран, опубликованного в книге С. Е. Малова “Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы” (М.; Л., 1958).

Агиографические сочинения оценивались Вениамином Петровичем в известной мере как источники достоверной конкретно-исторической информации. Одному из них, содержащему сведения о проповеди догматов черногорской секты исламского суфийского ордена накшбандийя среди казахов XVI в., посвящена статья “Известия “Зийа ал-кулуб” Мухаммад Аваза о казахах XVI века”. В 1966 г. она была опубликована в “Вестнике Академии наук Казахской ССР” (1966. № 5(253). С. 71—76) и представляет интерес по сей день, предлагая читателю не только обоснованные суждения В. П. Юдина, но и квалифицированный русский перевод извлечений из этого редкого и малоизученного персоязычного сочинения.

Исследование исторических взглядов автора “Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад Хайдар доглата, их социально-политической обусловленности является частью большого труда В. П. Юдина по истории уйгурского народа (вторая половина XIV в. — 70-е гг. XVII в.), над которым он работал в 1976—1980 гг. в качестве одного из авторов “Краткой истории уйгурского народа (XIII—XVIII вв.)” — плановой темы группы историков Отдела уйгуроведения при Институте языкознания АН РК.

Исторические взгляды Мирза Хайдара, его симпатии и антипатии со всей очевидностью раскрываются в ходе изложения событий XV в. в Могулистане и периодами в зависимом от него Восточном Туркестане, в частности в Кашгарии, деятельности эмиров могульского племени доглат, выходцем из которого был Мирза Хайдар.

Использование в этой работе не персидского оригинала “Тарих-и Рашиди”, а перевода на английский, выполненного Денисоном Россом, объясняется исключительно отсутствием у Вениамина Петровича фотокопии рукописи, а пользоваться микрофильмом, что было обычным прежде, он уже не мог по состоянию здоровья, с чем было связано значительное ухудшение зрения.

Статья “Исторические корни уйгурской сказки о Чин Тёмюр-батуре и Махтум-суле” была опубликована в сборнике “Вопросы уйгурской филологии” (Труды Института языка и литературы АН КазССР. Т. 2. Алма-Ата, 1961. С. 106—122). Это результат кропотливого историко-источниковедческо-филологического изыскания в связи с сюжетом уйгурской сказки. Она явилась первой научной публикацией Вениамина Петровича после переезда в Алматы. Впервые столкнувшись в ходе исследования с вопросами, оказавшимися так или иначе связанными с могульской проблематикой, Вениамин Петрович ограничился в то время, в 1961 г., констатацией общепринятой тогда отечественными и зарубежными учеными точки зрения: население Могулистана — это тюркоязычные монголы, называемые мусульманскими письменными источниками “моголами”. Это предопределило терминологию работы, которая в свете последующих исследований, в том числе и самого В. П. Юдина, представляется

некорректной: “могулистанские монголы”, “монголы Вейс-хана” и т. д. Поэтому я сочла необходимым внести в текст статьи определенные уточнения, давая в скобках правильные, современные термины (в принятом Вениамином Петровичем написании) — могулы, могульские и т. д.

В современном написании даются такие собственные имена, как Вайс-хан, Мухаммад, и ряд специальных терминов.

Исходя из замечания В. П. Юдина (см. его рецензию на книгу Б. А. Ахмедова “Государство кочевых узбеков”), что неверно именовать *ойратов*, или *джунгаров*, *калмыками*, что последний термин применим лишь к *волжским калмыкам*, а для обозначения *ойратов*, или *джунгаров*, “его следует употреблять в тюркской форме *калмак*”, также внесены соответствующие коррективы.

В статью внесено уточнение (проистекающее из мнения В. П. Юдина) о различиях между Могулистаном и Могулией.

Включая названную статью в настоящий сборник, я руководствовалась желанием напомнить об этом интересном новаторском исследовании, которое впервые увидело свет почти сорок лет назад; хотелось также обратить внимание на особенности творческого роста В. П. Юдина, отсутствие у него боязни пересмотра своих неправильных высказываний, стремление к постоянному совершенствованию.

Представленные в сборнике три рецензии В. П. Юдина на книги крупнейших востоковедов А. М. Мугинова, Б. А. Ахмедова и С. Г. Кляшторного уже издавались соответственно в 1965, 1966 и 1968 гг., но по сей день не утратили своего научного значения. Они содержат, как и положено данному жанру, не только критический анализ, констатацию достоинств и упущений. Рецензии эти имеют самостоятельное научное значение, ставят и решают новые серьезные вопросы.

Так, именно в рецензии на книгу А. М. Мугинова Вениамин Петрович впервые в отечественной и зарубежной науке говорит о восточнотуркестанском государстве Могулия, по времени образования и территориально отличном от Могулистана. Его основателем явился чагатаид, потомок могулистанских ха-

нов Султан Саид-хан, который в начале XVI в. разгромил в Кашгарии независимое тогда от Могулистана владение доглатского эмира Абу Бакра.

В рецензии на монографию С. Г. Кляшторного “Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии” В. П. Юдин в ряде случаев предлагает свои варианты перевода на русский язык отдельных фрагментов рунических текстов, переосмысливая и исправляя на свой лад переводы С. Е. Малова, которым следовал в своем исследовании С. Г. Кляшторный.

Данный сборник далеко не исчерпывает того, что подготовлено Вениамином Петровичем за годы его жизни и работы в Алматы как по казахстанике, так и по уйгуроведению и ждет своего издания.

* * *

В. П. Юдин был большим оптимистом, увлекающимся и порою несколько беззаботным человеком, обладавшим чувством юмора. Но все это сочеталось в нем с независимостью, щепетильностью, требовательностью, иногда доходящей до непреклонности, когда речь шла о деле, о науке. Наука была главным смыслом его жизни, жизни не аскета, а обычного человека. Несмотря на то, что судьба не всегда была к нему благосклонна и “черные” дни не так уж редко омрачали его существование — взять хотя бы тяжелую, неизлечимую болезнь, преследовавшую его более 15 последних лет жизни, — Вениамин Петрович считал себя счастливым человеком. Это ощущение счастья и удовлетворенности, без сомнения, давала ему увлеченность своей работой, его погруженность в научный поиск. Большая эрудиция, живой ум, умение последовательно, логически мыслить, четко и, как говорится, хорошим слогом излагать свои мысли устно и на бумаге обрекали его на успех в научных начинаниях. Этому способствовала еще одна черта его характера: заядлый спорщик, он все и вся подвергал сомнению и стремился выяснить все досконально. Ему доставлял удовольствие сам процесс познания и особенно изучения чего-то нового, приведения знаний в систему. Он

тщательно обдумывал все заранее и писал легко и быстро, так что рука не успевала за мыслью. Не побоюсь сказать, что он был талантлив и не ленив умом, очень дорожил научным общением, которого, к сожалению, ему часто не хватало. А еще его огорчало то, что он не мог приобрести все нужные для работы и интересующие его рукописи, книги и журналы (читал же он очень много), а также большой письменный стол (у него был лишь обычный). Работая, он размещал свои бумаги и все нужное на двух столах (на одном из них обычно стоял и “Микрофот” для чтения микрофильмов рукописей).

Как правило, при чтении литературы он ограничивался закладками, а выписок не делал — все хранилось в его необыкновенной памяти. Выписки делались только при работе с рукописями и то в основном на микрофильмах.

С особой требовательностью Вениамин Петрович относился к подготовке своих публикаций, стремясь исчерпывающе показать состояние изученности рассматриваемых вопросов и аргументировать свою точку зрения. “После нас останутся только наши работы, и по ним будут судить о нас”, — говорил он.

В востоковедение Вениамин Петрович пришел через уйгуроведение. Закончив в 1950 г. Синьцзянское отделение Московского института востоковедения им. Н. Н. Нариманова, он становится аспирантом известного профессора-тюрколога В. М. Насилова по специальности “уйгурская филология” и одновременно преподавателем уйгурского языка. Учеба и последующее общение с такими прекрасными специалистами, как В. М. Насилов, выдающийся тюрколог Н. А. Баскаков, блестящие знатоки уйгурского языка В. И. Новгородский, Э. Наджип, А. И. Илиев, а также истории Синьцзяна, уйгурского народа и письменных источников по этой истории К. А. Усманов, профессора П. И. Фесенко и Г. В. Астафьев, дали ему очень много. Само пребывание в высокоинтеллектуальной атмосфере МИВ, лекции и семинары таких ученых, как академики В. А. Гордлевский, Н. И. Конрад, Е. Э. Бертельс, В. М. Алексеев, профессора Г. Д. Санжеев, Е. А. Беляев, Х. К. Баранов, Э. Я. Бре-

гель, Н. Ф. Яковлев и многие-многие другие, не могло пройти без самых положительных последствий.

Одновременно с изучением уйгурского и других тюркских языков Вениамин Петрович серьезно заинтересовался персидским и арабским языками, изучал их, проходя аспирантуру, много занимался самостоятельно и с хорошими результатами: легко читал и переводил средневековые рукописи на среднеазиатском фарси (в прозе и стихах) и арабские сочинения. О прекрасном знании им тюркских языков вообще, включая чагатайский и староуйгурский, говорить не приходится. Немецкий он хорошо знал со школьных лет, английский изучал в МИВ, французским и испанским занимался самостоятельно¹. Такая языковая вооруженность, хорошая страноведческая подготовка и общая эрудиция сами по себе должны были сделать В. П. Юдина серьезным исследователем, источниковедом.

Переехав в 1955 г. из Москвы в Алматы, Вениамин Петрович успешно преподавал на открывшемся тогда уйгурском отделении филологического факультета КазПИ (теперь АГУ) комплекс уйгуроведческих дисциплин — историю уйгурского языка, уйгурский фольклор и староуйгурскую литературу (на уйгурском языке).

Летом 1960 г. он перешел на работу в отдел древней и средневековой истории Казахстана ИИАЭ АН КазССР и подключился к теме, работа по которой вылилась в подготовку и издание "Материалов по истории казахских ханств XV—XVIII веков".

Интерес к истории казахского народа для востоковеда, живущего в Казахстане, был закономерным. Но еще в 50-х гг. Вениамин Петрович познакомился с Виктором Федоровичем Шахматовым, а затем и с Сапаром Камаловичем Ибрагимовым.

---

¹ С конца 70-х гг. Вениамин Петрович, отдавая должное проблемам ностратического языкознания, заинтересовался кечуа, языком индейцев Боливии, Перу и Эквадора. Он овладел им, работая с изданиями на испанском-кечуа, используя словари испанско-кечуа, кечуа-испанские, англо-кечуа, кечуа-английские. В итоге составил кечуа-русский словарь на несколько тысяч слов.

Они буквально горели желанием (и С. К. Ибрагимов много сделал в этом отношении) организовать изучение и перевод тюрко- и персоязычных рукописных сочинений по истории казахского народа. Эта идея захватила и В. П. Юдина.

Уйгуроведческие интересы и работа по уйгуроведению не только никогда не мешали Вениамину Петровичу как казаховеду, но, напротив, были очень полезны. Так, все источники восточно-туркестанского происхождения, в том числе собственно староуйгурские сочинения, материалы из которых представлены в МИКХ, были включены В. П. Юдиным — это “Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф”, “Тарих” Шах Махмуда бен Мирза Фазил чораса, “Тарих-и Кашгар”, “Ислам-наме”, “Тарих-и амнийя”. До конца своих дней Вениамин Петрович сочетал работу по уйгуроведческой тематике с разработкой проблем в области истории казахского народа, источниковой основы этой истории.

В научном общении Вениамин Петрович был открытым и щедрым, он мог часами беседовать по интересующим его вопросам, выкладывая все свои соображения, аргументы, не опасаясь недобросовестности собеседника, возможной “утечки” мыслей. И хотя иногда бывало именно так, он оставался верен себе. “Мне моих идей хватит на всю жизнь”, — говорил он.

Совершенно особым, поистине отцовским — заботливым и одновременно требовательным — было отношение В. П. Юдина к своим ученикам, именно ученикам, а не просто к младшим коллегам или студентам. Он не жалел на них ни времени, ни сил. С каждым старался работать индивидуально, ставил задачи, указывал пути решения, делился знаниями, объяснял, наставлял, воспитывал, проявлял человеческую заинтересованность. Не все из них стали его последователями в науке, многие отошли не только от востоковедения, но и от науки вообще... Но его выученники идут трудными путями казахстанской исторической и востоковедной науки. Их немного, но о них можно говорить как о продолжателях идей и дел В. П. Юдина. В настоящее время это уже серьезные ученые, доктора и кандидаты наук, по ученым званиям и официальному положению оставившие своего учителя позади (как ни парадоксально. Вениамин Петрович не стал кандидатом наук, в вузах

он был старшим преподавателем, в Академии наук формально — рядовым научным сотрудником. Но это его мало беспокоило, шутя, он сравнивал свое положение в науке с положением рядового пехотинца в армии). С удовольствием называю имена этих дорогих для Вениамина Петровича людей — прежде всего, его любимая ученица и гордость М. Х. Абусейтова, Т. К. Бейсембиев, Н. Э. Масапов, Т. П. Волкова, Р. М. Мустафина. Именно в их отношении к памяти учителя усматривается связующая нить между уже ушедшими и живущими. И более того, благодаря им научная жизнь В. П. Юдина продолжается — в издании его работ, в проведении научных чтений его памяти (в 1993—1996, 1999 гг.), в уважительном отношении к тому, что он сделал в востоковедении вообще, в казахстанском в частности.

Настоящий сборник выходит через 18 лет после кончины В. П. Юдина. Это ли не показатель, что его жизнь в науке продолжается.

Я не буду здесь перечислять все посмертные публикации Вениамина Петровича (они названы в прилагаемом к книге списке его печатных работ; там же указаны и публикации о нем). Хотя для двух из них может быть сделано исключение. Это книга (1992 г.), содержащая подготовленные В. П. Юдиным русский перевод и историко-источниковедческое исследование тюркоязычного сочинения XVI в. Утемиша-хаджи “Чингиз-наме”. И статья (1983, 1992 гг.) “Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...”, в которой сформулированы понятия “степная устная историология” и “чингизизм”. Высказанные Вениамином Петровичем в связи с последним положением характеризуются как значимые для уяснения проблемы “казахского национального самопонимания, самоопределения в духовных координатах” Президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым в его монографии 1999 г. “В потоке истории” (С. 191, 208—209).

Посмертное издание работ В. П. Юдина — результат участия и содействия его учеников, друзей, коллег и, конечно же, ведущих ученых-обществоведов НАН РК. Приношу огромную благодарность всем им, не оставшимся равнодушными к памяти о В. П. Юдине: академикам АН РК Р. Б. Сулейме-

нову, Б. А. Тулепбаеву, Ж. М. Абдильдину, М. К. Козыбаеву, А. Т. Кайдарову, Г. Ф. Дахшлейгеру; членам-корреспондентам АН РК К. Н. Нурпеисову, Г. С. Садвакасову, О. И. Исмагулову; академику АН Узбекистана Б. А. Ахмедову; докторам наук М. Х. Абусейтовой, Х. А. Аргынбаеву, Б. Б. Ирмуханову, Н. Э. Масанову, В. А. Моисееву; кандидатам наук Т. К. Бейсембиеву, Т. П. Волковой, И. В. Ерофеевой, Г. М. Исхакову, Р. М. Мустафиной, К. Т. Талипову, В. К. Янулову; известному казахстанскому писателю А. И. Брагину и многим другим.

Безмерна моя благодарность издателю настоящего сборника, директору издательства “Дайк-Пресс” Булату Ахметжановичу Казгулову. Он инициировал издание этой книги и, несмотря на все трудности финансового и полиграфического характера, сделал все возможное и невозможное, чтобы она вышла в свет. Высокий профессионализм, ответственность и доброжелательность сотрудников руководимого им издательства сделали нашу совместную работу результативной и приятной, за что я им всем очень и очень благодарна. Особо хочу отметить, что благодаря достойному глубочайшей признательности благородному начинанию Б. А. Казгулова и усилиям востоковеда-энтузиаста доктора исторических наук М. Х. Абусейтовой стали реальностью замечательная академическая серия “Казахстанские востоковедные исследования” и издание в ней трудов В. П. Юдина.

Признательна я и моей племяннице, ученице Вениамина Петровича — Ю. Е. Новокшеновой, ее мужу и сыну, их искренние любовь и уважение к Вениамину Петровичу, постоянные забота и внимание всегда были большой поддержкой.

Ю. Г. БАРАНОВА

Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV–XVIII веков

Источников, которые могли бы послужить изучению истории казахского народа XV–XVIII вв., не столь уж много. Среди них особое место занимают персидские (таджикские) и тюркские нарративные сочинения и документы. Их значение для изучения истории казахов вышеназванного периода вряд ли может быть переоценено. Любое исследование, предпринятое без привлечения персо- и тюркоязычных источников, не будет полноценным, не сможет воссоздать непрерывной хронологической канвы исторического пути, пройденного казахами — одним из крупных тюркских народов: не только останутся в тени значительные отрезки истории казахов, но не могут быть прослежены и некоторые аспекты их истории XV–XVIII вв. Прежде всего это относится к реконструкции родоплеменного состава казахской народности. В той или иной мере это может быть сказано и в отношении многих других проблем и аспектов.

Большинство сочинений и документов на персидском и тюркских языках было создано не казахами, а представителями соседних народов и государств Передней, Средней и Централь-

ной Азии. Исключение составляет лишь сочинение Кадир-Алибий бен Хушум-бий джалаира, известное под условным названием “Джами ат-таварих” (“Сборник летописей”).

Можно полагать, что в ханских ставках у казахов были хронисты и литераторы. Примером тому является и вышеназванный Кадир-Али-бий джалаир.

Некоторые казахские ханы были высокообразованными людьми своего времени и по обычаю отдавали дань литературной деятельности. Так, казахский хан Тевеккель, как нам удалось установить, был не только крупным политическим деятелем и полководцем второй половины XVI столетия, но и литератором. Персоязычное сочинение “Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман” (“Сад рая и роцза пажей”) Бадр ад-Дина ал-Кашмири, написанное в XVI в. и представляющее собой “ценный труд по истории Бухары XVI в., освещающий наиболее неясный момент — влияние джуйбарских ходжей на последних шейбанидов”¹, сохранило до наших дней образцы стихов этого монарха на среднеазиатском *фарси*. В этом же сочинении имеются и образцы посланий Тевеккель-хана к среднеазиатским ходжам и ханам, написанных также на *фарси* и недурным слогом.

Ничего нет невероятного в предположении, что и некоторые другие казахские ханы и султаны, а возможно и феодалы других рангов, были поклонниками изящного слога и пробовали свои силы в мастерстве литератора.

Необъяснимое на первый взгляд широкое распространение образования, “хотя бы и в мусульманско-схоластическом духе”, среди феодалов Восточного Дашт-и Кипчака, т. е. казахских степей, вызывало недоуменные вопросы у А. А. Семенова: “Не мог же Шейбани-хан получить такое образование в кочевьях своего деда Абулхайр-хана или на седле своего коня в своей последующей бранной, полной тревог жизни, даже проживая за это время дватри года в Бухаре и Самарканде”.

¹ Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент, 1952. С. 67.

Такое же недоумение вызывала у него и широкая образованность Махмуд-султана, брата Мухаммад Шайбани-хана, и Убайдаллах-хана, сына Махмуд-султана: “Где и когда (Убайдаллах-хан. — В. Ю.) отлично изучил таджикский и арабский языки настолько, что свободно составлял таджикские и арабские стихотворения и трактаты? Неужели в Дешт-и Кипчаке или набегом в городах северных владений тимуридов?” Сам же А. А. Семенов нащупал и правильный ответ: “Может быть, ближайший к кочевьям узбеков Дешт-и Кипчака тимуридский город Туркестан (или другой) был тем рассадником просвещения “в мусульманском духе”, где получала образование знатная узбекская молодежь.

В таком случае перед нами открылось бы новое обстоятельство, свидетельствующее о том, что культурное развитие представителей кочевой узбекской знати было на уровне эпохи тимуридов...”²

К этому следует добавить, что не только в городах, но и в кочевьях, хотя это и вызывает возражение А. А. Семенова, вполне могло быть налажено обучение ханских отпрысков. Надо только помнить, что речь идет о кочевой жизни не бедняков, а знати, стоявшей на вершине кочевой феодальной иерархии. Все сказанное А. А. Семеновым целиком и полностью может быть распространено и на казахов.

Не приходится говорить о том, что, конечно же, в ставках казахских ханов имелись и канцелярии, из которых должны были исходить необходимые документы. В течение двухсот лет казахским ханам подчинялись Ташкент и города на Сырдарье. Обладание оседло-земледельческими районами и торгово-ремесленными центрами немислимо без соответствующего административного аппарата, а ведь бюрократическая деятельность воздвигает себе бумажные памятники.

---

² Семенов А. А. Шейбани-хан и завоевание им империи тимуридов // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад, 1954. С. 39—40.

Тем не менее время и кочевой быт не пощадили литературных творений казахской знати и, может быть, профессиональных казахских “деятелей пера”, а документы ждут еще своего собирателя и исследователя.

Справедливости ради следует заметить, однако, что есть свидетельства противоположного характера. Так, в 1595 г. Тевеккель, принимая русского посла Вельямина Степанова, “государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Руси грамоту распечатал и говорил-де Вельямину: “Сам-де грамоте не умею, а людем-де своим честь дать не верю, потому что у меня молла мой бухарец...”³

Бурные политические события XV—XVI вв. в Дашт-и Кипчаке столкнули в районах Мавераннахра, Хорезма, Туркестана и Семиречья интересы разных этнических групп. События эти, естественно, отложились в сочинениях историографов века и в документах. В основе этих событий лежали экономические причины. Они-то и вызывали в Дашт-и Кипчаке династические и межплеменные войны. В борьбу прежде всего включились потомки Шайбана, пятого сына Джучи, и потомки Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи. В борьбе активно участвовали мангыты (ноган), у которых исторический прецедент и традиция закрепили власть собственных эмиров (мирз, или мурз), фактически не признававших ханской власти. Потомки Тука-Тимура, отдельные ветви которых образовали несколько местных династий в различных частях бывшей Золотой Орды, например в Крыму и Казани, встали и во главе казахского народа. Начало правления династии ханов из дома Тука-Тимура у казахов мусульманские авторы видят в факте воцарения Урус-хана во владениях Ак-Орды в XIV в.

В разгоревшейся затем борьбе потерпевшие в конечном счете поражение шайбаниды вместе с поддерживавшими их родами были вынуждены уйти с территории Дашт-и Кипчака.

³ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках: (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961. С. 14.

Они неминуемо должны были устремить свои помыслы на Мавераннахр, Хорезм и Семиречье, где доживали свои последние дни тимуриды и чагатаиды. Могулистан в конце XV — начале XVI в. прекратил свое существование под ударами узбеков, казахов и ойратов. Мавераннахр и Хорезм подпали под власть узбеков, возглавлявшихся шайбанидами. Туркестан, формально войдя в состав шайбанидского государства, стал ареной ожесточенной борьбы между узбеками и казахами, пока в 1598 г. им окончательно не овладели казахи, утвердившие там свою власть на два века. Движение кочевников в Семиречье, Мавераннахр и Хорезм выбросило за пределы этих территорий значительные массы чагатаев, создавших под руководством Захир ад-Дин Мухаммад Бабура империю так называемых “Великих Моголов” в Индии, и могулов, образовавших в Кашгарии под главенством чагатаида Султан Саид-хана новое государство, получившее затем в источниках наименование Могулии.

Таким образом, история Дашт-и Кипчака, Семиречья, Туркестана, Мавераннахра, Хорезма, Кашгарии и других соседних районов, тесно связанных между собой, — это история больших социальных и политических потрясений в XV—XVI вв., в основе которых лежали внутренние и внешние факторы экономического развития, в свою очередь порожденные общим процессом исторического развития человечества.

Возвышение и падение династий, возникновение и крах государственных образований волновали современников и заставляли их отображать пережитое в своих письменных трудах. Претенденты на власть пытались использовать эти творения в интересах своих групп, в целях своей борьбы. Бывало, что они являлись прямыми инициаторами написания утверждающих законность их власти и восхваляющих их деяния сочинений.

Будучи приверженцем или противником участвующей в междоусобной борьбе феодальной группировки, автор невольно или совершенно сознательно отражал в своем произведении

определенные политические симпатии и антипатии, в результате чего круг персо- и тюркоязычных источников, содержащих сведения по истории казахов XV—XVIII вв., распадается на несколько групп с вполне ясно выраженной политической ориентацией. По этому признаку источники могут быть разделены на тимуридские, шайбанидские, чагатаидские (кашгарские), сефевидские и некоторые другие. Внутри этих групп также могут быть выделены подгруппы или отдельные произведения, в которых четко проступает тенденция более узкого характера, например тенденция в пользу какого-либо отдельного представителя династии.

К источникам шайбанидского круга относятся: “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” анонимного автора, “Фатх-наме” Шади, “Михман-наме-йи Бухара” Фазлаллах бен Рузбихана Исфакхани, “Шайбани-наме” Бинаи, “Зубдат ал-асар” Абдаллах бен Мухаммада бен Али Насраллахи, “Тарих-и Абу-л-Хайр-хани” Масуд бен Усмана Кухистани, “Абдаллах-наме” (“Шараф-наме-йи шахи”) Хафиз Таныша, “Зафар-наме” Муками, “Зафар-наме” Бадр ад-Дина ал-Кашмири, “Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман” того же Бадр ад-Дина ал-Кашмири и другие.

К источникам чагатаидского круга относятся: “Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад Хайдар доглата, “Тарих” Шах Махмуд бен Мирза Фазил чораса, “Тарих-и Кашгар” анонимного автора.

К источникам тимуридского круга относится известное сочинение Захир ад-Дин Мухаммад Бабура “Бабур-наме”, извлечения из которого не приводятся в “Материалах по истории казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)” (Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969. Далее — МИКХ) по той причине, что оно недавно было полностью опубликовано в русском переводе в Ташкенте.

К источникам сефевидского круга относится, например, сочинение Искандара-мунши “Тарих-и аламара-йи Аббаси”.

Некоторые сочинения были написаны в более позднее время для аштарханидов или по их заказу. К ним можно отнести сочинение Махмуда бен Вали “Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар”, написанное для аштарханида Надир-Мухаммада, и “Имамкулихан-наме” Сухайла. К ним же может быть отнесено и сочинение Кипчакхана, известного под именем Ходжамкули-бека Балхи, сына Кипчакхана, именуемого еще Имамкули, кушбеги Субханкули-хана, вали Турана, — “Тарих-и Кипчаки”, известное и под названиями “Тарих-и Кипчак” и “Тарих-и Кипчакхани”.

Сочинение Кадир-Али-бий бен Хушум-бий джалаира “Джами ат-таварих” было написано для Бориса Годунова.

В политической жизни и борьбе эпохи активное участие принимали также и различные духовные лица, и прежде всего пиры могущественных суфийских орденов. В жизнеописаниях суфиев часто содержится ценный исторический материал. К таким сочинениям относятся “Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф” анонимного автора, “Ислам-наме” Молла Абд ал-Алима и “Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман” Бадр ад-Дина ал-Кашмири. В первом из них дается жизнеописание Мухаммад Шарифа — пира суфийского ордена *увайсиййа* в Кашгаре. Он был современником кашгарского хана Абд ар-Рашида и его духовным наставником. В “Тазкира...” содержится любопытный материал о военных действиях Абд ар-Рашида против казахов и киргизов. Сочинение проникнуто тенденцией также и в пользу чагатаидов Кашгарии; по этому признаку оно может быть отнесено и к кругу чагатаидских. Что касается “Ислам-наме”, то оно написано в восхваление внука Аппак-ходжи (пира белогорской секты, или секты *ишкиййа* суфийского ордена *накшбандиййа* в Восточном Туркестане) — Ахмад-ходжи и сыновей Ахмад-ходжи — Бурхан ад-Дин-ходжи и Хан-ходжи и содержит материал об участии казахов в джунгарских междоусобицах середины XVIII в. “Раузат ар-ризван...” излагает историю джуйбарских шейхов, но содержит и много ценного конкретно-исторического материала панегирического характера об Абдаллахе II, поэтому оно нами включено также в число сочинений шайбанидского круга.

Особую группу письменных источников на персидском и тюркских языках составляют различного рода документы — ханские грамоты, акты и т. д. Этот вид источников до сих пор историками казахского народа фактически не использовался. Нам не известны грамоты и прочие документы XV—XVII вв., вышедшие непосредственно из канцелярий казахских ханов и касающиеся районов, прилегающих к Сырдарье, если не считать двух грамот, помещенных в МИКХ. Династическая принадлежность ханов, выдавших последние две грамоты, не ясна, их с равным основанием можно приписывать шайбанидам и аштарханидам, с одной стороны, и казахским ханам — с другой, ибо имена ханов, от имени которых выданы эти две грамоты, не известны ни среди шайбанидских и аштарханидских ханов, ни среди казахских. Но даже чуждая казахам династическая принадлежность ханов, выдавших грамоты, не лишает эти документы значительной ценности для изучения социально-экономической истории присырдарьинских городов, их исторической топографии и прочих вопросов, которые могут быть решены только путем изучения юридических документов эпохи.

История присырдарьинских городов XV—XVIII вв., их роль в политической и социально-экономической жизни казахских ханств составляют особую проблему, которая все еще ждет своего исследователя. Переход присырдарьинских городов из рук шайбанидов в руки казахских ханов, и наоборот, не вызывал изменения социально-экономических отношений, происходила только переадресовка выкачиваемого от непосредственного производителя добавочного продукта⁴, поэтому изучение социальной структуры общества и

---

⁴ Явление, достаточно хорошо известное на примерах завоевания кочевниками оседлых районов. Так это было, например, при завоевании Мавераннахра и Хорасана, в частности Герата в 1507 г., кочевыми узбеками, предводительствуемыми Мухаммад Шайбани-ханом. См.: *Болдырев А. Н. Зайнабдин Васифи. Сталинабад, 1957. С. 65—66; Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам "Вақфнаме". Ташкент, 1966. С. 36—45; История Узбекской ССР. Т. 1 (с древнейших времен до середины XIX века). Ташкент, 1967. С. 522.*

социально-экономических отношений в Сыгнаке, Сайраме и других присырдарьинских городах, хотя бы и на основе документов, выданных шайбанидами или аштарханидами, поможет вскрыть систему социально-экономических отношений в этих городах и для того времени, когда они находились под властью казахских ханов, тем более что документ, выданный шайбанидом Абдаллахом II, говорит о вхождении казахского населения в состав владений шайбанидов. Этот документ уже издавался в русском переводе П. П. Ивановым⁵. Нами он включен в МИКХ в новом, уточненном переводе. В свое время эти и три другие грамоты, еще не переводившиеся на русский язык, были изданы в восточном тексте академиком В. В. Бартольдом, отыскавшим их в Ташкенте, в Сырдарьинском областном правлении⁶. Тюркоязычная грамота Убайдаллах-хана из Сайрама от 1538 г. извлечена нами из рукописи Молла Муса бен Молла Айса Сайрами "Тарих-и амнийя". Восточный текст этой грамоты был издан в составе всего сочинения Н. Н. Пантусовым в Казани⁷.

Юридические документы из присырдарьинских городов почти не изучались; это задача будущего. Публикация перевода пяти документов в МИКХ этого вопроса, разумеется, не решает. Однако мы сочли необходимым включить эти документы в сборник, чтобы сделать их доступными всем исследователям. Несомненно также и то, что публикация указанных переводов привлечет к себе внимание историков казахского народа, что будет способствовать собиранию и изучению аналогичных материалов и, следовательно, изучению вопроса о роли присырдарьинских городов в истории казахов.

⁵ Иванов П. П. Очерки истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков: Труды Ин-та востоковедения. Т. 7. М.; Л., 1935. С. 34–35.

⁶ Бартольд В. Отчет о командировке в Туркестан // ЗВОИРАО. Т. 15. Вып. 2–3. Спб., 1904. С. 262–269.

⁷ Таарих-и Эмение. История владетелей Кашгарии, сочинение Муллы Мусы бен Мулла Айса, сайрамца / Издание Н. Н. Пантусова. Казань, 1905.

Возвращаясь теперь к нарративным источникам, следует сказать о группировке их по типу изложения материала. По этому признаку все нарративные источники могут быть разбиты на две группы: истории общие и истории частные. Истории общие “носят компилятивный характер, отношение их авторов к первоисточникам, как правило, лишено элементарной критичности, текст большей частью выписывается целиком, слово в слово, очень часто без указания имени автора, или же по разным соображениям подвергается изменениям и переделкам”⁸. К таким сочинениям принадлежат использованные для МИКХ “Тарих-и Кипчаки”, “Бахр ал-асар” и “Зубдат ал-асар”. Истории частные, в свою очередь, также могут быть разбиты на две группы: авторы первой из них посвящают свои сочинения описанию правления какого-либо одного представителя династии, авторы второй описывают годы правления целого ряда представителей династии, следующих один за другим. К первым принадлежат, например, “Фатх-наме”, “Михман-наме-йи Бухара” и “Шайбани-наме” Бинаи, ко вторым — “Тарих-и Рашиди”, “Тарих” Шах Махмуда бен Мирза Фазил чораса и “Тарих-и Кашгар”.

Однако следует отметить, что между этими группами нет непроходимой грани. Источники первой, компилятивной группы содержат обычно в конце и оригинальные, самостоятельные сведения, посвященные определенному лицу, чаще всего какому-нибудь хану или султану. Источники второй группы нередко содержат вводную часть, скомпилированную из других источников, а иногда дающую краткие или более обширные сведения по всеобщей истории в том виде, в каком ее представлял себе автор.

Нарративные источники могут быть подразделены также на светские и духовные. Светские в том смысле, что материал в них излагается под углом зрения феодала-мирянина. Это не значит, что

---

⁸ Ромаскевич А. А. Иранские источники по истории туркмен XVI—XIX вв. // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М.; Л., 1938. С. 7.

автору чужды мусульманская религиозная идеология и религиозное мировоззрение. Они остаются таковыми и в светских сочинениях, но на первый план в этих сочинениях выдвигается реальная историческая действительность, и она является основой изложения. Что касается второй группы, то к ней принадлежат жизнеописания святых и духовные трактаты, содержащие конкретно-исторический материал. Однако основой изложения в них являются “духовные подвиги” отцов мусульманской церкви и суфизма и пропаганда догматов ислама и суфийских толков. К первой группе принадлежат, например, “Тарих-и Рашиди” и “Тарих” Шах Махмуда бен Мирза Фазил чораса, ко второй — “Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф”.

Большинство нарративных персо- и тюркоязычных сочинений написаны прозой. Но отдельные произведения создавались в стихах. К последним из интересующих нас источников относятся “Фатх-наме” и “Ислам-наме”. Сложная стихотворная форма таких произведений, естественно, затрудняет пользование ими. Это является причиной того, что стихотворные хроники обычно используются историками значительно реже, чем прозаические сочинения. Справедливо это и для источников, содержащих материал по истории казахского народа. Обремененные сложными формами стихотворной системы *аруз*, поэты часто испытывали большие трудности, когда им приходилось включать в стихотворную строку собственные имена и даты. По этой причине стихотворные хроники содержат, как правило, гораздо меньше конкретно-исторического материала, что объективно намного снижает ценность содержащихся в них сведений, если аналогичные известия имеются в прозаических произведениях.

Большинство персо- и тюркоязычных произведений написаны очень сложным, вычурным и витиеватым языком, что, разумеется, не способствует лучшему пониманию текста. Простота языка свойственна только незначительному количеству использованных для сборника сочинений. Но и эта простота относительна, так как и авторы, писавшие на наиболее доступном для

наших дней языке, тем не менее, потрафляя вкусам современного им читателя, пересыпали свои сочинения цитатами из Корана и хадисами на арабском языке, стихотворными вставками, использовали массу шаблонно-традиционных средств литературно-художественной речи, широко применяли неудобопонимаемые поэтические фигуры.

Сочинения на персидском языке насыщены арабской лексикой и арабскими грамматическими конструкциями; сочинения же на тюркских языках обильно пересыпаны лексическими элементами, морфологическими заимствованиями, грамматическими конструкциями, целыми предложениями и фразами не только на арабском языке, но уже и на персидском. Что же касается текста сочинений, написанных “высоким штилем”, то он зачастую представляет собой непрерывную головоломку, какую-то нескончаемую шараду или ребус, для разгадки которых переводчику нужно не только знать арабский, персидский и тюркские языки, но и быть в курсе всех тех наук и знаний, располагать и владеть которыми и использовать которые обязан был каждый средневековый поэт и писатель, ибо в противном случае он подвергался осмеянию и обвинению в невежестве и необразованности.

Необходимо отметить и еще одну особенность письменной литературы той эпохи. Авторы в своих сочинениях широко использовали работы предшественников. То, что в наше время было бы квалифицировано как плагиат, в XV—XVIII вв. являлось для писателей нормой. Авторы широко использовали тексты бывших у них под руками чужих сочинений: они их переписывали почти целиком, заимствовали значительные части их и отрывки из них, вводили в свои сочинения большие цитаты, пересказывали текст и т. д. Если при этом учесть, что для средневекового автора почти не существовало обязанности приводить названия использованных им источников и имена их авторов, то станет ясно, перед какими подчас непреодолимыми трудностями оказывается исследователь их произведений в наши дни. Кропотливая текстологическая работа, утомительная и трудоемкая, нередко вознаграждает исследователя любопытными и ценными откры-

тиями, имеющими иногда важное научное значение. Тем не менее научная критика восточного текста нередко бывает бессильна в попытках распутать узел сложных взаимоотношений, возникающих между произведениями, авторы которых применяли охарактеризованный выше метод использования работ своих предшественников.

Все вышесказанное в полной мере присуще и персоязычным источникам по истории казахского народа. Пожалуй, наиболее трудной задачей для исследователя является выяснение взаимоотношений между сочинениями шайбанидского круга: большая часть их написана в одно и то же время, построены они по единому плану, иногда повторяющемуся в деталях, ярко выступающему, даже если одни произведения написаны на персидском языке, а другие — на тюркском, одни — в прозе, другие — в стихах. Ясно, что в основе этих произведений лежало какое-то одно, вполне определенное сочинение, послужившее для них отправным пунктом.

К этим произведениям относятся “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” анонимного автора, “Фатх-наме” Шади, “Шайбани-наме” и “Футухат-и хани” Бинаи, “Шайбани-наме” Мухаммад Салиха, “Шайбани-наме” анонимного автора, опубликованное И. Березиным в 1-м томе “Библиотеки восточных историков” в 1849 г., “Тарих-и Абу-л-Хайр-хани” Масуд бен Усмана Кухистани, в какой-то мере “Михман-наме-йи Бухара” Рузбихана и “Бахр ал-асрар” Махмуда бен Вали.

Если предположить, что название произведения, легшего в основу указанных сочинений шайбанидского круга, находится в вышеприведенном списке, то сразу придется исключить из числа предполагаемых прототипов те из них, которые были написаны в более позднее время: “Тарих-и Абу-л-Хайр-хани” и “Бахр ал-асрар”. “Михман-наме-йи Бухара” как сочинение, обладающее значительной степенью самостоятельности, также должно быть исключено из этого списка. Остаются “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”, “Фатх-наме” Шади, “Шайбани-наме” и “Футухат-и хани” Бинаи и “Шайбани-наме” Мухаммад Салиха. Из них

“Футухат-и хани” может быть исключено по той причине, что оно само представляет собой развернутый вариант более конспективного произведения Бинаи “Шайбани-наме”, хотя теоретически и можно предположить, что в основу всех остальных лег текст именно более обширного произведения.

Однако вопрос относительно того, не легли ли в основу этих сочинений шайбанидского круга произведения Бинаи, решается путем сравнения текста его произведений с текстом других сочинений. Вторичность текста сочинений Бинаи может быть показана на одном убедительном, как нам кажется, примере. Дело в том, что в описании смут, последовавших после смерти Шайх-Хайдар-хана в бывших владениях Абу-л-Хайр-хана, в сочинениях Бинаи мы встречаем целый ряд очень странных, не повторяющихся в других сочинениях имен: “И из числа султанов, [которые], опоясавшись старанием, пришли с целью захвата вилайета Шайх-Хайдар-хана, суть: Сайидек-Айбак-хан, сын Хаджи Мухаммад-хана, Джанибек-хан, сын Барак-хана, Буреке-султан, сын Кирай-Араба, из эмиров мангытских — Аббас-бек, Муса-бек и Йамгурчи-бек”.

و از جمله سلاطن بقصد ولايت شيخ حيدر خان كمر سعى بر ميان بسته آمد سيدك ايباق خان ولد حاجى محمد خان بود و جاني بيك خان ولد براق خان بود و بوركه سلطان ولد كراى عرب بود و از امرأ مانكقيت عباس بيك و موسى بيك و يامغورجى بيك⁹.

Здесь странными являются имена Сайидек-Айбак-хана и Кирай-Араба. В других источниках мы не находим их в таком виде: в них Сайидек и Айбак оказываются двумя разными лицами, равным образом это распространяется на Кирая и Араба. Из этого можно сделать вывод, что Бинаи черпал свои сведения из такого источника, который по какой-то причине подвел его самым безжалостным образом.

Этим источником, разумеется, не могли быть устные сообщения осведомленных лиц, так как устная передача совершенно исключает такого рода ошибки. Следовательно, источником дол-

⁹ شيبانى نامه تا كمل الدين بنائى. Рукопись ИВ АН РУз. № 844. Л. 4а.

жны были послужить, скорее всего, какие-то записи, какое-то другое сочинение.

После сопоставления вышеприведенного отрывка из “Шайбани-наме” Бинаи с соответствующими местами прочих сочинений пришлось прийти к выводу, что таким источником могло послужить только анонимное тюркоязычное сочинение “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”. Приведем соответствующий текст из этого последнего сочинения:

اول عصردا ابو الخير خان نينک يورتيغه غنيم لار پيدا بولدى قصد قيلديلار
بو غنيم لار نينک اتلارى حاجى محمد ترخان نينک اوغلى سيدک ايتاق براق
خان نينک اوغلى جاني بيک کراى عرب اوغلى دين بورکه سلطان منکيت دين
عباس بيک و موسى يغمورجى باشليخ لار يغلب هر طرفدين قصد ايتدى لار¹⁰.

“В тот век в юрте Абу-л-Хайр-хана появились враги. [Они] покушались [на жизнь Шайх-Хайдар-хана]. Имена этих врагов: сын Хаджи Мухаммад-тархана¹¹ Сайидек [и внук Хаджи Мухаммад-хана, сын Махмудек-хана] Абак¹², сыновья Барак-хана Джанибек [и] Кирай, из сыновей Араба Буреке-султан, из мангытов Аббас-бек и Муса [и] Йагмурчи; во главе [с ними враги] собрались [и] покушались [на него] со всех сторон”.

Из сопоставления приведенных отрывков становится ясно, что Бинаи не разобрался в тексте тюркоязычного сочинения. Его ввели в заблуждение следующие особенности грамматического строя чуждого ему тюркского языка. Во-первых, употребление слова *اوغول* *огул* (“сын” и “потомок”) в единственном числе, хотя после него называются имена не одного лица, родственные отношения которого определяются этим словом, а имена двух лиц. Правила морфологии родного для Бинаи таджикского языка (*фарси*) требуют постановки “сын” в таком случае во множественном числе. Помимо этого, слово *اوغول* *огул* употребляется не только в значении “сын”, но и в значении “потомок”, чего Бинаи,

¹⁰ توارىخ كزیده نصرت نامه : Рукопись ЛФ ИВ РАН. В 745. Л. 956.

¹¹ В тексте ошибочно *ترخان тархан* вместо нужного *خان хан*.

¹² В тексте *ايتاق итак* или *айтак* вместо нужного *اباق абак* или *ибак/айбак*.

по-видимому, не знал, или он не догадался об употреблении этого слова в вышеприведенном отрывке также и в этом значении. Во-вторых, отсутствие между двумя именами в тюркском тексте соединительных союзов.

Эти причины привели к тому, что Бинаи в двух случаях из двух различных имен сконструировал два сложных, двусоставных имени.

Бинаи допустил еще целый ряд ошибок вследствие того, что не разобрался в содержании и орфографии “Таварих...” Так, в “Шайбани-наме” неожиданно появляются упоминания о племенах, поддерживавших Мухаммад Шайбани-хана, и некоторых других, которых нет в других источниках и появление которых представляется странным, например упоминание племени *ас*. При сопоставлении источников обнаруживается, что Бинаи вывел племя *أس* *ас* из слова *آندین* *андын* (“затем”) в тексте “Таварих...” Последнее слово написано без диакритических значков, что затрудняет его чтение. Однако контекст гарантирует от ошибки. Это говорит о том, что Бинаи тюркские языки знал плохо, что, в свою очередь, является странным, так как Бинаи даже слагал стихи на *тюрки* и ему принадлежит перевод географического сочинения с персидского на тюркский. Подробнее об ошибках Бинаи сказано в примечаниях к извлечениям из “Шайбани-наме” (см. МИКХ. С. 507–511. — Ю. Б.).

“Шайбани-наме” анонимного автора также должно быть исключено из числа предполагаемых прототипов, так как оно было составлено не ранее середины XVI в. Это доказывается тем, что в нем есть ссылка на “Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад-Хайдар доглата, а последнее сочинение было закончено в 1546 г. Между прочим, это “Шайбани-наме” буквально повторяет текст “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”, начиная с того места, где приводится перечень имен беков, поддерживавших Абу-л-Хайр-хана. Дальнейший текст, в котором излагаются “деяния” Мухаммад Шайбани-хана, дословно, а иногда почти дословно передает соответствующий текст “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”; он только подвергся значительным сокращениям: выброшены стихи, опущены

притчи, высказывавшиеся по некоторым случаям в благочестивом духе Мухаммад Шайбани-ханом. Различие этих двух сочинений заключается еще в том, что история Мухаммад Шайбани-хана в “Шайбани-наме” анонимного автора доведена до гибели названного хана. Исследователь “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” называет “Шайбани-наме” сокращенной версией этого сочинения¹³.

Любопытным является также то, что Бинаи принял список лиц, поддерживавших Абу-л-Хайр-хана, за перечень сподвижников Мухаммад Шайбани-хана¹⁴. Здесь он снова попал впросак: в тексте “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”, так же как и в “Шайбани-наме” анонимного автора, этот список по содержанию фактически не связан ни с предыдущим, ни с последующим изложением. Между тем при внимательном отношении к тексту удается выяснить, что это сподвижники Абу-л-Хайр-хана.

В отношении остальных сочинений первичность “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” может быть решена аналогичным путем.

Однако самым главным аргументом в пользу первичности текста “Таварих...” является мнение А. А. Семенова, основанное на сообщении Р. Г. Мукминовой, что это сочинение принадлежит перу самого Мухаммад Шайбани-хана¹⁵. Эту мысль подсказало то, что повествователь “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” завершает свое изложение высказыванием в первом лице. Приведем это высказывание.

تقى اندین خضار اوستیکا کیلدوک انکا هم نصیحتلار قیلدوق ایرسا ایدی لار
کم قورغانمیرک اسیا سمیزعلیه تورور دیب جواب بیردی خداینی در میان
کورمادی لار منینک قیلدی لار جون حاهلنی کوندورماک کیراک کوندورمای

¹³ *Акрамов А. М.* Сокращенная версия “Избранных историй книги побед” // ОНУ. 1964. № 5. С. 48–51.

¹⁴ *شيبانی نامه تاء کمالالدين بنائ* : Рукопись ИВ АН РУз. № 844. Л. 16.

¹⁵ *Мукминова Р. Г.* О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в. // Тр. Ин-та востоковедения АН УзССР. Ташкент, 1954. Вып. 3. С. 126; *Семенов А. А.* Первые шейбаниды и борьба за Мавераннахр // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад, 1954. С. 113.

قويماق ثواب ايرماز ديب اوروش اوچون اتفاق قيب من هم يوروب كفر طوعيني يرکا جاليب اسلام علميني کوتاريب خندقغه يتديم ايرسا اوغلوم محمد تيمور شريعت بالتوسين اليب يوروب قتيغ اوروشلار قيبلى¹⁶.

“Затем, когда мы пришли на Хузар и также высказали ему увещевание, они ответили: “Наша крепость прочна, наша цель [или наш порог, дворец. — В. Ю.] — победа”. Они не прибегли к помощи бога... Так как говорят, что невежду нужно убедить согласиться, не богоугодно оставлять [его], не убедив согласиться, то я завязал сражение. И когда я, двинувшись [вперед], ударил оземь знамя неверия и, подняв штандарт ислама, достиг [крепостного] рва, мой сын Мухаммад Тимур яростно сражался, подняв топор шарията”.

Эта выдержка не оставляет никакого сомнения в том, что автором ее, а значит и всего сочинения, был сам Мухаммад Шайбани-хан, так как автор переходит к повествованию от первого лица и называет имя своего сына — Мухаммад Тимур, а это имя сына Мухаммад Шайбани-хана.

Сочинение написано очень простым тюркским, можно сказать, безыскусственным языком. И. Березин в свое время вынес чрезмерно суровый приговор языку и художественным достоинствам “Шайбани-наме” анонимного автора в целом и в части, заимствованной из “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”, в особенности. Этот приговор в основном остается в силе до наших дней: “Простота и непоследовательность изложения заставляет думать, что автор Шейбаниады был не очень опытен в литературном деле и едва ли что-нибудь писал, кроме настоящего сочинения”¹⁷.

“В третьем отделении автор очень сух в своем повествовании, так что внимание читателя не может быть не утомлено отрывистыми известиями о походах Шейбани-хана и реестрами

¹⁶ *تواریخ کزیده نصرت نامه* : Рукопись ЛФ ИВ РАН. В 745. Л. 113а.

¹⁷ *Березин И. Шейбаниада: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И. Березиным // Библиотека восточных источников, издаваемая И. Березиным. Т. 1. Казань, 1849. С. IX—X.*

собственных имен: география Тюркестана не выигрывает ничего от этого запутанного и темного изложения, а история теряет весьма много”¹⁸.

Сейчас мы знаем, что Мухаммад Шайбани-хан писал стихи и религиозные сочинения¹⁹, и, следовательно, “Таварих...” не является его единственным сочинением. Нельзя также согласиться с оценкой И. Березиным этого сочинения как источника для изучения истории и исторической географии Средней Азии.

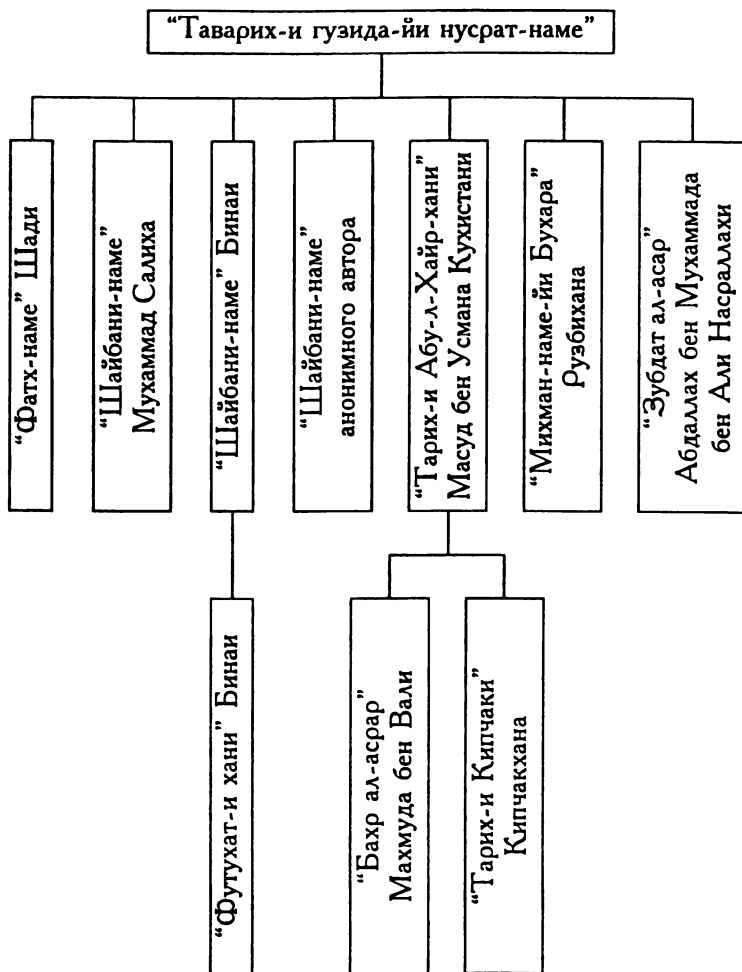
Если “Таварих...” принадлежит перу Мухаммад Шайбани-хана, то трудно предположить, что он писал свое сочинение уже после того, как его подвиги были воспеты другими поэтами и писателями. В последнем случае его писания были бы лишены какого-либо смысла. Несомненно, что когда Мухаммад Шайбани-хан подчинил себе Среднюю Азию, то перед ним встал вопрос об удержании завоеваний и более прочном закреплении их за членами его рода. Молодая династия, мечом добывшая себе новые владения, нуждалась теперь уже не только в силе, но и в оружии иного типа — идеологическом обосновании законности своих завоеваний и воцарения. Этому должны были послужить многочисленные представители литературного мира. Однако рискованно было в разрешении этой задачи полагаться на волю фантазии панегиристов. Они нуждались в своего рода справочнике, пособии, апробированном potentатом страны. С этой целью и было написано “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”. Именно этим, видимо, объясняются низкие художественные достоинства сочинения, а также и то, что оно осталось анонимным. Возможно, что Мухаммад Шайбани-хан намеревался выдать свое творение за произведение какого-либо известного литератора, но качество исполнения не позволяло сделать это. Свое

¹⁸ Там же. С. X.

¹⁹ Например, Мухаммад Шайбани-хану принадлежит сочинение رساله معارف شيباني, скомпилированное им в 913 г. х. — 1507/1508 г. н. э. из различных арабских и персидских источников для своего сына Мухаммад Тимура. Прекрасная рукопись этого сочинения хранится в Британском музее. См.: The British Museum Quarterly. Vol. XXIX. № 3—4. Summer, 1956. P. 123.

же имя автор, возможно, не решился поставить, так как это было бы не совсем удобным.

Изучение взаимосвязи текстов сочинений шайбанидского круга позволяет изобразить ее посредством нижеприведенной схемы.

На этой схеме показана только взаимозависимость источников шайбанидского круга и источников, хотя и принадлежа-

щих к другим группам, но повторяющих сочинения шайбанидские и в соответствующих разделах примыкающих к ним по духу. Вообще же многие источники шайбанидского круга имеют более сложные связи с сочинениями других авторов: некоторые из общих, компилятивных историй, как, например, “Бахр ал-асрар”, основываются на значительном количестве других работ, из которых они заимствовали сведения.

Следует также сказать, что все эти источники в большей или меньшей степени и самостоятельны, о чем выше уже говорилось. Например, “Зубдат ал-асар” содержит в себе сведения не только по 1504 г., в котором было, вероятно, завершено “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” и на котором сведения в последнем сочинении обрываются, но доводит изложение до смерти Мухаммад Шайбани-хана в 1510 г., сообщает ценные самостоятельные известия о первых его преемниках и о событиях, имевших место в годы их правления.

Такое, например, сочинение, как “Фатх-наме” Шади, обнаруживает зависимость от “Таварих...” более значительную, повторяя его план и характер сообщаемых им сведений, но оно и самостоятельно, когда сообщает известия о воцарении в Дашт-и Кипчаке после смерти Абу-л-Хайр-хана Йадгар-хана, а также о событиях, последовавших после этого. Это говорит за то, что Шади при написании своего “Фатх-наме” использовал не только “Таварих...”, но и какие-то другие источники, скорее всего устные сообщения, рассказы шайбанидов и их сподвижников, так как сообщение о правлении Йадгар-хана, по-видимому, никакими другими современными письменными источниками не дублируется. В дальнейшем известия о воцарении Йадгар-хана обнаруживаются в “Шаджара-йи турк ва могул” Абу-л-Гази и “Фирдаус ал-икбал” Муниса и Агахи.

Все перечисленные источники шайбанидского цикла (а это большинство источников) объединяются тем признаком, что в центре их повествования находятся Мухаммад Шайбани-хан и его дед Абу-л-Хайр-хан. Иногда они сообщают определенные известия и о ближайших преемниках Мухаммад Шайбани-хана.

Однако среди сочинений шайбанидского цикла выделяется еще одна группа, посвященная Абдаллах-хану II. К ней относится прежде всего хорошо известная хроника “Шараф-наме-йи шахи” вестные и не вовлеченные в научный оборот “Зафар-наме” Мукими, “Зафар-наме” Бадр ад-Дина ал-Кашмири, “Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман” того же Бадр ад-Дина ал-Кашмири, “Тарих-и Шайбани” неизвестного автора и другие.

В сохранившейся рукописи последнего сочинения изложение событий доводится до 1012 г. х. — 1604/1605 г. н. э., в котором казахские ханы Бахадур и Ишим (Есим) напали под Ташкентом на каракалпакского ставленника Лжеабд ал-Гаффар-султана. Следовательно, это сочинение по формально-хронологическому признаку, а также по характеру изложения материала может быть отнесено к аштарханидскому циклу. Необходимо отметить, что в некоторых проаштарханидских сочинениях династия аштарханидов характеризуется как естественный и закономерный преемник шайбанидов и даже утверждается, что аштарханиды и шайбаниды — единая династия.

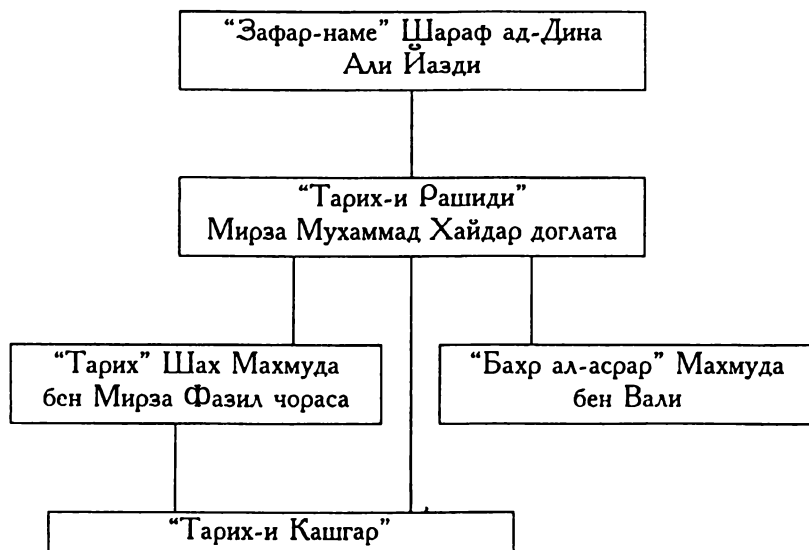
Взаимозависимость сочинений шайбанидского цикла, посвященных Абдаллах-хану II, зависимость их от источников о Мухаммад Шайбани-хане и других трудов среднеазиатских историографов еще предстоит исследовать. Сложность и важность этой задачи, однако, ясны уже сейчас. Одним из важнейших аспектов этой задачи, как отмечено выше, является исследование взаимозависимости и взаимосвязей шайбанидских и аштарханидских сочинений, перерастания одних в другие.

Источники чагатаидского круга также обнаруживают зависимость сообщаемых ими сведений друг от друга и от некоторых других источников более раннего периода. Так, “Тарих-и Рашиди” заимствует очень много сведений о Могулистане и походах Эмира Тимура в эту страну из “Зафар-наме” Шараф ад-Дина Али Йазди — источника тимуридского, написанного с целью прославления подвигов и государственной деятельности

Эмира Тимура. Из “Тарих-и Рашиди”, в свою очередь, черпают сведения и заимствуют значительные отрывки такие сочинения, как “Бахр ал-асрар” и “Тарих” Шах Махмуда бен Мирза Фа-
“Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад Хайдар доглата и “Та-
рих” Шах Махмуда бен Мирза Фазил чораса.

Зависимость чагатаидских источников не ограничивается заимствованием внутри своего круга, она также более сложна. Почти каждый источник черпает свои сведения и еще из ряда других. Совершенно независимым сочинением является как будто только “Ислам-наме”. Вскрыть зависимость каждого источника от всех других в пределах ограниченной объемом статьи не представляется возможным.

Взаимозависимость чагатаидских источников может быть продемонстрирована посредством нижеприведенной упрощенной схемы.

Сочинение Махмуда бен Вали “Бахр ал-асрар” было написано для аштарханида Надир-Мухаммада, а потому условно отнесено нами к кругу аштарханидских источников. Однако оно в соответствующих разделах сообщает много сведений и о шайбанидах, и о чагатаидах, а потому может быть отнесено и к тем и к другим источникам, так как сообщения Махмуда бен Вали политически не заострены против этих династий и содержат в значительной мере объективные факты (если так можно сказать о писании восточного автора феодальной эпохи) из их истории.

* * *

Круг известий о казахах, сообщаемых авторами персо- и тюркоязычных источников, весьма обширен. Это прежде всего известия о политической, в большинстве случаев о внешнеполитической, истории казахского народа и казахских государственных образований, о феодальных войнах казахских ханов и султанов против правителей соседних стран и народов. Содержат эти источники и сведения по внутривосточной истории казахских степей и казахских ханств, о внутривосточных распрях, раздорах и борьбе в среде представителей казахской ханской династии, о взаимоотношениях казахских владетелей и народных масс. Очень ценными являются малочисленные и глухие намеки на борьбу казахского народа против усиления феодального гнета, против попыток казахской династической и племенной верхушки ускорить процесс феодализации подвластных им племен. Сообщения об откочевках племен от ханов, например от Тахир-хана, — прямое свидетельство этой борьбы в традиционных для степных районов формах.

Персо- и тюркоязычные сочинения содержат и обширные известия о родоплеменном составе населения Восточного Дашт-и Кипчака, о причинах принятия племенами, ранее называвшимися узбеками, в качестве самоназвания термина *казах*, о соотношении терминов *узбек* и *казах*. Все это дает возможность сделать вывод о времени сложения казахской народности.

Немаловажное значение имеют родословные джучидов Золотой Орды и государственных образований, возникших на ее развалинах. Характерной особенностью этих генеалогий является то обстоятельство, что в них вносились не только имена потомков мужского пола, но и имена дочерей, а иногда и жен отдельных джучидов с указанием их происхождения. В этом факте, несомненно, нашло отражение то более свободное положение женщины в феодальных кругах кочевников, которое отличало ее от положения женщины, например, в оседлых районах Средней Азии. Источники по истории Восточного Дашт-и Кипчака XV—XVIII вв. пересыпаны многочисленными именами ханов, огланов и султанов, боровшихся друг против друга и вступавших в союзные отношения. Причины таких отношений зачастую находят объяснение в их родственных связях, которые источниками часто не раскрываются.

Исследователи наших дней нередко бывают не только бессильны в попытках выяснить происхождение мелких феодалов, но даже не в состоянии иногда дать ответ на вопрос о происхождении крупных династий. Так, приходится констатировать, что до сих пор не дано окончательного ответа на вопрос о происхождении династии казахских ханов: одни исследователи считают их потомками хана Белой Орды Орда-Ичена, старшего сына Джучи, другие — потомками Тука-Тимура, тринадцатого сына Джучи.

В периодической печати и в специальной статье даже было сделано категорическое утверждение о происхождении Урус-хана, основателя династии казахских ханов, от подвизавшегося в XIV столетии в казахских степях авантюриста русского происхождения Петьки Новократа²⁰. Последнее утверждение не соответствует действительности и основано на элементарной ошибке в переводе текста сочинения Кадир-Али-бий бен Хушум-бий

²⁰ Жунисбаев К. Кадыргали Джалаири // Великие ученые Средней Азии и Казахстана (VIII—XIX вв.). Алма-Ата, 1965. С. 204—217.

джалаира. Оно не заслужило бы упоминания, если бы не получило широкой огласки и не продолжало бы вводить в заблуждение общественность. Помещенные в МИКХ родословные и прочие известия позволяют сделать категорический вывод о происхождении династии казахских ханов от Тука-Тимура.

Многие включенные в генеалогии имена снабжены уточняющим словом *хан*. Выборочная проверка показала, что такие лица действительно были ханами. Между тем некоторое количество имен с приставкой слова *хан* в источниках неизвестно. Позволительно, следовательно, утверждать, что к настоящему времени мы еще не знаем имен всех лиц, бывших верховными правителями в степях к востоку от Волги. В свете этого утверждения генеалогии джучидов получают совершенно особую значимость.

Загадкой продолжает оставаться, например, происхождение казахского хана Турсуна (убит в 1628/1629 г. н. э.). Сочинения, только выявляемые или еще не вовлеченные в научный оборот историками казахского народа, дают имена и сообщают сведения о деятельности совершенно неизвестных или малоизвестных казахских ханов и султанов: Бахадур-хан, Тыным-султан, сын Хакк-Назар-хана, Кельди-Мухаммад-султан, Абу-Лайс-султан ("Тарих-и Шайбани"), Назар-хан ("Имамкули-хан-наме"), Сафи-султан ("Зафар-наме-йи Мукими"), Мурат-султан ("Сират" Фатхаллах бен Ходжа Абд ал-Басита ас-Сиддики). Сам факт, что новые источники, впервые привлекаемые для изучения истории казахского народа, содержат имена неизвестных казахских ханов, является весьма показательным. Известия о ханах, султанах и прочих крупных феодалах лежат в интересующих нас персо- и тюркоязычных нарративных источниках на поверхности, а деятельность их является основой повествования в них, что объясняется характером средневековой восточной историографии. Факт этот как нельзя лучше иллюстрирует слабую изученность источников по истории и самой истории позднесредневекового Казахстана. Трудно себе представить, что можно устано-

вить, например, имя неизвестного правившего лица в каком-нибудь захудалом немецком княжестве XV—XVIII вв., в то время как до сих пор в “мусульманских” источниках продолжают выясняться имена неизвестных казахских ханов, правителей крупных кочевых государственных образований.

Нашло отражение в источниках и государственное устройство казахских ханств, в них содержатся известия о должностях казахского государственного аппарата, так же как и отдельные, отрывочные известия о налоговой системе.

Совершенно особое место занимают сообщения о быте казахов XV—XVIII вв., об их хозяйстве, о хозяйстве городов Сауран, Сыгнак, Ыссы (Туркестан), Сайрам, Аркук и других, входивших в состав владений казахских ханов, и прежде всего о вакуфном хозяйстве в этих городах, о торговле казахов с соседними народами, о военной организации казахских государственных образований, об исторической географии и топографии казахской этнической территории, об истории сложения границ Казахстана.

В общих чертах известия о внешнеполитической и военной истории населения Восточного Дашт-и Кипчака могут быть подведены под несколько рубрик.

1. Сообщения об образовании в казахских степях, которые в XIV—XV вв. назывались Узбекистаном (اوزبیکستان), в первой половине XV в. так называемого государства кочевых узбеков, как тогда называлось все без исключения население Восточного Дашт-и Кипчака, в том числе и его основная масса, которая спустя короткое время приняла по политическим соображениям название *казақ*, впоследствии приобретшее этнический характер.

2. Сообщения о вытеснении из Дашт-и Кипчака шайбанидов, о походах казахских ханов на Хаджи-Тархан (Астрахань), о борьбе шайбанидов против казахов за города, расположенные по среднему течению Сырдарьи, т. е., прежде всего, за обладание областью Туркестана (в источниках XV—XVII вв. термин

Туркестан употреблялся в суженном значении для обозначения именно оседло-земледельческого района по среднему течению Сырдарьи, который вследствие естественно-географических причин выделялся в обособленную, а потому и самостоятельную хозяйственно-экономическую и часто, по этой причине, в политически автономную область), о попытках шайбанидов восстановить в процессе борьбы против казахских ханов утраченную ими власть в казахских степях, о борьбе казахских ханов против шайбанидов и аштарханидов за установление власти в Мавераннахре.

3. Сообщения о союзе казахов с киргизами, направленном против могулов, о гегемонии казахов в рамках этого союза, о распространении кочевий казахских племен на Семиречье и область Каша и Кунгеса, т. е. на Кульджинскую область.

4. Сообщения о борьбе казахских ханов против могулов за установление власти в Могулистане, завершившейся победой казахов и союзных им киргизов, об участии казахских ханов в междоусобной борьбе чагатаидов Восточного Туркестана, об их союзных отношениях с восточнотуркестанскими могулами, о совместном правлении казахских ханов с ханами-чагатаидами в Восточном Туркестане и многолетнем кочевании казахов в этой стране и в Восточном Тянь-Шане.

5. Сообщения об участии казахов в политической жизни Хивы, о взаимоотношениях хивинских узбеков с казахами, о возведении отдельных представителей династии казахских ханов на ханский трон в Хиве.

6. Сообщения о взаимоотношениях казахов с джунгарами, об участии казахских ханов с подвластным им населением во внутривосточной борьбе претендентов на ханский трон в Джунгарском ханстве в первой половине XVIII в.

7. Сообщения о союзных отношениях и междоусобной борьбе казахов и каракалпаков.

Известия по первому пункту содержатся в таких сочинениях, как "Тарих-и Абу-л-Хайр-хани" Масуд бен Усмана Кухистани и отчасти в некоторых других. Эти сообщения проникну-

ты явной тенденциозностью в пользу потомков Шайбана, пятого сына Джучи. Само сосредоточение внимания на государстве, созданном Абу-л-Хайр-ханом, является достаточно показательным: благодарные потомки увековечили память своего предка, тем самым возвеличивая себя.

При минимально беспристрастном отношении к кругу шайбанидских источников становится ясным, что ряд событий в Восточном Дашт-и Кипчаке во второй половине XIV в., в начале и во второй половине XV в., освещенных в этих источниках весьма тускло, имел огромное значение в свое время и для последующих судеб населения этого региона.

Источники же создают представление, что события, предшествовавшие образованию государства Абу-л-Хайр-хана, а проще говоря, события, предшествовавшие обстоятельствам воцарения этого шайбанида на трон Восточного Дашт-и Кипчака, так же как и события после его смерти, не имели особого значения. Такая целенаправленность этих источников, а также скудость известий о событиях до и после этого факта оказали гипнотизирующее влияние и на исследователей наших дней: годам правления Абу-л-Хайр-хана посвящены монографии и статьи, в то время как о предшествующих событиях в исследовательской литературе говорится очень мало.

Самому факту воцарения Абу-л-Хайра придается какое-то исключительное значение, несмотря на то что он заступил на ханский престол как очередной претендент, в начальные годы своего правления бывший марионеткой в руках могущественных эмиров племен, что, по-видимому, не может быть оспорено²¹. Между тем история Восточного Дашт-и Кипчака периодов правления

---

²¹ Сам термин "государство кочевых узбеков" теперь ассоциируется обычно с именем Абу-л-Хайр-хана. Причина возникновения и закрепления этой традиции кроется в том, что в исследованиях, в особенности последних лет, почему-то настойчиво используют эту ассоциацию. Между тем подданные и Урус-хана, основателя династии казахских ханов, и Тохтамыша, когда он был ханом Восточного Дашт-и Кипчака, и Барак-хана, и Джумадук-хана были кочевыми узбеками, а государственные образования,

Урус-хана, Тохтамыш-хана, Барак-хана, Джумадук-хана, Гирея, Джанибека, Бурундука не менее величественна, а во многих отношениях более важна для последующих судеб казахского народа. Тем не менее современные историки должны быть благодарны авторам источников шайбанидского круга за то, что они сохранили нам обширные известия об одном из интересных периодов истории казахских степей. А выводы, сделанные из фактов, относящихся к годам правления Абу-л-Хайр-хана, могут быть в значительной своей части распространены и на другие периоды истории этого района.

Абу-л-Хайр-хан, возведенный на трон эмирами племен в процессе межплеменной борьбы, приведшей к свержению его предшественника Джумадука, который опирался на мангытов и

во главе которых они стояли, ничем не отличались от государственного образования, возглавлявшегося Абу-л-Хайр-ханом. Различие лишь в том, что Абу-л-Хайр-хан правил более продолжительное время и положение в стране при нем было более стабильным, впечатление о чем, может быть, является несколько преувеличенным под влиянием сочинений шайбанидского круга. По этой причине употребление термина "государство кочевых узбеков" должно быть распространено на все государственные образования Восточного Дашт-и Кипчака того периода, когда население казахских степей именовалось узбеками. Причина включения слова "кочевой" в этот сложный термин, видимо, кроется в стремлении акцентировать внимание на взаимосвязи и различиях узбеков Казахстана и населения Мавераннахра, на сложном переплетении исторических судеб населения Казахстана и Узбекистана, т. е. предков современных казахов и узбеков. История "государства кочевых узбеков" Абу-л-Хайр-хана — это одна из интереснейших страниц истории казахского народа, которой, к сожалению, историки Казахстана до последнего времени уделяли незаслуженно мало внимания. Дань именно такому, вышеохарактеризованному употреблению термина "государство кочевых узбеков" отдал и Б. А. Ахмедов — автор монографии на узбекском языке и статей, посвященных истории Казахстана годов правления Абу-л-Хайр-хана. То же самое можно сказать и о его последующей монографии, являющейся первым солидным и обстоятельным трудом на русском языке, в котором исследуется государство Абу-л-Хайр-хана на основе многочисленных, самостоятельно привлеченных и активно использованных восточных источников. См.: *Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 5.*

их эмиров, потомков Едыге, в начальные годы своего правления также зависел от эмиров племен, в частности от мангытских эмиров. Будучи достаточно осторожным и трезвым политиком, сумевшим согласовать интересы эмиров различных племен, он возглавил их борьбу против потомков Тука-Тимура, а также и против других ветвей шайбанидов. Удачная борьба против соперников и успехи завоевательных походов постепенно создали ему авторитет, позволили в дальнейшем игнорировать в значительной мере волю эмиров племен и сосредоточить в своих руках всю полноту возможной в то время власти.

Под его властью оказались практически весь Восточный Дашт-и Кипчак и Западная Сибирь. Абу-л-Хайр-хан начинает завоевательное движение в сторону Туркестана, Хорезма и Мавераннахра. Однако в начале второй половины XV в. он терпит серьезное поражение от ойратов, что немедленно повело к ослаблению авторитета ханской власти и появлению серьезных признаков сепаратистских устремлений среди недовольных его жестокостью эмиров. Его жизненный путь завершился во время начатого им похода в Семиречье.

В период его правления произошло такое серьезное событие, как откочевка в Семиречье Гирея и Джанибека. Причиной этого послужила попытка Абу-л-Хайр-хана истребить джучидов, которые казались ему подозрительными и которые могли после его смерти в обход его наследников претендовать на трон в степях. Тот факт, что и Гирей, и Джанибек носили титул хана и могли иметь свои уделы в рамках кочевой империи Абу-л-Хайр-хана, говорит об определенной автономности отдельных частей его государства. Смерть Абу-л-Хайр-хана явилась прелюдией к исчезновению шайбанидов с политической арены Восточного Дашт-и Кипчака.

Таковы выводы, которые могут быть сделаны из сочинений авторов шайбанидского круга, — выводы, которые не без оснований могут быть сделаны не в соответствии с их намерением изложить определенную концепцию характера политических событий, а вопреки ей.

После изложения этих событий известия источников опять на длительное время, которое для населения казахских степей было периодом бурных и быстрых политических преобразований, перекроивших политическую карту этой огромной страны, становятся и скудными, и тусклыми, не позволяя даже наметить более или менее четкие контуры хронологической канвы. Они сообщают о воцарении в степях Йадгар-хана, Шайх-Хайдар-хана, почти ничего не говоря о бурных событиях эпохи их правления. Достаточно сказать, что потомки Йадгар-хана, шайбанида не той ветви, к которой принадлежали Абу-л-Хайр-хан и его внук Мухаммад-Шайбани-хан, в упорной борьбе овладели Хорезмом и создали там узбекское государство, которое находилось под их управлением в течение длительного времени, о чем из ближайших по времени написания к этим событиям сочинений сообщает довольно неопределенно лишь “Фатх-наме”. Остальные источники об этих событиях в Хорезме не сообщают почти ничего.

Причина умолчания заключается в том, что главенствующей фигурой, выступающей на передний план, является Мухаммад Шайбани-хан, заслонивший собой все остальные действующие лица эпохи. Задачей Мухаммад Шайбани-хана, создателя государства шайбанидов в Средней Азии и инициатора написания ряда сочинений шайбанидского круга, было собственное возвеличивание, утверждение законности своего воцарения в Мавераннахре, показ, что только его дед, Хан-и Бузург (Великий хан), и он сам, Мухаммад Шайбани-хан, могут быть поставлены рядом, а прочие крупные политические деятели в сравнении с ними — авантюристы и недостойные серьезного внимания мелкие, неправомочные претенденты на власть²². Такая установка определила подбор фактов и ха-

²² Эта его претензия отразилась, например, в хутбе, которую читали 30 мая 1507 г. в Герате после взятия этого города войсками Мухаммад Шайбани-хана. Хутба была прочитана на имена Абу-л-Хайр-хана и Мухаммад Шайбани-хана с титулованием последнего формулой “имам аз-заман ва халифат ар-рахман”, т. е. “имам времени и наместник всеми-

рактер их подачи в шайбанидских сочинениях. В них рассказывается о попытках Мухаммад Шайбани-хана самостоятельно и с помощью мангытских мирз овладеть властью в Дашт-и Кипчаке. Попытка эта не удалась, так как этому активно противодействовали Гирей, Джанибек, Бурундук, Касим и другие казахские ханы и султаны, так же как и джучиды иного происхождения. Неудача заставила честолюбивого шайбанида обратить свои помыслы на овладение городами по среднему течению Сырдарьи. Эта цель осуществлялась в упорной борьбе с Бурундуком, сыном Гирея, Иренджи, Махмудом, Касимом, сыновьями Джанибека. Борьба имела не менее трех туров, в перерывах между которыми Мухаммад Шайбани-хан вынужден был уходить на годы на Мангышлак, в Бухару. Следует признать, что этот период деятельности Мухаммад Шайбани-хана связан с территориями Дашт-и Кипчака и Туркестана, т. е. с территорией Казахстана, а потому должен привлечь самое пристальное внимание историков казахского народа.

Овладев Туркестаном, Мухаммад Шайбани-хан осуществляет захват Мавераннахра и начинает завоевание Хорасана и горных областей Памира. Этот период его деятельности связан уже с историей Узбекистана и находится в основном в компетенции историков узбекского народа. Тем не менее и в этот период он осуществляет несколько походов против улусов отдельных

лостивого". Последнее обстоятельство говорит о том, что Мухаммад Шайбани-хан пытался присвоить титул религиозного главы мусульман всего мира. В свою очередь, это говорит о том, что он, видимо, лелеял далеко идущие планы овладения всеми "мусульманскими" странами и повторения завоевания Чингиза и Тимура. Почти одновременно попытка присвоить титул главы правоверных была предпринята и в некоторых других странах. Успех выпал на долю турецких султанов, которые и присвоили себе титул халифа без достаточных на то оснований, как это показал В. В. Бартольд. Великодержавным планам Мухаммад Шайбани-хана положил конец шах Ирана Исмаил Сефевид, войска которого в 1510 г. разгромили Мухаммад Шайбани-хана под Мервом. Хан был убит.

казахских султанов, доходя даже до Сары-Су. Его походы против казахов имели грабительские цели. Имели они и превентивную цель — ослабить своих злейших противников и предотвратить их попытки осуществить экспансию в сторону среднеазиатских оазисов. Личный опыт говорил ему о необходимости таких мер и подсказывал формы их осуществления. Этими же целями были вызваны и его экономические санкции против торговли казахов в среднеазиатских городах, столь ярко описанные в “Михман-наме-йи Бухара” и имеющие важное значение для воссоздания картины хозяйственной деятельности казахов того времени.

Можно говорить также и о том, что до конца своих дней Мухаммад Шайбани-хан лелеял мысль и питал надежду утвердить власть шайбанидов на территории своей родины — в степях Восточного Дашт-и Кипчака, очень красочно и поэтично описанного также в “Михман-наме-йи Бухара” со слов самого Мухаммад Шайбани-хана.

Шайбанидские источники, преломившие события казахской истории через биографию Мухаммад Шайбани-хана, позволяют свести не столь уж многочисленные факты в довольно яркую картину распространения и закрепления власти казахских ханов в Дашт-и Кипчаке, распространения их влияния на Туркестан и последующего продвижения в Мавераннахр. В дальнейшем взаимоотношения казахских ханов с преемниками Мухаммад Шайбани-хана приобретают большое разнообразие форм: войны сменяются миром и союзными отношениями; отдельные казахские ханы и султаны находят у шайбанидов политическое убежище, и наоборот — другие становятся вассальными отношениями к шайбанидам и даже получают феодальные земельные пожалования на территории Мавераннахра; в конце XVI в. Тевкекель и Есим пытаются отнять у шайбанидов Мавераннахр, они захватывают Самарканд, но под Бухарой терпят поражение.

Это наступление казахов на Мавераннахр имело огромное значение; оно сопровождалось паникой среди местного населе-

ния²³. Трудно предугадать последствия этого движения, если бы оно удалось. По-видимому, Средняя Азия оказалась бы под эгидой династии казахских ханов и на ее территорию переместились бы крупные массы казахских племен, т. е. тех же узбеков, которые за сто лет до этого уже наводнили один раз эту страну. Это движение кочевников Восточного Дашт-и Кипчака в Среднюю Азию еще не получило должной оценки в трудах историков, еще не привлекло к себе их внимания как факт первостепенного значения.

Тем не менее район среднего течения Сырдарьи, Ташкент, Сайрам, на какой-то срок Фергана и другие местности с 1598 г. переходят под власть кочевников и в течение двухсот лет входят в состав казахских владений. Какое-то время казахские ханы, правившие в этих городах, судя по сообщениям источников, находились в вассальных отношениях к ханам-аштарханидам, предпринимали попытки освободиться от вассалитета, в чем в конце концов и преуспели. Так, казахский хан Турсун (Турсун-Мухаммад), правивший в Ташкенте, в самом начале XVII в. отказался признавать сюзеренитет аштарханида Имамкули-хана, начал чеканить свою монету и взимать в свою пользу бадж (пошлину) и харадж (поземельный налог), а высланному против него аштарханидскому войску нанес страшное поражение, которое источник сравнивает с поражением, когда-то нанесенным Урус-ханом войску Эмира Тимура²⁴. В XVII в. и первой половине XVIII в. также имеют место военные столкновения и союзные отношения казахов с аштарханидами, пришедшими в Средней Азии на смену шайбанидам. Весьма интересным является сообщение "Тарих-и

---

²³ مجمع الفضائل تا محمد حسين : Рукопись ИВ АН РУз. № 2501. Л. 99б–100а. Здесь сообщается о панике среди последователей ордена кубравиййа в связи с осадой Тевеккель-ханом Бухары. Паника якобы была пресечена предсказанием пира ордена Шайха Абдаллаха, иначе Маулана Сактари (Хазрат Ишан), что Тевеккель-хан не продержится более трех дней. О рукописи см.: СВР. Т. 3. С. 327–328.

²⁴ كتاب امامقلي خان نامه تا سهيلا : Рукопись ИВ АН РУз. № 89. Л. 138а–147а. О рукописи см.: СВР. Т. 5. С. 41–42.

Шайбани” анонимного автора о борьбе казахов с каракалпаками за Туркестан, Сайрам, Ташкент, Ахсикенд и Андижан в 1603—1605 гг. Каракалпаки в Туркестане подняли ханом под именем Абд ал-Гаффар-султана, сына Баба-султана, сына Барак-хана, сына Суйунч-Ходжа-хана, некоего самозванца и овладели вышеперечисленными пунктами. Казахи под предводительством Бахадур-хана, о котором другие источники не сообщают, и Ишим(Есим)-хана два раза сразились с мнимым Абд ал-Гаффар-султаном; первый раз (осенью 1012 г. х.) на тринадцатый день боев потерпели поражение, а второй раз (весной 1013 г. х.) совершили внезапное нападение на местность Кара-Камыш в полуфарсанге от Ташкента, который Лжеабд ал-Гаффар-султан превратил в свою столицу, и Ишим-хан зарубил его саблей²⁵. После этого, по-видимому, и Ташкент, и Андижан вновь перешли под власть казахов, так как “Имамкули-хан-наме” сообщает, что в Андижане правил казахский султан Абулай.

Таков в целом характер борьбы казахов с шайбанидами и аштарханидами за гегемонию в Дашт-и Кипчаке, Туркестане и Мавераннахре, как излагается она источниками шайбанидского круга.

Немаловажное значение имеют известия о политическом союзе казахов и киргизов. Основные сведения об этом союзе содержатся в сочинениях чагатаидского круга — “Тарих-и Рашиди”, “Тарих” Шах Махмуда бен Мирза Фазил чораса, “Тарих-и Кашгар”. Союз этот образовался сразу же после проникновения казахов на территорию Киргизии, которая, согласно сообщению “Бадаи ал-вакаи” Зайн ад-Дина Васифи, первоначально и носила наименование *Казахстан* (сообщение относится к 1537 г. н. э., в том же году термин и был зафиксирован в документе), что является первым упоминанием этого термина в

²⁵ تاريخ شيباني анонимного автора: Рукопись ИВ АН РУз. № 1505. Л. 65б. О рукописи см.: СВР. Т. 1. С. 80.

восточной литературе²⁶. Во всяком случае в начале XVI в. киргизы, которые прежде входили в орбиту политического влияния могулистанских чагатаидов, как правило, выступают в значительных военных и политических акциях как младший партнер казахов. Казахские ханы, по-видимому, в это время распространили свою политическую власть на киргизов и рассматривали их как своих подданных. Как известно, киргизы не имели своих ханов. Их разрыв с могулами в значительной мере, по сведениям “Тарих-и Рашиди”, был продиктован их нежеланием мириться с властью могулистанских чагатаидов. По сообщению “Тарих-и Рашиди”, у киргизов в начале XVI в. был некий правитель по имени Мухаммади киргиз, который имел какое-то не объясненное источником право на верховную власть над киргизами. Однако был ли он чингизидом — сделать такой вывод из сообщений “Тарих-и Рашиди” невозможно. После того как Мухаммади киргиз сошел с исторической арены, из среды самих киргизов не выдвинулось ни одно лицо, которое возглавило бы их. Киргизы вплоть до середины XVIII в. находились в сфере политического влияния казахов. В первой

²⁶ В источниках термин *Казахстан* (قزاقستان) упоминается также и в связи с изложением событий 1512 г., когда сефевидский полководец Наджм-и Сани вместе с Захир ад-Дин Мухаммад Бабуром вторгся в Мавераннахр. Сами эти источники были написаны, правда, позднее “Бадаи ал-вакаи”, почему, возможно, и употребление термина *Казахстан* имеет в них ретроспективный характер. Далее в сочинениях восточных авторов употребление термина *Казахстан* приобретает более или менее регулярный характер. См.: مطلب الطالبين تآ ابوالعباس محمد طالب بن تاج الدين حسن خواجه الحسين الصديقي: Рукопись ЛФ ИВ РАН. В 2504. Л. 416; То же.: جامع المقامات تآ ابوالبقاء: Рукопись ИВ АН РУз. № 3757. Л. 526; ابن خواجه بهالدين بن مخدوم اعظم سلسله الصادقين و انيس: Рукопись ИВ АН РУз. № 72. Л. 135а; То же.: العاشقين تآ دوست محمد بن نوروز الكيشي: Рукопись ИВ АН РУз. № 4271. Л. 1486; لمحات من تفحات القدس تآ محمد العالم الصديقي العلوي: Рукопись ЛФ ИВ РАН. С 1492. Л. 706; То же. С 1602. Л. 616; سعديه تآ حسين بن مير حسين الحسيني السرخسي: Рукопись ИВ АН РУз. № 1439. Л. 17а; ظفر نامه تآ مقیمی: Рукопись Отдела востоковедения и письменного наследия АН РТадж. № 579. Л. 73а.

половине XVII в. они даже подняли ханом казахского Ашим (Ишим, Есим)-султана. Судя по тюрко- и персоязычным источникам, совместные выступления казахов и киргизов, при руководящей роли казахов, продолжаются на протяжении XVI, XVII и первой половины XVIII в.²⁷, а их совместные действия распространяются даже на Яркенд и Сары-Кол. Для второй половины XVI в., так же как и для XVII и XVIII вв., в персоязычных нарративных источниках становится обычным упоминание киргизов и казахов рядом. Этнонимы эти, употребленные вместе (قزاق و قرغيز *қырғыз вә қазақ*, т. е. “киргизы и казахи”), начинают восприниматься не как два различных термина, соединенные союзом, а как единый, неразложимый термин²⁸. Именно такое употребление этих терминов, по всей вероятности, и является источником возникновения русского термина *киргиз-кайсаки*²⁹.

Следующим аспектом внешнеполитической истории казахского народа, вскрываемым на материалах персо- и тюркоязыч-

²⁷ См., например, جلیس مشتاقین تا مولوی شاه محمد بن مولانا : Рукопись ЛФ ИВ РАН. А 232. Л. 46аб, 60а. О рукописи см.: Миклухо-Маклай Н. Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. 2. Биографические сочинения. М., 1961. С. 121—123.

²⁸ جلیس مشتاقین : Рукопись ЛФ ИВ РАН. А 232. Л. 16б, 48а, 60б; ظفر نامہ تا مقیمی : Рукопись Отдела востоковедения и письменного наследия АН РТадж. № 579. Л. 38б, 56б.

²⁹ См. такое употребление этих этнонимов в подлиннике “Письма султанов и биев Большого жуза на имя имп. Анны с просьбой о принятии их в российское подданство” от 1733 г.: اولوغ یوزنینک قرغیز : *улуг йүзнің қырғыз-қазақының бийлерідін* “от биев киргиз-казахов (т. е. киргизов и казахов. — В. Ю.) Старшего Жуза”, что в русском переводе XVIII в. звучит как “киргиз-кайсацкой Большой орды князья, беки”. См.: Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.: (сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961. С. 101—103. В данном случае достаточно наглядно выступает зависимость русского термина *киргиз-кайсацкий* от казахского قزاق قرغيز *қырғыз-қазақ*. Заметим, кстати, что в восточных источниках термин قزاق قرغيز // قزاق قرغيز прилагается к населению Семиречья, т. е. к союзным казахам и киргизам.

ных источников, являются его взаимоотношения с могулами Семиречья. Связи населения Дашт-и Кипчака с могулами Семиречья восходят к ранним периодам вскоре после монгольского завоевания. Известно, что могулы и узбеки Дашт-и Кипчака в зимнее время совершали по льду Балхаша, который служил границей между их владениями, взаимные набеги. В XV в. калучи, булгачи и ряд других могульских племен уходили в Туркестан к Абу-л-Хайр-хану.

Началом непосредственных взаимоотношений между казахами и могулами явилась откочевка Гирея и Джанибека в 1465/1466 г. в Семиречье на Чу и Козы-Баши. Казахи, спасаясь от Абу-л-Хайр-хана, прибыли в эту местность по приглашению могулистанского хана Исан-Бути, который таким путем создал между собой и соперничающим с ним его старшим братом Султан Юнус-ханом буферный заслон. В этот момент взаимоотношения могулов и казахов носили характер вассалитета последних к первым.

После смерти Абу-л-Хайр-хана казахи начинают борьбу против шайбанидов за обладание присырдарьинскими городами. В процессе этой борьбы они вовлекаются в сложные политические взаимоотношения с могулами и начинают с ними борьбу за Семиречье. Подорванное изнутри сепаратистскими устремлениями государство могулистанских ханов-чагатаидов не могло устоять против совпавших по времени ударов казахов, действовавших в союзе с киргизами, узбеков-шайбанидов и ойратов. Остатки могулов уходят в Восточный Туркестан, создают там довольно сильное и стабильное государство в начале XVI в. (1514 г.) и вновь начинают борьбу за территорию современной Киргизии и Семиречья. Однако эта борьба, длившаяся в течение нескольких десятилетий с переменным успехом, закончилась для могулов Восточного Туркестана неудачей. И Семиречье, и территория современной Киргизии оказались в руках союзных казахов и киргизов.

В начале XVII в. взаимные распри могульских чагатаидов вынуждают их обратиться за помощью к казахским ханам: чагатаиды Яркенда устанавливают тесные взаимоотношения с

казахским ханом, правителем Ташкента Турсуном, а чагатаиды Чалыша и Турфана — с Есимом и рядом находившихся при нем султанов. Еще в XVI в. в Восточный Туркестан переселился один из казахских султанов с подвластными ему людьми из племени катаган. В источниках есть сообщение (“Шаджарайи турк ва могул” Абу-л-Гази) об убийстве в 1628 г. Есим-ханом Турсун-хана и истреблении катаганов³⁰. По-видимому, столь легкое истребление этого племени было обусловлено его малочисленностью, которая может быть объяснена уходом какой-то, возможно значительной, их части в Восточный Туркестан. Эти катаганы под руководством своих султанов встречались в боях в Кашгарии с казахами Есима.

Есим и ряд султанов со значительными массами казахов в течение ряда лет находились на территории Восточного Туркестана. Скорее всего, Есим был соправителем чагатаида Абд-Рахима, правившего в это время в Чалыше и Турфане. На это есть указания, правда не совсем отчетливые, в источниках. В дальнейшем казахи Есима через Киргизию возвращаются в присырдарьинские города. Сама свобода их перемещения через территорию, занимаемую киргизами, не может не говорить о ха-

---

³⁰ Такова версия, содержащаяся в названном сочинении Абу-л-Гази-бахадур-хана и принятая специалистами. Имеется, однако, другая версия убийства Турсун-хана. Согласно ей, Турсун-хан препятствовал среднеазиатским шейхам в получении доходов с мюридов на Сырдарье, за что был проклят Мухаммад ал-Алимом ас-Сиддики ал-Алави (Хазрат Азизаном), который жил в селении Алибад под Самаркандом. Через некоторое время “Шуджа ад-Дин Рахим-бек, сын квинтэссенции эмиров Абд ас-Самад-бий кенегеса, отрезал голову Турсун-султана казаха и прислал [ее] из Ташкента Хазрат Азизану”. Сообщается, что голова Турсун-хана была доставлена в Алибад в последней декаде месяца рамазана, а точнее 28 числа. По-видимому, можно утверждать, что убийство Турсун-хана было инспирировано среднеазиатскими суфийскими пирами. См.: *سيرت تا فتح الله بن خواجه عبدالباسط الصديقي* : Рукопись ЛФ ИВ РАН. С 1602. Л. 132аб. О рукописи см.: *Миклухо-Маклай Н. Д.* Указ. соч. С. 136—137.

рактуре казахско-киргизских взаимоотношений в этот период: казахи были в союзе с киргизами и в этом союзе господствовали.

Наконец, источники сообщают о прибытии в Восточный Туркестан посольства от казахского хана Джахангира (Джангера). Во главе этого посольства стоял Тауке, тогда еще султан. В ответ на это посольство могульские чагатаиды снарядили посольство к Джахангиру. По-видимому, эти посольства были не единственными. Как известно, Джахангир и его сын Тауке провели жизнь в борьбе с джунгарами. Представляется в значительной мере вероятным предположение, что этот обмен посольствами должен был оформить военно-политический союз казахов с могулами против джунгаров. В это время могулы часто испытывали на себе удары джунгаров, и им важно было заручиться поддержкой казахов.

Политические союзы между казахами и могулами обычно закреплялись династическими браками. В истории Восточного Туркестана известно несколько казашек джучидского происхождения среди жен ханов и султанов-чагатаидов. Некоторые из них играли значительную роль в политической жизни Могулии — так называлось государство могульских ханов-чагатаидов в Восточном Туркестане. Одной из таких женщин была в середине XVII в. Казах-ханым, решавшая, кому быть на троне в Кашгарии.

Как видно из вышеизложенного, история казахско-могульских взаимоотношений — это важная страница в истории обоих народов. История взаимоотношений казахов и могулов второй половины XVI—XVII в. фактически еще не исследовалась, хотя по справедливости этим связям должно быть уделено серьезное внимание, так как в их характере и формах нашли отражение многие стороны основных направлений внешней политики обоих народов.

Несколько особняком среди прочих персо- и тюркоязычных сочинений стоят тюркоязычные “Хивинские хроники”, из которых в МИКХ помещены извлечения из “Фирдаус ал-икбал” Муниса и Агахи. Будучи посвященными внутри- и внеш-

неполитической истории Хивы XV—XVIII вв., они раскрывают широкое участие представителей династии казахских ханов в политической жизни этого государства. Многие из казахских султанов возводились в Хиве на ханский престол. В связи с этим на территории Хивинского ханства оказывались определенные группы казахского населения. Чередой проходят перед читателем казахские ханы на престоле Хивы. Многие из них были марионетками в руках владетельной верхушки хивинских узбеков, хотя некоторые и пытались обрести полноту власти. Казахско-хивинские взаимоотношения — это фактически неисследованная сторона политической жизни казахов в течение нескольких веков. Этим и объясняется важность публикации материалов из “Хивинских хроник”.

Казахско-джунгарские взаимоотношения освещаются в агнографическом сочинении “Ислам-наме”. Эти известия говорят о том периоде казахско-джунгарских отношений, когда казахи в середине XVIII в. в результате развала Джунгарского ханства смогли под руководством хана Аблая взять реванш за годы “Ак табан шубрынды”. Эти известия удачно налагаются на сообщения иноязычных сочинений и будут в определенной мере способствовать раскрытию характера казахско-джунгарских отношений накануне полного разгрома Джунгарского ханства.

Казахско-каракалпакские отношения также нашли отражение в мусульманских источниках. Сведения о них немногочисленны, но очень ценны, так как относятся к XVI—XVII вв., т. е. ко времени, от которого о каракалпаках дошло очень незначительное количество известий. В одном из документов, перевод которого помещен в МИКХ, читатель узнает о совместном проживании казахов и каракалпаков в окрестностях Сыгнака. О борьбе казахских ханов Бахадур и Ишима со ставленником каракалпаков Лжеабд ал-Гаффаром за Туркестан, Ташкент и Фергану в 1012—1013 г. х., т. е. 1603—1605 г. н. э., говорилось выше. В “Тарих-и Шайбани” имеется еще одно сообщение о союзных отношениях и совместных действиях казахов и каракалпаков: “...каракалпакский народ в дни правления, отмеченного

признаками державной власти хакана (Абдаллах-хана II. — В. Ю.), выдвинул некое лицо, которое в общем имело внешнее сходство с Шайхим-султаном, распространил среди народа известие о том, что это Шайхим-султан, доставил к Абу-Лайс-султану казаху и провозгласил его государем. Несколько раз они совершали набеги на окрестности и близлежащие местности Самарканда. Наконец ложь его стала явной, ему отрезали голову, как барану, и избавили себя от [источника] того беспокойства³¹.

Скупые известия о каракалпаках говорят, что этот народ в XVI—XVII вв. вел упорную борьбу за самостоятельность и установление своего господства в отдельных районах Средней Азии. Иногда ему на короткий срок это удавалось. Интересы каракалпаков переплетались с интересами соседних народов, в том числе казахов, что и побуждало их действовать совместно или выступать друг против друга.

Таким образом, известия тюрко- и персоязычных источников по внешнеполитической и военной истории казахского народа дают возможность довольно четкого реконструирования основных направлений внешней политики самостоятельного казахского государства за период XV — первой половины XVIII в. Сами факты политической истории не только являются объектом самостоятельного интереса, но и, несомненно, дадут возможность через явления надстроечного характера осознать явления базисного характера. В этом их исключительное значение, так как прямые свидетельства об экономике и социально-экономических отношениях в казахском обществе немногочисленны, хотя и очень ценны.

Сведения персо- и тюркоязычных сочинений имеют неопценное значение как источник по этнической истории. Эти известия говорят о том, что еще в XIV в. на территории Восточного Дашт-и Кипчака складывается этническая общность, обозначаемая термином *узбек*. Можно утверждать, что в XIV в.

³¹ تازیخ شیبانی : Рукопись ИВ АН РУз. № 1505. Л. 59а.

в Восточном Дашт-и Кипчаке уже сложилась народность, называемая вышеприведенным термином. В состав этой народности входили и мангыты.

В дальнейшем откочевка в 1465/1466 г. части узбекских родов в Семиречье привела к политическому разобщению узбеков, по-видимому, ранее довольно прочно объединенных. Откочевавшие узбеки приняли к своему самоназванию уточняющее слово *казақ*, приобретя тем самым название *узбек-и казақ*, т. е. *узбеко-казаки*³². Оставшиеся в Дашт-и Кипчаке узбеки стали называться *узбек-и шайбан*, т. е. *узбеки-шайбановцы*, подчеркивая тем самым свою политическую принадлежность. Однако и те и другие были узбеками, продолжали оставаться этнически одним и тем же, что выражалось хотя бы в том, что родовые подразделения свободно перемещались из одной группы в другую. В дальнейшем эти сложные термины пережили сокращение, и *узбеки-шайбановцы* продолжали именоваться просто *узбек*, а *узбеко-казаки* — просто *казақ*.

Однако эти названия были только политическими антиподами. В дальнейшем распространение власти казахских ханов на территорию всего Восточного Дашт-и Кипчака привело к переходу к казахам основной массы узбекских родов, которые тоже стали именоваться казахами, а часть родов ушла в Мавераннахр, унеся с собой этноним *узбек*. Лишь раздельное проживание этих двух групп в течение длительного времени привело их к этническому обособлению.

Если резюмировать эти показания восточных источников, то напрашивается вывод, что в Восточном Дашт-и Кипчаке по политическим причинам произошло переименование уже сложившейся народности; уход части родов не мог повлиять на характер этнических процессов в казахских степях. Он привел лишь к количественному сокращению населения степей, что, по-видимому, диктовалось не столько политическими факторами, сколь-

³² Ср.: История Узбекской ССР (с древнейших времен до середины XIX века). Т. 1. Ташкент, 1967. С. 506.

ко сокращением общей площади производства в результате естественного возрастания численности населения и увеличения поголовья скота³³. Следовательно, уход части узбекских родов из Дашт-и Кипчака в Среднюю Азию был лишь эпизодом в этни-

³³ Мирза Мухаммад Хайдар доглат, автор "Тарих-и Рашиди", сообщает, что в разное время у казахского хана Тахира численность войска достигала 1 млн, 400 тыс., 200 тыс. человек. Уменьшение его связывается с противодействием мангытов, под чем, по-видимому, имеется в виду уход части племен, подвластных казахским ханам, к мангытам. Если допустить, что один воин выставлялся от 5—7 человек, то максимальная численность подданных казахских ханов могла достигать цифры в 5—7 млн человек. Захир ад-Дин Мухаммад Бабур говорит о трехсоттысячном войске казахского хана Касима. Но ведь помимо Касима у казахов были другие султаны и даже лица, одновременно с Касимом носившие титул хана. Поэтому можно предположить, что Бабур дает не общую численность казахского войска, а только численность воинских контингентов, находившихся в непосредственном подчинении Касима (Бабур-наме — Записки Бабура / Пер. М. Салье. Ташкент, 1958. С. 22). Мы не знаем, каким образом современники подсчитывали количественный состав казахского войска, являвшегося типичным ополчением, которое формировалось, разумеется, на основе племен и родов. Однако мы знаем, что степное легкоконное ополчение, к тому же слабо вооруженное, одерживало обычно победы благодаря своей высокой мобильности и прежде всего в результате действий массовых соединений, во много раз превосходящих численно и хорошо вооруженных, в том числе тяжелым и огнестрельным оружием, но сравнительно малочисленные войска оседлых районов. Победы правителей Мавераннахра над соперниками из Восточного Дашт-и Кипчака обычно одерживались тогда, когда они противопоставляли кочевникам такие же массовые кавалерийские соединения, однако лучше вооруженные, более дисциплинированные и владеющие более высокими тактическими навыками ведения ближнего боя и искусством оперативно-стратегического решения задач кампании. Возможно, подсчет казахского войска велся по *санам*, или *тум'анам* (1 *сан*, или *тум'ан*, равен 10 тыс. человек), которые выставлялись племенами. Воинские же контингенты племен в *санах*, вероятно, подсчитывались по традиции и в действительности не соответствовали номиналу, отклоняясь в ту или иную сторону. Каков бы ни был способ подсчета, цифру в 5—7 млн человек абсолютно нереальной считать нельзя, так как территория Казахстана, в исторически максимальном исчислении, прокормить такое количество населения, даже в условиях экстенсивного

ческой истории населения казахских степей, не затронувшим качественной стороны этнического состояния кочевников-скотоводов Восточного Дашт-и Кипчака, которые минимум за два века до этого сложились в народность, а в конце XV и в начале XVI в. переименовались в казахов.

В работах некоторых ученых прослеживается не сформулированная, но ясно выраженная тенденция считать, что узбеки и казахи еще до выселения узбеков в Мавераннахр вели в степях раздельное существование как два различных этнических коллектива, что уход узбеков в Мавераннахр был лишь территориальным перемещением целостного этнического организма. Это ошибочная точка зрения, опровергающаяся свидетельствами источников, извлечения из которых публикуются в МИКХ. Уход узбеков в Среднюю Азию — это уход осколка единой народности Восточного Дашт-и Кипчака, вызванный причинами не этнического, а экономического и политического характера, это уход в Мавераннахр осколка казахской народности, если ретроспективно распространить на узбеков термин “казах”.

Извлечения из персо- и тюркоязычных сочинений ценны и своими сведениями о родоплеменном составе. При именах сподвижников ханов обычно сообщается их племенная принадлежность. Иногда приводятся целые списки имен с указанием на то, из какого рода происходят их носители. В особенности обильны эти известия в отношении сподвижников шайбанидов. Только в этом смысле можно говорить о наличии в привлекаемых источниках

кочевого скотоводческого хозяйства, вполне могла. Политическая обстановка не давала возможности максимального освоения площади производства, что при возрастании числа населения до нескольких миллионов человек создавало недопустимую плотность населения на одной единице полезной площади. Это обстоятельство и диктовало необходимость оттока избыточного населения. Если даже допустить, что данные Мирза Мухаммад Хайдар доглата и наши подсчеты на их основе преувеличивают численность казахского войска и населения, то и тогда следует признать, что сама цифра в 1 млн человек войска должна была подчеркнуть необычно многочисленное население казахских степей.

списков родов и племен. Сообщения эти позволяют уточнить родоплеменной состав населения Дашт-и Кипчака до выселения узбеков в Мавераннахр. Анализ этих терминов показывает, что многие родоплеменные подразделения оказались разорванными на части между узбеками и казахами. Перечисление родов и племен могулов позволяет уточнить этнические связи казахов и могулов. Устанавливается, что значительную часть родов и племен Старшего жуза составляют могульские родоплеменные единицы. Это верно прежде всего в отношении племен канглы и дулат. Сюда могут быть отнесены также такие племена, как керей, курлаут и ряд других.

Источники позволяют уточнить особенности государственного устройства политических образований Восточного Дашт-и Кипчака. Упоминание в источниках таких терминов, как *хан, султан, оглан, бий, бек, эмир, нойан, аталык, атеке, кукельташ, сынчи, диван* и других позволяет в общих чертах вскрыть особенности административного устройства государственных объединений кочевников-скотоводов. Упоминание названий некоторых налогов позволяет в какой-то мере уточнить систему изъятия прибавочного продукта в пользу степных феодалов.

Быт казахов, их общественный строй, хозяйство, торговля, военная организация также нашли отражение в привлекаемых "мусульманских" сочинениях. Уникальные известия такого рода содержатся в "Михман-наме-йи Бухара" Фазлаллах бен Рузбихана Исфахани. Другой персоязычный источник, давая карикатурную зарисовку казахов и казахского войска Шалым (Чалым)-хана и его трех сыновей, прибывших из Сузака в 1580 г. к Сайраму на помощь Баба-султану против Абдаллах-хана и подвергшихся разгрому и истреблению в результате коварного нападения того же Баба-султана с последующим погромом и грабежом "окрестностей Казахстана" (نواحی قزاقستان), находившихся под управлением Хакк-Назар-хана и его сыновей, например Сафи-султана (صفی سلطان), сообщает, что казахи не знали хлеба и основной пищей их были кумыс (قَمیز) и курт (قروت), одеждой им служили нагольные шубы — йаргак (یرغاق, каз.

жаргақ), основным оружием их были ивовые палки, под которыми имеется в виду, наверное, обычный *сойыл* казахских скотоводов³⁴. Источник специально подчеркивает, что иного оружия казахи не знали, что, конечно, является преувеличением предубежденного и недружелюбного информатора. Казахское войско, разумеется, имело на вооружении все те виды оружия, которым обладали среднеазиатские войска, но правдой является также и то, что в степях всегда было мало хорошего оружия. В изображении Муками, автора вышеупомянутого источника, казахи и казахское войско выглядят как типичные кочевники, какими они изображаются источниками и более раннего времени. Описание казахского войска, данное Муками, находит аналогию в изображении казахов, известном из “Шараф-наме-йи шахи” Хафиз Таныша Бухари³⁵, что, вероятно, может служить доказательством того, что “Зафар-наме” Муками было одним из источников при написании Хафиз Танышем его сочинения, так как “Зафар-наме” Муками написано за несколько лет до “Шараф-наме-йи шахи”.

Не приходится уже говорить о том, что весьма значительное место в этих сочинениях занимают известия об идеологии казахского общества XV—XVIII вв., о наличии у казахов шаманистских воззрений и культов, о путях проникновения и насаждения ислама и о деятельности среди казахов среднеазиатских суфийских орденов, о поисках среднеазиатскими шейхами убежища в кочевьях казахских ханов, о том, что казахи, которых среднеазиатские богословы особой фетвой, по-видимому, под давлением Мухаммад Шайбани-хана, объявили отступниками от веры, что давало возможность последнему брать их в плен, обращать в рабство и продавать, были давними мюридами среднеазиатских шейхов.

³⁴ ظفر نامه تا مقیمی : Рукопись Отдела востоковедения и письменного наследия АН РТадж. № 579. Л. 736.

³⁵ См. извлечения из “Шараф-наме-йи шахи” (“Абдаллах-наме”) Хафиз Таныша Бухари в МИКХ, а также: *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть 2. Спб., 1864. С. 288, 340.

Например, Касим-хан был последователем бухарского шейха Абу Бакр Сада (умер в 970/971 г. н. э.) и принимал у себя в 1512 г. спасавшегося бегством от Бабура и персов Ходжа Ислама, знаменитого джуйбарского шейха³⁶. Сочинения персо- и тюркоязычных авторов донесли до наших дней известия о том, что казахи приводили из степей и ставили в конюшни к среднеазиатским шейхам своих коней, чтобы таким путем приобщиться к их святости, делали крупным представителям мусульманской церкви в Средней Азии богатые дары и подношения; о том, что казахские ханы и султаны настойчиво проводили вполне определенную линию насаждения ислама среди подвластного им населения, хорошо ориентировались в сложной и пестрой картине переплетения интересов, борьбы и взаимной терпимости среднеазиатского, официального, ортодоксального суннитского ислама, многочисленных суфийских течений и тесно сплоченных корпораций сеидов, или ходжей, “потомков Мухаммада”, преследуя тем самым далеко идущие социально-политические цели. Мало того, казахские ханы проводили активную идеологическую политику, занимая лояльную позицию в отношении некоторых суфийских орденов, поддерживая их в противовес другим, опираясь на них и используя их в своих целях. Известен даже религиозный деятель из среды казахов XVI в. — Маулана Мухаммад казах Рабатегги³⁷.

Таковы, в общих чертах, исторические известия о казахском народе в персо- и тюркоязычных сочинениях, извлечения из которых помещены в МИКХ, а также и в тех, перево-

³⁶ Вяткин В. Л. Шейхи Джуйбари. I. Ходжа Ислам // Сб. *عقد الجمان* В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики, почитатели. Ташкент, 1927. С. 4, 6–7; *مطلب الطالبين تآ ابوالعباس محمد طالب*: *بن تاج الدين حسن خواجه الحسين الصديقي* В 2504. Л. 416–42а. О рукописи см.: *Миклухо-Маклай Н. Д.* Указ. соч. С. 143–144.

³⁷ *سراج السالكين و لطايف العارفين تآ محمد رحيم* В АН РУз. № 629. Л. 125б; *Бартольд В. В.* Киргизы: Исторический очерк. Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 517.

ды из которых в этот сборник не включены. Вышеизложенное, разумеется, не может дать полную картину того, что восточные “мусульманские” источники сообщают об историческом пути казахского народа на протяжении XV—XVIII столетий; многие “мелочи” и важные факты просто не были упомянуты, так как раскрыть их можно только в специальных исследованиях. Важны эти известия не только для историков. Они, несомненно, привлекут внимание специалистов других профилей. Сборник, по всей вероятности, будет полезен и специалистам, изучающим соседние народы, так как содержит немало интересных известий из истории киргизов, уйгуров, народов Средней Азии. Сейчас трудно предугадать, в каких целях и в какого рода исследованиях материалы сборника будут использоваться, так как они во многих случаях являются уникальными и лишь они могут осветить многие неясные стороны прошлого казахов.

* * *

Персо- и тюркоязычные нарративные источники по истории казахского народа XV—XVIII вв. уже служили предметом изучения. Пионером их исследования был В. В. Вельяминов-Зернов³⁸. Его переводы из этих источников и их анализ, хотя они и устарели в какой-то мере, сохранили в основном свое значение и до наших дней. Ни один исследователь истории казахского народа не может пройти мимо них, так как в таком случае его исследование неизбежно будет страдать определенной неполноценностью и он рискует попасть в число “открывателей Америки”. В. В. Вельяминов-Зернов перевел на русский язык и опубликовал изрядное количество текстов из таких сочинений, как “Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад Хайдар доглата, “Тарих-и аламара-йи Аббаси” Искандара-мунши, “Шараф-наме-йи шахи” (“Абдаллах-наме”)

³⁸ Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч.

Хафиз Таныша Бухари, “Джами ат-таварих” Кадир-Али-бий бен Хушум-бий джалаира и другие. Работа составителей и исполнителей МИКХ была благодаря этому в значительной степени облегчена, так как они могли опереться на определенную традицию. Полностью текст “Тарих-и Рашиди” был переведен Е. Denison Ross’ом и издан N. Elias’ом на английском языке³⁹.

Отрывки из персо- и тюркоязычных сочинений были опубликованы в переводах В. В. Вельяминова-Зернова и в новых переводах в пособии для исследователей и студентов, вышедшем в свет под редакцией профессора С. Д. Асфендиарова и профессора П. А. Кунте⁴⁰. Работа В. В. Вельяминова-Зернова давно уже стала библиографической редкостью, так как издана столетие назад. Трагическая судьба С. Д. Асфендиарова сказалась и на судьбе его трудов, в том числе и вышеназванного пособия: они были изъяты из общего пользования и сейчас представляют собой такую же, если не большую, библиографическую редкость, как и работа В. В. Вельяминова-Зернова. В этом пособии были помещены отрывки из “Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад Хайдар доглата, “Тарих” Шах Махмуда бен Мирза Фазил чораса, “Раузат ас-сафа” Хондемира, “Михман-наме-йи Бухара” Рузбихана, “Зубдат ал-асар” Абдаллах бен Мухаммада бен Али Насраллахи, “Абдаллах-наме” Хафиз Таныша, “Тарих-и аламара-йи Аббаси” Искандара-мунши, “Шаджара-йи турк ва могул” Абу-л-Гази и “Джами ат-таварих” Кадир-Али-бий бен Хушум-бий джалаира.

³⁹ The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia. An English version, edited with commentary, notes and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross. London, 1895.

⁴⁰ Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1. (V в. до н. э. — XVIII в. н. э.) / Под ред. проф. С. Д. Асфендиарова и проф. П. А. Кунте. Москва; Алма-Ата, 1935.

Немало переводов из персо- и тюркоязычных нарративных источников сделал безвременно скончавшийся в 1960 г. историк С. К. Ибрагимов⁴¹. Им опубликованы отрывки из “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”, “Шайбани-наме” Бинаи, “Тарих-и Абу-л-Хайр-хани” Масуд бен Усмана Кухистани, “Зубдат ал-асар” Абдаллах бен Мухаммада бен Али Насраллахи, “Тарих-и Кашгар”.

Этими именами, пожалуй, и исчерпывается список тех лиц, которые внесли свой вклад в популяризацию персо- и тюркоязычных источников по истории казахского народа XV—XVIII вв. Немало исследователей, касавшихся в своих трудах средневековой истории казахского народа, самостоятельно пользовались восточными источниками. К ним прежде всего должны быть отнесены В. В. Бартольд, С. Д. Асфендиаров, П. П. Иванов, А. А. Семенов. Однако большинство специалистов пользуется вышеперечисленными публикациями переводов источников на русский язык. Если учесть, что эти переводы далеко не полны, что многие из них давно стали библиографической редкостью, язык их устарел, они содержат много ошибок, то станет ясным, что давно уже назрел вопрос о новом издании свода переводов из персо- и тюркоязычных источников.

⁴¹ *Ибрагимов С. К.* Некоторые источники по истории Казахстана XV—XVIII вв. // Вестник АН КазССР. 1956. № 9. С. 51—60; *Он же.* Сочинение Масуда бен Османи Кухистани “Тарихи Абулхайр-хани” // Изв. АН КазССР. Серия ист., арх. и этн. Вып. 3 (8). 1958. С. 85—102; *Он же.* “Шейбани-наме” Бенаи как источник по истории Казахстана XV века // Тр. сектора востоковедения АН КазССР. Т. 1. 1959. С. 190—207; *Он же.* Некоторые данные к истории казахов XV—XVI веков // Изв. АН КазССР. Серия ист., эконом., филолог., права. Вып. 3. 1956. С. 107—113; *Он же.* Қазақ тарихының кейбір жана деректері жөнінде // Изв. АН КазССР. Серия ист., арх. и этн. Вып. 1 (9). 1959. С. 75—78; *Он же.* Новые материалы по истории Казахстана XV—XVI вв. // История СССР. 1960. № 4. С. 152—158; *Он же.* “Фатухат-хани” Бинаи как источник по истории Казахстана второй половины XV в. // XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, М., 1960.

МИКХ представляют собой такой свод. Сразу же, однако, следует оговориться, что в него вошли извлечения только из части сочинений, о которых нам известно, что они содержат известия по истории казахского народа лишь XV—XVIII столетий. В их числе и такие, переводы из которых уже печатались, и такие, содержание которых до сих пор оставалось или мало, или совсем неизвестным. К первым принадлежит, например, “Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад Хайдар доглата. Извлечения из этого и других хорошо известных сочинений даются в новом уточненном переводе. Правда, старые переводы из “Тарих-и Рашиди” на русский язык охватывают не весь комплекс известий о казахах. В особенности это относится к первому дафтару сочинения. Ко вторым принадлежат “Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф” анонимного автора, “Ислам-наме” Молла Абд ал-Алима и другие. По разным причинам (недоступность ряда сочинений, недостаток времени и квалифицированных кадров, недавняя или предстоящая полная публикация переводов некоторых сочинений и т. д.) не были привлечены сведения ряда хорошо известных в научных кругах сочинений, таких, как “Бабур-наме” Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, “Раузат ас-сафа” Мирхонда, “Шаджара-йи турк ва могул” Абу-л-Газибахадур-хана, “Тарих-и аламара-йи Аббаси” Искандара-мунши, “Михман-наме-йи Бухара” Фазлаллах бен Рузбихана Исфакхани, “Джами ат-таварих” Кадир-Али-бий бен Хушумбий джалаира, “Футухат-и хани” Бинаи, “Тазкира-йи азизан” Мухаммад Садика Кашгари и другие.

К настоящему времени нам стали известны еще несколько сочинений на персидском и тюркских языках, которые в разной мере могут быть использованы для изучения истории позднего казахского средневековья. Среди них такие светские хроники и поэмы, как “Тарих-и Шайбани” анонимного автора, “Чингизнаме” Утемиша-хаджи, “Имамкули-хан-наме” Сухайла, “Зафарнаме” Муками, “Зафарнаме” Бадр ад-Дина ал-Кашмири и другие. К числу агиографических сочинений относятся “Садийа” Хусайна ас-Сарахси, “Раузат ар-ризван ва хадикат ал-гилман”

Бадр ад-Дина ал-Кашмири⁴², “Зийа ал-кулуб” Мухаммад Аваза⁴³, “Джами ал-макамат” Абу-л-Бака, “Матлаб ат-талибин” Мухаммад Талиба ас-Сиддики, “Ламахат мин нафахат ал-унс” Шайх Алим-азизана и т. д.

Как видно из этого перечня, неиспользованных сочинений довольно много. Извлечения из них могли бы составить второй том МИКХ. Работа эта, по-видимому, будет осуществлена.

Среди вышеперечисленных источников совершенно особое место занимает агиографическая литература, которая востоковедами до последнего времени привлекалась крайне слабо, хотя и известно, что в мусульманских житиях святых содержится обильный, подчас уникальный и совершенно своеобразный исторический материал. Изучение житийной литературы показало, что она хранит в себе значительные известия по истории казахского народа XV—XVIII вв. По нашему убеждению, именно агиографические сочинения являются наиболее перспективным разрядом нарративных источников, которые и в дальнейшем будут активно пополнять фактические данные по позднему казахскому средневековью. В сочинениях, скрывающихся под ничего не говорящими читателю религиозными названиями с почти или совершенно неизвестными авторами, плохо или совсем не описанными в опубликованных каталогах восточных рукописей или в рабочих картотеках востоковедных учреждений, таятся крупницы (а иногда и многие страницы) замечательных известий о казахском народе, выявить которые, собрать и ввести в научный оборот является одной из насущных и почетных задач историков казахского народа.

⁴² Материалы этого сочинения для освещения казахско-среднеазиатских отношений впервые использовал М. А. Абдураимов в “Очерках аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в.”. Ташкент, 1966.

⁴³ Извлечения известий “Зийа ал-кулуб” о казахам опубликованы нами. См.: Юдин В. П. Известия “Зийа ал-кулуб” (ضياء القلوب) Мухаммад Аваза о казахам XVI века // Вестник АН КазССР. 1966. № 5 (253). С. 71—76.

Мы не говорим уже о том, что поисковая работа, прежде всего в архивах Ташкента, а также на местах, позволит, вероятно, выявить в будущем немало и актов, вышедших из канцелярий казахских ханов, когда они владели Ташкентом и городами на Сырдарье. Немало, по-видимому, может быть собрано и документов этого периода из казийских канцелярий и прочих актов, регулировавших частнопроводимые отношения населения Туркестана XVI—XVII вв. Вовлечение таких документов в научный оборот сможет привести к совершенно неожиданным выводам социально-экономического порядка в казахских владениях в Туркестане.

Как видно из изложенного, МИКХ полностью не решают задачу вовлечения в научный оборот сведений персо- и тюркоязычных авторов по истории казахского народа XV—XVIII вв. Такая задача перед исполнителями и не ставилась. Они пытались довести до читателя лишь самые необходимые ему или доступные исполнителям известия. Полнейшее обнародование таких известий — дело будущего. В ближайшее же время новые сведения будут, вероятно, публиковаться в научной периодике в виде извлечений из отдельных сочинений. Таковы перспективы изучения персо- и тюркоязычных нарративных и документальных источников.

О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами

Могулы, игравшие важную роль в XIV—XVII вв. в истории народов Центральной Азии, сошли с исторической арены, потеряв свою государственность и исчезнув как этнический коллектив. Работ, посвященных им непосредственно, мало, история их рассматривалась, как правило, попутно, в связи с изучением исторических судеб других народов. Лучшая работа — это брошюра акад. В. В. Бартольда “Очерк истории Семиречья”, но и в ней могулам отведен лишь один раздел. В целом он конспективен и отчасти уже устарел. Между тем история могулов — это большая самостоятельная проблема. Без ее разрешения не могут быть правильно поняты многие стороны исторического процесса в Центральной Азии. Одним из важных вопросов истории могулов является их этническое взаимодействие с казахами, киргизами и другими народами.

Родоплеменной состав могулов

Сведения о могульских родах и племенах, содержащиеся в персо- и тюркоязычных нарративных источниках, довольно скуд-

ны. К тому же они рассеяны по целому ряду сочинений. Только сведение их воедино может воссоздать приблизительную картину родоплеменного состава могулов. Основными источниками являются “Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад Хайдар доглата, “Тарих” Шах Махмуда бен Мирза Фазил чораса и “Тарих-и Кашгар” анонимного автора. Помимо этого, для XIV и XV столетий такие сведения, обычно повторяющие друг друга, содержатся в сочинениях Хафиз-и Абру, Шараф ад-Дина Али Йазди, Низам ад-Дина Шами, Абд ар-Раззака Самарканди, Мирхонда и Хондемира. Ниже мы приводим названия могульских родов и племен и даем по каждому из них краткие сведения, которые могут быть извлечены из этих сочинений.

Кераит (کرایت). Аймак под таким названием в числе других был отправлен Туглук-Тимур-ханом (умер в 1362/63 г.) для завоевания Мавераннахра¹. Против кераитов в район Алматы посылал войско Эмир Тимур². Во время похода Улугбека в Могулистан (начался 17.II 1425 г.) в районе Йанги-Тараза был обнаружен Ибрахим, сын Тук-Тимура, один из предводителей аймака кераит³. Других сведений об аймаке кераит в составе могулов в источниках нет. Из сообщения Махмуда чораса о том, что в случае движения могульского войска на север или запад командование передавалось эмирам правого крыла, а из их числа — эмирам племен чорас, дохтуй и кераит⁴, не ясно, было ли в то время (конец XVI — начало XVII в.) в составе могулов племя кераит, или же автор сообщает сведения о когда-то существовавшем обычае.

¹ A History of the Moghuls of Central Asia being the Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. An English version, edited, with commentary, notes and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross. London, 1898. Part I. P. 15—16. Далее — Tarikh-i-Rashidi.

² Там же. Part I. P. 39.

³ روضة الصفا تالیف محمد بن خواند شاه المعروف بمیرخواند // Бартольд В. В. Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 182.

⁴ تاریخ شاه محمود بن میرزا فاضل جراس : Рукопись Государственной библиотеки СССР. Л. 57а. Далее — Махмуд чорас.

Канглы (قانغلى) = **бекчик** (بيكچك، بيكچيك). Аймак канглы также входил в число аймаков, посланных Туглук-Тимуром для завоевания Мавераннахра⁵. Во главе его стоял Бекчик. Известно, что это имя носил купец, который помог Туглук-Тимуру на его пути из племени дохтуй в Аксу, к эмиру Пуладчи⁶. Известно также, что Туглук-Тимур возвеличил тех лиц, которые помогали ему в пути; от них пошли новые могульские племена. Со времени после смерти Туглук-Тимура из источников исчезает этноним *канглы* и вместо него появляется название нового племени — бекчик. Это заставляет нас предположить, что аймаку канглы было присвоено новое наименование — по имени владетеля племени, т. е. произошло переименование племени. “Тарих-и Рашиди” сообщает, что после смерти Вайс-хана (1428 г.) бекчики ушли от Исан-Буги, и их предводитель Мир Хакк-Берди бекчик обосновался на Кой-Суйи на Иссык-Куле, устроил своих людей на острове и начал нападать на Сайрам и Туркестан⁷. Бекчики упоминаются в списке племенных подразделений войска Султан Саид-хана⁸. В последующее время их представители действовали по всей Могулии⁹.

Аркануд, арканут (اركنوت، ارکنود). Также один из аймаков, посланных Туглук-Тимуром в Мавераннахр. В “Раузат ас-сафа” сообщается, что Улугбек во время похода в Могулистан останавливался в Аркануд-кошун¹⁰. N. Elias отождествлял это

⁵ Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 16.

⁶ Там же. P. 9.

⁷ Там же. P. 78—79.

⁸ Там же. Part II. P. 308.

⁹ Подробнее о Могулии (Восточном Туркестане) см. нашу рецензию на кн. А. М. Мугинова “Описание уйгурских рукописей Института народов Азии АН СССР” (М., 1962) в “Известиях АН КазССР. Серия общественных наук”. 1965. Вып. 2. С. 81.

¹⁰ См.: Бартольд В. В. Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 187.

племя с алакнутами и олкунутами¹¹, а Н. А. Аристов — с аргынами¹². Оба отождествления сомнительны.

Сулдуз (سولدوز، سلدوز). Сообщение об этом племени как о могульском содержится в “Раузат ас-сафа” при описании похода Улугбека в Могулистан¹³. Племя это под руководством Олджай-Тимура находилось под Йанги-Таразом.

Доглат (دوغلان، دغلات). Доглаты принимали активное участие в политической жизни Могулистана и были одним из его могущественных племен. Эмирам этого племени была передана Кашгария. Однако доглаты действовали и на других территориях. Во время смут после смерти Вайс-хана Мир Мухаммад-Шах доглат после ссоры с младшим сыном Вайс-хана Исан-Бугой ушел в Ат-Баши, а Мир Карим-Берди — также доглат — обосновался в Ала-Буга на границе с Андижаном и Ферганой¹⁴. Затем Мир Карим-Берди присоединился к старшему сыну Вайс-хана Султан Йунус-хану, правившему в северной части Могулистана¹⁵. Следовательно, отдельные ветви доглатов распространялись и на территорию Семиречья.

Чорас (چوراس، چراس، جوراس، جراس). Известно, что эмиры этого племени не соглашались принять вместе с Туглук-Тимуром ислам¹⁶. Они оспаривали у бекчиков право на первенство на войне и охоте¹⁷. После смерти Вайс-хана чорасы отказались признавать Исан-Бугу ханом и ушли к ойратам Амасанчи-тайши¹⁸. Они вновь признали власть могулистанс-

¹¹ Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 16.

¹² Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина, вып. 3 и 4, год шестой. Спб., 1896. С. 314.

¹³ Бартольд В. В. Соч. Т. 2. Ч. 2. С. 182.

¹⁴ Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 78.

¹⁵ Там же. P. 86.

¹⁶ Там же. P. 14.

¹⁷ Там же. Part II. P. 308; Бабур-наме. Записки Бабур / Пер. М. Салье. АН УзССР. Ташкент, 1958. С. 117.

¹⁸ Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 79.

ких ханов только ко времени правления Султан Ахмад (Алача)-хана¹⁹. С этого времени отдельные представители племени чорас проходят через всю историю Могулистана и Могулии.

Күрләгүт (كرلكوت). Племя зарегистрировано для времени Туглук-Тимура²⁰. Его можно отождествить с известным в истории Дашт-и Кипчака племенем курлаут (كورلاوت). “Курлауты... составляют теперь между киргизами (казахами. — В. Ю.) отделение от рода кипчак”. Род күрлеут-қыпшақ населял Тургайскую степь²¹. Отождествление N. Elias'a күрләгүтов с карлуками невозможно²².

Карлук (قارلوق، خارلوق). Представители карлуков упоминаются в составе войск Султан Саид-хана и Мирза Абу Бакра²³.

Итарчи (ايتارچی، اتارچی) = барак (براق) // акбарак (اق براق). Родоначальником эмиров племен итарчи был Арджирак, сопровождавший Хизр-хана (умер в 1399 г.) в бегах²⁴. Итарчи упоминаются в составе войска Султан Саид-хана. В дальнейшем это племя становится известным под наименованиями барак и акбарак²⁵.

Көнчи (كونچی) = сагрычи (ساغرىچی، ساغرىچی). Родоначальником эмиров племени көнчи был хорезмский купец, сопровождавший Хизр-хана в бегах²⁶. Это сообщение могло бы показаться странным, так как сведения об этом племени, как об

¹⁹ Там же. P. 121.

²⁰ Там же. P. 19.

²¹ *Бинан: Шибиани نامه* Рукопись ИВ АН РУз. № 844. Л. 16; *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 205, 659.

²² *Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 19: күрләгүт* дается как *kurlukut*.

²³ Там же. Part II. P. 309, 321.

²⁴ Там же. Part I. P. 51: ارجراك; по рукописям — ازجركراك, т. е. “[некто] из [племени] чегрек (черик?)”; о чегрек (чограк, чякряк) см.: *Бабур-наме*. С. 44, 77.

²⁵ *تاريخ كاشغر*: Рукопись ЛФ ИВ РАН. С 576. Л. 44а; далее — *Тарих-и Кашгар*.

²⁶ *Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 51.*

одном из наиболее древних, ведущем свое происхождение со времени до Чингиз-хана, сообщает еще Фазлаллах Рашид ад-Дин в “Джами ат-таварих”. Однако это недоразумение разъясняется очень легко: другие источники называют это племя термином *сагрычи*²⁷, т. е. племя кӧнчи получило второе название, которое затем за ним и закрепилось, чему в преданиях могулов и источниках придавалось значение образования нового племени. И то и другое названия имеют значение “кожевник” с более узким оттенком у сагрычи — “кожевник, производящий кожи сорта саура//сагры”. После смерти Вайс-хана это племя также ушло от Исан-Буги и скиталось в степях Могулистана²⁸. Затем оно присоединилось к Йунус-хану и служило ему одной из основных опорных сил²⁹. Эмиры племени сагрычи упоминаются в перечне племен Султан Саид-хана. Затем сагрычи играют активную роль в политической жизни Могулии.

Кушчи (قوشچی، قوشچی). В бегах Хизр-хана сопровождал также некий охотник из Чальша. По “Тарих-и Рашиди”, он был родоначальником эмиров племени кушчи. В переводе слово *кушчи* означает “охотник с ловчей птицей”. Это племя имело второе название — *кукельдаш*³⁰. Возникают значительные трудности при определении в соответствующих текстах значения слова *кукельдаш*: имеет ли оно этническое значение, употреблено ли в значении названия должности или служит для обозначения родственных отношений. В источниках есть указание на то, что подсчет Султан Саид-ханом своих людей перед походом на Кашгар по племенам не учитывает кушчи³¹. Из этого сообщения не ясно, были ли в войске Султан Саид-хана кушчи вообще, или же они были, но по каким-то причинам в перечень не вошли.

²⁷ Махмуд чорас. Л. 17а; Бабур-наме. С. 20.

²⁸ Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 79.

²⁹ Бабур-наме. С. 20.

³⁰ Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 51–52.

³¹ Тарих-и Кашгар. Л. 55б.

Байрин (بايرين). После смерти Вайс-хана они вместе с чорасами ушли к ойратам Амасанчи-тайши, но затем опять появляются среди могульских племен³². В качестве самостоятельного аймака они упоминаются даже в середине XVII в. на территории Кашгарии³³.

Калучи (قالوچى، قالوجى). Мухаммад Хайдар сообщает, что калучи были самым многочисленным племенем в Могулистане. После смерти Вайс-хана, в смутный период, они ушли от Исан-Буги в Туркестан, к Абу-л-Хайр-хану. О времени их возвращения ничего не говорится, но сообщается, что в самом начале правления Султан Ахмад-хана они участвовали в заговоре против него и затем вынуждены были бежать к ойратам. Султан Ахмад-хан преследовал их повсюду в течение двух лет, пока полностью не искоренил³⁴. Последнее сообщение Мухаммад Хайдара вряд ли следует понимать буквально: по-видимому, истреблены были взбунтовавшиеся против хана эмиры калучи и их ближайшие родственники. Во всяком случае, калучи играли значительную роль уже при Султан Саид-хане³⁵. В дальнейшем они проходят через всю историю Могулии.

Булгачи (بولغاچى، بلغاچى، بلقاچى). Племя булгачи упоминается совместно с салучи (سالوچى) для времени Тимура³⁶. После смерти Вайс-хана оно вместе с калучи и рядом других племен ушло в Туркестан к Абу-л-Хайр-хану. О нем говорится как о могульском племени³⁷.

Арлат (ارلات). Также одно из основных племен Могулистана и Могулии; участвовало в “бунте” против Алача-

³² Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 79.

³³ *Махмуд чорас*. Л. 74а, 84а. В источниках и литературе этот этноним имеет варианты: байри, барын, баарын, барин, баарин, бахрин, багрин.

³⁴ Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 79, 121.

³⁵ Там же. Part II. P. 309.

³⁶ Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnama par Nizamuddin Šami. Edition critique par Felix Tauer. Praha. T. I. 1937. P. 117; T. II. 1956. P. 74.

³⁷ Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 79.

хана³⁸. Затем оно упоминается в составе могульских племен Могулии³⁹.

Барлас (بارلاس، برلاس). Одно из основных чагатайских племен Мавераннахра. Однако Мухаммад Хайдар говорит о барласах как о могульском племени: по-видимому, какая-то часть барласов оставалась в Могулистане. Возможно также, что процесс культурной ассимиляции могулов сблизил их с чагатаями, и стал возможным переход части последних к могулам. Если это так, то встает вопрос об этнических связях могулов и народов Средней Азии. Они упоминаются в перечне племенных подразделений войска Султан Саид-хана⁴⁰. Отдельные представители этого племени принимают активное участие в политической жизни Могулистана и Могулии.

Дохтуй (دوختوی). Также одно из основных племен Могулистана и Могулии. Было в составе племен могулов еще до Туглук-Тимура. Упоминается в перечне племенных подразделений войска Султан Саид-хана во время похода на Кашгарию. Между дохтуями и барласами шли споры относительно первенства на войне и охоте. Спор был решен Эмир Джаббар-Берди доглатом в пользу дохтуев⁴¹.

Йарки (يارقى). Известны только по узкому кругу источников. Стоят в списке племенных подразделений войска Султан Саид-хана во время похода на Кашгарию⁴². Известны по последующей деятельности в Могулии. В источниках название этого племени иногда дается в форме *барки* (بارقى). Если правильно последнее, тогда это племя можно отождествить с группой баргы киргизского племени адигине.

Ордабеги (اوردابیگی، اوردہبیگی، اوردوبیگی). Этимология слова *ордабеги* очень прозрачна — “бек ханской ставки”. Одно

³⁸ Там же. P. 121.

³⁹ *Махмуд чорас*. Л. 57а.

⁴⁰ *Tarikh-i-Rashidi*. Part II. P. 307.

⁴¹ Там же. Part I. P. 6; Part II. P. 306, 307.

⁴² Там же. Part II. P. 307.

из основных племен Могулистана и Могулии, игравшее очень активную роль в политической жизни Восточного Туркестана после образования государства Султан Саид-хана⁴³.

Мекрит (مكریت). Упоминаются в составе племенных подразделений войска Султан Саид-хана⁴⁴. Затем мекриты известны в истории Могулии⁴⁵.

Шункарчи, шулкарчи (شونقارچی، شولقارچی). Упоминаются в перечне племенных подразделений войска Султан Саид-хана⁴⁶. В дальнейшем в источниках не называются.

Нарин (نارین). Дважды упоминаются в составе могульского войска Бабуром⁴⁷. В других источниках не упоминаются, если не считать Младшего Иразан нарина, упоминаемого в “Раузат ас-сафа” и тождественного, по-видимому, Иразан байрину. Возможно, что в слове *нарин* в арабском написании в “Бабур-наме” *нун* образован в результате ошибочного перемещения точки снизу наверх. Если это так, то это также аймак барин // байран. Тем более что выше в “Бабур-наме” с этнонимом *барин* называется тот же предводитель, что и у наринов, — Джан-Хасан⁴⁸.

Долан (دولان). Упоминаются вместе с байринами для начала второй половины XVII в. в районе Барчука в Восточном Туркестане в качестве могульского аймака⁴⁹.

Балыкчи (بالیقچی، بالینگچی). Об этом племени сообщают Низам ад-Дин Шами⁵⁰, Шах Махмуд бен Мирза Фазил чорас и анонимный автор “Тарих-и Кашгар”. Эта группа находилась в охранении, когда Абд ал-Латиф-султан совершил набег на Хакк-Назар-хана (по некоторым другим источникам — на других ка-

⁴³ Там же. Р. 307.

⁴⁴ Там же. Р. 309.

⁴⁵ *Махмуд чорас*. Л. 65а.

⁴⁶ *Tarikh-i-Rashidi*. Part II. Р. 309.

⁴⁷ *Бабур-наме*. С. 122, 128.

⁴⁸ Там же. С. 70.

⁴⁹ *Махмуд чорас*. Л. 84а.

⁵⁰ *Histoire des conquêtes de Tamerlan...* Т. I. Р. 123.

захских ханов) и возвратился в Аксу (1537 г. ?)⁵¹. Балыкчи слишком поздно обнаружили внезапно напавших казахов и киргизов, не приняли боя и бежали, в результате чего войско могулов было разбито и Абд ал-Латиф-султан погиб. За это Абд ар-Рашидхан истребил эту родовую группу.

Татар (تتار). Упоминаются для XVII в. Совместно с байринами неудачно преследовали бежавших из Яркенда киргизов⁵².

Мухаммад Хайдар сообщает, что в битве с ойратами на реке Или Эмир Саййид-Али спас Вайс-хана, за что последний отдал ему под управление пять аймаков: туркат (تورکات), хибат ширасут (هبت شیراسوت), узбек (اوزبک), даруга (داروغه) и куканут (کوکانوت); последние три находились под Хотаном⁵³. Саййид-Али был эмиром племени доглат. С большой уверенностью можно утверждать, что вышеперечисленные аймаки являются подразделениями племени доглат.

После смерти Вайс-хана произошел "бунт" могулов, и из Могулистана в Самарканд ушло несколько десятков тысяч человек, которые частично были перебиты Мирза Улугбеком, частично пленены им и рассеяны по владениям его собственным и его отца Шахруха. Возглавляли эту откочевку Иразан байрин и Мирак туркмен. Мухаммад Хайдар сообщает, что Мирак туркмен был на службе у доглатских эмиров⁵⁴. Бабур относит его "к числу беков тумана Чарас (чорас. — В. Ю.)"⁵⁵. Нельзя, однако, сказать, было ли в составе могулов подразделение туркмен, или же это был один из туркмен, которые искали счастья в Могулистане.

Мухаммад Хайдар сообщает о сподвижнике Султан Саид-хана Тубра нойагусе⁵⁶. Другие источники передают его имя в

⁵¹ Тарих-и Кашгар. Л. 626, 64а.

⁵² Махмуд чорас. Л. 74а.

⁵³ Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 66–67.

⁵⁴ Там же. P. 73.

⁵⁵ Бабур-наме. С. 20.

⁵⁶ Tarikh-i-Rashidi. Part II. P. 183, 248, 264, 265.

форме Тубра нойагут и Тубра нойгут⁵⁷. По-видимому, этот Тубра был представителем племени нойгут, которое в XVI в., вероятно, считалось могульским.

О языковой принадлежности могулов

Самоназвание могулов нередко уводило исследователей в сторону от правильного решения вопроса об их языковой принадлежности. Этноним *могул* на территорию Семиречья принесли монголы, выделенные в улус Чагатаю и Угедею. Однако их было немного, и судьба их была аналогична судьбе монголов в Дашт-и Кипчаке: они были быстро ассимилированы тюркоязычными племенами. Закреплению этнонима *могул*, видимо, способствовало стремление могульских феодалов на первых порах сохранить кочевые традиции, эталоном которых был кочевой быт монголов, и подчеркнуть преемственность власти ханов-чагатаидов.

Одни исследователи считают могулов монголами⁵⁸, другие — тюрками⁵⁹, третьи — конгломератом тюркских и монгольских племен⁶⁰, четвертые оставляют вопрос открытым⁶¹, пятые вообще отказывают им в праве быть особой народностью и считают их сословием на службе у ханов-чагатаидов⁶². Последнее мнение не заслуживает серьезной критики: сведения источников не оставляют сомнений в том, что могулы выступали как особый этнический коллектив.

Что касается монголоязычности могулов, то первым доводом против нее является отсутствие в источниках каких-либо

⁵⁷ Тарих-и Кашгар. Л. 526, 536, 54а.

⁵⁸ Бартольд В. В. Рецензия на "Заметки об этническом составе..." Н. А. Аристов // ЗВО ИРАО. Т. 11. Спб., 1899. С. 352.

⁵⁹ Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. 1. Алма-Ата, 1959. С. 24 и след.

⁶⁰ Петров К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961. С. 175.

⁶¹ См.: Бартольд В. В. Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 80.

⁶² Аристов Н. А. Заметки об этническом составе... С. 317.

образцов их монгольской речи. Между тем фактов, доказывающих их тюркоязычность, немало. Прежде всего, сам племенной состав могулов говорит за это. В составе могулов были канглы, а их принадлежность к тюркским народам бесспорна. Если могулы — народность, то они должны были говорить на общем языке, а если часть народности говорила на тюркском языке, то и вся народность должна была говорить на том же языке.

Утверждение Мухаммад Хайдара о том, что могулы и киргизы — один народ⁶³, также говорит за то, что могулы были тюрки. Анализ собственных имен, родоплеменных наименований, названий должностей также доказывает, что могулы были тюрки. Таш-Тимуру, сопровождавшему Туглук-Тимура из племени дохтуй в Аксу, могулы дали прозвище Көк-өчкү (كوك اوچكو), что в переводе с тюркского означает “серая коза”. Одного из приближенных Султан Ахмад-хана звали Ит-Эмган-бахадур, что также в переводе с тюркского означает “бахадур, вскормленный молоком собаки”. Приведем несколько имен сподвижников Султан Саид-хана: Кара-Кулак-мирза, Кутлук-Мирак-мирза, Эмир Джаббар-Берди, Кара-Баш-мирза, Аллах-Кули-кукельдаш, Бек-Кули, Худай-Кули, Тангри-Берди. Все имена явно тюркские. Примеры наименований должностей: улусбеги, ордабеги, учбеги, тугбеги, йатышбеги, хазиначи, тагарчи и т. д. Все термины также тюркские. Примеры родоплеменных наименований: кушчи, кӧнчи, сагръчи, ордабеги, бекчик. Также явно тюркские. Ставка первых чагатаидов называлась по-тюркски — Улуг-Иф — “Старший дом”⁶⁴.

В тех случаях, когда в источниках приводятся образцы речи могулов, они оказываются тюркскими. Фазлаллах бен Рузбихан в “Михман-наме-йи Бухара” сообщает о том, что узбеки и могулы

⁶³ Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 148.

⁶⁴ The History of the World-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. Translated from the text of Mirza Muhammad Qazvini by John Andrew Boyle. Manchester University Press, 1958. Vol. II. P. 504, 507, 536, 538, 563, 586, 612.

богача называют словом *бай*⁶⁵. Бабур говорит, что “народы моголов и тюрков называют [его] (Самарканд. — В. Ю.) Симизкенд”⁶⁶, что в переводе с тюркского означает “Жирный город”. Показательна сама постановка рядом этнонимов *могул* и *узбек* и *могул* и *тюрк* — это убедительно свидетельствует о том, что эти народы говорили на языках одной системы, на тюркских. У могулов был обычай давать названия своим походам. Все названия, которые нам известны, — тюркские. Из китайских источников известно, что язык могулов был похож на уйгурский⁶⁷, т. е. на древнеуйгурский. Наконец, могулы оставили образцы своей литературы на тюркском языке. Султан Махмуд-хан, Султан Саид-хан, Мухаммад Хайдар, Абд ар-Рашид-хан были неплохими поэтами. Сохранились их тюркские стихи.

Все вышесказанное не оставляет сомнений в том, что могулы были тюркоязычны. Как нам представляется, тюркоязычность могулов — явление не позднее, а древнее. Что касается того, на каком тюркском языке говорили могулы, то нам представляется, что они говорили на тюркском языке кыпчакского типа, близком к казахскому и киргизскому языкам. Вероятно, этот язык обладал и чертами, сближающими его с алтайским языком. Только такие качества языка могулов могут объяснить близость языков казахов и киргизов, киргизов и алтайцев. Потомки могулов лобнорцы, о чем ниже, говорят именно на таком языке.

Этнические связи могулов с казахами

Сопоставление родоплеменного состава могулов с родоплеменным составом казахов, прежде всего с родоплеменным составом казахов Старшего жуза, убеждает в том, что могулы играли большую роль в сложении казахской народности. Мо-

⁶⁵ مهمان نامه بخارا *Фазлмах бен Рузбихан Ибрахими*. Рукопись ИВ АН РУз. № 1414. Л. 76а: خوانند باى داران معتبررا

⁶⁶ Бабур-наме. С. 59.

⁶⁷ *Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*. London, 1888. Vol. II. P. 241.

гульские племена доглат и канглы-бекчик, несомненно, вошли в состав Старшего жуза под названием *дулат* и *қаңлы*. Не только совпадение названий племен говорит за это. Важно также и то, что соответствующие племена Старшего жуза занимают именно те территории, на которых находились могульские доглаты и канглы. Как известно, дулаты и қаңлы составляют подавляющее большинство населения Старшего жуза. Родовые подразделения абдан и суван, если судить по тамгам, оказываются близкородственными дулатам и, следовательно, могульским доглатам. Как уже говорилось выше, племя канглы у могулов в дальнейшем приобрело наименование бекчик, под которым оно позднее и фигурирует в источниках. Возможно, что это второе наименование бытовало только в могульских верхах, а народные массы продолжали употреблять древнее название. После вхождения канглы-бекчиков в состав казахов вполне могло возродиться древнее название племени.

У могулов в XIV—XV вв. происходит переименование целого ряда и других племен: *кӧнчи* — *сагрычи*, *итарчи* — *барак* / *акбарак*, *кушчи* — *кукельдаш*. Появляется целый ряд новых, ранее неизвестных племен: *ордабеги*, *йарки*, *нарин* (?) и другие. Возможно, что и под этими названиями скрываются древние этнонимы, возродившиеся при вхождении соответствующих племен в состав казахов или других народов.

Могулы приняли участие и в сложении Среднего жуза. Несомненно, что могульские кераиты — это казахские керей. Последние и сейчас еще занимают территорию Семиречья, на которой некогда находились могульские кераиты. Таким образом, ранее высказывавшаяся мысль об участии могульских племен в формировании казахской народности совершенно правильна, но следует особо подчеркнуть то, что Старший жуз в основном сформировался за счет могульских родов, т. е. казахи Старшего жуза, а равным образом и керей являются давними насельниками Семиречья.

Если принять предположение, что казахи в этом районе появились только со времени откочевки Гирея и Джанибека, то

следовало бы признать, что казахи появились здесь не ранее XV в. Но вышесказанное говорит за то, что это справедливо лишь для незначительной части казахов. Основная же часть Старшего жуза и керей в Семиречье являются давними насельниками этой страны. Процесс вхождения могулов в состав казахской народности в деталях неизвестен, и это было одной из причин невнимания исследователей к их участию в этногенезе казахов. Против тезиса о преимущественном формировании Старшего жуза и частичном Среднего жуза за счет могулов говорит как будто то, что в XV и XVI вв., судя по “Тарих-и Рашиди” и другим источникам, могулы ясно сознавали свою обособленность от казахов и других народностей. Однако необходимо помнить, что Мухаммад Хайдар выразил в своем сочинении точку зрения феодальной верхушки могулов, сплотившейся вокруг ханов-чагатаидов, т. е. тех слоев общества, которые представляли собой центростремительные силы. Несомненно, что в этих кругах представления о единстве и общности могулов были более развиты, чем среди рядовых кочевников-могулов и возглавлявшей их родовой аристократии — представителей центробежной тенденции.

К тому же Мухаммад Хайдар хорошо знал лишь южные районы Могулистана, что же происходило в северных и в северо-восточных районах этой страны, он знал плохо, да и не интересовался этим. Его осведомленность простиралась на районы реального распространения власти ханов-чагатаидов. В этом, по-видимому, и кроется разгадка умолчания Мухаммад Хайдара. Кроме того, к его времени, вероятно, процесс обособления казахов, киргизов и могулов и перегруппировка родов между этими народностями в основном завершились.

Этнические связи могулов с киргизами

Этнические связи этих двух народов не раз затрагивались в научной литературе. Однако не будет ошибкой сказать, что эти связи не только не вскрыты в полном объеме, но исследователями даже не достигнуто четкого представления об их многосторонности и интенсивности. Прежде всего, следует помнить

указание Мухаммад Хайдара на то, что могулы и киргизы — это в сущности один народ. Отличие их, по Мухаммад Хайдару, заключается лишь в том, что киргизы не признавали власть ханов-чагатаидов и были “неверными”. Мы не разделяем скептического отношения специалистов к этому утверждению. Нам кажется, что Мухаммад Хайдар выразил не только ясную, но и правильную мысль. Так, Мухаммад Хайдар называет племя булгачи для XV в. в составе могульских племен. Он говорит о том, что оно вместе с племенем калучи ушло из Могулистана в Дашт-и Кипчак к Абу-л-Хайр-хану. В дальнейшем это племя оказалось в составе киргизских племен и в XVII в. подверглось массовым репрессиям в Кашгарии⁶⁸.

По-видимому, этнические связи могулов и киргизов следует расчленить на два этапа: первый — период общности могулов и киргизов в составе союза племен Могулистана, объединявшегося этнонимом *могул* (предел — XV в.); второй — период обособления народностей и последующего поглощения могулов соседними народами (начиная с XV в.). В первый период будущие могульские и киргизские, равным образом как и будущие казахские, племена на равных основаниях входили в состав формировавшейся могульской народности. Процесс этот оказался незавершенным. На политико-экономической основе произошло обособление и выделение группировок племен, одна из которых сохранила название *могул*, вторая приобрела название *киргиз*, третья, тяготевшая к северным и восточным районам, волилась в состав казахской народности. Закрепление за киргизами их современного самоназвания — до сих пор удовлетворительным образом не разрешенная загадка. Попытка объяснить появление киргизов на Тянь-Шане прежде всего проникновением их с Алтая и Енисея в притяньшаньские районы в период после монгольского завоевания, накоплением там значительного количества собственно киргизских племен и последующим вытеснением ими могулов с Тянь-Шаня и частичной ассимиляцией последних остается мало-

⁶⁸ Махмуд чорас. Л. 74а.

убедительной гипотезой, так как не подкрепляется достаточными свидетельствами источников, доказывающими, что процесс имел именно такие характер и последовательность. По-видимому, при объяснении происхождения киргизского народа необходимо отказать от стремления следовать за термином, что уже является в основном принятой точкой зрения в отношении казахов.

В течение второго периода произошло, вероятно, не только разделение отдельных племен на могульские и киргизские, но и расчленение некоторых племен на части между могулами и киргизами. В дальнейшем, когда ханы-чагатаиды и могульские феодалы в Восточном Туркестане стали привлекать киргизские племена на службу, процесс этнического взаимодействия продолжился.

По этим причинам сейчас в составе киргизов обнаруживаются явно могульские и общие с могульскими элементы: баарын, балыкчи, барак, дуулат, керейит, кушчу, монгол, монголдор, нойгут⁶⁹ и другие.

Этнические связи могулов с уйгурами

Контакты могулов с уйгурами, т. е. с современным тюркоязычным населением Восточного Туркестана, начались сразу же после монгольского завоевания. Кашгария была передана эмирам могульского племени доглат. Позднее могульскими ханами были подчинены Турфан и Комул (Хами). Часть доглатов, постоянно или в основном находившаяся в Кашгарии, по-видимому, ранее других вступила в этническое взаимодействие с уйгурами и до XVI в. в значительной степени была ассимилирована. За это говорит сообщение Мухаммад Хайдара об утрате могулами своей чистоты и сохранении в районах Турфана и Кашгара всего около 30 тыс. чистых могулов⁷⁰.

⁶⁹ Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М., 1960. С. 3—137.

⁷⁰ Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 148.

В 1514 г. в Кашгарию вместе с Султан Саид-ханом прибыла новая волна могулов, принадлежавших к разным племенам и выброшенных из Средней Азии и Могулистана совпавшими по времени усилиями шайбанидских узбеков, казахов, киргизов и ойратов.

Таким образом, на территорию Восточного Туркестана в разное время прибыло несколько различных групп могулов. К XX в. процесс ассимиляции могулов уйгурами в основном завершился: осталось лишь несколько групп, происхождение которых может быть увязано с могулами или возведено к ним. К таким группам принадлежат доланы (долоны), нюгейты, ардбюль и хурасан.

Относительно происхождения группы долан известны различные точки зрения: сами доланы возводят себя к могулам (могал)⁷¹, некоторые исследователи считают их потомками киргизов⁷², другие возводят их к казахам⁷³, третьи считают их группой уйгурского населения Кашгарии, переселенной на новые места маньчжурской администрацией⁷⁴, четвертые — потомками ойратских войск (гарнизонов), оказавшихся на территории Кашгарии⁷⁵, пятые склоняются в пользу тибетского происхождения доланов, шестые — в пользу древнеуйгурского⁷⁶.

⁷¹ Малов С. Е. Уйгурские наречия Синьцзяна: Тексты, переводы, словарь. М., 1961. С. 138.

⁷² Абрамзон С. М. Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М., 1959. С. 336—337.

⁷³ Lattimore O. Pivot of Asia, Sinkiang. Boston, 1959. P. 59.

⁷⁴ Певцов М. В. Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889-м и 1890-м годах. Спб., 1895. С. 334.

⁷⁵ Тенишев Э. Р. Доланы и их язык // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965. С. 99—100.

⁷⁶ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе... С. 441, прим. 3; Свен Гедин. В сердце Азии. Памир—Тибет—Восточный Туркестан. Т. 1. Спб., 1899. С. 332.

Многообразие этих точек зрения объясняется тем, что в руках исследователей не было каких-либо достоверных свидетельств. Между тем аймак долан регистрируется для XVII в. в качестве могульского родового подразделения или племени на территории Кашгарии в районе Барчука. Махмуд чорас сообщает, что в 1670 г., “когда (Исмаил-хан и его войско. — В. Ю.) достигли прохода Барчука, [к ним] присоединились аймаки долан и байрин”⁷⁷. В дальнейшем доланы фигурируют и в других источниках.

Сам термин *долан* объясняется по-разному. Возможно сопоставление *долан* и *доглат*, которое с фонетической и морфологической стороны особых возражений не вызывает. Возможно также возведение этого термина к мифическому предку киргизов (по-видимому, и могулов) Долону. Однако более правильным, вероятно, следует признать отождествление Э. Р. Тенишевым этнонима *долан* с монгольским числительным “семь” — *долон*//*долан* (<*долуган*), так как “сами доланы ведут свое происхождение от “семи родов” (йэйтэ урук)”.

Группа нюгейт⁷⁸ скорее всего происходит от нойгутов. За это говорят не только фонетическая близость этих двух этнонимов, но и особенности быта нюгейтов, сближающие их с киргизами и могулами.

Группы ардбюль и хурасан, первая из которых проживает в оазисах Кашгара и Аксу, а вторая — “к востоку от Аксу — в оазисах Бай, Куча и частью Курля” и согласно преданию пришла сюда “еще в глубокой древности из Афганистана”⁷⁹, возможно, также восходят к могулам. Известно, что в XV в. тимурид Султан Абу Саид-мирза “вызвал Юнус-хана из Ирака и Хорасана”⁸⁰, поставил его ханом в могульском улусе и отправил

⁷⁷ Махмуд чорас. Л. 84а.

⁷⁸ О нюгейтах см.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. Алма-Ата, 1962. С. 339, 423, 657.

⁷⁹ Пржевальский Н. М. Четвертое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. Спб., 1888. С. 362.

⁸⁰ Бабур-наме. С. 20.

в Могулистан, чтобы организовать противодействие Исан-Бугахану. При этом по владениям тимуридов дважды собирали могулов и передавали их Султан Йунус-хану⁸¹. Видимо, потомками этих могулов из Ирана и Ирака и являются группы ардбюль и хурасан в Восточном Туркестане. Названия групп восходят к названиям г. Ардебиль и области Хорасан. Известно также, что г. Аксу в Восточном Туркестане в местных источниках называется и Ардебиль (Эрдэбил). Вероятно, второе название городу дали могулы-ардебильцы, пришедшие с Султан Йунус-ханом.

Этнические связи могулов с лобнорцами

Лобнорцы уже не раз привлекали к себе внимание исследователей, но до сих пор их происхождение не выяснено, его ведут от монголов или калмаков⁸², от уйгуров-кашгарлыков⁸³, от киргизов⁸⁴. В последнее время Э. Р. Тенишевым выдвинута гипотеза “комбинированного” этногенеза лобнорцев, возводящая их к алтайским киргизам, алтайцам, монголам и тянь-шаньским киргизам, по-разному взаимодействовавшим между собой. Под вопросом он отмечает участие в их этногенезе казахов. Путь, который намечает для предков лобнорцев Э. Р. Тенишев, — Южный Алтай, Турфан-Комул, озеро Лобнор. В последнее время лобнорцы, как он отмечает, испытывают влияние уйгуров — вначале южных, теперь северных⁸⁵.

Гипотеза Э. Р. Тенишева, однако, страдает существенным недостатком: она не подтверждается никакими историческими свидетельствами и основывается на рассказах самих

⁸¹ Tarikh-i-Rashidi. Part I. P. 84.

⁸² Пржевальский Н. М. Четвертое путешествие... С. 300.

⁸³ Певцов М. В. Путешествие по Восточному Туркестану... С. 310—311, 328—329.

⁸⁴ Малов С. Е. Лобнорский язык. Фрунзе, 1956. С. 4—5.

⁸⁵ Тенишев Э. Р. Еще раз о происхождении лобнорцев. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). М., 1964. С. 7—8.

лобнорцев о своем происхождении. В их рассказах чувствуется настойчивая попытка ответить на вопрос, волнующий их самих и всех сталкивающихся с ними: чем вызваны их отличия от окружающего населения и кто их предки? Отсюда, по-видимому, и разноречивые предположения, высказывавшиеся иногда в категорической форме: монголы, калмаки, киргизы, казахи, уйгуры. Очень ценными являются собранные Э. Р. Тенишевым сведения по родовому делению лобнорцев. В состав лобнорцев входят следующие родовые подразделения: 1) йалла(р), или йалла, йанлык и йан; 2) джодак, или джудак; 3) калучу(лар), или калучи; 4) каракошунлук (каракошулук); 5) кундуз(дар), или кумдус, кулдус.

Из этих этнонимов только два — *джодак* и *калучи* — имеют, по мнению Э. Р. Тенишева, аналогии: *джодак* сближается с родом *дъыдак* южных (чуйских) алтайцев, а *калучи* — с киргизским *қалча* (из *ғалча* — ариец, памирец. — В. Ю.) и *кӛлчӛ* — “иранские кочевые аборигены Коканда”. И то и другое отождествляется со ссылкой на работы В. В. Бартольда. Помимо этого, высказывается предположение о заманчивости сближения термина *калучи* с термином *халадж*, чему, однако, препятствуют исторические известия о халаджах: “Уже в X в. халаджи жили на западе — в южной части Афганистана”⁸⁶.

Между тем калучи известны в истории народов Центральной Азии. Как уже говорилось выше, они, по сообщению Мухаммад Хайдара, были самым многочисленным племенем могулов.

Калучи известны только в составе могулов, и их наличие в составе лобнорцев неоспоримо свидетельствует о происхождении последних от могулов.

Остальные родовые подразделения ближайших аналогий в тюрко-монгольской этнонимике не находят. Но это не может нас смущать, так как родоплеменной состав могулов известен далеко не полностью: прежде всего, неизвестны наименования мелких родоплеменных подразделений.

⁸⁶ Там же. С. 3–4.

Из остальных этнонимов *джодак*, *йалла(р)* и *каракошунлук* могут быть объяснены как имеющие определенное социальное значение. *Джодак* соответствует слову *йавдақ*. В современном уйгурском языке: *йавдақ ат* — “неоседланная, запасная лошадь”, т. е. “другая”, “вторая”. Отсюда близко уже к значению “чуждый, не входящий в нашу среду”, которое сами лобнорцы придают слову *джодак*. Слово *йалла(р)* удовлетворительно объясняется самими лобнорцами как “пришельцы, чужаки”. Оно произведено от слова *йан* — “бок, сторона”, хотя лобнорцы пытаются сами произвести его также и от *йат* — “чужой, посторонний”. Слово *йан* в истории Восточного Туркестана дало несколько образований, имеющих значения социальных терминов. Таково слово *йанчи*. Имеется еще и термин *кара-йанчук*⁸⁷, каковым обозначались киргизы и калмаки на службе могульских феодалов в XVII в., т. е. этим термином обозначались чуждые в могульской среде этнические элементы.

Этноним *каракошунлук* происходит от названия области Кара-Кошун, которая раньше называлась Кара-Курчин⁸⁸. Термин *курчин* в составе последнего топонима соответствует термину *урчин* / *орчин* / *хурчин*, о котором Бабур писал: “...маленькие области, подчиненные столице какой-нибудь большой области, называются... в Андиджане, Кашгаре и между ними — *орчин*...”⁸⁹.

Среди должностных званий в Могулии известно “*хурчинбеги*”, которое современным уйгурам уже непонятно⁹⁰. В сводной “Таблице должностей и чинов в Восточном Туркестане”, составленной Л. И. Думаном, приводится *орчин бек* (<*орцинъ бокэ*) со значением “десятский”⁹¹. *Курчин*, конечно, фоне-

⁸⁷ Махмуд чорас. Л. 786.

⁸⁸ Пржевальский Н. М. Четвертое путешествие... С. 303.

⁸⁹ Бабур-наме. С. 155.

⁹⁰ Raquette G. Eine Kaschgarische Wakf-Urkunde aus der Khodscha-Zeit Ost-Turkestans... Lund-Leipzig, 1930. S. 19–20.

⁹¹ Думан Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.; Л., 1936. С. 110.

тический вариант слова *хурчин*. Именно в последней форме это слово употреблялось в Восточном Туркестане. Выйдя из употребления, оно было заменено более понятным *қошун*. Употребление звука *қ* вместо *х* свидетельствует, по мнению Э. Р. Тенишева, о промежуточном положении, занимаемом лобнорским языком между киргизским, алтайским и казахским. Слово *хурчин* долее всего употреблялось именно в официальной терминологии могулов.

Изложенное выше позволяет сделать заключение, что сегодняшние лобнорцы — это потомки могулов, о чем они помнят и сами. С другой стороны, разноречивые показания лобнорцев об их предках, по-видимому, объясняется тем, что могулы давно уже исчезли как этнический коллектив. Известные лобнорцам монголы — это ойраты, которых они называют *калмак*. Однако сами лобнорцы — не монголы и по некоторым лингвистическим и этнографическим признакам стоят близко к киргизам и казахам, почему и их также называют в числе своих предков. Трудно сказать, принимали ли перечисленные народы участие в сложении лобнорцев. Скорее всего, правильные воспоминания лобнорцев переплелись с их гипотетическими построениями о собственном происхождении, вызванными к жизни попыткой установить генетическую связь с реально существующими народами. Нам представляется, что лобнорцы — это прямые потомки могулов, которые в условиях изоляции сумели сохранить свой язык и некоторые этнографические особенности. Как известно, Мухаммад Хайдар сообщал, что в районах Кашгара и Турфана сохранилось в его время около 30 тыс. могулов, которые сберегли в чистоте особенности могульского быта. Возможно, что лобнорцы — потомки этих могулов.

* * *

Настоящее сообщение никоим образом не исчерпывает вопроса. В нем мы пытались лишь очертить контуры многовекового процесса этнического взаимодействия могулов с соседними народами в XIV—XVII вв. Незначительный объем статьи не позво-

лил нам коснуться вопросов о термине *джете* // *чете*, о каучинах в Кашгарии, о названных в статье племенах за пределами Могулистана и Могулии, о причинах закрепления за тюркскими племенами монгольских этнонимов и других.

За этот период могулы деградировали как единый этнический коллектив, влившись отдельными частями в состав других народов. XIV—XVII вв. — эпоха бурных социально-экономических и государственных преобразований и этнических контактов, сдвигов, переплетений и трансформаций в жизни народов Центральной Азии. Центральный Тянь-Шань и прилегающие к нему районы были важным центром этнических перестроек и взаимопроникновений. Только анализ этнической истории этого района за этот период может дать окончательный ответ на вопрос: почему притяньшаньские народы включают в свой состав разнородные, подчас противоречивые этнические элементы? Так, родоплеменной состав киргизов удовлетворительным образом может быть объяснен только с учетом этнической истории Тянь-Шаня эпохи Могулистана и последующей гегемонии казахских ханов в этом районе. Вряд ли нужно для объяснения общности многих родоплеменных подразделений киргизского и казахского народов обращаться к более глубокой древности. Ведь именно XIV—XVII вв. — период непосредственного этнического взаимодействия этих двух народов. Между тем эпоха эта изучена явно недостаточно. Наиболее полное изучение этнических процессов в данном районе за указанный период — одна из важнейших задач исследователей этногенеза притяньшаньских народов.

Могулы

Несмотря на то что история могулов протекала уже при “ярком свете истории”, результаты, достигнутые в их изучении, долгое время оставались более чем скромными. Несколько причин привели к этому. Одной из них было то, что время, когда могулы появились и действовали на исторической арене, долго было “неинтересным” для востоковедов. Не вызывала их интереса и сама проблема. Период XIV—XVI вв., а иногда и XVII—XVIII вв., мало привлекал внимание специалистов. Интересы их в течение длительного времени концентрировались на периоде более раннем или более позднем. Если же и возникал интерес к XIV—XVI вв., то в центре стояли такие феномены, как Тимур и государство тимуридов, обстоятельства образования империи Великих Моголов, история Золотой Орды, общие проблемы кочевых обществ (например, в трудах евразийцев), история Ирана и т. д.

Могулы — этнос, игравший важную роль в истории народов Центральной Азии в XIV—XVII вв. Тува и Индия — вот крайние географические ориентиры их политической активности. Это и крайние пункты их этнического проникновения. В Восточном Туркестане они играли видную роль и в XVIII в., и даже в

более позднее время. Они сложились в этнический коллектив и исчезли как этнос сравнительно недавно. Это дает возможность довольно четко проследить этапы их этнической и политической истории, от начала и до конца, что само по себе немаловажно и в этом смысле представляет собой тот случай, который не столь уж часто бывает доступен исследователю Востока. История могулов сама по себе поучительна и обладает самоценностью.

Однако не менее важным является рассмотрение истории могулов и в ином аспекте. Феномен могульского этноса может быть рассмотрен в качестве модели кочевых этносов пояса Евразийских степей, как в калейдоскопе возникавших и исчезающих на протяжении тысячелетий. Что побуждало племена объединяться в коллективы, сознававшие свое единство и противопоставляющие себя другим этносам? Какие причины приводили их к распаду и исчезновению? Эти вопросы занимали и занимают умы исследователей. Предлагались различные решения проблемы. Были попытки решить ее на основе автохтонизма. Искали ответ и в миграционизме. Создаются и гибридные гипотезы, в разной пропорции соединяющие автохтонизм и миграционизм. В литературе мы иногда обнаруживаем упоминание некоей советской концепции, гипотезы, теории этногенеза кочевых народов. Из таких высказываний как будто вытекает мысль, что процессы формирования кочевых этносов и их дальнейшая судьба могут быть решены однозначно. Вряд ли, однако, можно с этим согласиться.

Проблема продолжает оставаться чрезвычайно актуальной. Ее значимость с годами и десятилетиями не уменьшается, но, наоборот, возрастает. Связано это с "пробуждением" народов Востока, с ростом их национального самосознания, с быстрым продвижением по пути социального и культурного прогресса и, как следствие, с постоянным повышением интереса к своему прошлому. Глубокие социально-экономические преобразования, усвоение достижений мировой цивилизации в ее европейском варианте ведут к незаметной иногда, но коренной перестройке национального самосознания, психологии, возникновению национальных концепций собственной истории.

Формирование представлений о собственном историческом прошлом идет иногда сложным и запутанным путем. Новые концепции образуются нередко из переплетения национального исторического знания с мировым, которое на поверку оказывается европоцентристским. Как реакция на европоцентризм появляются азиационистские концепции, которые представляют собой европоцентризм “шиворот-навыворот”, и т. д.

Приведем лишь один пример абсолютизированного вывода из этногенетической проблематики. Утверждается, скажем, что ни один народ никогда не уходит целиком с мест своих прежних обитаний: какая-то часть его всегда остается. Это проявляет себя автохтонизм. Но взять историю калмыков. Если их уход от остальной части ойратов взять как спланированный акт перемещения из одного района в другой, то в этом случае приведенный тезис оказывается правильным: действительно, ушла часть, но большая часть джунгаров осталась на прежних местах. На самом же деле все было не так. Часть джунгаров откочевывала в течение десятилетий и даже столетий за Волгу. Их перекочевка была не марш-броском, а постепенным движением с востока на запад с освоением земель, по которым они незаметно смещались к западу. Из этого вытекает, что земли Казахстана, по которым они проходили в XVI—XVII вв., были местом их обитания. А если это так, то они должны были оставлять на этой территории отдельные части своего коллектива. Между тем этого не произошло. Остались джунгары в Джунгарии, и появились джунгары на территории, впоследствии ставшей Калмыцкой АССР, которые стали новым народом с новым названием. Тезис не подтвердился. Он вообще появился под влиянием европейского автохтонизма и был усвоен в результате развития и изменения представления о родине, что, в свою очередь, объясняется специфическим развитием национального самосознания.

Из всего вышесказанного проистекает один вывод. Теория этногенеза вообще и теория этногенеза кочевых в прошлом народов в частности требуют конкретно-исторических разработок. В этом отношении в нашей стране (имеется в виду СССР.

Автор писал в советское время, что не могло не сказаться на терминологии работы. — Ю. Б.) делается немало. Появились добротные исследования по этнической истории алтайцев, тувинцев, киргизов, башкир, узбеков и других народов, которые прояснили многие проблемы, но одновременно и показали, что возникают новые проблемы, а некоторые старые остаются нерешенными и усложняются еще больше. Одной из таких проблем является этническое взаимодействие кочевых и оседлых народов. Значительным шагом в решении этого аспекта этногенетических связей кочевников и оседлых земледельцев является книга “Таджики” Б. А. Гафурова (Москва, 1972). Естественно, однако, что и эта книга не смогла охватить всего многообразия проблематики. Работы впереди — непочатый край.

Одной из сторон затронутой проблематики является история “бесхозных” этносов. Мы имеем в виду этносы, которые сошли с исторической арены. Обычно таким этническим коллективам историками уделяется внимание в той степени, в которой они оказываются в поле зрения специалистов, изучающих современные народы — народы, сложившиеся в современные нации, народы, имеющие собственную государственность. В СССР — это народы основных союзных, автономных республик, областей и т. д.

Между тем “бесхозных” этносов гораздо больше, чем можно думать. Мы не будем обращаться ко временам до нашей эры и даже к I тысячелетию н. э. Во II тысячелетии было немало этносов, которые прекратили свое существование, — это кочевые узбеки Дашт-и Кипчака, могулы и т. д. Это были именно этносы. Они обладали различной степенью консолидированности, разными уровнями сознания своего единства. Но это были этносы. Они “исчезли”.

Но ведь “исчезли” они не в прямом физическом смысле. Физическое исчезновение было уделом немногих народов, например джунгаров, почти поголовно истребленных Цинами в XVIII в. Но такая судьба в истории народов — все-таки исключение, а не правило. Она объясняется теоретическими принципами и

практическими методами внешнеполитического решения национального вопроса в императорском Китае. Большинство исчезнувших этносов сошло с исторической арены иным путем — исчезнув как особое единство, они дали жизнь другим народам, послужив своими частями костяком для таких народов, или ассимилировались в ином коллективе почти бесследно.

Казалось бы, если так, то история таких народов должна изучаться интенсивно. Целый ряд причин иногда мешает этому. Это и неполнота исторических известий, которая не дает возможности связать в узлы исторические разрывы в источниках, но иногда это, к сожалению, и причины эмоционального порядка. Предков все еще нередко делят на “престижных” и “непрестижных”. Этим, например, объяснялись в изучении этнической истории волжских татар переоценка роли волжских булгар и недооценка роли кыпчакского элемента; в истории азербайджанцев — повышенное внимание к истории албан в ущерб истории огузских племен; в истории казахов, киргизов, уйгуров, узбеков — интерес к истории самых различных элементов и пренебрежение к истории могулов.

Пренебрежение к участию в собственном этногенезе могулов или кыпчаков (монголо-татар) — наиболее яркое проявление эмоциональности в изучении проблем этнической истории.

Естественно, что все эти причины — недостаток исторических разработок, эмоциональность, политическая робость — наносят значительный ущерб исторической науке. Наоборот, указанные обстоятельства требуют значительной активизации работы в области разработки этнической истории современных и “исчезнувших” народов по широкой унифицированной программе.

Говоря это, мы имеем в виду прежде всего историю кочевых в прошлом народов нашей страны. Однако в общей проблеме истории кочевых народов есть еще один аспект, который представляется необыкновенно важным. Ведь кочевые народы нашей страны в недалеком прошлом делились на племена, роды

и т. д. По своей внешней структуре они выступали как племенные союзы. Большинство советских историков придерживается, однако, мнения, что кочевые народы лишь по “форме” характеризовались наличием родов и племен, это была “оболочка”, можно говорить о родовом “быте”, но сущность социально-экономических отношений у этих народов была феодальной. Обычно употребляется термин “патриархально-феодальный”. В связи с этим мало внимания уделяется изучению родоплеменного состава, специфике родоплеменных отношений.

Однако даже если окончательно и бесповоротно будет доказано, что кочевые в прошлом народы нашей страны действительно находились на стадии феодальной формации (напомним — не все советские историки согласны, что переход кочевых народов в феодальную формацию уже совершился), то ведь это ни в коей мере не означает, что исследователи должны забыть о родоплеменной проблематике в истории кочевых народов. История первобытного общества в качестве одного из своих источников использует пережитки прошлого для реконструкции этого прошлого. Иногда эти пережитки представляют собой такие “мелкие осколки”, в таком незначительном количестве и так плохо увязанные с современными социальными структурами, что попытки на их основе реконструировать системы прошлого вызывают изумление тем, какую массу интеллектуальной энергии приходится тратить на их интерпретацию.

Между тем “оболочка” племенного союза кочевых народов, их родоплеменной состав и родовой “быт”, обладавшие свойствами системы, действовавшей хотя бы и на “холостом ходу”, лишь по инерции, — первоклассный материал для дальнейшего строительства подлинно научной теории первобытнообщинной формации. В некоторых отношениях этот материал по своему значению превосходит то, что получали и получают при изучении “классических” поставщиков фактического материала для реконструкции первобытнообщинной формации — австралийских аборигенов, американских индейцев, древних германцев и т. д. Необходимость творческого развития теории первобытнообщин-

ной формации требует незамедлительных исследований в этой области. Еще есть информаторы, которые могут сообщить много важных и ценных сведений. Но время безжалостно уносит их, а вместе с ними и бесценные сведения.

Аналогичная работа должна проводиться и на базе письменных источников. В том числе и на основе источников сведений о “бесхозных” этносах, в частности о могулах.

До недавнего времени литература о могулах была крайне малочисленной. Основной работой о них была брошюра академика В. В. Бартольда “Очерк истории Семиречья”¹. В ней могулам отведен лишь один раздел. Брошюра эта в свое время была серьезным вкладом в изучение истории Семиречья и могулов в частности, но, к сожалению, изложение отличается конспективностью, и, хотя научное значение она сохранила и до нашего времени, тем не менее в значительной мере уже устарела, не отражает полностью комплекса известий о могулах, которые могут быть почерпнуты из источников, в том числе и из тех, которые были введены в научный оборот после В. В. Бартольда. Главное же в том, что брошюра не отвечает требованиям современной методологии.

Несколько ранее (в 1895 г.) Ней Илайес предварил первую публикацию английского перевода “Тарих-и Рашиди” Мухаммад Хайдар доглата, выполненного Денисоном Россом, своим предисловием и исследованием “Тарих-и Рашиди” на английском же языке, где речь идет о могулах²...

¹ Бартольд В. В. Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 23—106. Первое издание работы вышло в “Памятной книжке Семиреченского областного статистического комитета” за 1898 г. в г. Верном. Второе издание вышло в 1943 г. во Фрунзе.

² A History of the Moghuls of Central Asia being the Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. An English version edited, with commentary, notes, and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross. London, 1895 (Preface — p. V—XVI; “Tarikh-i-Rashidi” — p. 1—127).

(К сожалению, данный раздел статьи, посвященный историографии вопроса, Вениамин Петрович не закончил. — Ю. Б.)

* * *

Ко времени распада Чагатайского улуса и интронизации Туглук-Тимура в Могулистане³ большинство исследователей, явно или неявно, относят и такое важное событие, как образование могульского этнического единства. С этого времени оно под названием “могул” начинает выступать самостоятельно, как отдельный этнос, противопоставляющий себя кочевым племенам Средней Азии. Последние, так же как и могулы, выступили на исторической арене в этом регионе в основном со времени монгольского завоевания. Среднеазиатских кочевников могулы, как и представители других этносов, называли в отличие от себя “чагатаями”. Называли себя так и сами чагатаи. Следовательно, можно фиксировать, что в XIV в. произошло сложение двух новых этносов из племен, которые ранее считали, что они составляют известное единство.

Могулы презрительно также именовали чагатаев “караунасами”. Происхождение последнего названия не выяснено. Востоковедение предпринимало попытки вскрыть этимологию клички “караунас”, которые, однако, до сих пор положительных результатов не дали.

В свою очередь, чагатаи презрительно называли могулов именем-кличкой *джете* // *чете*, в которое вкладывали примерный смысл “разбойник”, “грабитель” и т. д. Употребляет некритически этот термин и Мирза Хайдар в тех главах “Тарих-и Рашиди”, которые заимствованы им или скомпилированы из других исторических сочинений.

Востоковеды пытались уяснить этимологию и этого слова. Предлагались самые различные объяснения. Одни полагали, что *джете* // *чете* — это сохранившийся здесь этноним *геты* // *готы*.

---

³ В специальном исследовании (пока не опубликованном), посвященном образованию Могулистана и Туглук-Тимур-хану, В. П. Юдин, не соглашаясь с мнением В. В. Бартольда и других авторов, предлагает “исходить из того, что ханом Туглук-Тимур стал в промежутке между 1346/47 и 1352/53 гг. н. э.” — Ю. Б.

Такие мнения увязывались с соответствующими этнополитическими концепциями об особой исторической роли германских племен в Азии. Другие считали, что *джете*//*чете* может быть сопоставлено со словом *чета* “отряд”, которое бытует в языках народов Балканского полуострова. Предложены были и другие этимологии. Все они, однако, не могут быть приняты, так как были высказаны в нарушение основных принципов научной дисциплины этимологии, противоречат конкретным фактам истории и должны быть отнесены, по выражению академика В. В. Радлова, в разряд диких этимологий.

Можно, таким образом, констатировать, что исходного значения слова *джете*//*чете* востоковедение все еще не установило.

Следует, однако, подчеркнуть, что еще В. В. Бартольд установил: появление могулов и названия *джете*//*чете* — факты исторически несинхронные. Если появление могулов как определенного единства относится к концу XIII — началу XIV в., то термин *джете*//*чете* употреблялся в XIII в. как общеизвестный. В. В. Бартольд обнаружил его в сочинении “Мулхакат ас-сурах” Джамала Карши, автора XIII в. Он пришел к выводу, что, если судить по написанию в “Мулхакат ас-сурах”, это слово в XIII в. произносилось как *джута* (т. е. джүтә). Его ввело в заблуждение в данном случае оригинальное изображение огласовок-харакатов над этим словом: фатху он принял за замму, однако не учел того, что при написании фатхи каламом при первом соприкосновении калама с бумагой образуется “жирная” точка, которая получает продолжение в виде более узкой черты. Именно это и уподобляет фатху замме, что и во время В. В. Бартольда и в наше время доставляло и доставляет немало хлопот востоковедам и порождает неправильные прочтения. Мы считаем, что и в XIII в. это слово звучало как *джете*//*чете*.

Таким образом, на фоне сложной политической, экономической и социальной истории Чагатайского улуса и в непосредственной связи с ней развивалась своим чередом и история этническая. Реализация глубинных этнических процессов привела

в XIV в. к возникновению нового этноса — могулов. Поскольку сложение этноса — процесс не единовременный, а достаточно длительный, постольку и приурочение возникновения могульского этноса к формальной дате распада Чагатайского улуса или возведения Туглук-Тимура в ханское достоинство представляется неверным.

Обособление и сложение могулов в этнос должно было иметь свой “инкубационный” период. Вероятнее всего, этот процесс начался во второй половине XIII в. и в основном завершился в первой половине XIV в. Отделение Могулистана от Мавераннахра и интронизация Туглук-Тимура могли лишь в плане политической истории более рельефно обозначить уже сложившиеся и существовавшие к тому времени этнические реалии — могульский этнос и этнос чагатаев.

Могулы были народ тюркоязычный. Но их название, естественно, порождало в научной литературе противоречивые мнения об их этнолингвистической принадлежности. Например, В. В. Бартольд в ранних работах называл могулов монголами. Такого же мнения придерживались и некоторые другие ученые. В последнее время стала преобладать та точка зрения, что языком могулов был тюркский.

Но почему же относительно языковой принадлежности совсем молодого этноса могли возникнуть противоречивые мнения? Казалось бы, нужно лишь ознакомиться с образцами речи могулов и вопрос решился бы сам собой. Дело, однако, в том, что образцов могульской речи в источниках нет или, вернее, до недавнего времени исследователи считали, что их нет.

Однако это не так. Сохранились и образцы речи могулов, и имеются другие свидетельства об их языковой принадлежности. Все они говорят за то, что могулы были тюркоязычны.

Тем не менее могулы назывались этнонимом *могу́л* مغول. А это тот самый этноним, которым обозначались собственно монголы. Таким образом, название собственно монголов и название могулов передавались в источниках одним и тем же словом. Оно одинаково писалось и одинаково произносилось.

Несмотря на это, в научной литературе ввели термин *могул*. Для этого было по меньшей мере два основания.

Во-первых, *могулы*, даже если не принимать во внимание их языковую принадлежность, были особым, самостоятельным этносом, независимым и отличавшим себя от собственно монголов Монголии и других районов их обитания. Поэтому стал необходимым и этноним, который бы отличал их от собственно монголов.

Во-вторых, все-таки они были не монголоязычными, что специалисты сознавали или интуитивно чувствовали. И в том, и в другом случае во избежание путаницы они должны были ввести терминологическое различие в обозначение этих разных этносов. Так появился в научной литературе этноним *могул*, хотя в действительности в источниках он одинаково служит для обозначения и монголов, и *могулов*.

Последнее обстоятельство создает известные трудности в работе исследователей при определении, с кем же они имеют дело в источниках — с собственно монголами или *могулами*. Такие же трудности испытывали иногда и средневековые восточные историки, которые чаще всего попросту не задумывались над этой проблемой.

Мы рассказали лишь о возникновении этнонима *могул* в научной литературе, но не ответили на вопрос о том, почему тюркоязычный этнос при своем возникновении сам называл себя *могул*, т. е. в конечном счете так же, как называли себя и монголы, и почему это название для *могулов* приняли и другие народы.

На этот вопрос ответ был дан почти одновременно с возникновением самого феномена, и он может быть найден в “Джами ат-таварих” Рашид ад-Дина. Во многих местах этого сочинения подчеркивается, что тюркские племена со времени возвышения монголов в престижных целях стали причислять себя к ним и называть себя их именем, т. е. этнонимом *могул* مغول. Например, “о [названных] народах известно, что начало их происхождения пошло от тех двух человек, которые ушли на Эргу-

нэ-кун; путем рождений и размножения их род стал многочисленным. Слово монгол стало именем их рода, и это название переносят [теперь] на другие народы, которые похожи на монголов, потому что начало обобщения сего слова [с другими народами] произошло с эпохи монголов, — последние же были одним из тюркских народов. Так как к ним была [проявлена] божественная помощь, то за время около четырехсот лет от них [произошло] множество ответвлений и по своей численности они превысили другие [народы]; вследствие же их могущества другие племена в этих областях также стали известны под их именем, так что большую часть тюрков [теперь] называют монголами. Подобно тому, как перед этим татары стали победителями, то и всех [других] стали называть татарами”⁴.

Более того, первый том “Джами ат-таварих” Рашид ад-Дина, в котором описываются тюрко-монгольские племена, посвящен в целом описанию именно тюркских племен, что многократно акцентируется. Так же многократно подчеркивается, что те племена во владениях Монгольской империи, которые суть монголы и являются господствующим этническим элементом, в действительности все или почти все являются тюрками.

Такого рода утверждения в “Джами ат-таварих” отнюдь не являются плодом недоразумения. Рашид ад-Дин и его сотрудники четко представляли себе различие между истинными монголами и тюрками. Они лишь хотели подчеркнуть, что те, которых называли монголами в таких составных частях Монгольской империи, как Иран, Золотая Орда, Чагатайский улус и другие, в действительности были тюркскими племенами с незначительным вкраплением собственно монгольского этнического элемента, и что они лишь в целях повышения своего социально-политического статуса назывались монголами.

Как известно, собственно монголы были вне Монголии представлены во всех частях Монгольской империи. Однако вне пре-

⁴ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952. С. 77.

делов Монголии монгольский элемент был ничтожным и тонул в массе тюркских племен и родов. Результатом была полная тюркизация монголов в тюркоязычной среде, иногда очень быстрая, через два-три поколения. Это знали Рашид ад-Дин и его сотрудники, это установлено как непреложный факт исторической наукой, например для Золотой Орды. Но такой же была судьба монголов и в других тюркоязычных частях Монгольской империи, в том числе и в Чагатайском улусе.

Все это заставляет по-новому ставить вопрос о тюркизации “монгольских” племен в Монгольской империи за пределами Монголии. В научной литературе нередко можно встретить утверждения, что мангыты в Золотой Орде или барласы в Мавераннахре и многие другие племена — это тюркизовавшиеся монгольские племена. Из этих высказываний вытекает, что пришлые мангыты, барласы и другие племена были, когда они появились в Золотой Орде, Мавераннахре, Иране и т. д., монголами полностью или почти полностью, которые лишь затем тюркизовались в тюркоязычной среде. При этом упускается из виду по крайней мере три обстоятельства.

Во-первых, если следовать намеченным путем, т. е. исходя из этнонима, который, по данным “Джами ат-таварих” и других источников, обозначал монгольское племя, то если не все, то подавляющее большинство кочевых племен Золотой Орды, Чагатайского улуса и т. д. были монгольскими.

Во-вторых, как следствие первого, среда должна была быть не тюркоязычной, а монголоязычной.

В-третьих, если все эти племена были пришлыми, то откуда они пришли и куда ушли прежние тюркские обитатели?

Признать эти племена пришлыми значит признать наличие огромного, многочисленного населения в Монголии и прилегающих к ней районах, которое затем сместилось на запад, в Золотую Орду, Чагатайский улус, Иран и т. д., признать, что вышеназванные страны были ненаселенными или почти ненаселенными или то, что их население было в основном истреблено.

Абсурдность этих посылок очевидна. Достоверно известно, что собственно монголов было мало⁵. Поэтому в улусы сыновей Чингиз-хана было отправлено всего лишь по 4 тыс. воинов с семьями. Позднее туда прибыли дополнительные контингенты монгольских воинов с семьями, которые в отдельных случаях даже значительно превышали четырехтысячные отряды, прежде выделенные сыновьям Чингиз-хана.

Между тем население вышеназванных стран действительно было многомиллионным. Известно, что действия здесь монгольских ратей в 300 тыс. человек в период существования и после распада Монгольской империи — явление обычное. Следовательно, местное население не могло быть монгольским.

Но, может быть, вместе с собственно монгольскими семьями с востока на запад были посланы многочисленные тюркские племена, подчинившиеся монголам? Но и это предположение не выдерживает никакой критики в свете показаний аутентичных и всех прочих источников.

Остается место лишь для единственного вывода. В Золотой Орде, Чагатайском улусе, Иране и т. д. монгольские завоеватели и нашли местное, автохтонное многомиллионное кочевое население, которое было покорено монголами. Это население было представлено тюркоязычными племенами. Таким образом, в период монгольских завоеваний и существования Монгольской империи не было никакого “великого переселения народов”.

---

⁵ По последним подсчетам, всего монголов во время Чингиз-хана было около 695 тыс. чел., а из них боеспособных людей — около 139 тыс. чел. См.: *Мункуев Н. Ц.* Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 394. К концу XIII — началу XIV в. монголов, по-видимому, в Монголии и Китае было около 1,5 млн человек (Там же. С. 395). По нашему мнению, подсчеты Н. Ц. Мункуева не учитывают тюрков, которые в источниках рассматривались как монголы. Но если даже допустить, что Н. Ц. Мункуевым учтены действительно только собственно монголы, то и в этом случае они тонули в многомиллионной массе тюрков.

Мы не хотим этим сказать, что в результате монгольских завоеваний и в границах Монгольской империи не было вообще никаких перемещений населения. Такие перемещения, несомненно, были. Но они не носили ни тотального, ни просто очень значительного характера.

От монголов за пределы их досягаемости из степей и других районов спасались бегством в основном бывшие племенные предводители, которые имели права на власть над местным населением и представляли собой местные династии. Таких правителей и близких к ним людей монголы беспощадно истребляли, если они попадали к ним в руки, чтобы уничтожить местные традиции властвования. Но бегство или гибель таких групп не оказывали сколько-нибудь серьезного влияния на количественный состав местного населения.

По причинам военного и политического характера происходили перемещения и отдельных родовых и племенных групп внутри Монгольской империи. Но такие перемещения никак не соответствовали масштабам монгольских завоеваний и территориальным размерам Монгольской империи. Они не влекли за собой генерального смещения кочевого населения с востока на запад, не приводили к радикальным переменам в этническом составе населения областей Монгольской империи. Это были разнонаправленные перемещения тюркоязычного населения в тюркоязычной среде, имевшие диффузный характер, характер перетасовки и радикально не менявшие этническую карту. Такие перемещения не могли быть ни причиной монголизации, ни причиной организации принципиально новой тюркоязычной среды.

Но что же тогда означают высказывания типа “тюркизация монголов-барласов, монголов-мангытов” и т. д.? Вероятно, если не было массового переселения целых монгольских племен, то и выражение “тюркизация” в данном случае лишено обычного смысла. Но это может означать лишь одно — этнические процессы здесь имели принципиально иной характер.

Но такой вывод закономерно влечет за собой и требование выработки иной концепции.

Прежде чем сформулировать эту концепцию, необходимо вернуться назад. Ведь кочевые племена Золотой Орды, Чагатайского улуса и т. д. первое время причислялись к монголам, а племена в основном имели монгольские этнонимы или тюркские этнонимы, но занесенные с востока монгольским завоеванием. Исключения, такие, как канглы, карлуки и др., были редки, т. е. действительно были исключениями, не меняющими общей картины.

Как совместить это с утверждением, что тюркские кочевые племена в период монгольского завоевания в целом не изменили мест своего обитания и составили подавляющую массу населения западных частей Монгольской империи? Ведь большинства названий племен этих областей, обитавших там в послемонгольский период, для домонгольского времени мы не знаем! А это наводит на мысль, что в домонгольский период здесь их не было.

Объяснение может быть, по-видимому, только таким. Монголы, выделенные в удел сыновьям Чингиз-хана, а также прибывшие туда позже, были рассеяны среди массы покоренных тюркских племен и родов. Но они были господствующим этническим элементом. Поэтому их не просто рассеяли, а передали тюркские роды и племена им в подчинение. Таким образом, во главе значительного тюркского племени или рода мог оказаться монгол, который приводил в такое племя или род свою семью и какое-то количество "прикомандированных" к нему других монголов. В результате этнолингвистическая принадлежность соответствующего племени не менялась, так как число вставших во главе племени собственно монголов было ничтожным в сравнении с общей численностью говоривших на тюркском языке членов такого племени.

Поскольку у монголов, как и у тюрков, существовала полигамия, постольку прибывшие в племя монголы обзаводились довольно большим количеством жен и наложниц тюркского происхождения. Это был верный путь к ассимиляции монголов в тюркской среде: нередко через два-три поколения собственно монгольский элемент исчезал.

Несколько затягивалась ассимиляция монголов в тюркской среде в тех случаях, когда они образовывали более или менее компактные и многочисленные группы. Это бывало при дворах ханов или предводителей крупных объединений, например тўманов. Но результат был тот же самый — тюркизация, которая затягивалась лишь на большее число поколений.

Если бы монголы численно преобладали и этническая среда была бы в основном монголоязычной, а не тюркоязычной, то и этнические процессы имели бы иную направленность: вместо тюркизации происходила бы монголизация. Источники, однако, неопровержимо свидетельствуют, что имела место именно тюркизация, быстрая, и даже объясняют этот процесс в соответствии с уровнем знаний и общих представлений своей эпохи. Основным среди аргументов источников является указание на подавляющее превосходство тюрков над монголами, что послужило и основой для наших выводов. Таким образом, высказывания “тюркизация барласов”, “мангыты — это тюркизовавшиеся монголы” и т. д. нужно понимать не в буквальном смысле. Следует помнить, что тюркизовались лишь немногочисленные представители собственно монголов внутри тюркского племени, а это в корне меняет понимание процесса.

Если в количественном отношении монгольский элемент был в сравнении с тюркскими элементами несоизмеримо мал, то социальный статус и политические позиции монголов были несоизмеримо высокими по сравнению с тюрками. Поэтому монгольский предводитель, который становился во главе тюркского племени, давал ему и свое племенное имя: по племенной принадлежности предводителя власти и соседи называли племя. Иногда названием племени или рода становилось собственное имя предводителя. Факты именно такого рода мы обнаруживаем в этнической истории могулов.

Что процессы были именно такими, косвенно подтверждается и другими фактами истории образования и функционирования Монгольской империи. Чингиз-хан вполне сознательно проводил политику истребления правящих родов и “династий”

покоренных им кочевых тюркских и монгольских объединений племен, отдельных племен и родов. Он настолько преуспел в этом, что социальный термин “хан” или “каган” в общественном сознании кочевников превратился в неотъемлемую прерогативу “золотого рода” Чингиз-хана.

Такое представление даже сакрализовалось, что привело к образованию культа Чингиз-хана, смысл которого заключался в том, что, по воззрениям тюрко-монгольских племен, верховная власть должна была принадлежать только чингизидам. Тюрки и монголы забыли, что до Чингиз-хана у них на огромных просторах евразийских степей было много ханских династий из самых различных племен и родов, к которым род кыйат-борджигин — род, из которого происходил Чингиз-хан, — не имел никакого отношения.

Култ Чингиз-хана возник не сам собой. Он явился результатом целеустремленной политики самого Чингиз-хана и его потомков. Смысл этой политики заключался в том, чтобы вытравить из памяти покоренных монгольских и тюркских племен и народов память об их прошлом с целью более успешного их подчинения.

Чингиз-хан как никто хорошо понимал опасность, которую представляли родоплеменные свободолюбивые сепаратистские устремления. Поэтому он не только добивался их подчинения неотвратимостью кары, которую он обрушивал на непокорные племена, вплоть до их полного физического уничтожения, но и стремился покорить их духовно.

Одной из составляющих этой политики Чингиз-хана в этническом плане, возможно, и было намерение вытравить из памяти племен их прежние наименования. Мнение это, высказываемое нами как гипотеза, находится в полном соответствии с тем, что нам известно об этническом аспекте его политики.

Все вышеизложенное должно объяснить, почему тюркоязычный этнос, сложившийся в восточной части бывшего Чагатайского улуса, имел название *могулы*. Если тюркоязычные этносы, складывавшиеся в различных частях бывшей Монгольской империи и прежде причислявшие себя к монголам, в силу

различных причин получили другие различные наименования, то турки Могулистана сохранили название *могул*, т. е. в конечном счете *монгол*. Это лишь один из показателей специфики этнической истории тюркоязычного этноса могулов и не более.

В специальной литературе вместо этнонима *могул* и его производных *Могулистан* и *Могулия* употребляются и их фонетические варианты *могол*, *Моголистан*, *Моголия*. Поскольку языком могулов был язык тюркский, постольку, в соответствии с фонетическими законами тюркских языков, правильным произношением и, следовательно, написанием являются варианты *могул*, *Могулистан*, *Могулия*. Это отметил, например, А. Н. Кононов, который указал, что, несмотря на употребительность написания *могол* и пр., “по фонетическим соображениям, пожалуй, лучше было бы “могул”, “Могулистан”⁶. Мы считаем это соображение правильным и полагаем, что разноречивой следует ликвидировать и придерживаться исторически верного произношения и написания “могул”, “Могулистан”, “Могулия”.

Могулы были многочисленный народ. По “Тарих-и Рашиди”, вместе с Туглук-Тимуром приняли ислам 160 тыс. мужчин-могулов⁷. “Аноним Искандара” сохранил еще более интересные сведения о численности могулов: “Как только он (Шам-и Джахан) сел на царство, он запросил производящих досмотр тысячам и туманам о числе войск. Насчиталось около 90 туманов”⁸. Подсчет этот производился после кончины Хызр-Ходжа-хана, который, по “Анониму Искандара”, умер в 799 г. х. (1396/97 г. н. э.)⁹, во время восшествия на трон Шам-и Джахана, который, по тому же “Анониму Искандара”, умер в 802 г. х.

⁶ Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 82. Прим. 28.

⁷ A History of the Moghuls of Central Asia being the Tarikh-i-Rashidi... P. 15.

⁸ Аноним Искандара // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 121 (далее — МИКК).

⁹ Там же. С. 120.

(1399/1400 г. н. э.)¹⁰. Таким образом, могульское войско в самом конце XIV в. насчитывало 900 тыс. человек. А это означает, что если исходить из принятого в науке соотношения между числом воинов у кочевников и общей численностью населения 1:5¹¹, то общее число могулов равнялось примерно 4,5 млн человек. Если исходить из размеров всех территорий, на которых проживали могулы, а не только собственно Могулистана, границы которого очерчены в "Тарих-и Рашиди" Мирза Хайдара, то вряд ли можно считать, что цифра 4,5 млн является завышенной. Скорее можно считать ее заниженной, потому что семья кочевника-могула была полигамной, и соотношение 1:5, вероятно, занижает истинное количество населения.

Можно сказать, что түмән у могулов не был единицей, выставлявшей 10 тыс. воинов, а был просто иным обозначением племени. Племя же, в свою очередь, могло быть и незначительным по численности. Однако источники говорят и о том, что, например, могульская тысяча *қадақ* выставляла 3 тыс. воинов¹², т. е. могульские воинские единицы, обозначаемые числом воинов, которое они должны были выставлять, — түмәны, тысячи, сотни — сохраняли свои названия по традиции, но в действительности могли выставлять и значительно большее количество воинов. Колебания могли быть и в ту и в другую сторону, но в целом они, видимо, уравнивались. Поэтому мы принимаем цифру в 4,5 млн человек как примерно отражавшую реальную численность могульского народа.

Могульские племена были многочисленны. В их состав входили племена кераит, қанғлы = бекчик, әркәнүт / әркәнүд, сулдуз, доғлат, чорас, күрләгүт, қәрлүқ // хәрлүж, итарчи = барақ = ақбарақ, сағрычи = көнчи, қушчи = кукельдаш, байрин = бахрин = барин, қалучи, улғачи, алучи, арлат, барлас, дохтуй, йәрқй, ордабеги, мекрит, шунқарчи = шулқарчи, нарин (это племя, вероятно,

¹⁰ Там же. С. 121.

¹¹ Мункуев Н. Ц. Указ. соч. С. 394.

¹² Аноним Искандара // МИКК. С. 122–123.

тождественно с племенем барин; название появилось в результате неправильного написания этнонима *барин* в источниках), бальқчи, татар, долан, түркәт, хибәт = ширасут, узбек, даруга, куканут. Вероятно, в составе могулов были и родоплеменные подразделения туркмен и нойгут. Таким был состав могульских племен, установленный до недавнего времени¹³. К настоящему времени нами выявлены также такие племена в составе могулов, как қай (қайй?) и қадәқ, и их некоторые другие родоплеменные подразделения.

Мы все еще далеко не полностью знаем родоплеменной состав могулов. Например, Мирза Хайдар в “Тарих-и Рашиди” говорит, что в списке племенных предводителей, выступивших в 1514 г. в поход вместе с Султан Саид-ханом на Кашгар, он перечислил только тех, кто имел звания эмиров и мирз. При этом он говорит, что имелись и другие родоплеменные подразделения, которые он не посчитал нужным назвать, так как их возглавляли свои предводители, не обладавшие знатностью. Одно из таких племен он назвал. Это — калучи, по поводу которого он обронил замечание, что оно было одним из самых многочисленных в Могулистане. Из этого можно видеть, что Мирза Хайдар, как, возможно, и другие авторы, считал нужным упоминать о могульских племенах не в зависимости от их мощи, определявшейся количеством воинов, которое они могли выставить, а в зависимости от их знатности и, следовательно, положения в иерархии могульских племен. Из этого вытекает, что состав племен и родов могулов нужно продолжать выявлять путем тщательного обследования различных источников. Выявление племен қай и қадәқ подтверждает эту мысль.

Наконец, следует сказать, что Мирза Хайдар утверждает, что был целый народ, который он называет племенем, целиком

¹³ Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1965. Вып. 3. С. 52–57. Ср.: *Mano Eiji. Moghulistan // Acta Asiatica*, 34 (1978). Special Issue: Historical Studies on Central Asia in Japan. P. 49–52.

выделившийся из могулов, обособившийся и противопоставивший себя могулам. Это были тянь-шаньские киргизы. Мирза Хайдар утверждает, что они откололись от могулов потому, что не желали признавать над собой власть могульских ханов-чагатаидов и принимать ислам. Отделение киргизов от могулов он фиксирует началом XVI в.

Заметим, что до сих пор образование тянь-шаньского этноса киргизов в науке удовлетворительным или сколько-нибудь соответствующим фактам истории образом не объяснено. Высказано чуть ли не несколько десятков гипотез, не подкрепленных аргументами. Все они исходят в основном из того, что тянь-шаньские киргизы — это енисейские или алтайские киргизы, которые когда-то (?), каким-то образом (?) перебрались на территорию современной Киргизии¹⁴. Но именно ни времени, ни путей, ни прочих обстоятельств переселения киргизов с Енисея или Алтая на Тянь-Шань никому из исследователей в источниках обнаружить не удалось. Факт сам по себе уникальный и удивительный! Все эти гипотезы грешат одним недостатком — они умозрительны, сугубо субъективны и характеризуются откровенным авторским произволом. Их многочисленность сама по себе веское доказательство их несоответствия исторической действительности. Поэтому они и не могут быть приняты.

---

¹⁴ Обзор гипотез о происхождении тянь-шаньских киргизов см.: История Киргизской ССР / АН КиргССР, Ин-т истории. Т. 1. Фрунзе, 1968. С. 143–150. Следует отметить, что на мнение авторов о происхождении тянь-шаньских киргизов очень большое влияние оказали данные персоязычного агиографического сочинения “Маджму ат-таварих” Сайф ад-Дина Ахсиканти. Считается, что сочинение написано в XVI в. Это определение неверно. Оно не могло быть написано в дошедшем до нас варианте ранее второй половины XVIII в., так как в нем упоминаются, например, сибо и солоны, которые пришли в Синьцзян после завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана маньчжуро-китайскими войсками во второй половине XVIII в. Интерполяция данных этого сочинения на предшествующие века значительно исказила выводы об этноисторических процессах в Киргизии, т. е. в данном случае в Могулистане.

Причины того, почему авторы вышеупомянутых гипотез так упорно ищут истоки этноса тянь-шаньских киргизов на Енисее или Алтае, кроются во все еще не преодоленной в исторической науке тенденции, или традиции, решать вопросы этногенеза народов способом, который представляется самоочевидным в своей истинности, да и наиболее легким — следованием за этнонимом, в данном случае — за этнонимом *киргиз*. Между тем давно уже установлено, что история народа и история этнонима нередко не совпадают и представляют собой две независимо развивающиеся линии.

Достаточно хорошо установлено существование так называемых “кочующих” этнонимов. Такие этнонимы по каким-то конкретным историческим причинам присваиваются некоторым этническим коллективам, никогда не обозначавшимся прежде этими этнонимами и никакого отношения к коллективам, носившим их в действительности, не имевшим. Примеров тому немало. Так могло быть и с тянь-шаньскими киргизами.

Будучи группой могульских племен, они, по указанным Мирза Хайдаром причинам, могли отделиться от остальных могульских племен и на основе политической борьбы против чагатаидов и ислама сплотиться и осознать свое единство. Этноним *киргиз* мог играть политическую роль “лозунга”, декларации независимости от власти чингизидов, былой независимости тюркских племен, не знавших прежде господства ханов монгольского происхождения. Таково предположение, которое само собою напрашивается благодаря высказыванию Мирза Хайдара¹⁵.

¹⁵ В вышеупомянутом труде — “История Киргизской ССР” — этнические процессы в Могулистане рассматриваются весьма своеобразно. Коротко концепцию авторов этого труда можно изложить так. В Могулистане, с момента образования его, существовали два независимых этноса — киргизы и могулы. В том, что первые сведения в источниках о тянь-шаньских киргизах появились в конце XV или начале XVI в., проявилась не история, а виноваты восточные авторы, по разным причинам не писавшие о киргизах. Киргизов было много, а могулов — мало. Киргизы ассимилировали могулов. Нельзя не видеть, что здесь факты подчинены заранее сконструированной концепции. Могулам — этносу, ныне не существующему, как и всем таким “пасынкам” истории, опять не повезло: “своя своих не познаша”.

Сказанное не означает, что в составе могулов не было никаких племен, которые в прошлом могли бы иметь какое-то отношение к древним киргизам. Между могулами и тюркскими этносами, проживавшими за Иртышом, несомненно существовали разнообразные связи.

Мы не знаем почти ничего определенного о восточных границах Могулистана. Мирза Хайдар указывает, что на востоке границами Могулистана были Барс-Куль, Иртыш, Обь. Указания весьма неопределенные. Доходили ли границы Могулистана до этих географических ориентиров или уходили дальше них, мы не знаем. Как менялись границы на востоке за время существования Могулистана, мы тоже не знаем. Мирза Хайдар никогда не бывал на восточных рубежах Могулистана, поэтому эти его сведения и отличались такой неопределенностью.

Между тем имеются бесспорные свидетельства этнических связей могульских племен на уровне миксадии с заиртышскими тюркскими племенами, которые могут считаться носителями исторической памяти о древних киргизах и даже, возможно, входили некогда в то единство, которое мы называем "древними киргизами", т. е. в состав енисейских или алтайских киргизов.

Поясним это.

В свое время мы писали, что "калучи известны только в составе могулов..."¹⁶. Э. Р. Тенишев установил, что род калучи имеется в составе лобнорцев¹⁷, что, по нашему мнению, "неоспоримо свидетельствует о происхождении последних от могулов"¹⁸. В последние годы установлено наличие калучи у алтайцев и тувинцев.

Племя калучи является, однако, "загадочным". Предпринимались попытки вывести этот этноним из этнонимов *халадж*,

¹⁶ Юдин В. П. О родоплеменном составе... С. 63.

¹⁷ Тенишев Э. Р. Еще раз о происхождении лобнорцев // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). М., 1964.

¹⁸ Юдин В. П. О родоплеменном составе... С. 63.

галча и других. Но эти этимологии неприемлемы как по причинам исторического характера, так и по лингвистическим. Этническим калучи по своей морфологической структуре и семантическим истокам явно входит в один ряд с такими этническими обозначениями, как кушчи, булгачи, салучи, шункарчи, балыкчи, итарчи, сагрычи и другие. Происхождение же этого ряда племенных названий и им подобных исследователи, в зависимости от научных “вкусов”, объясняют в аспекте “тотемистической” или “профессиональной” этимологии. Общее же в них то, что все они представляют собой имена действующего лица, образованные присоединением к основе аффикса имени действующего лица — *чи*. В этом смысле они близки к слову *галча* (< *гар* + *чи*?), но тем не менее не имеют ничего общего, мы имеем в виду, естественно, *калучи* с *галча* материально. Происхождение калучи Э. Р. Тенишев правильно выводит из слова *калун* “выдра”.

Как уже указывалось, до недавнего времени калучи фиксировались в составе только могулов, но о них ни единого слова не сказано в “Джами ат-таварих”, которое достаточно полно описывает родоплеменной состав монголов и тюрков, находившихся в сфере политического влияния монголов. На первый взгляд представляется очень странным, что “Джами ат-таварих” не отмечает калучи, которое было самым крупным племенем в Могулистане, т. е. в конечном счете в Чагатайском улусе. Ничего, однако, странного в этом нет.

Если вспомним, что “Джами ат-таварих” называет племя доглат — самое могущественное и одно из самых крупных племен Могулистана — незначительным племенем, то можно сделать вывод, что Рашид ад-Дин и его сотрудники по каким-то причинам не располагали полной и хоть сколько-нибудь достаточной информацией о родоплеменном составе населения Чагатайского улуса. Они просто, по-видимому, не знали о существовании этого племени, к тому же не обладавшему достаточной знатностью.

Мы же теперь знаем, что это “загадочное” племя могулов “имеет” свои “отделения” среди алтайцев и тувинцев. Дальнейшие изыскания, возможно, обнаружат такие “отделения” и среди других малых тюркских народов Сибири, соседствующих с алтайцами и тувинцами.

Если бы речь шла о таких известных этнических обозначениях, как *барлас*, *арлат* и им подобные, то это мало что доказывало бы, так как они-то и принадлежат прежде всего к “кочующим этнонимам”. Появление родоплеменных единиц под такими наименованиями у различных тюркских народов — проблема слишком сложная для объяснения: они могли действительно “кочевать” и это не значило бы, что в таких случаях реально имело место разделение единого племени на две или больше частей между двумя или большим количеством народов.

Что же касается калучи, то, как нам представляется, здесь не может быть двух разных мнений. Это племя действительно “уникально” и “загадочно” в том смысле, что мы обнаруживаем его у разных тюркских народов одного в целом-то незначительного, по сравнению с территорией Монгольской империи, района, который в прошлом не раз демонстрировал единство исторических судеб своего населения.

Мы полагаем, что наличие калучи у могулов, алтайцев и тувинцев — бесспорное свидетельство интенсивных этнических связей Могулистана, Алтая и Тувы в какой-то период истории. Этот период не может быть слишком отдаленным, иначе калучи, как и многие другие племена, оказались бы разбросанными на огромных пространствах расселения тюркских народов. Таким периодом может быть только время существования Чагатайского улуса и Могулистана.

Именно в это время население этого района бывало часто связанным в политическое единство и внутри этого района наблюдались перемещения населения, иногда значительные. Тогда и могло племя калучи оставить отдельные свои части на различных участках очерченной нами территории.

Это могло происходить прежде всего в эпохи бурных политических событий в Чагатайском улусе и Могулистане, например во время нашествий Эмира Тимура, когда Эмир Камар ад-Дин, разумеется, с группами могулов, был вынужден уходить за Иртыш, во время движения ойратов из Западной Монголии и их последующих отходов, во время внутренних неурядиц, когда могульские племена расходились в разные стороны на далекие расстояния.

Нельзя утверждать определенно, за недостатком показаний источников, но представляется очень вероятным, что в некоторые периоды истории Могулистана заиртышские районы, может быть, весьма значительные, могли непосредственно входить в состав Могулистана. Это могло быть, например, в то время, когда действовал все тот же Эмир Камар ад-Дин.

Есть еще одно бесспорное доказательство тесных этнических связей, а может быть, и единства в определенный исторический период, могулов и заиртышских тюркских племен. Известно, что киргизский и алтайский языки в классификационной схеме тюркских языков составляют особую подгруппу, тесно связанную в единство целым рядом фонетических и морфологических признаков. Такое лингвистическое единство не может быть случайным. Оно должно найти свое историческое объяснение.

Но можно отметить и еще один аспект лингвистической связи в данном случае. Алтайский язык отличается от других сибирских тюркских языков наличием в его словаре значительного количества лексических заимствований из персидского и арабского языков, большего, чем в других сибирских языках. Можно было бы объяснить такую ситуацию в словарном составе алтайского языка "миграцией" соответствующих разрядов лексики из киргизского языка. Но это допущение неизбежно требует признания того, что между алтайским и киргизским языками в прошлом существовали особые связи, отличные от их связей с другими тюркскими языками.

В свою очередь, этот вывод влечет за собой другой закономерный вывод — в прошлом специфические связи существова-

ли не просто между алтайским и киргизским языками, но между самими народами. Тезис этот не может вызвать особого возражения, так как киргизы, как часть могульского этноса, и алтайцы территориально соседствовали.

Однако мы в своем предположении идем дальше. Мы полагаем, что могулы и племена, из которых сформировались алтайцы, в прошлом были единым этносом.

Вероятно, во время принятия могулами ислама эта религия насаждалась и среди алтайцев, как части могульского этноса. В дальнейшем в связи с политическим упадком Могулистана и этнической деградацией могулов племена алтайцев оторвались от могульского этноса, а ислам у них "эрозировался" и исчез. Но следы его остались в виде довольно значительного пласта арабо-персидской лексики в алтайском языке.

Известно, что у кочевников ислам приживался с трудом. Так, в Дашт-и Кипчаке ислам последовательно насаждался Беркеханом, Узбек-ханом и Эдиге. Однако, по общему мнению, ислам у кочевников Дашт-и Кипчака и их потомков признавался только формально, а фактически религией их до недавнего прошлого оставался все еще шаманизм.

Более того, в алтайском языке мы обнаруживаем сходство в некоторых случаях с современным уйгурским языком. И это сходство не общетюркское, т. е. такое, которое можно наблюдать между всеми тюркскими языками в независимости от их современных районов бытования и разделяющих их расстояний. Выявляются специфические алтайско-уйгурские языковые изоглоссы, параллельные киргизско-уйгурским.

Появление их может быть объяснено только наличием периода непосредственного общения алтайских племен с современными уйгурами. А это могло происходить лишь в период этнической общности могулов и алтайских племен, когда в обстановке политического господства могулов алтайские племена могли вступать в непосредственные контакты с современным оседлым уйгурским этносом в Восточном Туркестане.

Таким образом, по нашей гипотезе, алтайские племена, как, вероятно, и ряд тувинских и других тюркских племен, конституировавшихся в позднейшее время в небольшие сибирские тюркские народы с весьма пестрым родоплеменным составом, в эпоху Чагатайского улуса и Могулистана имели тесные этнические связи, совершали микромиграции внутри региона, приводившие к их миксации, а в какой-то период даже входили в состав могульской общности. Это объясняет и определенную общность родоплеменного состава могулов, алтайцев, тувинцев (калучи) и языковое сходство определенного таксономического уровня в пределах тюркских языков. Мы полагаем, что черты языкового сходства обнаруживаются у алтайцев (частично и у тувинцев) не только с киргизами, но и с могулами вообще.

Все вышесказанное позволяет по-новому сформулировать взгляд на проблему происхождения тянь-шаньских киргизов в свете этнической истории могулов. В этой проблеме могут быть выделены по меньшей мере три аспекта — аспект этнического наименования тянь-шаньских киргизов; аспект особой языковой близости алтайцев и киргизов; аспект физических предков тянь-шаньских киргизов.

Начнем с последнего. По нашему мнению, из существующих гипотез о происхождении тянь-шаньских киргизов можно рассматривать серьезно только мнение, высказанное еще в XVI в., т. е. во время выхода тянь-шаньских киргизов на историческую арену, Мирза Хайдаром. По его сведениям, как упоминалось выше, тянь-шаньские киргизы — это часть могулов, обособившаяся от остальных могульских племен на политической и религиозной основе. Но если это так, то вопрос о происхождении тянь-шаньских киргизов может быть решен только в рамках решения проблемы происхождения могульского этноса в целом. Могулы же, по нашему мнению, это многочисленная группа тюркских племен с незначительным тюркизованным монгольским компонентом.

Массив могульских племен, сложившийся в этническое единство на рубеже XIII и XIV вв., формировался на территории не только того Могулистана, границы которого очерчены в

“Тарих-и Рашиди”, но и за этими границами, в частности и в заиртышских областях, которые, вероятно, входили в определенные периоды в состав Могулистана или, во всяком случае, подчинялись ему политически. Следовательно, в какие-то периоды границы Могулистана уходили далеко за Иртыш.

Все эти тюркоязычные могульские племена, а не только те, которые впоследствии стали тянь-шаньскими киргизами, в том числе и алтайские и другие сибирские племена, и составляли в далеком прошлом единство, которое покрывалось общим этнонимом “киргизы”. Во всяком случае, многие племена могульского массива хранили, вероятно, память об их далеком “киргизском” прошлом, а их продолжительное общение и этническое сближение делало эти воспоминания общим достоянием.

В свете вышесказанного следует говорить о “киргизском” происхождении не только тянь-шаньских киргизов, но и всего массива могульских племен. Ведь этноним *киргиз* в древности и домонгольское время пережил, несомненно, все те метаморфозы, которые затем наблюдались в истории этнонимов *татар* и *монгол*, о чем говорится в вышеприведенной цитате из “Джами ат-таварих”. Такова же история и этнонимов *сюнну*, *тюрк*, *уйгур* и других.

Эти этнонимы служили обозначением племени или группы племен, которые, покорив многочисленные племена и создав кочевое объединение, передавали всем таким племенам свое имя. Поэтому историческая наука и сталкивается с такими фактами в истории кочевников Азии, когда огромный прежде народ внезапно “исчезает”, а вместо него, так же внезапно, “появляется” новый огромный, может быть даже более многочисленный народ.

Сущность этих “рождений” и “смерти” народов давно уже вскрыта историками: погибали и возникали не народы, а рушились старые кочевые державы, а на их месте возникали новые. Племя, которое ранее господствовало в таком кочевом объединении или державе, теряло свои политические позиции, далеко уходило, спасаясь бегством, или, редко, истреблялось. В таких случаях этноним, которым обозначалось все население всего объединения, сохранялся

только для обозначения того племени, прежде господствовавшего, которому он, собственно, и принадлежал. Все остальные племена вновь начинали называться своими древними именами. Они как бы воскресали. Так возникала иллюзия гибели и возникновения больших народов.

Но иногда, когда господство племени над другими племенами было продолжительным, имя господствовавшего племени продолжало еще довольно долго жить, став общим наименованием целого ряда племен, прежде не имевших никакого отношения к племени, давшему им это новое имя.

Иногда такое название несколько меняло свое содержание. Так было, например, с этнонимом “тюрк”, который в качестве этнонима первоначально служил названием небольшого племени. В период Тюркских каганатов тюрками стала называться огромная масса племен. После гибели каганатов этноним “тюрк” не исчез. Но он изменил свое содержание. Слово “тюрк” стало обозначать лингвистическую принадлежность племен, говоривших на языках особого типа, но имевших свои собственные этнические обозначения и нередко входивших в более крупные объединения племен, имевшие также особые названия.

Нечто подобное произошло и с этнонимом “киргиз”. Это один из древнейших тюркских этнонимов. История древних киргизов достаточно хорошо известна. Но этот этноним сохранился и в послемонгольское время. Русские землепроходцы встретились в Сибири с киргизами. Так называли они большинство тюркских племен Западной Сибири.

Но при ближайшем ознакомлении оказалось, что народ “киргиз” — фикция: были отдельные племена и “народцы” под своими особыми названиями, но не было большого народа “киргиз”, не было и более или менее крупного племени “киргиз”. Остается только предположить, что у сибирских тюркских племен еще жило смутное воспоминание о былом существовании в их краях крупного народа “киргиз” и об их былой принадлежности к этому народу.

Доказательством вышесказанного являются попытки исследователей найти в Сибири времени русских землепроходцев народ “киргиз”, которые не дали положительного результата. Ведь не может же историк всерьез принять объяснение исчезновения в Сибири киргизов историческим фактом переселения незначительного племени джунгарами, которое в нашей исторической литературе иногда приводится в качестве решающего аргумента.

Между тем русские документы пестрят этнонимом “киргиз”. Впоследствии он даже был перенесен на казахов. Это может говорить лишь о том, что память пережила действительность, реминисценции были приняты за реальность. Но память эта жила!

Таким образом, если говорить о происхождении тянь-шаньских киргизов, то они в такой же мере происходят от киргизов, как и все могулы: в их составе было много сибирских тюркских племен, которые традиционно могли возводить свое происхождение к древним киргизам. Так решается аспект физических предков тянь-шаньских киргизов в рамках общей проблемы предков могулов.

Что же касается вопросов, почему тянь-шаньские киргизы стали называться киргизами и почему их язык обнаруживает черты сходства с алтайским, то они уже достаточно полно раскрыты выше.

Тюркоязычность киргизов — факт исторически бесспорный. В составе могулов имелся целый ряд племен, тюркоязычность которых также не подлежит сомнению, — это канглы, карлуки и другие. Почему племена, носившие у могулов монгольские названия, были также тюркоязычны, мы показали выше. Свидетельства источников также подтверждают их тюркоязычность. Можно считать, что в настоящее время подвергать сомнению тюркоязычность могулов означает отдавать дань уже изжившей себя традиции.

Могульский этнос имел сложную родоплеменную структуру. Если эту структуру рассматривать независимо от уровня развития социальных и производственных отношений, как это и делают отдельные историки, то она выступает как типичный племенной союз.

Однако в советской историографии преобладающим является взгляд на такие объединения кочевых племен как на народности, а их социальный строй определяется как патриархально-феодальный при сохранении родоплеменного быта.

Могульские племена вполне сознавали свое единство, т. е. были самостоятельным оформившимся этносом. Это ясно видно, например, из слов Мирза Хайдара, что его целью, когда он писал “Тарих-и Рашиди”, было написание истории его собственного народа — могулов.

Могульский союз племен, как и многие кочевые тюркские народы, делился на две части — левое крыло (тюрк. *сол қол*, монг. *جوانغار // جونغار джэвāнḡār // джōнḡār*, араб. *ميسره* мэйсәрә) и правое крыло (тюрк. *оң қол*, монг. *برانغار* бурāнḡār, араб. *ميمنه* мэймәнә).

Все племена по давней традиции, идущей еще со времен Чингиз-хана, а может быть и с более древних, распределялись между этими двумя крыльями.

Племена, принадлежавшие к одному крылу, составляли строгую иерархию, и все отличались друг от друга по старшинству. В зависимости от степени старшинства представители племен располагались в строгом порядке на тоях, корунушах и прочих церемониях: в зависимости от “высоты” статуса племени его представитель и садился “выше”, т. е. ближе к хану, и наоборот. То же самое строго соблюдалось во время военных походов, коллективных, облавных охот и т. д.

Ханская власть стремилась взять в свои руки определение статуса знатности племен. Племена этому упорно сопротивлялись, ссылаясь на незыблемость обычаев и древних установлений. Таковы были обычаи местничества у могульских племен.

Главы племен настолько держались за институт местничества, что нередко были случаи, когда главы одних племен, оспаривая право старшинства, обнажали сабли против глав других племен. Об этом содержатся сообщения в трудах Бабура, Мирза Хайдара, Махмуда чораса, в анонимной “Тарих-и Кашгар” и других источниках.

Могульский племенной союз называется مغول اولوسى Моғұл ұлұсы. Во главе его стоял اولوس بيگى ұлұсбегі, т. е. “бек улуса”, или “улусный бек”. Первоначально эта должность была, вероятно, выборной. Затем, однако, на эту должность стал назначать желательных ему лиц хан. Назначение строго ограничивалось. Улусбеги назначался только из определенного племени.

Но не любое лицо могло быть назначено из этого племени после смерти предшествующего улусбеги, так как должность эта была пожизненной. В качестве улусбеги хан должен был назначить ближайшего, но старшего родственника мужского пола умершего улусбеги. Если этот порядок нарушался, то со стороны “законного” преемника мог последовать бурный протест и даже могли быть открыты военные действия против хана.

Так, например, объясняются в источниках причины, почему Эмир Камар ад-Дин доглат после смерти Туглук-Тимур-хана начал борьбу против чагатаидов. Туглук-Тимур-хан после смерти улусбеги Поладчи назначил на эту должность не его младшего брата Камар ад-Дина, а Худайдада, семилетнего сына Поладчи. Поэтому якобы Эмир Камар ад-Дин и начал в последующем истреблять сыновей Туглук-Тимура, в частности долго преследовал Хызр-Ходжу-оглана.

Таким образом, должность улусбеги была и наследственной; и в то же время хан обладал правом назначения на эту должность. В этой процедуре с самого начала была заложена возможность возникновения конфликта между ханской властью и предводителями племен. И история могулов дает немало примеров таких конфликтов.

Левое и правое крылья возглавлялись особыми лицами, которые назывались *учбеги*. Имелись также *ясавулы* обоих крыльев.

Крылья делились на воинские соединения, части и подразделения в зависимости от числа входивших в них людей: *түман*, или *сан*, — 10 тыс. чел., *минг* — 1 тыс. чел., *қошун* — менее 1 тыс., но более 100 чел., *йүз* — 100 чел., *он* — 10 чел.

Однако в истории Могулистана и Могули, как уже говорилось выше, названные соединения, части и подразделения именовались так только по традиции. В действительности в качестве *түмәнов* и других войсковых единиц выступали могульские племена и роды, количество воинов в которых уже далеко не соответствовало приведенным выше обозначениям.

Все войсковые единицы возглавлялись особыми лицами, которые именовались *түмәнбеги*, *мингбеги*, *қошунбеги*, *йўзбеги*, *онбеги*. Вместо *мингбеги* — термина, который употреблялся в основном в официальной документации, в действительности обычно употреблялся термин-чин *турбеги* “знамённый бек”.

Все вышеназванные чины-должности у могулов были, как правило, наследственные. Наследственными были, вероятно, и все остальные должности, существовавшие в Могульском улусе. Например, наследственной была “должность” *көкәлдаш* / *көкәлташ* (рус. *кукельдаш* или *кукельташ*) “молочный брат”, которая являлась прерогативой могульского племени кушчи. Это означало, что в это племя по традиции передавали на воспитание одного из ханских сыновей. Вскормленный молоком жены предводителя племени, этот чагатаид становился молочным братом сыновей предводителя.

Интересно, что племя кушчи обладало правом “кукельташества” и в улусах других сыновей Чингиз-хана. Это говорит за то, что Чингиз-хан дробил каждое племя между улусами своих сыновей и наделял их части одинаковыми правами в разных улусах.

В результате наследственного права племен на определенные должности в разных улусах названия таких должностей становились как бы вторым названием племен. Так, у могулов *кукельдаш* стало еще одним названием племени кушчи.

Этот любопытный факт превращения названия наследственной должности племени в этноним заслуживает самого пристального внимания. Он, вероятно, раскрывает перед нами механизм формирования одного из путей этнонимообразования.

У могулов было племя *ордабегн*. Это слово переводится как “бек [ханской] ставки”. Можно предполагать, что в данном случае название наследственной должности какой-то племенной или родовой группы превратилось в название племени, игравшего затем довольно значительную роль в истории могулов.

Отметим, наконец, что могульские племена имели клички. Так, племя барлас имело кличку “осел”, “ишак” (новоуйг. *ешэк*). В качестве синонимов в литературе вместо разговорного “ишак” употреблялись синонимичные перс. خر хяр и араб. حمار himar. Такие названия-клички тоже в определенных случаях могли, по-видимому, превращаться в названия племен.

Происхождение таких кличек было, вероятно, различным. Кличку мог получить предводитель племени, а затем она могла распространиться и на все племя. Например, Эмир Таш-Тимур, который доставил Туглук-Тимура из племени дохтуй, имел кличку *كوك اوجكو* көк өчкү “серая коза”. Происхождение клички таково. Таш-Тимур во время экспедиции за Туглук-Тимуром гнал с собой стадо коз, которыми питался. Когда он вернулся в Аксу, у него осталась одна серая коза. Поэтому его и прозвали “Серая Коза”. Даже в XVI в. его потомки носили эту кличку.

Мы так подробно остановились на вопросе о происхождении могулов и некоторых их характеристик потому, что могульский этнос, не существующий сейчас, сыграл большую роль в истории, политической и этнической, народов Центральной Азии. Этнические контакты могулов с различными народами через ряд опосредований отмечаются на огромных пространствах Азии, от Тувы до Индии.

Особенно важна роль могулов в этнической истории казахов, киргизов, узбеков. Казахский Старший жуз сформировался в основном за счет могульских племен. Вошли могульские племена и в Средний жуз. Как уже говорилось выше, тянь-шаньские киргизы вообще составляют обособившуюся часть могульского этноса.

Хотя проблема узбекско-могульских этнических связей еще не исследовалась вообще, однако показания источников не ос-

тавляют никаких сомнений в том, что узбекско-могульское этническое взаимодействие в течение нескольких веков было очень интенсивным. Ряд племен разделился между чагатаями и могулами еще в “инкубационный” период этих этносов. Барласы, как и ряд других племен, были и у чагатаев, и у могулов. Мирза Хайдар даже употребляет специальный термин “могульские барласы”. Чагатайские племена и роды уходили к могулам и становились могулами, и наоборот. Могульские племена поступали на службу к тимуридам Средней Азии, об отдельных лицах не приходится и говорить. Были периоды, когда, например, у Бабура воинские силы состояли в основном из могулов. Мухаммад Шайбани-хан, пленив в 1503 г. могульскую армию, оставил ее при себе вместе с семьями. Султан Юнус-хан владел рядом городов Средней Азии, в которых селились могулы. Примеры можно было бы умножить.

Невозможно переоценить значение могульских племен в этнической истории современного уйгурского народа. Могульский элемент был самым крупным последним компонентом в необыкновенно сложной истории формирования современных уйгуров. С самого начала сложения могульского этноса он вступил в непосредственное взаимодействие с современным уйгурским народом, который в его теперешнем виде, как можно предполагать с большой долей уверенности, сложился в основном еще в домонгольское время.

Могулы политически господствовали над уйгурами, но они значительно уступали уйгурам в количественном отношении. Поэтому могуло-уйгурское этническое взаимодействие протекало под знаком ассимиляции могулов уйгурами. Могулы теряли свой тюркский язык кыпчакского типа и воспринимали новоуйгурский язык карлукского типа. Ассимилировались они и в культурном отношении, переходили от кочевого образа жизни к оседлому, от кочевого скотоводства к земледелию и другим традиционным типам хозяйствования уйгуров.

На территорию Восточного Туркестана в уйгурскую среду за время политического господства могулов переселилось не-

сколько волн могульских племен. Их ассимиляция растянулась на много веков.

Политическая борьба отдельных могульских группировок приводила к перемещениям и миксации могульских племен на всем пространстве Восточного Туркестана. Могулы в процессе этой междоусобной борьбы переселяли с места на место и большие массы уйгурского населения. Иногда такие переселения были, в восточнотуркестанских масштабах, очень крупными.

Значительные группы населения переселялись в Восточный Туркестан могулами и из Средней Азии, например из Ферганы. Имелись и обратные случаи.

Таким образом, могулы, осуществляя такие перемещения и перемешивания, в значительной мере способствовали формированию единообразного типа современных уйгуров и в лингвистическом отношении, и в культурном, и в антропологическом.

Многовековой процесс ассимиляции могулов в уйгурской среде сам по себе весьма поучителен. Он происходил неравномерно, так как в Восточный Туркестан последовательно прибыли несколько групп могулов. В той же последовательности осуществлялась и их ассимиляция. В конце концов могулы ассимилировались полностью в лингвистическом и культурно-хозяйственном отношении, но вплоть до XX в. включительно сохранили память о своем могульском происхождении.

В конце XVII в., во всяком случае в XVIII в., они уже практически ассимилировались полностью, но тем не менее ясно помнили о своем могульском происхождении. Они конституировались в господствующее сословие, а память их о своем происхождении помогла им сохранять свою сословную обособленность.

Многие уйгурские бекские фамилии XIX в., потомки которых сохраняли свое положение и в XX в., возводили свое происхождение к определенным могульским племенам и конкретным историческим деятелям из могулов. Например, Исхакбек, известный тем, что изловил Джахангир-ходжу, возводил свою родословную к Мирза Абу Бакр доглату, создавшему во вто-

рой половине XV — начале XVI в. свое государство в Кашгари, а через Абу Бакра — к доглатским эмирам еще эпохи Чингиз-хана.

Благодаря могулам Восточный Туркестан получил название Могулия, широко употреблявшееся уйгурскими историками в качестве названия своей страны. О том, что Восточный Туркестан назывался Могулией, было известно еще Иакинфу Бичури-ну, что явствует из его неопубликованных работ.

Уйгуры за пределами Восточного Туркестана на вопросы западных исследователей о своей этнической принадлежности отвечали, что они могулы. Западноевропейские исследователи решили, что уйгуры считают себя монголами, и на этом основании сделали вывод, что уйгуры не имеют никакого представления о своем прошлом, о своем происхождении, так как уйгуры — тюрки. Но уйгуры-информаторы не ошибались. Они называли себя не монголами, а могулами, на что они имеют историческое право, так как могулы, наряду с другими этносами, являются прямыми физическими предками современных уйгуров.

Необходимо отметить, что некоторые патристически настроенные историки конца XIX — начала XX в. придавали особое значение факту долгого правления в Кашгари эмиров могульского племени доглат, считали потомков доглатских эмиров законными претендентами на верховную власть в Восточном Туркестане и как будто связывали свои надежды на национальное освобождение от маньчжуро-китайского господства с их именами. Вспомним, что в 1864 г. в момент восстания в Куче повстанцы предложили возглавить их Ахмад-вану, сыну вышеупомянутого Исхак-бека.

Такова роль могулов в этнической истории современного уйгурского народа.

В период политического крушения Могулистана в начале XVI в. большие массы могулов оказались далеко от мест своего исконного обитания. Десятки тысяч их оказались в Средней Азии. Вместе с Бабуром десятки тысяч их оказались

и в Афганистане. Многие и многие тысячи их нашли приют на определенное время в Бадахшане и других соседних странах. По-разному они действовали на чужбине. Они и исправно служили новым господам, и проливали за них кровь на полях сражений, и пытались иногда действовать самостоятельно, мечом, с целью выкритить себе самостоятельное владение. Могулы проявляли удивительную жизнестойкость, вели отчаянную борьбу за право жить в качестве самостоятельного народа. Историки не всегда понимали эти их стремления. Например, А. А. Семенов по этой причине считал их самым беспокойным элементом Средней Азии и называл "разбойниками".

Вместе с Бабуром тысячи могулов ушли в Индию. В дальнейшем к Бабуру и его потомкам многократно приходили в Индию большие группы могулов. Все они там натурализовались. Влившись в состав различных народов Центральной Азии, от Тувы до Индии, могулы связали их кровными узами.

История "распыления" могулов на огромных просторах не была, однако, процессом случайным. Кажущаяся хаотичность этого процесса подчинялась вполне определенным, можно сказать, естественным закономерностям.

Их история показывает, что Центральная Азия в широком, определенном ЮНЕСКО смысле была особым узлом этногенетических процессов. Племена и народы здесь возникали, исчезали и вновь возникали в новом качестве. Связи и процессы эти были разнохарактерны и разнонаправленны, давали в разных пунктах Центральной Азии неодинаковый результат. Но главное в том, что это был особый центр, особая зона этногенеза, так же как и разнообразных культурных, хозяйственных, политических, идеологических связей.

Как это ни покажется странным, но огромная Центральная Азия, в очерченных нами рамках, оказывается связанной своими внутренними связями самого различного характера, которые, формируя ее как историческое целое, вместе с тем и отграничивают ее от других крупных азиатских зон этногенеза и

культурных связей. Вне этой зоны оказываются в описываемый нами период Китай и Ближний Восток. Могульская проблема лишь ярко высветила этот феномен. Но если с этих позиций посмотреть на всю сумму этнических и культурных связей Центральной Азии, то найдется и много других примеров, которые, складываясь в цепь этнических и культурных опосредований, докажут то же самое.

Сказанное, конечно, не означает, что Центральная Азия не имела связей с другими большими азиатскими зонами. Но эти связи на порядок отличались от разобранных нами.

К ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА *казах*(*қазак*)

Интерес к происхождению имени казахского народа поддерживается в течение длительного времени. Результаты изысканий, однако, незначительны: не удалось даже установить язык, давший жизнь слову. Многочисленные попытки выяснить происхождение этнонима превратились в состязание на лингвистическое остроумие. Безуспешность их породила скептицизм в отношении способностей филологов решить вопрос. “Мы считаем, что все эти лингвистические изощрения и изыскания бесплодны”, — писал С. Д. Асфендиаров¹.

В последние десятилетия несколько раз подводились итоги исследований². К настоящему времени предложено более

---

¹ *Асфендиаров С. Д.* История Казахстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата; Москва, 1935. С. 71.

² *Barthold W.* Қазақ. The Encyclopaedia of Islam. Leyden-London, 1927. Vol. 2. P. 836; *Barthold W.* Kirgiz. Ibid. P. 1025—1026; *Самойлович А.* О слове “казак” // Казаки: Антропологические очерки. Материалы особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 11. Сер. казахстанская. Л., 1927. С. 5—16; *Pelliot P.* Notes sur l’Histoire de la

двух десятков этимологий. Нижеприведенный перечень регистрирует большую их часть.

I. *Қазақ* — “человек, подобный гусю”, т. е. вольный, как птица. Здесь *қаз* — “гусь”, *ақ* — аффикс со значением подобия. Такого аффикса в тюркских языках не существует, что делает гипотезу неприемлемой.

II. *Қазақ* — “белая гусыня”. Здесь *қаз* — “гусыня”, *ақ* — “белый”. Гипотеза неприемлема, так как игнорируется тюркский синтаксис.

III. *Қазақ* < *қаз* “гусь” + *ғак* “ворон”³.

IV. *Қазақ* < *қыз* + *ақ*⁴. Здесь *қыз* — “девушка”, *ақ* — восклицательно-выделительная частица.

Гипотезы являются типичными народными (ложными) этимологиями. Порождены звуковым и орфографическим сходством, тотемными реминисценциями и рационализмом народных легенд.

Horde d'Or... . Paris, 1949; Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад, 1954. С. 3—37; Ибрагимов С. К. Еще раз о термине “казах” // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Труды Ин-та ИАЭ АН КазССР. Т. 8. Алма-Ата, 1960. С. 66—71; Krader L. Ethnonym of Kazakh // American Studies in Altaic Linguistics. Ed. by N. Poppe. Indiana University Publications. Vol. 13 of the Uralic and Altaic Series. The Hague, The Netherlands, 1962; Krader L. Peoples of Central Asia // The Uralic and Altaic Series. Vol. 26. Published by Indiana University. The Hague, The Netherlands, 1963.

Много статей о слове “казах” публикуется в казахской периодике, например: Кенжебаев Б. *Қазақ* // *Қазақ әдебиеті*. 1966. 23 сент. № 40 (819); Ақынжанов М. *Қазақ халық есімі жайлы* // *Қазақ әдебиеті*. 1967. 6 янв. № 2 (833); Байжолов Ә. Халықымызның аты қалай қалыптасқан? // *Қазақ әдебиеті*. 1967. 20 янв. № 4 (835); Қонратбаев Ә. “Қазақ” деген сөз қайдан шыққан? // Ленин жолы. 1967. 7 сент. № 178; Әбдірахманов А. “Қазақ” сөзінің шығу төркіні // *Қазақ әдебиеті*. 1968. 3 февр. № 6 (888).

³ Асфендияров С. Д. Указ. соч. С. 71.

⁴ تواریخ خمسة شرقی. امام علی حاجی خالد اوغلینک تالیفی. قازان. 1910. 157—158 б.

V. Қазақ < *гази-йн һәққ* غازئ حق. Здесь *гази* — арабское слово “воитель за веру”, *һәққ* — арабское слово “истина”, “бог”. Слова соединены определительной связью посредством персидского изафета. Значение словосочетания — “воитель за истинную веру”.

VI. Қазақ < *қаза + ақ*, т. е. *қәза + һәққ* قضا حق. Здесь *қәза* — арабское слово “рок”, “жертва”. Смысл словосочетания — “жертва праведна”. Являлось якобы воинским кличем казахов⁵.

VII. Қазақ < *қазн + ақ*⁶. Здесь *қазн* — “судья, судящий по шариату”, *ақ* — восклицательно-выделительная частица.

VIII. Қазақ < *қазә’а* قضاة или *хазә’а* خزاع⁷. Здесь *қазәе* и *хзәе* — название арабских родов.

Авторство клерикальных кругов и идеологическая сущность этимологий V–VIII очевидны, их надуманность делает критику лишней.

IX. Қазақ < *қаз*- “бродить, скитаться” или “кочевать” + *ақ* аффикс именного словообразования от глаголов. Опровергается тем, что в тюркских языках нет глагола *қаз*- с указанными выше значениями.

X. Қазақ < *аз*- “сбиться с пути” + *ақ* аффикс именного словообразования от глаголов. Этимология предложена Вамбери, который был сторонником теории трехзвучности изначального состава тюркских корней и полагал, что в древности глагол *аз*- звучал как *қаз*-. Доказательством считал сохранение этого корня в *қазақ*. Гипотеза неприемлема, так как реконструкция источниками и исторической фонетикой не подтверждается, а также потому, что *қазақ* выводится из *аз-//қаз-*, а *аз-//қаз-* объясняется словом *қазақ*.

XI. Қазақ//қайақ//қадақ//қарақ < *қада*- “прикрепить, укрепить”, “вонзить, водрузить” + *қ* аффикс именного словооб-

⁵ Кенжебаев Б. Указ. соч.

⁶ توارىخ خمسة شرقى. 157–158 б.

⁷ Там же. С. 156–157.

разования от глаголов. Этимология предложена А. Н. Самойловичем, который ее и опроверг. Если бы *казақ* происходило от *қада-* с его фонетическими вариантами, то это слово соответственно и звучало бы на тюркских языках *казақ*/*қайақ*/*қадақ*/*қарақ*. Этого нет, поэтому неприемлема и этимология.

XII. *Қазақ* < *қызығ*/*қырығ*. Этимология предложена К. И. Петровым, по мнению которого, *қызығ*/*қырығ* — формы мн. числа от *қыз*/*қыр* “красный”⁸. Не может быть принята, так как историческая фонетика тюркских языков не подтверждает возможности трансформации вокализма типа вышеприведенного. Навеяна увлечением автора в связи с выяснением особой роли прилагательных “красный” и “желтый” в формировании тюркской “цветовой” топо-этнонимии.

XIII. *Қазақ* < *қач-* “убегать” + *ақ* аффикс словообразования от глаголов. Значение — “беглец”. Старая гипотеза, поддержанная П. Пельо⁹. Предполагается, что *казақ* первоначально появилось в языке типа хакасского¹⁰. В последнем *казақ* имело бы форму *хазах*. Поскольку в истории тюркских народов казаки были не просто беглецами, а представляли собой определенное явление, особый институт¹¹, то при заимствовании в другие тюркские языки возникала база для семанического отрыва *хазах* от *қач-*. Семанический отрыв, в свою очередь, обуславливал сохранение при заимствовании звучания *хазах*, во многих тюркских языках закономерно переходящего в *казақ*.

Это одна из наиболее аргументированных этимологий, которую мы не принимаем потому, что, по нашему мнению, проис-

⁸ Петров К. И. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963. С. 67–68.

⁹ Pelliot P. Ibid. P. 216–224; см. также: ب. 154, 147. تواریخ خمسة شرقی.

¹⁰ Высказываются также предположения о тождестве этнонимов *казақ* и *хакас*, разошедшихся в результате метатезы.

¹¹ Об институте *казачества* и *казакования* в истории тюркских народов см.: Gabain A. v. Kasakentum. Eine soziologisch-philologische Studie // Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XI. Budapest, 1960. S. 161–167.

хождение слова *казах* более убедительно объясняется другим способом.

XIV. *Қазақ* < *хазлах*¹² خزلخ. Здесь *хазлах* — название племени, населявшего в домонгольские времена Среднюю Азию (со ссылкой на Ибн Халдуна). По-видимому, неправильно прочитанное название народа خزلخ *харлух* (т. е. *карлук*) или خزلج *хазладж* (< *халадж*?).

XV. *Қазақ* < *хайсақ*¹³. Здесь *хайсақ* — монгольское или калмыцкое название казахов. Неприемлемо, так как в монгольских языках отсутствует такое произношение. *Хайсақ* (т. е. русск. *кайсақ*) в русском языке является искажением *казақ*, возможно, вызванным необходимостью отличать русских казаков от казахов.

XVI. *Қазақ* < *кас* + *пи* / *кас* + *қи*. Здесь *кас* — яфетическое племенное название, а *пи* и *қи* — показатели мн. числа. Этимология Н. Я. Марра. По его мнению, этноним *кас* отложился в *хазар*, в котором *ар* — также показатель мн. числа. По мнению В. В. Бартольда, этимология Н. Я. Марра “является гипотезой, которая вряд ли может быть принята историком”¹⁴.

XVII. *Қазақ* < *қас* + *сақ*¹⁵. Здесь *қас* — казахизированная форма арабского слова خاس *хас* “настоящий, подлинный”, *сақ* — имя древнего народа саков. Подкрепляется якобы существовавшим до 1917 г. у киргизов произношением этнонима *қазақ* или *қасақ*. Гипотеза неприемлема, так как между временем заимствования арабского слова и выходом из употребления этнонима *сақ* образуется многовековой разрыв.

XVIII. *Қазақ* < *қас* + *сақ*. Здесь *қас* — этноним, обозначающий *каспиев*, *сақ* — *саков*.

XIX. *Қазақ* < *қай* + *сақ*. Здесь *қай* — название древнего тюркского племени и этноним *сақ*. Делаются ссылки на

¹² تواریخ خمسة شرقی. 156 ب.

¹³ Там же. С. 155–156.

¹⁴ Barthold W. Kazak.

¹⁵ Кенжебаев Б. Указ. соч.; Ақынжанов М. Указ. соч.

дореволюционное наименование в русской литературе казахов — *киргиз-кайсаки*. См. этимологию XV.

XX. *Қазақ* < *ғуз* + *сақ*¹⁶. Здесь *ғуз* — древний тюркский этноним и *сақ*.

XXI. *Қазақ* < *қ* + *аз* + *сақ*. Здесь *қ* — протеза, *аз* — тюркский этноним, *сақ* — название *саков*.

XXII. *Қазақ* < *қаз* + *оқ*¹⁷. Здесь *қаз* — фонетический вариант этнонима *қас*, а *оқ* — древнетюркское слово “стрела”, “племя”. Теоретически допустимая этимология. Подкрепляется ссылкой на названия легендарных племенных объединений сыновей Огуза *буз* (*боз*) + *оқ* и *уч* + *оқ*, морфологический состав которых явно устанавливается на базе народной этимологии, на название исторически достоверного племенного объединения *он* + *оқ* и засвидетельствованный русскими летописями этноним *касог* / *косог*. Последний служил для обозначения не тюркских, а адыгейских племен, говоривших на языке иберийско-кавказской семьи. Однако “слово *касог* с его вариантами (*касах*, *кашек*), очевидно, не адыгейское и получило распространение у разных народов благодаря аланам. Осетины до сих пор называют кабардинцев “кесек”¹⁸. Один из вариантов (*касах*) близок к *қазақ*, что делает сближение их соблазнительным. Тем не менее мы эту этимологию не принимаем. Намечается слишком сложный путь слова от одного языка к другому: тюркский — аланский — адыгейский — тюркский. Необходимо также установить, какой из фонетических вариантов является древнейшим. Наконец, необходимо рассмотреть термин *касог* с его вариантами в свете исторической фонетики иберийско-кавказских языков.

Некоторые исследователи считали, что слово *қазақ* было этнонимом в своем исходном значении. По этой причине они отказывались от попыток его морфологического анализа. Историки неопровержимо доказывают, что первоначально слово *қазақ*

¹⁶ Байжолов Ә. Указ. соч.

¹⁷ Әбдірахманов А. Указ. соч.

¹⁸ История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. М., 1967. С. 68.

имело значение нарицательного имени, что в данном случае делает полемику излишней.

Всем гипотезам (за исключением XIII, XXII) свойствен общий недостаток — основным критерием их является внешнее звуковое подобие намечаемому прототипу¹⁹, поиск которого производится в пределах заранее ограниченной лексической сферы. Границы эти устанавливаются заданием обосновать в одном случае происхождение этнонима *казақ* от названия тотема или легендарного персонажа, в другом — от лозунга или иного прототипа с религиозно-семантическим наполнением, в третьем — от древнего этнонима.

Намечаемые этимологии игнорируют минимально одно из трех условий, соблюдение которых, по нашему мнению, является необходимым для того, чтобы предлагаемая гипотеза приобрела научный характер:

- а) соответствие фактам исторической фонетики;
- б) семантическое соответствие;
- в) регистрация прототипа памятниками письменности.

Несоблюдение одного из этих условий в процессе реконструирования увеличивает количество качественно однопорядковых этимологий еще на одну единицу. Увеличение же числа такого рода гипотетических этимологий соответственно увеличивает и силу их взаимоотрицания. Такой ряд этимологий, как *казақ* < *кас* + *сақ*; *қай* + *сақ*; *ғуз* + *сақ*; *қаз* + *оқ*, служит тому наглядным примером, так как все они, будучи примерно равноценными, отрицают друг друга. Не касаемся здесь этимологий I—VIII, так как их надуманность очевидна. Что же касается этимологий, базой

---

¹⁹ В народных преданиях о происхождении казахов этот принцип иногда низводится до простого обыгрывания сходно звучащих слов, до использования аллитерации, приобретающей характер каламбура. Очень характерной в этом отношении является легенда о происхождении казахов, рассказанная Кунанбаем, в которой обыгрываются близкие по звучанию слова *казақ* и *каззал* (ар. كذاب "лгун, лжец"): Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям / Пер. с польского Ф. Стекловой. Алма-Ата, 1966. С. 175.

которых является, например, этноним *сақ*, то они подрываются тем, что между первым употреблением слова *казақ* и последним упоминанием этнонима *сақ* образуется лакуна более чем в десять веков. Среди ряда ученых намечается тенденция видеть во многих словах (нарицательных именах, топонимах, этнонимах), содержащих в своем составе слог *сақ* (*шақ*, *зақ*), древний этноним *сақ*. Например, слово *Сузак* (название города) разлагается на *су* + *зақ*, где *су* — “вода”, а *зақ* — этноним *сақ*. Переводится *сузак* как “водные саки”. Однако *Сузак* — это русское название города. По-казахски оно произносится *Созақ*. По-казахски же вода — *су*, что сразу делает этимологию “водные саки” неприемлемой. Отождествление же *зақ* и *сақ* автором этимологии не аргументируется. Вообще такие этимологии либо не аргументируются, либо аргументация их не имеет доказательной силы. В казахском языке имеется немало слов, содержащих в своем составе слог *сақ*. Любое из них на тех же основаниях этимологически может быть увязано с этнонимом *сақ*.

Не соблюдаются хронологические, конкретно-исторические и фонетические показатели также и в этимологиях, базирующихся на этнонимах *ғуз*, *қай*, *қас*, *аз*.

Необходимо отметить также два обстоятельства, установленные со всей определенностью исторической наукой:

I. Слово *казақ* в источниках домонгольского времени пока не зарегистрировано.

II. Наричательное имя *казақ* лишь в XV в. становится этнонимом.

Тем не менее допускаются утверждения, что слово *казақ* употреблялось, например, в XI в. Такие утверждения являются в лучшем случае недоразумением. Отчасти повинен в этом А. Н. Самойлович, который писал: “...слово “казак”, каково бы ни было его происхождение, появляется в турецкой среде в данном его фонетическом составе не ранее XI века...”²⁰ А. Н. Самойлович имел в виду то, что Махмуд Кашгарский в своем словаре не приводит

²⁰ Самойлович А. Указ. соч. С. 13.

слово *казақ*. Он, однако, как это явствует из цитаты, не утверждает, что в XI в. это слово в тюркских языках уже бытовало. Между тем, неправильно истолкованная, эта фраза отчасти и послужила в работах последующих авторов основанием для предположения и утверждения существования слова *казақ* в тюркских языках в домонгольское время²¹. Если ошибки этих авторов в какой-то мере “уважительны”, так как являются “переходящими”, то у других они вырастают из априорного допущения, т. е. не имеют никакого оправдания. Некоторые авторы свое мнение о бытовании этнонима *казақ* в отдаленную эпоху пытались подкрепить топонимическими выкладками. Так, М. Тынышпаев полагал, что *Азақ*, тюркское название города Азова, происходит от *казақ*. П. Пельо находил горы *Қазақ-Тақ* где-то в Карпатах²². Другие считают, что термин *казақ* отложился в массе топонимов, включающих в свой состав слоги *қаз* и *қас*. Как известно, против таких поверхностных звуковых сближений резко выступал В. В. Бартольд. Такие методические приемы позволяют отыскать любой этноним в любую эпоху и в любом географическом районе мира.

В равной мере некоторыми авторами игнорируется тот факт, что только со второй половины XV в. слово *казақ* становится этнонимом. В основе недоверия или даже пренебрежительного отношения к показаниям источников и достижениям исторической науки лежат причины эмоционального порядка. Обычно возведению этнонима *казақ* к какому-либо древнему этнониму сопутствует утверждение, ясно выраженное мнение или невысказанное убеждение о сложении казахской народности в более отдаленную эпоху, чем принимаемое сейчас большинством специалистов положение о консолидации тюркских племен Восточного Дашт-и Кипчака в народность в послемонгольское время, в XIV—XVI вв. Истоки такого ошибочного мнения обычно кроются в недоста-

²¹ См., например: Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 371.

²² Pelliot P. Ibid. P. 126, 130.

точно четких представлениях об этногенезе вообще и о формировании народности как одном из его этапов. Многие историки и филологи соглашаются с тем, что племенному союзу, перерастающему в народность, передает свое имя господствующее племя. В составе казахов, однако, нет рода или племени *қазақ*, что лишний раз говорит о сравнительно недавнем сложении казахской народности. Недавно в периодической печати было высказано мнение о том, что уже в Бехистунской надписи упоминается этноним и народ *касах*²³. Мы не подвергаем критическому разбору приемы, посредством которых устанавливается этот факт, так как они лежат за пределами науки.

Все вышеизложенное приводит к заключению, что пока усилия филологов и историков не увенчались успехом. “Вопрос о происхождении слова “казак” и о происхождении казахского народа должен разрешаться не путем отвлеченных лингвистических толкований, а только путем конкретного исторического анализа”²⁴. Нельзя понять это высказывание талантливого ученого иначе, как указание на необходимость полагаться не на богатство воображения, а на показания источников как в плане лингвистическом, так и в социологическом. В большей мере этому требованию отвечает этимология XXII, для остальных история и история языка — абстрактный фон.

Следует отметить также, что необходимые источники написаны на многих разносистемных языках — арабском, персидском, славянских, монгольских, тюркских и других — и зафиксированы средствами различных графических систем. Овладение комплексом необходимых письменных известий, а без этого исследование становится неполноценным, — процесс весьма трудоемкий. В значительной мере неудачи, постигшие исследователей исторических корней слова и этнонима *қазақ*, порождены именно этим обстоятельством.

²³ Сулейменов О. Таңбалар тарихынан // Қазақ әдебиеті. 1966. 25 ноября. № 49 (828).

²⁴ Асфендияров С. Д. Указ. соч. С. 71.

Как уже было сказано выше, слово *казақ* появляется в источниках только в послемонгольское время, в XIII в. Оно “применялось к человеку, отделившемуся от своего государства, племени или рода и принужденному вести жизнь искателя приключений”²⁵. В сочинениях на арабской графике оно фиксируется в нескольких вариантах: قزاق, قزاق، قزاق، قزاق. В тюркских языках слово дало несколько производных: *казақ* — “казак”, *казақ-лық* — “казачество, казакование”, *казақлық қылмақ* — “казаковать, вести образ жизни казака”, *казақламақ* — также “казаковать, вести образ жизни казака”. В персидском (таджикском) языке от него также образовано несколько производных: قزاق — “казак”, قزاقی — “казачество, казакование”, قزاقی — “казачий, казацкий, свойственный образу жизни казака”, قزاقانه — “казачий, казацкий, по-казацки”, قزاق شدن — “стать казаком”, قزاقی کردن — “казаковать, вести образ жизни казака”. В тюркских и персидском языках употреблялось также образованное по арабской морфологической модели слово قزاقیه — “казаки, казахи”²⁶. С начала XVI в. в персо- и тюркоязычной литературе начинает употребляться и термин قزاقستان — *Қазақстан*, которым в то время обозначалась территория современной Киргизии (собственно Казахстан за вычетом Семиречья в то время именовался اوزبیکستان *Узбекистан* и دشت قباچ *Дашт-и Қипчақ*). В памятниках монгольской письменности употреблялось словосочетание *хасаг терген*²⁷ “казачья, казацкая телега”, “телега, приспособленная для казакования”, отнюдь не “казахская телега”. Такое употребление слова *хасаг* в монгольских языках представляет параллель применению слов *казақ* и *қазақи* в тюркских и персидском языках. *Хасаг терген* в фонетических вариантах сохранилось в качестве скованного словосочетания почти во всех современных монгольских языках.

²⁵ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. 217.

²⁶ В замечании на полях В. П. Юдин особо подчеркнул: “Казак” — не переводится”. — Ю. Б.

²⁷ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. С. 39, 41, 128.

Упомянутое выше значение слова *казақ* в качестве основного засвидетельствовано целым рядом нарративных тюрко- и персоязычных сочинений, актов, словарей. Одним из наиболее ярких свидетельств именно этого исходного значения слова является известное сообщение Мирза Мухаммад Хайдар доглата о присвоении части узбеков, откочевавших вместе с Гиреем и Джанибеком из Дашт-и Кипчака в Семиречье, прозвища *казақ*, которое стало затем их народным именем: “Поскольку они вначале и впоследствии были большим народом, бежавшим и отделившимся, и какое-то время скитались и нуждались в пустыне расстройств и растерянности, то их [и] нарекли [именем] *казак*, и это прозвище за ними [так и] закрепилось”²⁸. Из цитаты становится совершенно ясным, что значением слова *казақ* первоначально было “беглец” и “скиталец”, что поначалу оно служило прозвищем (لقب) значительной группы узбеков и лишь потом стало их народным именем. Подобно Гирею и Джанибеку и сопутствовавшим им узбекам, *казаками* были многие государственные деятели до и после них: чагатаид Вайс-хан (убит в 1428 г.), шайбанид Абу-л-Хайр-хан (умер около 1468 г.), тимурид Султан Хусайн-мирза (умер в 1506 г.), Мухаммад Шайбани-хан (убит в 1510 г.) и другие. Казаками именовались также целые коллективы, которые по какой-либо причине уходили от своего народа. По сообщению Абд ар-Раззака Самарканди до 1441 г., “временами некоторые из войска узбекского, сделавшись казаками, приходили в Мазандеран и, устроив везде грабеж, опять уходили (назад)”²⁹. В последнем случае слово *казак* имеет уже значение “добытчик”. В этом значении слово *казак* употребляется почти так же часто, как и в значении “беглец”. В нескольких значениях употребляется оно в сочинении Захир ад-Дин Мухаммад Бабура “Бабур-наме”:

²⁸ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. Спб., 1864. С. 170. Персидский текст.

²⁹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (далее — СМЗСО). Т. 2. М.; Л., 1941. С. 199.

- 1) “беглец”, “скиталец”, “горемыка”;
- 2) “добытчик”, “налетчик”;
- 3) “удалец”;
- 4) “казах”.

Количество значений слова *казақ* в источниках довольно велико. Однако не трудно заметить, что все эти значения развились из двух основных — “беглец, скиталец” и “добытчик”. Жизнь человека, ушедшего в казаки, была тяжелой. Ему приходилось постоянно быть начеку в ожидании нападения врага, в свою очередь, и сам он непрерывно выискивал возможность совершить набег, ему подчас приходилось вступать в единоборство с природой. Проявление героизма в таких условиях было заурядным явлением. В глазах простых смертных казак был олицетворением мужества, отваги, стойкости, неприхотливости. Часто авантюры казаков кончались печально, их ждало разочарование. В казаки обычно уходили люди, не обремененные обязательствами по отношению к близким. Семья для казака была обузой. Если в глазах одних людей жизнь казака была окружена ореолом славы, то для других они были страшнее чумы. Такие обстоятельства жизни казаков, по-видимому, очень рано привели к тому, что вокруг них стали создаваться легенды и жизнь их была опоэтизирована. В жизни кочевых тюркских народов *казачество*, или *казакование*, превратилось в социальный институт, ярко охарактеризованный *Annemarie von Gabain*³⁰. Эти обстоятельства послужили в различных языках базой для закрепления за словом *казак* целого ряда переносных значений. В тюркских языках за ним закрепились значения “одинокий, холостяк”, “неимуший”³¹, “мужчина”, “муж”, “удалец”, “герой” и т. д. Для некоторых тюркских народностей *казак* служило обозначением русских, вероятно, потому, что первыми русскими, с которыми познакомились носители этих языков, были русские

³⁰ *Gabain A. v. Ibid.*

³¹ Значение “неимуший, одинокий” придается слову *казақ* в одном из первых тюркско-арабских словарей XIII в. — *المجرد قازاق*. См.: *Houtsma M. Th.*

казаки. У карачаевцев и балкарцев этим словом обозначалась одна из наиболее бесправных групп крестьян. В некоторых персидских словарях слову *казақ* придается значение “разбойник, грабитель”. Это значение вырастает из значения “налетчик, добытчик” и отнюдь не перенесено на слово *казақ* ошибочно с близкого по написанию тюркского слова *قراق қарақ*, или *قراقچی қарақчи* “разбойник”. Будучи заимствованным в русский язык, это слово также служило обозначением института *казачества*, а со временем стало названием сословия. В русском языке оно также служило для обозначения неимущих групп городских жителей, бежавших из деревень. В дальнейшем появились такие выражения, как “казачья верховая посадка”, “казачий воинский строй”, “казачья тактика боя”. У украинских казаков слово *казак* было синонимом слова *рыцарь*. Совсем иное значение отложилось в названии *казачок*, которым обозначался молодой слуга. Словом *казакин* стало называться платье особого покроя. У донских казаков *казак* — синоним слова *мушшын* (*мужчина*). На Дону плавали *по-казачьи* и *по-бабьи*.

Лишь со времени откочевки Гирея и Джанибека, т. е. с 1465/66 г., слово *казақ* приобретает вначале политический, а затем и этнический смысл. В литературе, однако, вопрос этот несколько запутан. В. В. Бартольд, например, узбеков Гирея и Джанибека называет одной частью казаков, а ушедших в поход на Астрабад, сообщение Абд ар-Раззака Самарканди о которых приведено выше, — другой³². Такое заявление может породить иллюзию, что речь идет о согласованных действиях двух частей единой группы узбеков. Однако между этими группами узбеков

Ein türkisch-arabisches Glossar. Nach der Leidener Handschrift herausgegeben und erläutert von... . Leiden, 1894. S. 25, 86. См. также фотографическое воспроизведение страницы со словом *казақ* из издания Хоутсма в статье: *Құрышжанов Ә. XIII ғасырдың қолжасбасы және ондағы “қазақ” деген сөздің мағынасы // Вопросы казахской филологии. Алма-Ата, 1964. С. 180.*

³² *Бартольд В. В. Улугбек и его время. Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 116—117.*

не было ничего общего, если не считать хронологической близости событий. Если вторая группа, как и многие другие до нее, бесследно сошла с исторической арены, то первой суждено было передать имя *казақ* народу, что ставит откочевку Гирея и Джанибека в особое положение.

М. Г. Сафаргалиев, по-видимому, не без влияния высказывания В. В. Бартольда *казаков* Абд ар-Раззака Самарканди считает *казахами*. “В узбекском союзе еще при жизни самого Абулхайра стало складываться ядро будущих казахов. Абдуразак Самарканди под 844/2.VI.1440 — 21.VI.1441 г. пишет: “Временами некоторые из войска узбекского, сделавшись *казахами*, приходили в Мазиндаран и, устроив везде грабежи, опять уходили (назад)”³³. Здесь автор допускает явное искажение процесса принятия узбеками имени *казақ*. Сознательным и наиболее последовательным противником установленного наукой на основании точных и довольно подробных известий источников вывода о времени и обстоятельствах принятия узбеками имени *казақ* был М. Тынышпаев, который игнорировал источники и любым способом пытался доказать существование казахского народа во времена задолго до XIII в. Эта ошибочная линия проводится в последнее время и рядом других исследователей.

В литературе высказывалось суждение, что в сочинениях XVI в. в употреблении слова *казақ* царит хаос, невозможно определить, где это слово употребляется в значении нарицательного имени, а где — в значении имени народа. Казаками, мол, называются и люди Мухаммад Шайбани-хана, и люди потомков Гирея и Джанибека. Для такого суждения есть определенные основания. В “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”, автором которого, по разделяемому нами мнению Р. Г. Мукминовой и А. А. Семенова, был Мухаммад Шайбани-хан, казахи не называются *казахами* (*казақ*). Автор выходит из положения, называя лишь имена ханов и султанов, стоявших во главе казахов. В то же время он называет *казаками* самого Мухаммад Шайбани-хана и его спод-

³³ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 211.

вижников, а период их жизни, когда они под давлением мангытов и казахов были вынуждены уйти из Дашт-и Кипчака в Туркестан и Мавераннахр, — *казакованием*. Например:

اندین باریب ترکستان غه کیلدی لار ایرسا سلطان احمد میرزائینک بیکلاریدین
قیشلیق اوغلانلاریدین محمد مزید ترخان بارایردی بو شاهزاده لار غه اوترو
کیلیب باریب یخشی میهمان دارلیق قیلیمیش قیشقی سین سیخون دریاسی
دین جیققان قرا کول باشین قیشلا ب تورور یازیغه قالغان اوروغین قوشجی
توقتی حاجی نبیره سی اق صوفی بهادر الیب کیلیب تورور بو قزاقلیقدا
کوب کردش لاردا ایریلماغان تورور.³⁴

“Затем, когда они пришли в Туркестан, [там] был Мухаммад Мазид-тархан, [один] из потомков Кышлыка [и один] из беков Султан Ахмад-мирзы. Он вышел навстречу этим царевичам и оказал [им] доброе гостеприимство. Зимовал [Мухаммад Шайбани-хан] в истоке Кара-Кёля, выходящего из реки Сайхун, а к лету остальной его урук привел Ак-Суфи-бахадур, внук кушчи Токты-хаджи. Во время этого казакования они не расставались во многих переделках”.

И еще: ³⁵ *بو قزاقلار انداغ بات کمجیب یوروب بیر اوتلاغدا توشتیلار*
“Эти казаки [Мухаммад Шайбани-хана] так быстро переправились [через реку], продвинулись вперед и остановились на богатом травой месте”.

Тем не менее никакого хаоса в употреблении слова *қазақ* в источниках XVI в. нет. Во-первых, какое-то время *қазақ* в значениях нарицательного и собственного имен в литературе сосуществовало. Во-вторых, в “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” проводится совершенно определенная политическая линия: автор не желает признавать нового имени узбеков. Тенденция эта очевидна и понятна, так как Мухаммад Шайбани-хан лелеял мечту

³⁴ Таварих-и гузида — Нусрат-наме / Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А. М. Акрамова. Ташкент, 1967. С. 273 тюркского текста.

³⁵ *تواریخ کزیده نصرت نامه*: Рукопись ЛФ ИВ РАН. В 745. Л. 906. См. также: Таварих-и гузида — Нусрат-наме. Ташкент, 1967. С. 326 тюркского текста, рис. 322.

о возвращении в Дашт-и Кипчак и установлении своей власти над всем бывшим узбекским улусом. Признание за узбеками нового имени, принятие которого символизировало воцарение династии казахских ханов, означало бы признание такого факта, который мог знаменовать крушение господства шайбанидов в Восточном Дашт-и Кипчаке. Тенденция непризнания казахов проводится и в таких зависимых от “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” сочинениях шайбанидского круга, как “Шайбани-наме” и “Футухат-и хани” Бинаи, “Шайбани-наме” Мухаммад Салиха, “Фатх-наме” Молла Шади и другие.

Одним из исключений среди сочинений шайбанидского цикла является “Михман-наме-йи Бухара” Фазлаллах бен Рузбихана Исфাহани, который казахов называет казахами и которому принадлежит известное определение составных частей узбекской народности: казахи, мангыты, шайбановцы. Историческим парадоксом является то, что основная масса узбекской народности — население казахских степей, приняв название *казақ*, перестала именовать себя *узбеками*, а неузбекское тюркское население Средней Азии, приняв в свой состав определенное число узбекских племен из Восточного Дашт-и Кипчака, после 1917 г. все стало называться *узбекским*.

В сочинениях чагатаидского круга, таких, как “Тарих-и Рашиди”, охарактеризованная тенденция по понятным причинам не существует. Однако это сочинение ввело в оборот новый термин — *узбек-и казақ* اوزبیک قزاق. Определение *казақ* в данном случае должно было подчеркнуть, что эти узбеки представляют собой отдельную группу, не совпадающую с *узбек-и шайбан*. Обе же они составляют более обширную общность. Это подчеркивается хотя бы тем, что в “Тарих-и Рашиди” казахи именуются и *узбек*, и *узбек-и казақ*, и *казақ*. Казахов называет *узбеками-казаками* только Мирза Мухаммад Хайдар доглат. Если термин *узбек-и казақ* встречается в каком-либо ином сочинении, то это указывает на прямую или опосредованную зависимость этого сочинения от “Тарих-и Рашиди”. Возможно, что термин *узбек-и казақ* в реальной жизни никогда и не употреблялся, а был

введен Мухаммад Хайдаром для того, чтобы более наглядно подчеркнуть тождественность узбеков и казахов. В дальнейшем термин *казақ* окончательно вытеснил из употребления термин *узбек*. К настоящему времени народная память не сохранила того факта, что казахи когда-то именовались узбеками. Но еще в конце XVI — начале XVII столетия казахский автор называл казахов узбеками, например: *احمد خان ترور اوزبيکيا اقامت خان تيب ايورلار*³⁶. “Ахмед-хан. Узбеки называют [его] Акмет-хан”. Здесь речь идет о казахском хане, а узбеками именуются соплеменники автора, из уст которых он собирал предания о казахской старине.

Несколько особняком стоит сообщение еще не введенного в научный оборот персоязычного источника XV в. анонимного автора “Зафар-наме-йи Тимури” о казахской тысяче *قزاق هزاره* в войске Эмира Тимура:

*قمرالدين با لشکر آراسته بولايت اندکان درآمده بود که هزاره قزاق از امير زاده عمر شيخ بهادر روى کردان شده بقمر الدين شد و شاهزاده مزکوررا مجال مقابله و مقاتله نماند*³⁷.

³⁶ Джами ат-таварих. Сочинение Кадир-Али-бий бен Хушум-бий джалаира: Рук. Рукописного фонда Научной библиотеки Казанского гос. ун-та. № 5028. Л. 66а. Эту фразу Ч. Ч. Валиханов и В. В. Вельяминов-Зернов переводят неточно: “Ахмед-хан *احمد خان*; Узбек, иначе Ахмед-ханом называемый...” (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 154); “Был и Ахмед-хан; звали его не то узбеком, не то Акметом...” (Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. С. 275). Здесь оба автора принимают слово *يا اوزبيک* за два слова — *اوزبيک* *узбек* и *يا* *йа* — разделительный союз “или”. Между тем *يا اوزبيک* является единым словом, образованным по той же модели, что и упоминавшееся выше *قزاقيه*. Оно, однако, дано в сочинении в орфографически искаженном написании. Правильным было бы *اوزبيکيه*. В значении узбеки и в той же искаженной форме оно употребляется в “Джами ат-таварих” несколько раз (Л. 64б, 65а, 66а, 69а). Любопытным является тот факт, что автор подчеркнул переход *x > ç* и оглушение звонкого согласного в конце слова, что, по-видимому, было произносительной нормой казахского разговорного языка рубежа XVI и XVII вв., полностью соответствующей нормам современного казахского разговорного языка.

³⁷ *ظفر نامه تیموری*: Рук. Отдела востоковедения АН Таджикистана. № 2487. Л. 25а. Благодарю сотрудников Отдела востоковедения АН Таджикистана за предоставление возможности ознакомиться с содержанием рукописи.

“Когда Камар ад-Дин с устроенным войском пришел в вилайет Андигана, *казачья тысяча* изменила Эмирзаде Омар-Шайх-бахадuru и перешла к Камар ад-Дину, и у упомянутого эмирзаде не осталось силы для противодействия и сражения”.

Событие это имело место в 1376 или 1377 г. Выражение هزاره قزاق может быть переведено также и как “тысяча [возглавляемая лицом по имени] Қазақ”, “тысяча [рода] қазақ”. Известно, что воинские подразделения в армии Эмира Тимура формировались на основе племен и родов. Однако известны и некоторые подразделения, называвшиеся по имени их предводителя. Наконец, слово *қазақ* в данном случае могло означать и род войск. Эта тысяча могла быть сформирована из плененных *узбекских казаков*. Факты использования плененного населения в различных целях известны и для времени тимуридов, и для времени шайбанидов. Возможно также, что “казачья тысяча” состояла из узбекских или иных эмигрантов. Ничего невероятного не было бы, если бы в данном случае слово *қазақ* служило и названием родового подразделения. Это отнюдь не означало бы, что казахская народность приобрела современное самоназвание во время Эмира Тимура. Наричательное имя *қазақ* могло превратиться в этноним и в нескольких, независимых друг от друга, случаях. Пример тому — наличие рода *казах* у азербайджанцев.

Как последний случай приобретения словом *қазақ* нового значения можно указать на то, что оно из этнонима превращалось в собственное имя того или иного лица. В истории Восточного Туркестана XVII в., например, известна Казакханим — сестра казахского хана Турсуна (убит в 1628 г.), правившего в Ташкенте, и жена могульского хана Шах Шуджа ад-Дин Ахмад-хана³⁸. Ее другим именем было Ханым-Падишах³⁹.

³⁸ تاء ريخ كاشغر: Рук. ЛФ ИВ РАН. С 576. Л. 73а, 87а.

³⁹ تاء ريخ شاه محمود بن ميرزا فاضل جراس: Рук. Гос. публ. библиотеки (Москва) РФ. Л. 65а, 66а, 68а.

Таковы в кратком изложении основные значения и специфика функционирования слова *казақ*.

Ни основные, ни побочные значения слова, так же как и его фонетико-морфологическая структура, не содержат указания на корень, от которого оно могло бы быть производным. Именно это обстоятельство и послужило причиной того, что до сих пор не установлен даже его язык-источник.

* * *

По нашему мнению, слово *казақ* в фонетически замаскированном виде сохранилось в древнетюркском руническом памятнике с реки Уюк-Туран⁴⁰, который, как и многие другие памятники, по-видимому, может быть датирован временем около VIII в. Ниже приводится текст памятника с транскрипцией и переводом С. Е. Малова⁴¹.

ПЕРЕДНЯЯ СТОРОНА

Текст

: *x*BX : J^D : J^CII : J^D : *J'> : J^CII : *D>>H : J^D>H (1)
 *^JH> : J^D : *^>H : *H^? : *^JH>
 : *x*BXJY : *Y^T^k : *^J : Jk*Y^ : E^> : EY>^J (2)
 J^D : J^CII
 : H^ : EY*? : Jk : *Y^ : T^k : H^ : E^T^ : EYH^ : H^L^ (3)

Транскрипция

(1) Куйда кунчуйым сиздә оглым йыта (В. Томсен и Х. Н. Оркун читают: айыта) сизімә йыта бөкмәдім адырылтым күнім қадашым йыта адырылтым.

(2) Алтун әліг кәшіг бәлімтә бантым. Тәңрі әлімкә бөкмәдім. Сизімә йыта.

(3) Үчин Күлүг Тіріг бән тәңрі әлімтә йәмліг бән.

⁴⁰ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1958. С. 16—20.

⁴¹ При соблюдении всех особенностей транскрипции С. Е. Малова мы передаем ее средствами современной казахской графики.

Памятник по величине является средним енисейским, по содержанию — обычной эпитафией. Покойник сообщает о своей смерти, прощается со своим народом и близкими, сообщает свое имя, жалеет, что не успел насладиться обществом своих родственников и близких и своим богатством. Нас в данном случае интересует не весь памятник и не достоинства перевода С. Е. Малова. Наше внимание привлекла 5-я строка памятника, а в ней — слова $\text{✧}\text{J}\text{Y}\text{Y}:\text{Ч}\text{Y}\text{N}:\text{✧}\text{J}\text{Y}\text{Y}:\text{✧}\text{N}\text{Y}\text{Ч}\text{N}$. С. Е. Малов их транскрибирует *кызгақым оглым, өз (?) оглым* и переводит словами “моих дочерей, собственных (?) сыновей”. Слово *кызгақым* имеет в своем составе основу $\text{N}\text{Y}\text{Ч}\text{N}$ *кызгақ* и *(ы)м✧* — афикс принадлежности 1-го лица ед. ч. Слово $\text{✧}\text{J}\text{Y}\text{Y}$ разлагается на JYY *ог(у)л* “сын” и *(ы)м✧* — все тот же афикс принадлежности 1-го л. ед. ч. Слово $\text{Ч}\text{Y}\text{N}$ *өз* С. Е. Малов переводит как возвратно-притяжательное местоимение *өз* “собственный”. Знак вопроса поставлен после этого слова потому, что в его написании есть странность — между N *ө*, буквой переднего ряда, и Ч *з*, буквой индифферентной в отношении ряда, вклинилась лишняя буква заднего ряда Y *у* или *о*. Можно предположить, что резчик вставил эту букву ошибочно. В таком предположении нет ничего невероятного. Мастера, вырезавшие древнетюркские руны, пропускали буквы, выбивали ошибочно вместо одних другие, недописывали, вставляли лишние буквы. Например, в третьем памятнике с Барлыка (7-й памятник “Енисейской письменности тюрков”) дано $\text{J}\text{N}\text{J}\text{Y}\text{Y}\text{✧}\text{D}\text{Y}\text{Y}\text{N}$ *кунчуйымгақа* вместо необходимого $\text{J}\text{Y}\text{Y}\text{✧}\text{D}\text{Y}\text{Y}\text{N}$ *кунчуйымга* “в отношении принцесс моих”⁴². То есть здесь резчик два раза повторил афикс направительного падежа $\text{J}\text{Y}\text{Y}\text{га}$ и $\text{J}\text{N}\text{қа}$.

Четвертое слово, в приведенном отрывке, по значению и написанию аналогично второму. Следует добавить, что в орхон-енисейских памятниках слово *огул* означало потомство не только мужского пола, но и женского.

⁴² Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. С. 22.

Первое слово отрывка **күзүк**, если взять его без аффикса принадлежности, транслитерируется как *күзүк*, т. е. в его составе нет букв, которые передавали бы гласные. Это порождает колебания при транскрибировании и определении его значения. С. Е. Малов в переводе, приложенном к тексту, придает ему значение “дочь” и транскрибирует как *күзүк*. В указателе слов в конце книги он также транскрибирует его как *күзүк* и также переводит как “дочь” (с. 107). В необходимости именно такого перевода и такой транскрипции его убедило наличие в языке барабинских татар слова *күзүк* “подруга” (со ссылкой на “Опыт словаря...” В. В. Радлова). Между тем, он не был полностью убежден в правильности своей транскрипции и перевода, так как в том же указателе приводит в скобках и словосочетание *күзүкүм оғлым* (с. 106).

Такая транскрипция существует еще со времени В. В. Радлова; принята она была А. Н. Бернштамом и некоторыми другими исследователями. В. В. Радлов переводил все выражение как “*meinen angenommenen Söhnen (?)*, *meinen eigenen (?) Söhnen*”⁴³, т. е. “моим приемным сыновьям (?)”, “моим собственным (?) сыновьям”. В. В. Радлов остановился именно на этом переводе, хотя ему, разумеется, слово *күзүк* “подруга”, затем зафиксированное в его словаре, было известно. Для такого перевода у него имелись основания. Если значение слова *күзүк* — “дочь”, то оно является производным от слова *күз* — также “дочь”. Однако такому пониманию препятствует по крайней мере два фактора. Во-первых, неизвестен аффикс *-күзүк*, который присоединялся бы к именным основам. Известен только аффикс *-күзүк*, посредством которого образуются имена от глаголов. А слово *күз* — имя. Во-вторых, препятствует орфография орхоно-енисейских памятников. Как правило, широкие гласные *a* и *ə* в первых слогах слов в рунических памятниках не обозначаются, а узкие *ы* и *i* — обозначаются. И прежде всего в слове

⁴³ Radloff W. Die Altürkische Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. St.-Petersburg, 1895. S. 305–307.

қыз и именно в памятнике с Уюк-Турана. В 6-й строке этого памятника есть сочетание слов *YUHYQ:CHN қыз-кәліңләрім “мои дочери и невестки” (по переводу С. Е. Малова — “моих молодушек”), в котором в слове ЧН қыз гласный *ы* обозначен буквой Г. Проверка орфографии слова *қыз* по изданиям древнетюркских рунических памятников С. Е. Малова показала, что это слово, несмотря на его довольно большую употребительность, лишь один раз дано в написании без гласного. Если *HYCHN қызқ* производное от ЧН қыз, то почему же в его написании отсутствует Г *ы*? Это явная непоследовательность. Она, конечно, не могла не броситься в глаза такому глубокому специалисту, каким был В. В. Радлов. Он специально отметил в своем словаре написание *қыз* с гласным в древнетюркской рунике⁴⁴. Разумеется орфография орхоно-енисейских памятников не всегда последовательна. Однако она имеет свои закономерности и в пределах одного памятника, как правило, выдерживается.

Переводя *қызқ* как “приемный”, В. В. Радлов производил его от корня, общего с глаголом *HYCHN қазган*—“приобретать”. Глагол этот довольно обычен для тюркской руники. В этой же форме он употребляется Бабуром и Алишером Навои, хотя в литературном языке их эпохи и несколько ранее он употреблялся и в новой форме *қазан*-. Двумя особенностями этого глагола являются: 1) его употребление только с показателем возвратного залога -н; 2) ограниченность сферы его функционирования. *Қазан*- не единственный глагол в тюркских языках, который употребляется только с показателем возвратного залога; такие глаголы не единичное явление. Следует отметить, однако, что зарегистрировано употребление в чагатайском языке и глагола *قازغاماқ қазғамақ* со значением “копать”⁴⁵. В древности сфера смысловой совместимости этого гла-

⁴⁴ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1899. Т. 2. Ч. 1, столб. 818: *HYCHN*.

⁴⁵ Ўзбек классик адабиёти асарлари учун қисқача лугат / Тузгучилар Т. Шамсиев, С. Иброҳимов. Тошкент, 1953. Б. 423.

гола была гораздо шире, хотя и тогда она была ограниченной. В современных языках он употребляется с такими словами, как “успех”, “победа”, “слава” и т.д. Например, в новоуйгурском языке: *мувалпиқийәт қазан*- “добиться (достичь) успеха”, *ғалибә қазан*- “одержать победу”, *шөһрәт қазан*- “прославиться (букв. “приобрести славу”)”. Ограниченность сферы смысловой совместимости глагола *қазған*-//*қазан*- диктуется ущербностью его семантики, определившей его функционирование преимущественно в составе словосочетаний типа вышеприведенного. Эти словосочетания имеют тенденцию к превращению в устойчивые или скованные, а глагол *қазан*- в них — в служебно-вспомогательный, формирующий так называемые составные глаголы.

Глагол *қазған*-//*қазан*- является, по-видимому, производным от глагола *қаз*- “копать” с первичным значением “докапываться”, “добиваться”, “достигать”. Глагол *қазғамак* *қазғамак* подкрепляет это предположение. Аффикс *-ға* с вариантами, образующий глаголы от глаголов, в тюркских языках известен. Например, в казах. яз. *қоз*- “возбуждаться”, “раздражаться”, “увлекаться”, “проявлять интерес”, от которого образуется *қозға*- “двигать”, “шевелить”, “колебать”, “возбуждать”, “тревожить”, “трогать”⁴⁶.

Мы полагаем, что слово *қазғақ* и является первичной формой слова *қазақ*, т. е. *қазақ* является в конечном счете производным от корня, общего со словом *қазған*-//*қазан*-⁴⁷. С точки зрения исторической фонетики тюркских языков для такого заключения нет никаких препятствий. Известно, что в целом ряде тюркских слов после сонорных и некоторых других звуков были звуки *ғ*, *қ*, *к*, *г*, которые в современных языках выпали. Это

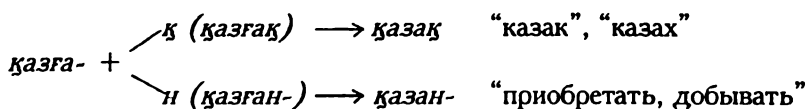
⁴⁶ Об аффиксе словообразования глаголов от глаголов *-ға* см.: Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962. С. 238–247.

⁴⁷ Ограниченная смысловая совместимость и ущербная семантика глагола также были, по-видимому, отчасти помехой на пути сопоставления его со словом *қазақ*. Отметим и не разделяемую нами прямо противоположную этимологию *қазған*-< *қазақ* + *ан*. См.: *Gabain A. v. Ibid. S. 167.*

хорошо известная закономерность, которая иллюстрируется нижеприведенной схемой.

Древнетюрк.	Казах.	Новоуйг.	Узбекск.	Алтайск.	Турецк.
<i>тамгақ</i> — “горло, глотка, гортань”	<i>тамақ</i>	<i>тамақ</i>	<i>томоқ</i>	<i>тамак</i>	<i>datak</i> — “небо”
<i>қайғуқ</i> — “лодка”	<i>қайық</i>	<i>қейиқ</i>	<i>қайиқ</i>	<i>қайык</i> — “весело”	<i>kaуik</i>
<i>қулқақ</i> // <i>қулғақ</i> — “ухо”	<i>қулақ</i>	<i>қулақ</i>	<i>қулоқ</i>	<i>кулак</i>	<i>kulak</i>
<i>кәргәк</i> — “нужно”	<i>керек</i>	<i>керәк</i>	<i>керак</i>	<i>керек</i>	<i>gerек</i>
<i>әшкәк</i> — “осел”	<i>есек</i>	<i>ешәк</i>	<i>эшак</i>	<i>эштек</i>	<i>eşек</i>

Схематически фонетическое развитие слова *қазақ* можно изобразить следующим образом:

Трудность заключается не в фонетической реконструкции, а в объяснении значения. Однако эта трудность также легко преодолевается. Во-первых, слово *қазақ* наряду с придаваемым ему значением “беглец от своего народа” почти так же рано получает и значение “добытчик”: Не трудно увидеть связь между значениями *қазған-* “добывать” и *қазақ* “добытчик”. Во-вторых, можно следовать и переводу В. В. Радлова — “приемный”. А. Н. Бернштам полагал, что в данном случае “речь идет о рабах, молодом захваченном населении другого племени или

народа”⁴⁸. Мы полагаем, однако, что здесь более правдоподобным будет другое объяснение. Термином “приемный сын”, по нашему мнению, могли обозначаться вожди родов или племен, подчинившиеся предводителю более могущественного племени. Нет никаких сомнений в том, что на первоначальных этапах формирования государственности отношения зависимости обозначались терминологией кровного родства. В связи с этим мы хотели задержать внимание читателей на одном институте в истории тюркских народов, который может быть прослежен на основании различных источников от глубокой древности до наших дней. Речь идет об общественном институте “тридцати сыновей”. Он зафиксирован в нескольких таласских рунических памятниках, в которых покойный прощается с “тридцатью сыновьями” *отуз оглан*)┘┘┘┘┘┘┘┘┘⁴⁹, сообщает, что в суровой войне он убил тридцать мужей, предводительствовал тридцатью мужами⁵⁰. Как единый коллектив в тридцать человек рассматриваются шесть сыновей и двадцать четыре внука Огуз-хана⁵¹.

Среди тюркских народов широко распространены предания о происхождении от тридцати сыновей. Эти предания обычно переслаиваются преданием о сорока девушках-родоначальницах. Согласно преданиям, тридцать сыновей было у мангытского мирзы Мусы, сына Едыге, тридцать сыновей и сорок дочерей было у казахского хана Аблая⁵². У киргизов, которые делились на два крыла, одно из крыльев называлось *отуз огул*. Родоначальником

⁴⁸ Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.; Л., 1946. С. 92.

⁴⁹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 74–75. См. также: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 60; Новые эпиграфические находки в Киргизии. Фрунзе, 1962. С. 16, 18–19, 23–27.

⁵⁰ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрок. С. 51–52, 63, 97.

⁵¹ Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 50 (русск. текст), с. 30 (вост. текст).

⁵² Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Т. 3. Алма-Ата, 1964. С. 486.

этого крыла считали *Отуз-Огул*. Кроме того, у киргизов был род *отуз-огул*. Число тридцать, по-видимому, отчасти благодаря наличию института *отуз-огул*, приобретало в жизни тюркских, а также, вероятно, и монгольских племен, некое символическое значение. Так, сельджукские воины объединялись в подразделения по тридцать человек, каждый сельджукский и тимуридский воин обязан был иметь в колчане тридцать стрел, у монголов аныда и соперник Чинхиз-хана Джанухэ брал из племени татар в жены тридцать девушек. В огузском эпосе *Караджук-чобан* стоит во главе “улуса тридцати пастухов (чобанов)”, правдивым людям желают жить трижды тридцать десятилетий или десять раз тридцать десятилетий⁵³. От тридцати сыновей и сорока девушек ведут свое происхождение восточнотуркестанские долоны. Пережитки мужского союза *оттуз огул* “тридцать сыновей” сохранились у современных уйгуров. В недалеком прошлом этот институт играл значительную роль в общественной жизни уйгуров. Анализ этого института показывает, что истоки его кроются в кочевом обществе скотоводов. В *оттуз огул* вступали мужчины определенной возрастной группы, которые возглавлялись выборным старшиной. В каждую ячейку *оттуз огул* могло входить любое число мужчин, не только тридцать. В функции *оттуз огул* входили хозяйственная взаимопомощь и вообще поддержка членов любым способом. Наиболее наглядной стороной функционирования *оттуз огул* являлись общие собрания членов *мэшрәп* (< ар. مشرب “попойка”). Собрания воспроизводили дворцовый ритуал кочевых ханов. Выделялись из “тридцати сыновей” *хан* (*падишах*), *везир*, которые во время инсценировки шариатского суда автоматически становились *казнями*, *көлбеги* — церемониймейстер, *пашшапбеги* — исполнитель приговоров, *дариханы* (иначе *дарибәг*, или *даричи* < *дархан* “тархан”, в котором *хан* воспринималось как титул) — музыканты, и *тридцать сыновей* — все прочие члены союза. Наиболее показательной стороной *машрабов* были инсценировки приема гостей и заседаний светского и духовного суда. Ритуал был разработан до мелочей, вплоть до того, в какой момент участ-

⁵³ Книга моего деда Коркута. М.; Л., 1962. С. 12, 186, 241.

ники какую позу должны принимать. Среди судебных приговоров имели место, например, обливание водой поставленного к стене провинившегося — имитация побивания камнями или стрелами, привязывание провинившегося в арыке к дереву на берегу — имитация человеческой жертвы духу родовой реки или богу подземного царства, “коммуникация” с которым осуществлялась через реку, посылка ночевать на кладбище, имитация крика животных и птиц (петуха, осла, барана) и т. д. Была строго разработана система штрафов: вносили баранов (вносили соответствующее число яблок), верблюдов (гранат), коней (груша), коров (слива). Нововведением является взимание иноходца (пол-литра водки). Рядовые члены организации, т. е. *оттуз оғул* “тридцать сыновей”, признаются сыновьями хана. *Оттуз оғул* современных уйгуров, вероятно, в значительной мере воспроизводит отношения внутри организации *отуз оғлан* древнетюркских таласских рунических памятников. “Тридцатью сыновьями”, по-видимому, первоначально являлись предводители племен и родов, признавшие верховную власть более могущественного владетеля. На заре развития древнетюркской кочевой государственности вассальные отношения могли фиксироваться в терминах родства. Можно предположить, что *қазғақ оғул* — это и есть “тридцать сыновей”, или же структурно сходная организация вассальной зависимости⁵⁴.

Что же касается семантики *қазғақ* “приемный” и *қазақ* “беглец”, то можно сказать, что значение последнего развилось из первого, так как для того, чтобы стать приемным сыном, владетелю рода приходилось отказываться от определенных прав, в частности приходилось покидать владетеля, власть которого приходилось признавать ранее, уходить со своими людьми или без них от своего племени, чтобы пристать к другому.

Такова, по нашему мнению, фонетическая и семантическая история слова *қазақ*.

⁵⁴ Не скрывается ли под непонятным 𐰉𐰺𐰽:𐰜𐰚𐰏 *өүз оғлым* именно этот институт “тридцать сыновей”? Если это так, то вместо *өүз оғлым* следует читать 𐰉𐰺𐰽:𐰜𐰚𐰏 или 𐰉𐰺𐰽:𐰜𐰚𐰏 (*o*)*туз оғл(ы)м*.

Из вышесказанного вытекает, что слово *казақ* (*казах*) имеет тюркское происхождение и его появление может датироваться временем не позже создания тюркских орхоно-енисейских рунических памятников⁵⁵.

Мы хотели бы отметить, что предложенная нами этимология также является гипотетической. Ее положительная сторона — фиксация прототипа слова *казақ* в древнетюркском памятнике. Однако она имеет и слабые стороны. Во-первых, серьезным препятствием для ее принятия является то, что памятник с Уюк-Турана имеет плохую сохранность и, следовательно, на памятнике может оказаться не **𐰇𐰏𐰣𐰏**, а какое-то другое слово. Во-вторых, внимательное изучение трафарета енисейских памятников также, возможно, заставит отказаться от чтения *қазғақ*. Сознвая уязвимость нашей этимологии, мы тем не менее решили изложить ее в надежде, что обнаружение пусть спорной, но новой реконструкции, основанной на показании памятника древнетюркской письменности, будет способствовать изучению происхождения этнонима *казақ* на научной основе.

⁵⁵ В четвертом памятнике с Чакуля (*Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. С. 38, 39) сообщается, что покойник не наслаждался обществом *қазау әрімә* **𐰇𐰏𐰣𐰏** "моими героями из Казанг". Здесь последнее слово в направительном падеже. Значение слова *қазау* не установлено. Если предположить, что слово **𐰣𐰏** следует читать как **𐰇𐰏** *қазақ*, т. е. в последней букве **𐰣** *у* резчик не вырезал еще одну необходимую черту или же она со временем выветрилась, то можно будет считать, что слово *казақ* существовало в последней форме в памятниках рунической письменности. Это будет означать, что корень *қазға-//қаза-* в этих двух фонетических вариантах функционировал задолго до монгольского нашествия.

Известия “Зийа ал-кулуб” (ضياء القلوب) Мухаммад Аваза о казахах XVI века

В настоящее время основной причиной, тормозящей изучение казахского средневековья, является малочисленность исторических известий. Основными источниками по истории этой эпохи являются восточные нарративные сочинения. Одной из групп таких источников являются агиографические сочинения, ценность известий которых давно признана востоковедением. Для изучения истории казахского народа жития мусульманских святых фактически не привлекались. К числу таких источников относится и вышеназванный.

“Зийа ал-кулуб” (“Сияние сердец”) известно только в двух списках, один из которых хранится в Институте востоковедения АН Узбекистана (№ 71)¹, а другой — в рукописном отделе ЛФ ИВ РАН (А 1615)². Сочинение было открыто А.-З. Валидовым, который и сообщил о нем некоторые извест-

---

¹ Собрание восточных рукописей АН УзССР / Под ред. и при участии А. А. Семенова. Ташкент, 1955. Т. 3. С. 331.

² *Миклухо-Маклай Н. Д.* Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии. Вып. 2. Биографические сочинения. М., 1961. С. 127–129.

тия, уместившиеся в четырех строчках его статьи³. Некоторые основные сведения о нем в последнее время сообщены Н. Д. Миклухо-Маклаем и Э. Н. Ворожейкиной⁴.

“Зийа ал-кулуб” написано Мухаммад Авазом⁵ и закончено, по-видимому, в “1012/1603—1604 г., поскольку автор в предисловии сообщает, что мысль о написании настоящего труда возникла у него 4 мухаррама 1012/15 июня 1603 г. (л. 36)”⁶. Язык “Зийа ал-кулуб” — среднеазиатский фарси.

Сочинение представляет собой панегирическое жизнеописание Ходжа Исхака (умер 10 раби I 1008 г. х., т. е. 1. X 1599 г. н. э. или, по другим источникам, в 1007 г. х., т. е. в 1598/9 г. н. э.)⁷, четвертого сына Махдум-и Азама (умер 21 мухаррама 949 г. х., т. е. 8 мая 1542 г. или, по другим данным, в 956 г. х., т. е. в 1549 г. н. э.)⁸. После смерти последнего между его старшим сыном Мухаммад Амином (Ишан-и Калан, Ходжа-йи Калан) и Ходжа Исхаком шла борьба за право на *иршад* (духовное руководство) в суфийском ордена *накш-бандиййа*, в результате которой внутри ордена образовались две секты — белогорская и черногорская. Последнюю возглавил Ходжа Исхак.

Сочинение состоит из ряда рассказов о Ходжа Исхаке, написанных Мухаммад Авазом на основе личных наблюдений и со слов сподвижников и современников этого пира. В тексте “Зийа ал-кулуб” Ходжа Исхак именуется Хазрат-и Ишаном.

“Зийа ал-кулуб” — ценный источник по истории Средней Азии и Восточного Туркестана второй половины XVI в.

³ Валлов А.-Э. Восточные рукописи в Ферганской области // ЗВО ИРАО. Т. 22. Вып. 3—4. Пг., 1915. С. 304.

⁴ Ворожейкина Э. Н. Доисламские верования киргизов в XVI в. // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961. С. 182—189.

⁵ Зийа ал-кулуб. № 71. С. 122, 127, 161, 211, 219.

⁶ Миклухо-Маклай Н. Д. Указ. соч. С. 128.

⁷ Там же. С. 122.

⁸ Там же.

Он содержит и любопытные известия о связях Средней Азии с Турцией.

Значительную часть своей жизни Ходжа Исхак потратил на проповедь своего учения и вербовку мюридов среди кочевых народов — казахов, киргизов и калмаков, что нашло отражение в тексте "Зийа ал-кулуб". Сочинение, однако, не публиковалось и не переводилось. В научный оборот в переводе на русский язык введен лишь рассказ об идолопоклонстве киргизов⁹. В сочинении имеется и еще несколько известий о киргизах. В этих известиях рядом с киргизами иногда называются и казахи. Так, в одном случае Мухаммад Аваз говорит о государе казахов и киргизов¹⁰, а в следующем рассказе, сообщая о том же лице, он называет его государем киргизов, не упоминая уже о казахах¹¹. Можно сделать заключение, что известия о киргизах в равной степени могут быть отнесены и к казахам. Сообщение об идолопоклонстве киргизов не может служить решающим аргументом в пользу того, что речь идет только о киргизах. В XVI в. казахи также в значительной мере сохраняли шаманские верования и культы¹². Известно также, что на протяжении XVI в. казахи часто действовали в союзе с киргизами.

В сочинении имеются два сообщения, непосредственно относящиеся к казахам. Первое из них говорит о вступлении казахского хана Тевеккеля со ста двадцатью сыновьями и султанами в число мюридов Ходжа Исхака. Событие это имело место в Кан-Гиле под Самаркандом сразу после убийства шайбанида Абд ал-

⁹ *Ворожейкина Э. Н.* Указ. соч. С. 187—189. Название главного идола киргизов, которое переводчица отрывка читает как *талбийя-йи джаккар* *تلبیهٔ جقر* и от перевода которого отказывается, видя в нем непонятное киргизское словосочетание, по ташкентскому списку читается как *талбиса-йи хакир* *تلبیسۂ حقیر*, т. е. персидское определительное словосочетание, составленное из арабских слов, которое может быть переведено как "презренный обман".

¹⁰ *Зийа ал-кулуб.* № 71. С. 36.

¹¹ Там же.

¹² *تواریخ کزیده نصرتنامه*: Рукопись ЛФ ИВ РАН. В 745. Л. 1076.

Мумин-хана в 1598 г. Затем сообщается о походе Тевеккель-хана на Бухару. По пути он осадил крепость Кала-йи Даббус, но взять ее оказался не в состоянии. После поражения под Бухарой Тевеккель-хан отступил и вновь имел сражение с аштарханидами под Сар-и Пулом. Виновником поражения Тевеккель-хана под Сар-и Пулом Мухаммад Аваз называет аштарханида Баки Мухаммад-хана, что согласуется со сведениями “Тарих-и алам арайи Аббаси” Искандара-мунши¹³. Затем Тевеккель-хан отступил в Ташкентскую область, где и умер. Основной причиной неудачи Тевеккель-хана Мухаммад Аваз считает измену казахского хана Ходжа Исхаку и переход его в число мюридов одного из “шейхов времени”, не названного в сочинении по имени. Известие “Зийа ал-кулуб” совпадает с сообщением Искандара-мунши. Оно существенно уточняет географические координаты разыгравшихся событий.

Второе известие “Зийа ал-кулуб” о казахах не может быть точно датировано. В нем говорится о посылке Ходжа Исхаком своего агента к казахам с целью вовлечения их в число своих мюридов. Рассказ легендарен, но имеет значительную ценность как свидетельство миссионерской деятельности среднеазиатских суфиев среди казахов.

Сочинение Мухаммад Аваза сообщает значительные по своей важности сведения о распространении ислама среди казахов в XVI в. Они тем более ценны, что аналогичных им по содержанию свидетельств во введенных к настоящему времени в научный оборот источниках этой эпохи почти нет. Из этих свидетельств могут быть сделаны некоторые предварительные выводы.

Во-первых, ислам среди казахов, которые, по сообщению Фазлаллаха бен Рузбихана, в XV—XVI вв. были плохими мусульманами и в специальной фетве богословов были даже

¹³ تاریخ عالم آرای عباسی Искандара-мунши. Тегеран, 1314 г. х. — 1896/7 г. н. э. (литография). С. 407—409. Искандар-мунши местом сражения Тевеккель-хана с аштарханидами называет не Сар-и Пул, а Узун-Сакал Мийанкальский (ازون سقل میانکال).

объявлены отступниками от мусульманской веры¹⁴, распространялся в XVI в. в основном в форме суфийских учений.

Во-вторых, распространителями ислама среди казахов выступали среднеазиатские суфийские пиры и их агенты, которые преследовали при этом цель — увеличение числа мюридов и размеров своих доходов.

В-третьих, ислам среди казахских кочевников насаждался также и их ханами и султанами. В условиях широкого бытования шаманских верований и культов, являвшихся идеологической основой патриархально-родовых отношений, исламизация казахского населения, как внедрение в его сознание религиозной идеологии развитого феодального общества, не могла не стимулировать процесса укрепления верховной власти и государственных институтов, более четкого оформления феодальных отношений и процесса дальнейшей консолидации народности.

В-четвертых, принятие ислама не может не свидетельствовать в пользу того, что казахские ханы искали себе прочную социальную опору в лице влиятельного мусульманского духовенства и суфийских корпораций. Исламизация казахов, несомненно, способствовала укреплению на идеологической основе классового союза казахских феодалов с духовными и светскими феодалами городов Туркестана и Мавераннахра.

В помещаемых ниже переводах имеется отрывок и о деятельности агентов Ходжа Исхака среди калмаков. Трудно сказать, имеются ли в виду в "Зийа ал-кулуб" действительно калмаки, или это могулы Семиречья, значительная часть которых вошла в состав казахов Старшего жуза, или под именем калмаков скрываются казахи и киргизы. Отрывок об идолопоклонстве киргизов мы не даем, так как он уже опубликован. Извлечения сделаны из ташкентского списка "Зийа ал-кулуб", фотографией которого мы располагали.

---

¹⁴ Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1 (V в. до н. э. — XVIII в. н. э.) / Под ред. проф. С. Д. Асфендиарова и проф. П. А. Кунте. Алма-Ата; Москва, 1935. С. 103—104, 107—108.

Извлечения из “Зийа ал-кулуб”

[С. 33]. Передают, что после того, как Хазрат-и Ишан пришел в вилайет Самарканда, государи со [всех] сторон писали и присылали Хазрат-и Ишану письма и в посланиях выражали [свою] страсть и любовь [к нему] и говорили: “Отличите своих рабов и просветите наши очи прахом со своих ног, [т. е. приезжайте к нам]”. Из вилайета Шаша [писал] Дарвиш-хан и из вилайета Туркестана — Баба-хан, и из вилайета Ура-Тюбе — Гадай-хан, и из вилайета Андигана — Хуррамшах, и из вилайета Ахси — Достум-султан, и из вилайета Кашгара — Абд ал-Карим-султан¹⁵.

После этого Хазрат-и Ишан посоветовался с приверженцами¹⁶ и отправился в Кашгар. Но по пути он встречался с этими султанами. Эти султаны просили Хазрат-и Ишана: “Пусть Хазрат-и Ишан будет в нашем вилайете”. [Но] Хазрат-и Ишан ни с кем [с. 34] не согласился и отправился в сторону Кашгара.

Получив известие, Абд ал-Карим-хан пришел навстречу Хазрат-и Ишану и стал служить ему с совершенным почтением, однако, по причине отсутствия счастья, не стал преданным ему человеком.

После этого [он] ушел от служения Хазрат-и Ишану и перестал оказывать ему внимание. Через сорок дней он прислал ему одну овцу, на спине которой были старое седло и рваное снаряжение. И Хазрат-и Ишан очень огорчился и говорил: “Мы пришли ради него, а он следует нам путем такого рода”. После этого [он] говорил приверженцам: “Он несомненно вышлет нас из своего вилайета. Друзья, будьте готовы”. Прошло два-три дня после этого события, и от Абд ал-Карим-хана доставили письмо следующего содержания: “Хазрат-и Ишан пришел в мой вилайет, [но теперь] пусть уходит в другой вилайет”. Хаз-

¹⁵ Умер в 998 г. х. (1589/90 г. н. э.) или в 999 г. х. (1590/91 г. н. э.). См.: *Миклухо-Маклай Н. Д.* Указ. соч. С. 151.

¹⁶ *ياران* йаран — букв. “друзья, возлюбленные”. Этим термином обозначались ближайшие сподвижники суфийского лидера.

рат-и Ишан со всеми приверженцами и домочадцами отправился в вилайет киргизов. Придя, [он] остановился, разбил палатку и там поселился.

Передают со [слов] того чтеца корана и избранника владения всеведущего [бога], то есть Хафиз-и Араба, который был [одним] из халифа Хазрат-и Ишана [и который] говорил: "Однажды мы были на услужении Хазрат-и Ишану у подножия той же горы, как вдруг издалека в совершенном волнении появился некий всадник, спешил, [с. 35] поклонился Хазрат-и Ишану и сказал: "Йолум киргиз — наш государь. Он идет, вознамерившись убить Хазрат-и Ишана. Еще Хазрат-и Ишан пусть знает, [что] будет лучше, если он сможет позаботиться о себе", — [и таким образом] осведомил Хазрат-и Ишана [об опасности]. Хазрат-и Ишан сказал: "Чего хочет Господь всевышний, то есть и будет", — и сел, обратив свое благословенное лицо в сторону кыблы, как вдруг прискакали заблудшие сипахи и, извлек сабли из ножен, направились к Хазрат-и Ишану. И в Хазрат-и Ишане не произошло абсолютно никакого изменения, но от приверженцев поднялись стоны и вопли.

Но Хазрат-и Ишан сидел, опустив свою благословенную голову и поручив себя Господу всевышнему, как вдруг у коня Йолум киргиза сломались обе передние ноги и Йолум киргиз упал с коня, и у него сломалась шея, и он тут же умер. Эти четыре¹⁷ человека, которые были с ним, увидели это обстоятельство, все бросились с коней, далеко отбросили от себя оружие, пришли на услужение Хазрат-и Ишану, провозгласили вероисповедание и стали мусульманами и уверовали в Господа преславного и всевышнего и в Хазрат-и Ишана.

Передают со [слов] упомянутого Хафиз-и Араба, [который говорил]: "Однажды у подножия горы [мы] [с. 36] были на услужении Хазрат-и Ишану, как [вдруг] на служение Хазрат-и Ишану пришел один из государей казахов [и] киргизов, доставил много пожертвований и сказал: "О мой хазрат, хорошо

¹⁷ Так по рукописи № 71; по рукописи А 1615 — "четыреста".

было бы, если бы вы явили свою милость в отношении этих бедняков, сотворили молитву и испросили у Господа преславного и всевышнего, чтоб появился источник воды, так как положение [этих] бедняков по причине безводья пришло в расстройство. Во время наших отцов в этом самом месте однажды показывалась вода, [но] после того [опять] исчезла. Сколько они ни старались, [а] воду [так и] не нашли”.

Хазрат-и Ишан обнажил свою благословенную голову, взял в руки свои белые усы и бороду и обратился [с молитвой] к духу хазрата благороднейшего посланника [Аллаха] — да благословит его Аллах и да приветствует — и испросил помощи от духов своих предков. И все приверженцы обнажили головы и зарыдали, [обратившись] ко дворцу Господа всевышнего, так что внезапно по милости хазрата Господа преславного и всевышнего из подножия горы пошла вода.

Немедленно государь и его нукеры уверовали в Хазрат-и Ишана. И сейчас то место называется Назаргах-и Хазрат-и Ишан¹⁸, и там воздвигли постройки, и там поселилось много людей.

Передают со [слов] упомянутого господина Хафиз-и Низам Араба, который говорил: “Через несколько дней тот же государь киргизов пришел на служение Хазрат-и Ишану и привел с собой много людей. Все [они] [с. 37] уверовали в Хазрат-и Ишана и доставили ему много пожертвований из коней и верблюдов. После этого тот же государь обратился к Хазрат-и Ишану с просьбой и сказал: “О мой хазрат, в этом нашем вилайете нет соли. Если бы Хазрат-и Ишан сотворил молитву, чтобы здесь появилась соль!”

После того Хазрат-и Ишан поднял руки в молитве и сотворил молитву. И в момент молитвы вдали вдруг показался какой-то человек и стал приближаться, [ведя с собой] нагруженного верблюда. Когда подошел, [то] поставил верблюда на колени и развязал чувал. Из чувала показалась соль. Все это общество поразилось и сказала: “В этом вилайете соли не было.

¹⁸ Т. е. “место, на которое упал взгляд Хазрат-и Ишана”.

Ты откуда привез эту соль?" Тот человек сказал: "Я шел [своим] путем, как [вдруг] увидел какого-то верблюда, который бродил у подножия этой горы. Когда я подошел, [то] увидел, что эта гора целиком превратилась в соль".

После того Абд ал-Карим-хан вновь прислал человека к Хазрат-и Ишану, принес многочисленные извинения и просил Хазрат-и Ишана вернуться к нему. И Хазрат-и Ишан вновь пришел в вилайет Кашгара".

* * *

[С. 51] Через несколько дней [послышались крики]: "Ай, ай! Таваккул стал ханом!" Хазрат-и Ишан в то время остановился на куруке Кан-и Гил. Таваккул-хан казах со ста двадцатью сыновьями-султанами, все с веревками на шее, плача и рыдая, подняли карету (محافه) Хазрат-и Ишана и стали тереть свои лица о дерево паланкина (تخت روان) Хазрат-и Ишана. Сто тысяч человек, все довели до Хазрат [-и Ишана] свое желание [стать его мюридами], и вопль всех [этих] людей достиг седьмого неба, и таким [вот] образом [они] доставили Хазрат-и Ишана в город Самарканд.

Через три дня Таваккул-хан выступил в поход с целью взять Бухару [с. 52] и осадил Кала-йи Даббус.

После этого один из шейхов времени сказал: "Кто отпускает сороку¹⁹, а кто ловит ворона", то есть — воспитывать Таваккул-хана буду я, а он выражает веру и преданность Хазрат-и Ишану". И после этого он послал одного дервиша из своих дервишей к Таваккул-хану и письмо того содержания. И по причине отсутствия блага и счастья Таваккул-хана, [он] поступил в соответствии с содержанием письма того азиза²⁰, отринул веру от Хаз-

¹⁹ В тексте كچاله "сорока". Возможно, ошибочно вместо كچاله "аконит, аронник" (растение с ядовитыми лепешкообразными плодами). В последнем случае этот отрывок приобретает несколько иное значение.

²⁰ عزيز — букв. "дорогой, любимый", а также — "святой, блаженный, суфий".

рат-и Ишана и уверовал в того *азиза*. Тайно [известие о] том событии доставили Хазрат-и Ишану: “Он отвернулся от вашей светлости и уверовал в такого-то *азиза*”. Хазрат-и Ишан сказал: “И сорока от того *азиза*, и сад с вороном от него же. [Все] станет известным в то время, когда [мы увидим], каким образом Таваккул-хан станет обладателем Вилайета”²¹.

После этого [Таваккул-хан] не смог взять Кала-йи Даббус, прошел [дальше] и пошел на Бухару. И Бухару также не смог взять, наконец отступил и пришел в селение, которое называют Сар-и Пул.

И [в это время] со стороны Хорасана пришел Баки Мухаммад-хан, разгромил Таваккул-хана, и наконец Таваккул-хан бежал и ушел в вилайет Ташкента. Через несколько дней [он] умер, [и] Хазрат-и Ишан, сказал: [с. 53] “Ворон съел сороку и издох”.

* * *

[С. 117] Передают со [слов] упомянутого господина Молла Хикмати, [который] рассказывал: “Однажды с группой приверженцев [мы] отправились в вилайет киргизов. Внезапно группа из киргизов пришла с целью разбоя, перехватила нам путь, обнажив сабли и держа [их] в руках, покушалась на нас и поставила нас в трудное положение. И мы возопили к хазрату преславному и всевышнему, а также обратились [с мольбой] к Хазрат-и Ишану. Вдруг эти насильники сошли с коней и принялись тереть свои лица о наши ноги. И мы поразились и спросили: “Что с вами случилось, что вы говорите “таксир”²² и проявляете к нам мягкость?” И эти киргизы сказали: «Вы произнесли имя Хазрат-и Ишана, [и] вдруг мы увидели, что Хазрат-и Ишан верхом на белом коне, [и] все, что [на нем было] надето, также [было]

²¹ Т. е. Мавераннахра.

²² Т. е. “господин”. В данном случае произнесение этого слова означает признание могущества Ходжа Исхака и его права на духовное руководство.

белое, и с копьём в руках [с. 118] намеревается убить нас. Если бы мы чуть-чуть помедлили сойти с коней, несомненно дело для нас стало бы трудным. И от страха перед Хазрат-и Ишаном мы сошли [с коней] и сказали "таксир".

После того, как мы [опять] пришли к Хазрат-и Ишану, Хазрат-и Ишан сказал: "Что же за милость в отношении вас явил Господь всевышний, что разбойники вас не тронули?" И мы сказали "таксир"».

* * *

[С. 172] Передают со [слов] того избранника времени [с. 173], то есть Хусайн-бий туркмена, который рассказывал: "Однажды в голову мне пришла мысль отправиться и уверовать в Хазрат-и Ишана. После этого я взял одного коня для подношения, пришел к Хазрат-и Ишану и поступил в услужение. Через три дня [Хазрат-и Ишан] сказал мне: "Отправляйся в вилайет казахов". Я по его повелению ушел к казахам. Первый раз они приняли меня за своего. Через несколько дней я открыл тому обществу, что являюсь [одним] из халифа Хазрат-и Ишана. Казахи схватили меня и сказали: "У нас есть больной. Если ты халифа [Хазрат-и] Ишана, [то] сотвори молитву, чтобы он выздоровел, и ты спасешься от нас. В противном случае мы разорвем тебя на куски". И [таким образом они] поставили меня в трудное положение. И доставили меня к больному и сказали: "Если этот больной, которого ты видишь, умрет, [то] завтра [тебя] убьют".

После этого я из глубины души возопил к Богу, и зарыдал, и обратился [с мольбой] к Хазрат-и Ишану. Я сказал: "О Хазрат-и Ишан, моя рука — на подоле вашего [платья, а сейчас] — время [оказать мне] милость". Вдруг по милости Господа Бога [и] благодаря сокрытому [влиянию] этого великого [Хазрат-и Ишана больной] чихнул, встал со своего ложа, положил свою голову к моим ногам и принялся вопить и рыдать. [С. 174] Эти казахи поразились и спросили у больного: "Что с тобой приключилось?" Тот больной сказал: "Этот человек сказал: "О, ходжам!" —

и Хазрат-и Ишан в этом виде [т. е. в облике этого человека] пришел и взял мою руку и сказал: “Во имя Аллаха милостивого, милосердного”. [И] мы сказали [это вместе], и я встал”.

И после этого эти казахи — около двухсот семей — взяли пожертвования и пришли ко мне и тайно уверовали в Хазрат-и Ишана. И других жертвований также было много собрано, [мы] взяли [их] и доставили к Хазрат-и Ишану. Хазрат-и Ишан сказал: “Цель наша в отношении вашего отправления [к казахам] была [именно] эта”.

* * *

[С. 222] Передают со [слов] упомянутого Суфи Назара, который сказал, [что] господин лучший из сеидов Эмир Мухаммад Амин говорил: “Однажды Хазрат-и Ишан были среди калмаков. Господину Мир Мухаммад Амину и Мирза Хаджи, и Молла Хикмати, и Хафиз-и Низаму, этим четверем *азизам*, он сказал: “Идите к калмакам и приведите их сюда. Калмаки жгут [священный] огонь и поклоняются ему”. [Когда] эти *азизы* пришли, [то] калмаки спросили их: “Что вы за люди и откуда идете?” *Азизы* сказали: “Мы — халифа Хазрат-и Ишана и пришли по приказу Хазрат-и Ишана, так как Хазрат-и Ишан требует вас”. Калмаки разъярились и сказали: “Если вы — халифа [Хазрат-и] Ишана, [а] все, что говорит Хазрат-и Ишан, истина [и] правда, [то мы] бросим вас в этот огонь и вы не сгорите и выйдете из огня невредимыми”. [И они] бросили нас в огонь. И в это же время появился Хазрат-и Ишан и издал крик. По велению Господа всевышнего от Хазрат-и Ишана поднялся стремительный ветер и погнал огонь в сторону [с. 223] калмаков. И много людей из этих калмаков сгорели, [а] около тысячи семей стали мусульманами и уверовали в Хазрат-и Ишана, и ни одна нить нашего платья не пострадала [от огня]”.

Историографическая концепция автора “Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад Хайдар доглата

Мирза Мухаммад Хайдар доглат и его труд

Мирза Мухаммад Хайдар доглат родился в 1499/1500 г. в Ташкенте, где его отец Мухаммад Хусайн-курэкан доглат находился, будучи вынужденным эмигрировать из Кашгара. Предки Мирза Хайдара, или Хайдар-мирзы, как называл сам себя Мирза Мухаммад Хайдар доглат и как называли его другие, играли огромную роль в истории Могулистана и потомственно владели Кашгарией, которая нередко становилась под их властью совершенно независимой. Мать Мирза Хайдара Хуб-Нигар-ханум была младшей дочерью чагатаида Султан Йунус-хана, и, следовательно, Мирза Хайдар был двоюродным братом чагатаида Султан Саид-хана. Он доводился также двоюродным братом тимуриду Захир ад-Дин Мухаммад Бабуру, матерью которого была Кутлук-Нигар-ханум, старшая сестра Хуб-Нигар-ханум.

Мухаммад Хусайн был убит по приказу Мухаммад Шайбани-хана, а Мирза Хайдар был вынужден бежать, в чем ему помог его духовный наставник Мухаммад Кази, пир суфийского ордена накшбандийя в Средней Азии. В конце концов он добрался до Кабула и нашел приют у Бабура, при дворе которого и находился в течение некоторого времени.

От Бабура он перешел к Султан Саид-хану и служил ему в Кашгарии до его смерти. Мирза Хайдар занимал крупные придворные и военные должности, в частности был воспитателем-аталыком сына Султан Саид-хана, наследника престола Абд ар-Рашид-султана, или Рашид-султана.

Мирза Хайдар принимал участие в походе на Тибет, во время которого в 1533 г. скончался Султан Саид-хан. По получении известия о смерти отца Абд ар-Рашид обрушил репрессии на доглатов, прежде всего на родственников Мирза Хайдара. Был убит его дядя Саййид-Мухаммад-мирза, предводитель доглатов в Кашгарии, и другие. Еще свежа была память о том, что Султан Саид-хан отнял Кашгарию у доглатов, у троюродного брата Мирза Хайдара Абу Бакр-мирзы. И хотя Саййид и другие доглаты помогали Султан Саид-хану отвоевать Кашгарию для чагатаидов у своего родственника, Абд ар-Рашид хорошо помнил о том, что полсотни лет тому назад Кашгария принадлежала деду Мирза Хайдара. Абд ар-Рашид опасался заговора доглатов, и обстоятельства убийства дяди Мирза Хайдара говорят за то, что такой заговор существовал, но не осуществился.

Возвращаться в Яркенд Мирза Хайдару было нельзя. Он долго скитался по Бадахшану и соседним странам, а потом ушел в Индию к Великому Моголу Камран-мирзе. В дальнейшем он завоевал для Великих Моголов Кашмир и правил там от их имени. В одной из стычек с горными племенами он был случайно убит стрелой собственного стрелка. Произошло это в 1551 г. В источниках прямо высказывается мысль о том, что смерть его скорее всего не была результатом слепой случайности. Дело в том, что Мирза Хайдар управлял Кашмиром почти как независимый правитель. Великие Моголы опасались, что он мог отделиться от их государства и основать в Кашмире собственное владение. Поэтому и была якобы предпринята акция по его устранению. Нравы эпохи и конкретная ситуация говорят за то, что эта версия не лишена оснований.

До конца своих дней он не оставлял мысли о возвращении на родину своих предков, которую считал и своей родиной.

Прославился, однако, Мирза Хайдар не как военный или политический деятель, а как автор грандиозного исторического сочинения "Тарих-и Рашиди" ("Рашидова история"). Он был замечательный писатель и поэт. Бабур писал о нем: "Сыном Хуб Нигар ханум был Хайдар мирза. После убийства его отца узбеками он пришел и находился при мне три-четыре года. Потом он испросил разрешения и ушел в Кашгар к Хану.

Всякая вещь возвращается к своему началу —

И чистое золото, и серебро, и свинец.

Теперь он, говорят, остепенился и встал на хороший путь. К писанию, рисованию, к изготовлению стрел, наконечников стрел и колец для натягивания лука — ко всему его руки были ловки. Дарование к стихам у него тоже есть. Ко мне пришло от него прошение: слог его недурен"¹.

Таким образом, Мирза Хайдар, если судить по словам Бабура, получил хорошее образование, которое считалось достойным и классическим для отпрысков знатных феодалов среди тимуридов Средней Азии и вообще на мусульманском Востоке. В эту культурную сферу, как мы видим на примере Мирза Хайдара, была уже втянута и знать могульских племен.

"Тарих-и Рашиди", как сказано выше, исторический труд, получивший широкую известность на мусульманском Востоке. Имеется несколько переводов "Тарих-и Рашиди", которая была написана на фарси, на староуйгурский язык, а также на другие тюркские языки. Сочинение почти полностью переведено на английский язык². На русский язык переводились только извлечения³.

¹ Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. С. 21 (далее — БН).

² A History of the Moghuls of Central Asia being the Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. An English version edited, with commentary, notes and map by N. Elias... The Translation by E. Denison Ross. London, 1895 (далее — TR, Ross).

³ Такое положение сохранялось до 1996 г., когда узбекистанские востоковеды издали свой полный перевод "Тарих-и Рашиди" на русском языке: *Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди / Введение, перевод с персид-*

Источником для написания “Тарих-и Рашиди” послужили многочисленные сочинения на персидском, тюркском и арабском языках, список которых был бы очень длинным и ясно показал бы эрудированность автора⁴. Вторым, но не менее важным источником, а, пожалуй, даже и более серьезным для автора, были устные исторические и прочие рассказы, легенды и предания, бытовавшие среди могулов. Мирза Хайдар неоднократно сообщал в своем труде, что он постоянно собирал сведения среди могулов — знатоков преданий. Среди его информаторов были даже люди, возраст которых превышал сто лет.

“Тарих-и Рашиди” состоит из двух частей (дафтар), вторая из которых написана ранее первой. Последняя дата, содержащаяся в первой части — 3 марта 1546 г., а во второй — 1541/42 г. Первая из частей содержит историю ханов Могулистана, начиная в основном с Туглук-Тимур-хана, могулов, Могулистана и, особенно, историю Кашгарии и правления в ней его предков — эмиров племени доглат, а также собственную историю автора. Вторая часть является собственно мемуарами, в которых автор рассказывает в основном о себе. В какой-то мере первая и вторая части перекликаются. Можно также сказать, что “Тарих-и Рашиди” — это история доглатов, родного племени Мирза Хайдара.

Для того чтобы охарактеризовать историографическое значение этого труда, достаточно сказать, что если бы “Тарих-и Рашиди” не была написана, то мы ничего не знали бы по истории Могулистана и Восточного Туркестана XIV — первой половины XVI в. или знали очень мало. Но значение “Тарих-и Рашиди” не исчерпывается той суммой сведений исторического характера, которые в ней содержатся.

ского А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Елифановой; Примечания и указатели Р. П. Джалиловой и Л. М. Елифановой. Ташкент, 1996. — Ю. Б.

⁴ Об этом см. нашу статью: Юдин В. П. Тарих-и Рашиди // МИКХ. С. 185–191.

Можно сказать, что "Тарих-и Рашиди" в равной мере является и замечательным памятником художественной литературы. Во-первых, как уже сказано выше, второй дафтар этого сочинения носит мемуарный характер. Ряд глав первой части имеет такой же характер. Это уже меняет жанровую принадлежность труда, сближая его с художественной литературой. Во-вторых, вся сумма изобразительно-выразительных средств, традиционно использовавшихся Мирза Хайдаром, его стиль — все это было характерно и для исторического труда, и для художественного. Различия были незначительными. Наконец, сам метод подачи событий, манера повествования приобретают в его сочинении столь драматический характер, такое высокоэмоционально-экспрессивное звучание, что читатель перестает воспринимать его труд как исторический, а испытывает от его чтения огромное наслаждение как от произведения словесного искусства. Такое впечатление чтение "Тарих-и Рашиди" оставляло не только в прошлые века, но оставляет его и в наше время. Все это и обязывает нас рассматривать "Тарих-и Рашиди" не только как памятник историографии, как исторический источник, но и как замечательное произведение художественной литературы. В этом смысле может быть проведена параллель между "Бабур-наме" Захир ад-Дин Мухаммад Бабура и "Тарих-и Рашиди" Мирза Мухаммад Хайдар доглата.

До недавнего времени у нас господствовало мнение, что "Тарих-и Рашиди" — единственное сочинение Мирза Хайдара, дошедшее до нашего времени. Предполагалось, однако, что он должен был писать не только на персидском языке, но и на тюркском, но если такие сочинения и были им написаны, то они затерялись⁵. Но еще в 1937 г. была напечатана небольшая заметка о стихотворной поэме Мирза Хайдара "Джахан-наме", рукопись которой хранилась в Берлинской городской библиотеке, а

---

⁵ История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1957. С. 218; Мингулов Н. Н. Мухаммад-Хайдар дуглат // Великие ученые Средней Азии и Казахстана (VIII—XIX вв.). Алма-Ата, 1965. С. 195.

теперь депонирована в одном из городов ФРГ⁶. Теперь сведения об этой поэме проникли и в нашу литературу⁷.

Поэма “Джахан-наме” написана на тюркском языке. Ее сюжет — сказочный. Поэме предпослано обширное прозаическое предисловие, в котором автор описывает скитания в Бадахшане и последующие события своей жизни. Хотя автор и не называет своего имени, однако из изложения становится ясным, что им мог быть только Мирза Мухаммад Хайдар доглат. Поэма, следовательно, была написана после 1533 г. Место написания — Кашмир. Из текста поэмы следует, что у Мирза Хайдара был тахаллус Айаз. В дальнейшем, быть может, знание его тахаллуса поможет выявлению его других поэтических сочинений.

О том, что Мирза Хайдар знал тюрки и пользовался им, мы знаем и из “Тарих-и Рашиди”, в которой он приводит немало слов и речений из языка могулов — тюркского языка. Он использует в тексте своего исторического труда даже поговорки на могульском тюрки. Имеются в этом труде и его собственные высказывания и даже короткие стихи на тюрки.

Таким образом, теперь достоверно установлено, что до нашего времени дошло не одно сочинение Мирза Мухаммад Хайдар доглата, а два. Это заставляет предполагать, что литературная деятельность Мирза Хайдара была более значительной, чем это казалось несколько ранее. Можно с уверенностью предполагать, что в недостаточно хорошо обследованных хранилищах рукописей, например в Индии или Афганистане, могут быть обнаружены рукописи других сочинений Мирза Мухаммад Хайдар доглата.

---

⁶ Устное сообщение крупнейшего востоковеда Ю. Э. Брегеля, с середины 70-х гг. проживающего и работающего в США.

⁷ Юдин В. П. Тарих-и Рашиди; История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 2. Развитие феодальных отношений, образование казахской народности и Казахского ханства. Алма-Ата, 1979. С. 379.

Сведения "Тарих-и Рашиди" по истории Могулистана, Восточного Туркестана и сопредельных стран XV в. Доглатские эмиры

В XV в. в Могулистане после смерти Вайс-хана (1428/29 г.) началась полоса очередных смут. Власть ханов-чагатаидов была слабой, а предводители могульских племен, опиравшиеся на племенные воинские контингенты, не могли договориться о единстве своих действий. Потрясение, испытанное в результате вторжения чагатаида Сатук-хана и его войск после смерти Вайс-хана, умевшего держать в известной мере в узде непокорных эмиров племен, сказывалось в течение довольно длительного времени.

В результате сложилась такая ситуация, что в Могулистане и подчиненном ему Восточном Туркестане отсутствовала единая крепкая политическая власть. В течение некоторого времени во второй четверти XV в. в Могулистане, можно сказать, вообще царила анархия. Затем положение в определенной степени стабилизировалось, но Могулистан и Восточный Туркестан в политическом отношении оказались разорванными на несколько фактически независимых друг от друга государств. Теоретически, однако, идея единства Могулистана и Восточного Туркестана продолжала жить.

Возникли четыре основных владения или государства. Первым было государство Эсен-Буга-хана, младшего сына Вайс-хана, со столицей в восточнотуркестанском городе Аксу. Вторым было владение эмиров племени доглат, политическими центрами которого были города Кашгар, Яркенд, Хотан. Третьим было государство Султан Иунус-хана, сложившееся на территории Семиречья, на его современной казахстанской и киргизской территориях, в основном к северу от озера Иссык-Куль. В состав четвертого владения входили крайние восточные районы Восточного Туркестана — Комул, а иногда и Турфан. Там правили ханы-чагатаиды, не принадлежавшие к линии потомков

Туглук-Тимур-хана. Обычно это были марионеточные режимы, которые насаждались и поддерживались Минским Китаем, стремившимся предпринять экспансию в направлении Восточного Туркестана, но не способным осуществить ее без помощи марионеток-чагатаидов.

Эти четыре владения находились в окружении различных, мощных и враждебных, политических сил. С востока периодически осуществляли экспансию джунгары, тогда еще называвшиеся ойратами, а в восточных мусульманских источниках — калмак. Их экспансия распространялась на географический район, получивший впоследствии по их этнониму название Джунгария. Иногда ойраты переходили через Или и на некоторое, впрочем непродолжительное, время утверждались здесь.

Постоянную опасность представлял Китай. Однако в это время он не обладал достаточными силами для крупномасштабных действий в Восточном Туркестане. Тем не менее Китай периодически посылал в район Комула и Турфана военные экспедиции, а также пытался воздействовать на политическую ситуацию там применением экономических санкций. Эти санкции выражались в запрещении торговых отношений с Восточным Туркестаном, Средней Азией и другими мусульманскими странами или во введении определенных ограничений на торговлю.

На территории Киргизии и казахстанского Семиречья действовали киргизы. По Мирза Хайдару, киргизы были частью могулов, которые отделились от могулов, не желая признавать над собой власть ханов-чагатаидов и принимать ислам. Хотя киргизы и не были противниками, способными оказать серьезное сопротивление могулам или, тем более, стать им политическим соперником, но борьба с ними требовала от могулов много сил.

С 1465/66 г., как принято считать, на территории Семиречья появились в качестве самостоятельной политической силы казахские ханы с довольно многочисленными казахскими племенами. В сложной военно-политической борьбе казахи обычно бывали союзниками могулов. Последние, однако, не представляли единого целого, их отдельные части вели междуособ-

ную борьбу. Казахские ханы и племена, будучи вовлеченными в эту борьбу, вынуждены были принимать сторону той или иной группировки могулов и воевать с другой. Это означало, в свою очередь, что казахи Семиречья превратились в одну из решающих военно-политических сил.

Роль казахов и киргизов в истории этого региона XV — начала XVI в. повышалась тем, что они обычно выступали в союзе и под руководством казахских ханов. Это значительно повышало влияние и того и другого этносов на происходившие события.

В Средней Азии действовали потомки Эмира Тимура. Однако во второй половине XV в. государство тимуридов также переживало период упадка. Оно распалось на несколько независимых и даже враждовавших между собой владений, что практически сводило на нет их военно-политическое могущество.

Наиболее грозной силой, однако, в конце XV в. стали так называемые кочевые узбеки Казахстана. Мухаммад Шайбанихан, объединив значительную часть их, благодаря также поддержке, оказанной ему ханами-чагатаидами Могулистана, начинает свой победный марш по Средней Азии. Он добывает здесь последние тимуридские владения, в начале XVI в. подчиняет джучидам-шайбанидам всю Среднюю Азию и после этого обращает оружие против своих покровителей и союзников — могулистанских ханов. Крушение Могулистана в Семиречье в начале XVI в. было в значительной мере результатом военно-политических действий Шайбани-хана и его ближайших преемников. Что касается горных стран, окаймлявших Восточный Туркестан с запада и юга, то существовавшие там государства и владения не представляли опасности для этой страны. Наоборот, нередко они были объектом экспансии, которая направлялась из Кашгарии в этих направлениях.

Таким образом, совокупные действия всех этих сил, выливавшиеся в бесконечные войны, грабительские набеги, утоны населения, захват имущества, т. е. заключающиеся в конечном счете в неуклонном подрыве производительных сил, могут быть охарактеризованы словами В. В. Бартольда, сказанными им отно-

сительно несколько более раннего времени: "На интересах торговли и в связи с этим на городской жизни должны были крайне губительно отразиться рано начавшиеся в монгольской империи смуты"⁸. Результаты этих смут для начала XIV в. показал для исследуемого нами района арабский автор ал-Омари (1301—1348 гг.), цитату из сочинения которого приводил в своих трудах еще В. В. Бартольд. Цитата эта стала классической и приводится в наше время почти всеми исследователями: "В Туркестане теперь можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием"⁹. Сказанное относится к Могулистану, но и Восточный Туркестан пострадал очень сильно, о чем ниже.

События в четырех могулистанских и восточнотуркестанских владениях-государствах развивались следующим образом.

Владение со столицей в Аксу, просуществовав довольно долго, в конце концов пало в результате действия внутренних центробежных сил и внешних ударов со стороны доглатского владения в Кашгарии и государства Йунус-хана. Затем оно вновь возродилось как владение младшего сына Йунус-хана Ахмад-хана и в первой четверти XVI в. вошло в состав государства Саид-хана, основанного в Кашгарии.

Владение Йунус-хана испытывало удары со стороны ойратов и направило свои взоры в сторону Средней Азии. Йунус-хан завладел Ташкентом и некоторыми районами Ферганы. Это был кратковременный эпизод в истории Могулистана, когда могулистанские ханы овладели узкой полосой Средней Азии, прилегавшей к Могулистану. В последующее время под ударами шайба-

⁸ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. Т. 5. М., 1968. С. 153.

⁹ Там же. С. 161.

нидов и в результате междоусобиц и действия внутренних центробежных сил Могулистан как государство в Семиречье пережил крах и прекратил свое существование.

Доглатское владение в Кашгарии не было единым. Однако во второй половине XV в. оно было объединено Мирза Абу Бакром доглатом и превратилось во внушительную силу, угрожавшую Фергане, присоединило к себе некоторые горные районы, лежавшие к западу и югу от Кашгарии, наносило мощные удары по могульским владениям в Семиречье и Аксу и т. д. Подточенное внутренними социальными противоречиями, оно пало в 1514 г. под ударом могулов, начавших наступление из Ферганы под руководством чагатаида Саид-хана, который основал новое государство в Кашгарии, впоследствии получившее название Могулия.

Что касается Комула и Турфана, то в начале XVI в. они оказались под властью Мансур-хана, старшего сына Ахмад-хана. Овладев этими районами и номинально объединив под своим мнимым верховенством Восточный Туркестан, Мансур-хан закончил с экспансией Минского Китая в направлении Восточного Туркестана и сам организовал несколько походов на Китай под мусульманским лозунгом "священной войны".

Действия Мирза Абу Бакра и могульских ханов-чагатаидов в Восточном Туркестане также пагубно сказывались на экономике и причиняли значительные страдания оседлым уйгурам. Абу Бакр, например, стремясь обезопасить свое государство в Кашгаре, Яркенде, Хотане, превратил в "мертвую зону" пространство между своими владениями и Чальш-Турфаном: были уничтожены города Аксу, Куча и другие, население угнано и край превратился в пустыню. Перед походом Султана Саид-хана в 1514 г. из Ферганы на Кашгарию Абу Бакр уничтожил Кашгар, а население Кашгарской области угнал в Яркендский оазис. Военные действия чагатаидов в Чальш-Турфан-Комуле приводили также к большим потерям материальных ценностей и подрыву производительных сил.

Объективно положительной стороной их деятельности было то, что она являлась как бы подготовительным этапом объеди-

нения всех земель, населенных уйгурским народом, в рамках единого государства, отражения экспансии Китая и других завоевателей, характеризовалась определенным строительством, например Абу Бакра в Яркенде.

Таким образом, в первой четверти XVI в. власть могульских ханов-чагатаидов замкнулась в рамках территории собственно Восточного Туркестана. Чагатаиды неоднократно пытались восстановить свою власть на территории Могулистана, но в конце концов потеряли эти районы окончательно.

* * *

I. После смерти Вайс-хана (1428/29 г.) могульские племена были охвачены беспорядками. Повиноваться Сатук-хану они отказались, и тот вынужден был уйти в Кашгар. После получения известия о гибели Сатук-хана между племенами установилось относительное спокойствие. Однако началась борьба за власть между Султан Йунус-ханом и Эсен-Буга-ханом, старшим и младшим сыновьями Вайс-хана¹⁰. Большинство племенных эмиров поддержали Эсен-Буга-хана и провозгласили его ханом. Султан Йунус со своими приверженцами вынужден был уйти в Самарканд к Улугбеку¹¹. Мирза Хайдар датирует это событие 832 г. х.¹², т. е. 1428/29 г. н. э. Он исходил при этом из расчетов, основанных на соответствии возраста Йунуса тем или иным событиям. Противоречивость этих подсчетов была показана некоторыми востоковедами, в том числе и В. В. Бартольд. Йунус надеялся, что Улугбек окажет ему помощь, так как ранее Улугбек взял в жены своему сыну Абд ал-Азиз-мирзе старшую сестру Йунуса Ханим¹³. Однако этого не произошло.

Весь Могулистан оказался во власти Эсен-Буги. В укреплении его власти большую роль сыграл доглат Эмир Саййид

¹⁰ БН. С. 20.

¹¹ TR, Ross. P. 73.

¹² TR, Ross. P. 84.

¹³ БН. С. 20.

Али, которого затем хан отпустил, чтобы он отвоевал Кашгарию у тимуридов, владевших ею уже сорок лет¹⁴.

В течение некоторого времени Эсен-Буга ханствовал в относительно спокойных условиях. Но затем, в обход других эмиров, при нем возвысился некий эмир Тимур из турфанского племени уйгур. Эсен-Буга возвысил его. Прочие эмиры возмутились этим и однажды в присутствии хана изрубили Тимура в куски, после чего рассеялись. Эсен-Буга, в свою очередь, бежал. Мирза Хайдар столь неумеренное внимание, оказанное Эсен-Бугой Тимуру, и, следовательно, все последовавшие затем события объясняет неопытностью хана, его молодостью¹⁵.

По получении известий об этом Эмир Саййид Али направился из Кашгара в Могулистан и нашел хана в Ак-Куйаше, откуда доставил его в Аксу. Случилось это после 1433/34 г.¹⁶ Эмир передал этот город, входивший в число его владений в Кашгарии, Эсен-Буге, который превратил его в свой опорный пункт и столицу.

Могульские же эмиры рассеялись, и каждый устроился как мог и как хотел.

Мир Мухаммадшах, сын Эмир Худайдад доглата, обосновался на Ат-Баши.

Мир Каримберди доглат построил укрепление на Ала-Буге, на могулистанской границе, неподалеку от Андижана и Ферганы. Развалины его еще были видны во время Мирза Хайдара. Он занимался тем, что совершал грабительские набеги на Андижан и "мусульман"¹⁷.

---

¹⁴ TR, Ross. P. 74–75.

¹⁵ TR, Ross. P. 77–78.

¹⁶ Дата установлена следующим образом. Эмир Саййид Али умер в 862 г. х., т. е. в 1457/58 г. н. э. (См.: TR, Ross. P. 87). В Кашгаре до смерти он правил 24 года (TR, Ross. P. 78, 79). Следовательно, Кашгар он отбил у тимуридов около 1433/34 г. На выручку Эсен-Буге он пришел уже из Кашгара, т. е. после 1433/34 г.

¹⁷ TR, Ross. P. 78.

Мир Хаккберди бекчик построил крепость на берегу Иссык-Куля, в местности Кой-Суйи¹⁸. Он расположил своих жен и семью на острове, чтобы они находились там в безопасности от набегов калмаков. Отсюда он совершал опустошительные набеги на Туркестан и Сайрам¹⁹.

Эмиры племен чорас и барин направились к Амасанчитайши, сыну Эсен-тайши, а эмиры племен калучи и булгачи и несколько других родов присоединились к Абу-л-Хайр-хану в Туркестане.

Эмиры племени кӧнчи (сагрычи) и некоторые другие племена кочевали, неустроенные и рассеянные, в степях Могулистана²⁰.

Тем временем Эсен-Буга укрепился в Аксу. Он упрочил свое положение, и могульские эмиры стали возвращаться к нему. Первым присоединился к нему Мир Мухаммадшах доглат, которого убедил сделать это его племянник Эмир Саййид Али. Затем так поступили и многие другие. Эсен-Буга сумел внимательным отношением завоевать расположение эмиров.

После этого он стал совершать набеги на Сайрам, Туркестан и Ташкент. В. В. Бартольд писал: "При хане Эсен-Буке... моголы могли безнаказанно опустошать владения тимуридов"²¹.

Первый опустошительный набег был совершен до 855 г. х., т. е. до 1451 г. н. э.²² Когда он предпринял вторичное нападение на эти же районы, то его стал преследовать тимурид Султан

¹⁸ Обычно эту местность отождествляют с Кой-Су, Овечьей рекой, в северо-восточном углу Иссык-Кульской котловины. Мы полагаем, однако, что Кой-Суйи قوی سوی, исходя из арабской орфографии этого слова, нужно отождествить с Кой-Сары, т. е., вероятно, в оригинале "Тарих-и Рашиди" было первоначально قوی سری, которое затем переписчиками было искажено в قوی سوی. Об этом же говорит и упоминание острова, на котором затем Мир Хаккберди бекчик устроил своих людей. Около Кой-Су, которых с гор стекает три, острова нет.

¹⁹ TR, Ross. P. 78—79.

²⁰ TR, Ross. P. 79.

²¹ Бартольд В. В. Улугбек и его время // Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 115.

²² TR, Ross. P. 79.

Абу Саид-мирза, который нагнал его около Йанги, т. е. около Тараза; могулы бежали, не приняв сражения²³.

Когда Султан Абу Саид-мирза овладел Хорасаном, он остался там. Эсен-Буга вновь совершил нападение на Андижан. Он овладел всем районом Андижана, однако сумел взять только внешние укрепления города. Заключив мир с Мирза Али-Кучуком, которого Султан Абу Саид-мирза оставил управлять городом, Эсен-Буга получил контрибуцию (дары!) и ушел, уведя с собой захваченных в плен в Андижанском округе людей. Мирза Хайдар писал, что до его времени в Кашгарии жили потомки этих людей и что они были могулы, т. е. стали могулами²⁴.

С целью парализовать действия Эсен-Буги Султан Абу Саид-мирза, который после Абд ал-Азиз-мирзы женился на дочери Вайс-хана, старшей сестре Йунус-хана Ханим²⁵, был вынужден привезти из Ирака Султан Йунуса, поставить его во главе могульских племен, не признавших над собой власти Эсен-Буги, и сковать действия последнего руками могулов, провозгласивших ханом Йунуса²⁶. Это произошло в 860 г. х., т. е. в 1455/56 г. н. э.²⁷

Из всего вышеизложенного следует, что власть Эсен-Буги в Могулистане и Восточном Туркестане, как и Эмир Сайида Али, — они действовали в союзе, была реальной и достаточно сильной. Странно в связи с этим звучит утверждение К. И. Петрова: "Удаление Юнуса не помогло упрочению власти его брата Эсен Буки, оставшегося на территории Тянь-Шаня. Неповиновение феодалов Моголистана Эсен Буке дошло до того, что они однажды изрубили в его присутствии одного из его приближенных, уйгура Тимура. Эсен Бука бежал из Моголистана в Аксу — наследственный удел дуглата эмира Сеида Али, изгнанного из

²³ TR, Ross. P. 81.

²⁴ TR, Ross. P. 81.

²⁵ БН. С. 20.

²⁶ TR, Ross. P. 81—82, 83—84.

²⁷ TR, Ross. P. 85.

Кашгара наместниками Улуг-бека. Власть Эсен Буки-хана и его эмира Сеида Али в течение двух последующих десятилетий не простиралась фактически далее Аксу²⁸. Власть Эсен-Бути и Эмир Саййида Али, как видно из нашего изложения, сделанного на основе источников, была реальной и сильной. Она распространялась на огромные территории. Пока Эсен-Буга и Эмир Саййид Али были живы, Султан Йунус-хан, получив однажды урок, не пытался претендовать на их территории. Лишь после смерти Дост-Мухаммада, сына Эсен-Бути, Йунус смог овладеть Аксу. Вообще, в приведенном пассаже содержится много фактических ошибок. Например, не наместники Улугбека изгнали Эмир Саййида Али из Кашгара, а, наоборот, тот изгнал из этого города наместника Улугбека. Правдой, однако, является то, что ряд могульских племен, обитавших в основном на территории казахского Семиречья, так и не признали над собой власти Эсен-Бути. Именно среди них, в первую очередь в племени сагрычи (кӧнчи), и воцарился Султан Йунус-хан.

Следует отметить также, что в правление Эсен-Бути в Могулистане появились казахи во главе с ханами Кереем и Джанибеком. Эти джучиды возглавляли часть улуса, подчинявшегося хану узбеков Абу-л-Хайру, т. е. они стояли во главе части кочевых узбеков Казахстана. Они заняли места на Чу и около Козы-Баши и стали буфером между Эсен-Бугой и Йунусом, расположившимся в Могулистане, к северу от Заилийского Ала-Тау. Откочевка Керее и Джанибека произошла в 870 г. х. (1465/66 г. н. э.). Так принято толковать указание на эту дату в "Тарих-и Рашиди". Однако Мирза Хайдар говорит, что с этого года началось правление казахских ханов, а не произошла откочевка. Эта часть узбеков получила название узбек-казахов, т. е. узбеков-беглецов²⁹. Впоследствии это имя сократилось до слова *казақ* / *казах* и стало самоназванием народа.

²⁸ Петров К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961. С. 178.

²⁹ TR, Ross. P. 82.

Мирза Хайдар совершенно определенно говорит, что откочевка Керей и Джанибека произошла в период правления Эсен-Буга-хана, а власть казахских ханов началась в 870 г. х., т. е. в 1465/66 г. н. э. Между тем Эсен-Буга умер в 1461/62 г. н. э., почему 870 г. х. никак не может быть датой откочевки Керей и Джанибека. Полагаю, что Мирза Хайдар принимал 870 г. х. за год смерти Абу-л-Хайр-хана, хана кочевых узбеков в Казахстане, после чего, по его мнению, и началось реальное правление Керей и Джанибека в Дашт-и Кипчаке. Что же касается времени откочевки Керей и Джанибека, то сейчас уверенно можно сказать только то, что она произошла до 1461/62 г., следовательно, именно до этого года казахские ханы и казахи появились в Семиречье. Любые другие утверждения в настоящее время без дополнительных данных будут преждевременными.

Через несколько лет после воцарения в Могулистане Йунус предпринял поход на Кашгар. Эмир Саййид Али сообщил об этом Эсен-Буга-хану. Тот находился в это время на Йулдузе в Могулистане. Он немедленно собрал войско в 60 тыс. человек и в 11 дней прибыл под Кашгар. Однако с ним успели подойти только 6 тыс. человек. Войско Эмир Саййида Али насчитывало 30 тыс. человек. Эмир присоединился к хану. Сражение произошло при Хан-Саларе, который расположен в трех фарсах от Кашгара в направлении Аксу. Йунус-хан был разбит и бежал.

Вскоре естественной смертью умерли и Эмир Саййид Али (в 862 г. х., т. е. в 1457/58 г. н. э.³⁰), и Эсен-Буга-хан (в 866 г. х., т. е. в 1461/62 г. н. э.³¹). Ханом стал Дост-Мухаммад, сын Эсен-Буги.

После смерти в 869 г. х. (1464/65 г. н. э.)³² Санызмирзы, старшего сына Эмир Саййида Али, правившего Кашгаром после своего отца, Дост-Мухаммад-хан пришел в Яркенд, где женился на вдове Санызмирзы Джамал-Ага, которая была из племени чорас. Хан увез ее вместе с ее сыновьями Мирза

³⁰ TR, Ross. P. 87.

³¹ TR, Ross. P. 88.

³² TR, Ross. P. 88.

Абу Бакром и Омар-мирзой и дочерью Хан-Султан-ханом, которые были от Саныз-мирзы, в Аксу³³.

Обстоятельства этого похода Дост-Мухаммад-хана были такими. Когда он подошел к Яркенду, то эмиры укрылись в цитадели. Хан попросил передать ему вдову Саныз-мирзы. Эмиры выдали ее. Затем он потребовал Мирза Абу Бакра. Эмиры выдали и его. После этого хан прекратил военные действия и направился в сторону Кашгара.

Мухаммад Хайдар-мирза, второй сын Эмир Сайида Али, которого после смерти Саныз-мирзы призвали кашгарцы и который, таким образом, стал правителем Кашгарии, встретил Дост-Мухаммада. Хан отослал Мухаммад Хайдар-мирзу в Йанги-Хисар, сам вступил в Кашгар и после того, как разграбил город, вернулся в Аксу. Произошло это в 869 г. х., т. е. в 1464/65 г. н. э.³⁴ Это обстоятельство сделало Мухаммад Хайдар-мирзу союзником Султан Йунус-хана и врагом Дост-Мухаммада.

Мирза Хайдар сообщает интересные подробности правления Дост-Мухаммада. Ханом он стал после смерти отца (1461/62 г.) в возрасте 17 лет. Он был не совсем нормален, и его действия были странными. Был он сторонником суфийского ордена каландарийя и по обычаю каландаров принял для себя имя Шамс-абдал (Солнце-абдал). Все его придворные и чиновники также получили подобные имена — такой-то абдал или иной какой-либо абдал³⁵. Был он отважным и щедрым человеком. Когда он находился в окружении сотни пеших людей, то все позабавило, что он сидит на коне — настолько он был высок ростом³⁶.

Правил он семь лет и умер от плеврита в 873 г. х., т. е. в 1468/69 г. н. э.³⁷, в возрасте 40 лет. Причиной его смерти было якобы, по "Тарих-и Рашиди", то, что он женился, в нарушение установлений

³³ TR, Ross. P. 87–88.

³⁴ TR, Ross. P. 102.

³⁵ TR, Ross. P. 88–89.

³⁶ TR, Ross. P. 99.

³⁷ TR, Ross. P. 90, 91.

ислама, на одной из жен своего отца. После брачной ночи он как будто заболел и через шесть дней умер. Как сообщает Мирза Хайдар, Дост-Мухаммад, влюбившись в жену отца, требовал от улемов фетву, разрешившую бы эту свадьбу. Улемы отказались, и он убил семь человек из них. Когда он обратился к Маулана Мухаммад Аттару, одному из самых образованных дервишей и богобоязненному человеку, тот, видя перед собой обнаженный меч, якобы сказал хану, что для него, хана, эта женитьба законна. Впоследствии маулана объяснял, что он не дал хану фетву, а лишь хотел сказать, что для Дост-Мухаммада, такого натрушителя установлений веры, эта женитьба законна³⁸.

После смерти Дост-Мухаммад-хана в его владении воцарились беспорядки. Несколько человек увезли в Турфан и Чалыш Кебек-Султан-оглана, сына Дост-Мухаммад-хана. В другом месте Мирза Хайдар называет только Турфан, как место, куда доброжелатели увезли Кебек-Султан-оглана³⁹. Аксу же был занят Султан Йунус-ханом, и люди Дост-Мухаммада подчинились ему. Так прекратило свое существование владение потомков Эсен-Бути в Аксу.

Султан Йунус-хан, однако, не мог оставаться ни в Кашгаре, в который он после смерти Дост-Мухаммад-хана несколько раз приходил как сюзерен Мухаммад Хайдар-мирзы, ни в Аксу, где не смог, хотя и хотел, устроить свою постоянную резиденцию, так как опасался, что могулы, которые не хотели отказываться от кочевого образа жизни, уйдут к Кебек-Султан-оглану⁴⁰.

Вскоре после 1472/73 г. сторонники Кебек-Султан-оглана убили его и привезли его голову Султан Йунус-хану. Хан, однако, приказал казнить убийц⁴¹.

Таким образом, владение Эсен-Бути и его потомков со столицей в Аксу прекратило свое существование. Аксу же стало составной частью владения Султан Йунус-хана.

³⁸ TR, Ross. P. 88–90.

³⁹ TR, Ross. P. 90.

⁴⁰ TR, Ross. P. 91.

⁴¹ TR, Ross. P. 95.

II. Кашгар и Кашгария, как утверждает Мирза Хайдар, принадлежали доглатским эмирам, во всяком случае со времени Туглук-Тимур-хана.

Когда Эмир Худайдад стал эмиром племени доглат, то он, по данным “Тарих-и Рашиди”, разделил Кашгарию между своими сыновьями и братьями. Своему младшему сыну Саййид Ахмад-мирзе он отдал Кашгар и Яркенд. У Худайдада были два брата, которые родились от наложницы, — Илйасшах и Хызршах. Илйасшаху он отдал Аксу, Хызршаху — Хотан. Того и другого он подчинил Саййид Ахмад-мирзе, наделенному правом смещения и назначения. И Илйасшах, и Хызршах, так же как и их чиновники, обязаны были ежегодно являться к Саййид Ахмад-мирзе и, лишь получив от него позволение, могли возвращаться в назначенные им области. Такой порядок сохранился вплоть до времени Эмир Саййида Али⁴².

Мир Саййид Ахмад (Саййид Ахмад-мирза) был изгнан из Кашгара Ходжа Шарифом Кашгари — духовным лицом, пользовавшимся в Кашгаре огромным влиянием. Последний передал Кашгар Мирза Улутбеку, который назначил туда правителем Эмир Султан Малика дуладая⁴³, а после него — Хаджи Мухаммада-шайаста⁴⁴.

Кара-Кол-мирза, внук Эмир Худайдада, убил в Кашгаре Сатук-хана, который отступил туда после разгрома и убийства Вайс-хана в 1428/29 г. Однако вскоре Мирза Улутбек напра-

⁴² TR, Ross. P. 100.

⁴³ Потомки Эмир Султан Малика дуладая, которого Бабур называет Султан Малик Кашгари, впоследствии служили тимуридам Средней Азии. Сын Султан Малика Кашгари Хафиз Мухаммад-бек дуладай был эмиром Омар-Шейх-мирзы, отца Бабура. У него был старший брат Ахмад-хаджибек (БН. С. 23). Младший брат Султан Малика Кашгари Джанибек дуладай был при Султан Абу Саид-мирзе правителем Самарканда, а при Султан Ахмад-мирзе — ишикагой (БН. С. 31). Упомянутый выше Ахмад-хаджибек при Абу Саиде несколько раз управлял Гератом. Затем был послан в Самарканд на должность умершего дяди Джанибека (БН. С. 31).

⁴⁴ TR, Ross. P. 75.

вил в Кашгар войско, Кара-Кол-мирза был взят в плен, отправлен в Самарканд, где его и казнили, разрубив пополам⁴⁵.

Потомки (сыновья, внуки) Хызршаха — Хан-Назар-мирза и Кул-Назар-мирза — управляли Хотаном вплоть до того времени, пока не были уничтожены Мирза Абу Бакром и Хотан не был присоединен к государству последнего⁴⁶. Хан-Назар-мирза считал себя по силе равным Эмир Саййиду Али и даже отказывался подчиняться ему⁴⁷. Таким образом, сейчас трудно сказать, была ли власть Эмир Саййида Али в Хотане реальной.

После смерти Вайс-хана некоторое время шла борьба за власть между его сыновьями Йунусом и Эсен-Бугой. Большинство эмиров могульских племен поддержало Эсен-Бугу, и он был провозглашен ханом Могулистана. Большую помощь в этом оказал Эсен-Буге Эмир Саййид Али, прославленный полководец Вайс-хана, сын Саййид Ахмад-мирзы и внук Эмир Худайдада. Когда власть упрочилась за Эсен-Бугой, Эмир Саййид Али испросил у него разрешение предпринять поход, чтобы попытаться отвоевать у тимуридов родовые владения доглатов — Кашгар, который, по словам Эмир Саййид Али, уже 40 лет находился под их властью⁴⁸. Следовательно, Кашгар, по мнению Мирза Хайдара (ведь он вложил в уста Эмир Саййида Али последние слова), попал под власть тимуридов в 1395/96 г., если исчислять годы, приводимые Мирза Хайдаром, как лунные годы хиджры, и в 1393/94 г., если исходить из солнечных лет. Если же в число 40 лет не входят 2 года, в течение которых он осаждал Кашгар, то мы получим соответственно 1393/94 г. и 1391/92 г. Поход же Эмир Саййида Али на Кашгар состоялся в 1431/32 г.

Однако Мир Саййид Ахмад был изгнан из Кашгара в 819 г. х. (1416/17 г. н. э.)⁴⁹. Таким образом, хронология истории Каш-

⁴⁵ TR, Ross. P. 73.

⁴⁶ TR, Ross. P. 100–101.

⁴⁷ TR, Ross. P. 100.

⁴⁸ TR, Ross. P. 75.

⁴⁹ Бартольд В. В. Дуглат // Соч. Т. 5. М., 1968. С. 531.

гари конца XIV — первой половины XV в. является довольно запутанной.

Выступив в поход на Кашгар, Эмир Саййид Али пришел в Аксу. В это время в Аксу, Кусане (Куча) и Бае правили братья и племянники эмира, по-видимому, сыновья и внуки упомянутого выше Илйасшаха. В Аксу между Эмир Саййидом Али и его братьями Мумин-мирзой и Саййид Махмуд-мирзой начались раздоры. В результате начавшейся борьбы Эмир Саййид Али одержал победу, убил многих своих родственников и овладел этой частью Кашгарии. Мирза Хайдар пишет, что относительно этих событий существует много рассказов, но он их не приводит. Эмир Саййид Али оставил в Аксу семью, а сам с 7 тыс. человек пошел на Кашгар.

Хаджи Мухаммад-шайаста встретил его с 30 тыс. человек конницы и пеших воинов около Уч-Бурхана, находящегося в трех фарсах от Кашгара. После первой же атаки могулов во главе с эмиром Хаджи Мухаммад-шайаста бросился бежать. Могулы стремительно преследовали чагатаев, которые в панике бежали, бросая свою амуницию. По этой причине могулы дали этой битве название “Салай, бегим”, что означает: “Мой бек, я атакую”⁵⁰. Событие это стало моментом, от которого могулы отсчитывали время⁵¹.

Чагатаи укрылись в цитадели Кашгара, а могулы опустошили все окрестности.

На следующий год, когда посеvy созрели, Эмир Саййид Али повторил свой поход. Хаджи Мухаммад-шайаста, однако, закрылся в цитадели, и никто не вышел навстречу могулам. Эмир осадил и взял одну из соседних крепостей — Алаку, а войско его опустошило весь Кашгарский район. После этого эмир вновь вернулся в Аксу⁵².

Ходжа Шариф Кашгари направился за помощью к Мирза Улутбеку в Самарканд. Тот сместил Хаджи Мухаммада-шайаста

⁵⁰ TR, Ross. p. 75.

⁵¹ TR, Ross. p. 76.

⁵² TR, Ross. p. 76.

и назначил вместо него Пир Мухаммад барласа. Кашгарцы прозвали его Бәнги. Никакой пользы от него городу не было. Потерял надежду на чагатаев и Ходжа Шариф Кашгари.

Поэтому кашгарцы, когда Эмир Саййид Али в третий раз подступил к городу, страшась потери урожая и голода, схватили Пир Мухаммад барласа и выдали его эмиру. Тот казнил барласа и вступил в город. Случилось это, по подсчетам, в 1433/34 г.

Так Эмир Саййид Али восстановил власть доглатов в Кашгаре. Он управлял Кашгарией 24 года. По утверждению Мирза Хайдара, Кашгария под властью Эмир Саййида Али стала столь процветающей, что об этом говорили и во времена автора "Тарих-и Рашиди".

Высказывалось мнение, что Эмир Саййид Али был ханом Кашгарии⁵³, т. е. принял титул, который являлся исключительной прерогативой рода Чингиз-хана. Действительно, Эмир Саййид Али пользовался в Кашгарии неограниченной властью, был даже сильнее ханов-чагатаидов в Могулистане, являлся, следовательно, главой самостоятельного государства. Лишь в конце жизни сила его государства несколько ослабла. Но, подобно Эмиру Тимуру, Мамаю и другим племенным бекам, биям, эмирам, мирзам, которые создавали независимые владения и государства в разных частях бывшей Монгольской империи, он, как и другие доглатские эмиры в Кашгарии и Могулистане, ханского звания никогда не принимал. Вышеупомянутое мнение является ошибочным.

Он уделял очень много внимания земледелию и разведению крупного рогатого скота. Чтобы пояснить, каких хозяйственных успехов достигла Кашгария при Эмир Саййиде Али, Мирза Хайдар приводит такой пример. Когда эмир умер, после него остались три сына и две дочери. Один из сыновей, Мухаммад Хайдар-мирза, дед Мирза Хайдара, в качестве своей наследственной доли получил 180 тыс. овец⁵⁴.

⁵³ *Азимджанова С. К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент, 1957. С. 8.*

⁵⁴ TR, Ross. P. 76.

Очень любопытную информацию о деятельности Эмир Саййида Али в Кашгаре получил Мирза Хайдар от Ходжа Фахр ад-Дина, торговца благородного происхождения и приятного собеседника, который был из кашгарского селения Артуч.

Каждый год, по этим рассказам, Эмир Саййид Али три месяца проводил на облавных охотах. К охотам привлекались только воины, которые в течение всех этих трех месяцев получали довольствие от эмира, распределявшееся между ними на стоянках. В некоторые дни выдавалось 5 тыс. овец и соответствующее количество муки, ячменя и сена. В некоторые годы при эмире на охоте находилось 3 тыс. человек, и каждый из них получал довольствие⁵⁵.

Население деревень всегда было обеспокоено мыслью, не останутся ли эмир и его охотники в их деревне и не придется ли им делиться своими запасами. Однако эмир был справедлив и не допускал, чтобы его люди причиняли населению неудобства. В качестве доказательства справедливости Эмир Саййида Али Мирза Хайдар приводит такой рассказ Ходжа Фахр ад-Дина.

Однажды, когда эмир и его люди остановились в Артуче, миршикар эмира договорился с одной бедной женщиной, что она испечет из его, миршикара, муки хлеб для его нужд. За работу она должна была получить каждый шестой хлеб. Когда женщина принесла готовые хлеба, миршикар отказался выполнить свое обещание. Он говорил: "Я снабдил вас мукой, дровами и солью. Чего же вы хотите от меня?" В это время как раз проезжал мимо верхом эмир. Он остановился и спросил женщину, в чем ее беда. Женщина изложила ему свою жалобу. Затем эмир допросил миршикара. Когда он уяснил, что произошло, он сказал миршикару: "Почему же вы сами не испекли хлеб, вместо того чтобы беспокоить эту женщину?" Эмир послал в кузницу за щипцами и приказал вырвать все зубы миршикару. Это как доказательство справедливости Эмир Саййида Али и было приведено Мирза Хайдаром со слов Ходжа Фахр ад-Дина⁵⁶.

⁵⁵ TR, Ross. P. 76—77.

⁵⁶ TR, Ross. P. 77.

В "Тарих-и Рашиди" сообщается, что со времени Эмир Саййида Али в Кашгаре сохранилось много прекрасных установлений и обычаев.

Эмир Саййид Али в течение всей своей жизни сохранял верность Эсен-Буга-хану. Когда племенные эмиры изрубили Тимура из Турфана и хан оказался в бедственном положении, Эмир Саййид Али отправился в Могулистан, нашел хана в Ак-Куйаше, привез его в Аксу и передал ему этот город⁵⁷. Он стал убеждать эмиров вернуться к Эсен-Буге, и первым, под влиянием Эмир Саййида Али, к нему вернулся его дядя Мир Мухаммадшах доглат, сын Эмир Худайдада, а затем и многие другие.

Через несколько лет после первого воцарения в северной части Могулистана Султан Йунус-хана, а, как известно, Султан Абу Саид-мирза отправил за ним людей в Шираз в 860 г. х., т. е. в 1455/56 г. н. э.⁵⁸, Йунус предпринял поход на Кашгар⁵⁹. К этому времени Эмир Саййид Али был уже очень стар и не мог долго находиться в седле. Он отправил гонцов за помощью к Эсен-Буга-хану, который в это время находился на Йулдузе в Могулистане. Эсен-Буга немедленно собрал войско в 60 тыс. человек и стремительным маршем пошел к Кашгару, к которому подошел за 11 дней. Однако вместе с ним успели из всего войска подойти только 6 тыс. человек. Эмир Саййид Али присоединился с 30 тыс. человек. Сражение разыгралось около Хан-Салара, что в трех фарсах от Кашгара в направлении на Аксу. Битва была жестокой, но в конце концов Эмир Саййид Али и Эсен-Буга-хан одержали победу. Йунус-хан был вынужден бежать. Его жены и вся семья попали в плен к Эмир Саййиду Али. В то время Михр-Нигар-ханум, старшая дочь Йунуса от Эсен-Даулат-

⁵⁷ TR, Ross. P. 77–78, 86.

⁵⁸ TR, Ross. P. 85.

⁵⁹ С. Азимджанова почему-то датирует этот поход 868 г. х. (1463/64 г. н. э.). Эмир Саййид Али к этому времени уже умер. См.: Азимджанова С. К истории Ферганы... С. 23.

бегим, была грудным ребенком. Эмир снабдил их всем необходимым и отослал вслед за Йунусом⁶⁰.

Следует обратить внимание на одно любопытное обстоятельство правления Эсен-Буги, отмеченное Мирза Хайдаром. В течение всего срока правления Эсен-Буги комендантом крепости Аксу с момента передачи ее Эмир Саййидом Али и до воцарения Дост-Мухаммад-хана был Илйасшах, внук Илйасшаха, который был братом Эмир Худайдада от наложницы и который был упомянут выше. Илйасшах доглат, конечно, был поставлен на должность коменданта Аксу Эмир Саййидом Али. Нельзя не видеть в этом поступке стремления не только сохранить контроль за действиями Эсен-Буги, но и подчинить его своим целям. Илйасшах, комендант крепости Аксу, был троюродным братом Эмир Саййида Али⁶¹.

Эмир Саййид Али умер в Кашгаре и похоронен в этом городе в особой гробнице. На его мавзолее стоит дата его смерти — 862 г. х., т. е. 1457/58 г. н. э.⁶²

После Эмир Саййида Али осталось два сына⁶³. Старшим был Саныз-мирза. Его мать была из семьи эмиров племени чорас. Вторым сыном был Мухаммад Хайдар-мирза. Его матерью была Узун-Султан-ханим, тетка Йунус-хана, дочь Вайсхана и внучка Шир-Али-оглана. По могульскому обычаю, Саныз, как старший сын, унаследовал правление Кашгарией. Он был вспыльчивый, но великодушный человек. Для своего правления Саныз избрал в качестве столицы Яркенд, а Кашгар и Йанги-Хисар из уважения к Узун-Султан-ханим и братской любви к Мухаммад Хайдар-мирзе передал ханим и ее сыну.

Мухаммад Хайдар-мирза был двоюродным братом и Йунусу, и Эсен-Буге, но поскольку его отец Эмир Саййид Али

⁶⁰ TR, Ross. P. 86.

⁶¹ TR, Ross. P. 100.

⁶² TR, Ross. P. 87.

⁶³ В другом месте Мирза Хайдар говорит о том, что после смерти Эмир Саййид Али остались три сына и две дочери. См.: TR, Ross. P. 76.

выбрал ему в жены Даулат-Нигар-ханым, дочь Эсен-Буги, то по этой причине, как говорит Мирза Хайдар, Мухаммад Хайдар-мирза поддерживал Эсен-Бугу.

После смерти Эсен-Буги в 866 г. х. (1461/62 г. н. э.) Мухаммад Хайдар-мирза принял сторону Дост-Мухаммада, сына и преемника Эсен-Буги. Саныз-мирза стал, в свою очередь, сторонником Йунуса. При этих обстоятельствах пребывание Мухаммад Хайдар-мирзы в Кашгаре стало невозможным и он ушел в Аксу к Дост-Мухаммаду⁶⁴.

Никаких других подробностей и конкретных причин этого поступка Мухаммад Хайдар-мирзы в "Тарих-и Рашиди" не сообщается. Зачем было ему оставлять Кашгар и Йанги-Хисар и уходить в Аксу, чтобы из почти независимого правителя превратиться в обычного эмира при хане? Причина может крыться лишь в том, что отношения между Саныз-мирзой и Мухаммад Хайдар-мирзой обострились до такой степени, что последний уже просто не имел возможности оставаться в Кашгаре. В свете общей тенденции освещения событий Мирза Хайдаром причина возникновения борьбы между братьями становится совершенно ясной. Зачинщиком этой борьбы мог быть только Мухаммад Хайдар-мирза. Иначе Мирза Хайдар показал бы "вероломство" Саныз-мирзы, как он это сделал чересчур откровенно в отношении Абу Бакра, сына Саныз-мирзы. Войска Саныз-мирзы, вероятно, изгнали Мухаммад Хайдар-мирзу из Кашгара. Возможно, против него были и его собственные эмиры, нукеры и население, что вполне правдоподобно в свете высказываний Мирза Хайдара об отношении его деда к благородным людям у него на службе. Мы не знаем, сколько лет продержался в Кашгаре Мухаммад Хайдар после смерти Эмир Сайида Али. По-видимому, очень недолго, так как эти годы Мирза Хайдар не засчитывал затем ни в годы независимого правления Мухаммад Хайдар-мирзы, ни в годы его ограниченного правления.

⁶⁴ TR, Ross. P. 88.

Кашгар перешел под власть Саныз-мирзы. Мирза Хайдар сообщает, что он управлял Кашгаром так хорошо, что последующие правители оглядывались на его правление с завистью. Он правил семь лет и умер в 869 г. х., т. е. в 1464/65 г. н. э. Он упал с коня во время охоты, и семь стрел вонзились ему в поясницу. Раны оказались смертельными⁶⁵.

После его смерти кашгарцы призвали Мухаммад Хайдар-мирзу в Кашгар, а Дост-Мухаммад-хан пошел походом на Яркенд. Хан осадил город, в котором закрылись эмиры Саныз-мирзы, выгребовал вдову Саныз-мирзы Джамал-Ага и ее сыновей от Саныз-мирзы: Мирза Абу Бакра и Омар-мирзу и дочь Хан-Султан-ханым и всех их забрал с собой в Аксу⁶⁶.

Вначале, однако, он направился в Кашгар. Мухаммад Хайдар-мирза выехал из города навстречу. Хан отослал его в Йанги-Хисар, вступил в Кашгар, ограбил город и затем вернулся в Аксу. В результате Мухаммад Хайдар-мирза стал сторонником Султан Йунус-хана⁶⁷.

В Аксу Дост-Мухаммад-хан выдал замуж за Мирза Абу Бакра свою сестру Хусн-Нигар-ханым. Но Мирза Абу Бакр, боясь неуравновешенности в поведении Дост-Мухаммада, бежал из Аксу к своему дяде Мухаммад Хайдар-мирзе в Кашгар. Вскоре после этого Дост-Мухаммад отпустил свою сестру, жену Мирза Абу Бакра, к ее мужу. Все эти события имели место в год смерти Саныз-мирзы, в 869 г. х., т. е. в 1464/65 г. н. э.⁶⁸

После ухода Мухаммад Хайдар-мирзы в Аксу Саныз-мирза установил дружеские отношения с Султан Йунус-ханом, что для последнего оказалось очень важным. Несколько раз Йунус приходил в Кашгар. Мирза Хайдар, к сожалению, не сообщает об этих событиях каких-либо подробностей, так как считает, что это затянет повествование, и потому, что его информация была противо-

⁶⁵ TR, Ross. P. 88.

⁶⁶ TR, Ross. P. 88—89.

⁶⁷ TR, Ross. P. 89.

⁶⁸ TR, Ross. P. 89, 99, 102.

речивой. Однако он говорит, что Йунус-хан, несмотря на его постоянную тягу к оседлой жизни в городах, не только не смог превратить Кашгар в свою столицу, но и не мог вообще задерживаться в этом городе на какое-то более или менее продолжительное время. Этому противились эмиры могульских племен, так как все могулы избегали селиться в городах и сохраняли приверженность к кочевому образу жизни. Всякий раз Йунус вынужден был возвращаться в Могулистан, где его более или менее постоянным пунктом пребывания был Йетикенд⁶⁹.

Таким образом, после смерти Саныз-мирзы Мухаммад Хайдар-мирза утвердился в Кашгаре. Между тем, когда его положение упрочилось, умер Дост-Мухаммад-хан. Мирза признал над собой власть Султан Йунус-хана, а тот, в свою очередь, оказал ему отцовское покровительство. И в Кашгарии, и в Могулистане в это время царил якобы полный покой⁷⁰. Как пишет Мирза Хайдар, Мухаммад Хайдар-мирза управлял Кашгаром в мире и благоденствии в течение 24 лет. В течение 16 лет, с 869 г. х. (1464/65 г. н. э.), он правил совершенно независимо, а остальное время его правление было независимым частично⁷¹.

Недостатком Мухаммад Хайдар-мирзы было то, что он не умел ценить военных людей, опытных в своем деле. Его отец, Эмир Саййид Али, в течение своей долгой восьмидесятилетней жизни собирал вокруг себя выдающихся военачальников. Когда Мухаммад Хайдар-мирза унаследовал власть, большинство военачальников Эмир Саййида Али или умерли, или были дряхлыми стариками. Мухаммад Хайдар-мирза не понимал значения и важности войска. Поэтому он не ценил и сыновей этих военачальников. Они же, в свою очередь, начали объединяться вокруг Мирза Абу Бакра. Когда последний овладел Яркендом, Мухаммад Хайдар-мирза отправил к нему на службу из Кашгара 3 тыс. молодых мирзаде⁷².

⁶⁹ TR, Ross. P. 92, 107.

⁷⁰ TR, Ross. P. 95.

⁷¹ TR, Ross. P. 98.

⁷² TR, Ross. P. 99.

После смерти Дост-Мухаммад-хана Мухаммад Хайдар-мирза женился на Джамак-Ага, которая выше была названа Мирза Хайдаром Джамал-Ага⁷³. Как уже говорилось, Джамак-Ага была женой Саныз-мирзы, от которого у нее было два сына — старший Мирза Абу Баقر и младший Омар-мирза — и дочь Хан-Султан-ханым. Когда она овдовела, на ней женился Дост-Мухаммад. У Мухаммад Хайдар-мирзы от нее было два сына — Мухаммад Хусайн-курэкан и Саййид-Мухаммад-мирза⁷⁴. Из них Мухаммад Хусайн-курэкан родился в 1468/69 г., поскольку в 855 г. х. (1480/81 г. н. э.) ему было 12 лет⁷⁵. В результате этого брака образовались запутанные родственные связи между поименованными лицами, а также и с автором “Тарих-и Рашиди” Мирза Хайдаром. Для Мухаммад Хайдар-мирзы Мирза Абу Баقر и Омар-мирза были племянниками и пасынками. Для Мухаммад Хусайн-курэкана и Саййид-Мухаммад-мирзы они были родными братьями по матери и двоюродными по отцу. Для Мирза Хайдара они были родные дяди по матери и двоюродные по отцу. Знание этих родственных отношений представляется очень важным для уяснения норм морали господствующих слоев могольского общества, поскольку в течение последующих нескольких десятилетий судьбы всех вышеназванных лиц окажутся тесно переплетенными и взаимозависимыми.

Тем временем Мирза Абу Баقر начал постепенно прибирать к рукам Кашгарию. Мухаммад Хайдар-мирза был встревожен его действиями. Однако в результате интриг Джамак-Аги и Мирза Абу Бакура он не только не предпринял против последнего ничего решительного, но даже сместил всех своих эмиров. В результате его войско потеряло опытных военачальников, а моральный дух был подорван⁷⁶. Джамак-Ага якобы впоследствии сожалела о содеянном, но было уже поздно⁷⁷.

⁷³ TR, Ross. P. 88.

⁷⁴ TR, Ross. P. 102.

⁷⁵ TR, Ross. P. 106–107, 108.

⁷⁶ TR, Ross. P. 102–103.

⁷⁷ TR, Ross. P. 104.

После этого Мирза Абу Бакр начал опустошать области Йанги-Хисара и Кашгара. Мухаммад Хайдар-мирза по указанным причинам не мог ему противостоять. Он несколько воспрянул духом, когда к нему пришел Эмир Абд ал-Куддус доглат, бежавший от Иунуса. Мухаммад Хайдар-мирза тепло встретил Абд ал-Куддуса, выдал замуж за него свою дочь Ага-Султансултаном, поставил его во главе своей армии и направил против Мирза Абу Бахра. Абд ал-Куддус напал на Абу Бахра, когда тот совершил грабительский набег на Йанги-Хисар, но был разбит, хотя и командовал превосходящими силами. Испытывая стыд, он не вернулся к Мухаммад Хайдар-мирзе, а с 300 человек через Шахназ ушел в Бадахшан к Мирза Султан Махмуду, сыну Султан Абу Саид-мирзы. Мирза Султан Махмуд предоставил ему Хуст, одну из важнейших областей Бадахшана и Кундуза. Там он и был убит некоторое время спустя неверными Каттура. Так закончилась жизнь этого крупного доглатского деятеля, игравшего важнейшую роль при Султан Йунус-хане⁷⁸.

В конце концов Мухаммад Хайдар-мирза собрал войско в 30 тыс. человек, пеших и конных, но Абу Бакр с 3 тыс. человек разбил его. На помощь Мухаммад Хайдар-мирзе в 884 г. х. (1479/80 г. н. э.) и в 885 г. х. (1480/81 г. н. э.) дважды приходил Султан Йунус-хан, но и в этих случаях победа Абу Бахра была полной.

Хан и мирза после второго поражения отступили в Кашгар. Хан советовал мирзе не оставаться в Кашгаре, и тот с 5 тыс. семей ушел с Йунусом в Аксу. Многие кашгарцы ушли в Андижан⁷⁹.

Так завершилось правление Мухаммад Хайдар-мирзы в Кашгаре, который с этого года (885 г. х., т. е. 1480/81 г. н. э.) вошел в состав владений Абу Бахра.

В нашем описании правления Мухаммад Хайдар-мирзы мы исходили из того, что он был государем всей Кашгарии. Однако, скорее всего, в его юрисдикции находились лишь Каш-

⁷⁸ TR, Ross. p. 103.

⁷⁹ TR, Ross. p. 104–106.

гарский и Йанги-Хисарский округа. Яркенд же, как мы знаем, не подчинялся Дост-Мухаммад-хану, и эмиры Саныз-мирзы, вероятно, отказались признать над собой и власть Мухаммад Хайдар-мирзы. Это видно и из показаний “Тарих-и Рашиди”. Так, Джамак-Ага, оправдывая перед Мухаммад Хайдар-мирзой захват Яркенда Абу Бакром, говорила, что он отвоевал этот город для Мухаммад Хайдар-мирзы у чужих людей. Последний не только не наказал Абу Бакра, но, наоборот, послал ему в помощь 3 тыс. человек отборной конницы, чтобы тому было на кого опереться. О Хотане говорить уже не приходится. Один из хотанских мирз отказался признавать над собой еще власть Эмир Саййида Али. Все это как будто неоспоримо свидетельствует в пользу того, что реально Мухаммад Хайдар-мирза управлял только Кашгаром и Йанги-Хисаром и лишь теоретически мог считаться правителем всей Кашгарии. Такое мнение стремится навязать автор “Тарих-и Рашиди”, но существовало ли такое положение во время самого Мухаммад Хайдар-мирзы, не известно.

Интересным, однако, представляется проследить последующую судьбу Мухаммад Хайдар-мирзы, поскольку она достаточно показательна вообще для истории Восточного Туркестана и Могулистана и поскольку его потомки в дальнейшем играли выдающуюся роль в истории Могулистана и Кашгарии.

Зиму 1480/81 г. Мухаммад Хайдар-мирза провел в Аксу. Весной, когда Йунус стал собирать стада, чтобы отправиться на летовки в Могулистан, Мухаммад Хайдар-мирза поднял против хана восстание. Мирза Хайдар объясняет это следующим образом. Йунус, когда наступила весна 1481 г., предложил Мухаммад Хайдар-мирзе остаться в Аксу и организовать сельхозработы. Когда в конце лета урожай будет убран, а кони будут в хорошем состоянии, они пойдут на Кашгар — он, Йунус, из Могулистана, а мирза из Аксу. В Кашгаре они и должны будут соединиться.

Однако некоторые смутьяны внушили мирзе мысль, что в Могулистане хан ограбит его людей. Они предложили мирзе подбить Султан Ахмада, младшего сына Йунуса, отделиться от хана, когда он начнет перекочевку на летовки в Могулистан, и

присоединиться к ним. Они закроются в крепости и восстанут против хана. Хан же, ни о чем не подозревая, уйдет, а они останутся в Аксу.

Так и произошло. Когда хан собирался выступить в путь, мирза закрылся в крепости. В Аксу было две крепости. В одной из них и засел мирза. Султан Ахмад бежал к нему. Йунус направил гонца к мирзе, чтобы убедить его прекратить восстание, но все было бесполезно. Тогда хан занял вторую крепость Аксу и укрепил ее. Тем временем он отправил гонца к своему старшему сыну Султан Махмуду в Могулистан, и тот через 17 дней прибыл с 30 тыс. человек⁸⁰.

Стычки продолжались ежедневно. На сороковой день в крепости мирзы начался голод. Зачинщики восстания ночами пытались дезертировать из крепости. Султан Ахмад явился с повинной к родителям. Неожиданно крепость мирзы была взята общим штурмом и разграблена. Мухаммад Хайдар-мирзу привели к хану. Тот сделал ему выговор, но простил его, дал ему 3 тыс. лошадей и забрал с собой в Могулистан⁸¹.

Летом хана пригласил в Фергану Омар-Шейх-мирза, они встретились в Андижане. Омар-Шейх предоставил хану Ош с областью. Султан Махмуда вместе с могулами хан отправил в Могулистан, а сам вместе с Мухаммад Хайдар-мирзой провел зиму 1481/82 г. в Оше. Он назначил мирзу вали Оша. Весной 1482 г. хан вернулся в Могулистан, а мирзу оставил в Оше как своего представителя. Перед отъездом хана мирза попросил прислать к нему его сына Мухаммад Хусайн-мирзу, который находился в Могулистане при Султан Махмуде⁸². Когда хан и мирза, разбитые Абу Бакром, пришли в начале 1480/81 г. из Кашгара в Аксу, они отослали Мухаммад Хусайн-мирзу в Могулистан к Султан Махмуду. Мухаммад Хусайн-мирза и Султан Махмуд подружились и называли друг друга "даш", что

⁸⁰ TR, Ross. P. 109.

⁸¹ TR, Ross. P. 110.

⁸² TR, Ross. P. 110–111.

значит друг⁸³. Хан прислал Мухаммад Хусайн-мирзу к отцу, и тот держал его при себе⁸⁴.

Весной того же 1482 г. Омар-Шейх прислал в Ош своего даругу, чтобы заместить Мухаммад Хайдар-мирзу. Поскольку мирза и его люди не имели возможности отправиться в Могулистан, он поручил своих сыновей Мухаммад Хусайн-мирзу и Саййид-Мухаммад-мирзу заботам Омар-Шейх-мирзы, а сам отправился в Кашгар к Мирза Абу Бакру, полагая, что тот, будучи сыном его брата и его собственной жены, примет его условия мира. Однако Абу Бакр немедленно бросил его в темницу, а по прошествии года, следовательно в 1483 г., выслал в Бадахшан⁸⁵. В течение короткого времени мирза пользовался там гостеприимством Мирза Султан Махмуда. Абд ал-Куддус доглат, о котором речь шла выше, находился все еще при Мирза Султан Махмуде⁸⁶. Затем Мухаммад Хайдар-мирза ушел в Самарканд. Там он засвидетельствовал свое почтение Ходжа Ахрару, нанес визит Мирза Султан Ахмаду, который принял его дружески и устроил так, что Мухаммад Хайдар-мирза являлся к Мирза Султан Ахмаду ежегодно два раза, в оба праздника — айд⁸⁷.

Тем временем пришел человек от Йунус-хана звать его к хану. Не чувствуя себя ни в малейшей степени связанным любовью Султан Ахмад-мирзы, Мухаммад Хайдар-мирза направился к Йунусу⁸⁸.

В 892 г. х., т. е. в 1486/87 г. н. э., Султан Йунус-хан умер⁸⁹. По договору 890 г. х. (1485 г. н. э.) между Йунусом, Султан Ахмад-мирзой и Омар-Шейх-мирзой, заключенному при посредничестве Ходжа Ахрара, который и продиктовал условия,

⁸³ TR, Ross. P. 106–107, 108.

⁸⁴ TR, Ross. P. 111.

⁸⁵ TR, Ross. P. 111, 112.

⁸⁶ TR, Ross. P. 111.

⁸⁷ TR, Ross. P. 111.

⁸⁸ TR, Ross. P. 112.

⁸⁹ TR, Ross. P. 115.

Ташкент был передан в постоянное владение Йунусу⁹⁰. После того как Йунус утвердился в Ташкенте, его разбил паралич, два года он был прикован к постели, а затем умер⁹¹. Мухаммад Хайдар-мирза приехал в Ташкент, когда хан был уже болен, т. е. в промежутке между 1485 г. и 1486/87 г.⁹² Он был опытным хирургом и врачом. Хан в течение всего этого времени не отпускал мирзу от себя ни на час.

Мирза Хайдар не сообщает ни обстоятельств, ни даты смерти Мухаммад Хайдар-мирзы. Можно, однако, сделать заключение, что он умер в 1488/89 г., так как в "Тарих-и Рашиди" говорится, что после 16 лет правления в Кашгаре в качестве полностью независимого правителя он еще 8 лет был правителем с ограниченной властью. Правление же его в Кашгаре закончилось в 885 г. х., т. е. в 1480/81 г.

Историографическая концепция Мирза Мухаммад Хайдар доглата

Данные Мирза Хайдара представляются вполне объективными. Особенно в этом убеждает то обстоятельство, что Мирза Хайдар проявляет значительный критицизм, разбирая действия своих предков — правителей Кашгарии, прежде всего своего деда Мухаммад Хайдар-мирзы доглата. Внимательный разбор, однако, его сведений показывает, что этим известиям, как и всему его сочинению, присуща четко выраженная, последовательно про-

⁹⁰ TR, Ross. P. 113, 114.

⁹¹ TR, Ross. P. 114.

⁹² С. Азимджанова указывает, что Мирза Хайдар не дает точных дат, а потому не может быть установлен год изгнания Мухаммад Хайдар-мирзы из Оша. Она считает, что Мухаммад Хайдар-мирза был изгнан из Оша в 889 г. х. (1484 г. н. э.). Однако Мирза Хайдар дает даты походов Мухаммад Хайдар-мирзы и Йунуса на Кашгар, а далее указывает, через какое время после этого и в какой сезон происходили те или иные события в жизни Мухаммад Хайдар-мирзы. Это позволяет вычислить достаточно точно необходимые даты, что нами и выполнено. Мнение С. Азимджановой см.: *Азимджанова С. К истории Ферганы...* С. 28. Прим. 60.

веденная и выступающая очень выпукло политическая тенденция. Тенденциозность Мирза Хайдара продиктована его принадлежностью к родоплеменной могульской знати, высшим слоям могулистанско-восточнотуркестанской аристократии, близостью к ханскому роду чагатаидов и роду тимуридов, выразителем мировоззрения, идеологии, политических воззрений и морали которых он был. В его историографической концепции отразились его принадлежность к могульскому племени доглат и уже — к числу потомков Эмир Саййида Али, внука Эмир Худайдада и правнука Эмира Поладчи, его особое место среди потомков Эмир Саййида Али. Специфика его исторических и политических построений, вся система его ассоциаций и аргументов несет на себе и печать личной судьбы автора “Тарих-и Рашиди”.

По сути дела, все его описание истории Кашгарии под властью доглатов со времени Эмир Саййида Али и до окончания правления в Кашгаре его деда Мухаммад Хайдар-мирзы построено на противопоставлении действий этих двух лиц. Прадед Эмир Саййид Али — идеальный правитель, а дед Мухаммад Хайдар-мирза — нарушитель извечных традиций. Что касается его двоюродного деда Саныз-мирзы, то последний получил в “Тарих-и Рашиди” довольно тусклое и беглое освещение, так как Мирза Хайдара интересовало не только, но скорее и не столько, подробное изложение самих исторических событий, а биографии и судьбы прадеда и деда как средство выражения собственного отношения к этой эпохе, ее видения и понимания. В центр его повествования поставлена антитеза — два различных принципа государственного строительства.

Центральными проблемами исторических концепций Средней Азии, Восточного Туркестана и многих соседних стран в послемонгольское время всегда были следующие:

- 1) право чингизидов на верховную власть;
- 2) отношения чингизидов с племенной аристократией;
- 3) раздел Монгольской империи Чингиз-ханом между сыновьями, внуками и племенами как источник “вечного” права;

4) обоснование права племенных предводителей на верховную власть в определенных районах с учетом прав чингизидов; юридическое обоснование правомочности нечингизидских династий;

5) иерархическая структура и субординация кочевых первоначально племен как результат традиции и установлений Чингиз-хана;

6) организация управления покоренными оседлыми районами: данническое ограбление при сохранении кочевания или органическое соединение с оседлым населением в единой социальной структуре с переходом к оседлости;

7) отношение к религии;

8) обычное право кочевников и шарият.

Список проблем, естественно, не исчерпывающий, но основными все-таки были названные.

Если с точки зрения этих проблем взглянуть на фигуры Эмир Сайида Али и Мухаммад Хайдар-мирзы в обрисовке Мирза Хайдара, то можно обнаружить следующее.

Эмир — верный слуга ханов-чагатаидов, он их военачальник, добывающий им победы. Он отважен, честен, умен, энергичен, беспредельно предан, предприимчив. В результате он пользуется почестями, в жены ему отдают чагатайтку. В конце концов его отпускают, чтобы он смог вернуть себе родовое владение доглатов — Кашгарию, которая принадлежала доглатам еще по разделу Чингиз-хана. Он отбивает Кашгарию у врагов, возвращает ее под власть доглатов и тем самым под власть чагатаидов. В Кашгарии он устанавливает такое правление, что довольны и благоденствуют все слои населения. Он сумел сочетать в одной стране развитие и земледелия, и кочевого скотоводства, не обременя земледельцев. Он справедлив: своего миршикара, обманувшего и незаслуженно обидевшего бедную женщину, он примерно наказывает. Наконец, за 80 лет своей жизни он собрал вокруг себя много способных военачальников — эмиров и бахадуров могульских племен. Всех их он ценил и награждал в соответствии с их заслугами и происхождением, т. е. он сумел

установить добрые и мирные отношения в среде господствующего класса, соблюдая традиции и обычное право. Он и добрый родственник, который проявляет заботу в отношении тех, кто связан с ним узами родства и свойства. Таков Эмир Сайид Али.

Иным показан Мухаммад Хайдар-мирза. Он обладает слишком мягким характером, не умеет распознать интригу. Когда его племянник и пасынок Абу Бакр начинает против него враждебные действия и отрывает кусок за куском его владения, мирза все спускает ему с рук. Когда же он опомнился и начал противодействовать притязаниям Абу Бакра, было уже поздно. То есть мирза не обладает умом государственного деятеля. Он уволил со службы опытных в военном деле людей, чем подорвал свою армию, которая потеряла способности реальной силы и терпела поражения от немногочисленного противника. Следовательно, он был не только недалководидным и неумным государем, но и несправедливым пас-тырем. Наконец, не сумев распознать правды, он под влиянием дурных людей поднимает бунт против государя, власть которого он над собой признал добровольно. В итоге он потерял все, чем обладал. Это и было воздаянием за отсутствие способностей и неправильное руководство своей страной.

Но так ли было все на самом деле? Реальны ли образы эмира и мирзы в изображении Мирза Хайдара? Вывод должен быть отрицательным.

Не столь уж хороший родственник эмир. Ведь власть над Кашгарией он установил, лишь перебив многих своих родичей. Верность ханам иногда имеет у него сомнительное свойство. Установил же он контроль над Эсен-Бугой, поставив своего родственника Илйасшаха комендантом крепости Аксу. Верен он был лишь постольку, поскольку чагатаиды не посягали на Кашгарию. Его методы насаждения справедливости (расправа с миршикарром) изобличают в нем восточного деспота и плохо согласуются даже с нормами морали средневековья.

Не столь нелепа и фигура Мухаммад Хайдар-мирзы. Его кажущиеся безразличие и халатность в отношении домогательств Абу Бакра могут быть объяснены и другим образом. Ведь Абу

Бакр был старшим сыном Саныз-мирзы, наследником его прав. Саныз-мирза же был старшим сыном Эмир Саййида Али и также наследником его прав. Следовательно, после смерти Эмир Саййида Али верховным правителем Кашгарии должен был стать Саныз-мирза. Так и случилось. Но после смерти Саныз-мирзы верховным правителем Кашгарии должен был стать Абу Бакр. Однако все произошло по-другому. Кашгарцы "призвали" Мухаммад Хайдар-мирзу, и он стал правителем Кашгарии. А Дост-Мухаммад-хан увез Абу Бакра и семью Саныз-мирзы в Аксу, тем самым устранив соперника Мухаммад Хайдар-мирзы и дав последнему возможность прочно утвердиться в Кашгарии. Мирза Хайдар признавал право наследования от отца к сыну, что он неоднократно засвидетельствовал в "Тарих-и Рашиди". Почему же в данном случае он промолчал? Ответ на этот вопрос удивительно прост. Правление Мухаммад Хайдар-мирзы создало прецедент, исходя из которого его прямые потомки мужского пола — сыновья Мухаммад Хусайн-курэкан и Саййид-Мухаммад-мирза и внук Мирза Хайдар могли обосновать свое традиционное право на правление в Кашгаре, что и сделал в своем труде автор "Тарих-и Рашиди". Вторжение Султан Саид-хана с могулами в Кашгарию в 1514 г. получило объяснение как борьба против узурпаторства Абу Бакра за восстановление в Кашгарии прав потомков Мухаммад Хайдар-мирзы. Поэтому Саййид-Мухаммад-мирза стал улусбеги могулов, а Мирза Хайдар получил самые высокие должности. Вот в чем причина умолчания Мирза Хайдаром об ущемлении наследственных прав Мирза Абу Бакра.

Мирза Хайдар пишет также, что после утверждения Мухаммад Хайдар-мирзы в Кашгаре тот принял сторону Султан Йунус-хана и фактически изменил своему сюзерену и родственнику Дост-Мухаммад-хану. Объяснил он это тем, что Дост-Мухаммад ограбил Кашгар, когда после смерти Саныз-мирзы Мухаммад Хайдар-мирза вступил в право владения Кашгаром, а Дост-Мухаммад увез семью Саныз-мирзы в Аксу. Но и это может быть объяснено по-другому. Мухаммад Хайдар-мирза не был "привезен" в Каш-

гар, а был посажен там воинскими контингентами Дост-Мухаммада. Следовательно, мирза не “восстановил” свою наследственную власть в Кашгаре, а стал правителем, применив принуждение, по праву сильного. Как доглаты стремились сохранить свою независимость в Кашгарии, так ведь и чагатаиды стремились включить эту страну в состав своих действительных, а не номинальных владений. Ограбление Кашгара было оплатой “труда” воинов Дост-Мухаммада. Мухаммад Хайдар-мирза же, вероятно, был резко ограничен ханом в своих правах. Не обида, а трезвый политический расчет заставил мирзу признать над собой сюзеренитет Йунуса: последний в Кашгарии в это время мог быть только номинальным сюзереном, но в то же время в какой-то мере мог быть гарантом прав мирзы на Кашгарию. Причина “измены” мирзы, несомненно, кроется в этих обстоятельствах.

Объяснение поражения Мухаммад Хайдар-мирзы от многочисленных воинских контингентов Абу Бакра и последующего бегства его из Кашгара в Аксу как результат смещения им со своих постов опытных кадров военачальников и, следовательно, ослабления войска также не может быть принято. Такое объяснение военных поражений и политического краха различных видных деятелей предшествующих и собственной эпохи Мирза Хайдар использовал в своем сочинении многократно. Этим у него объясняется падение власти и гибель Султан Махмуд-хана, сына Йунуса. Этими же причинами объясняются и поражение и гибель “узурпатора” Абу Бакра, и мгновенный крах его, казалось бы, мощного государства. Две причины просматриваются в историографической концепции Мирза Хайдара в качестве исходного тезиса о прямой зависимости жизнеспособности государства от того, насколько достойное место в структуре власти занимало сословие родоплеменной военщины — это, во-первых, принадлежность Мирза Хайдара к этому сословию и, во-вторых, его личная судьба как человека, потерявшего свои привилегии и права как военно-политического деятеля, что, в сущности, служит поучительной иллюстрацией к первому.

Такое же объяснение падения правителей мы находим и в других сочинениях восточнотуркестанской историографии, например объяснение потери власти Абдаллах-ханом в Могулини во второй половине XVII в. в "Истории" Шах Махмуд чораса и анонимной "Истории Кашгарии" и т. д. Таких примеров можно привести немало. Подобное же объяснение мы нередко находим в исторических трудах средневековой Средней Азии и других стран. Оно является тривиальным.

Следует признать, что в этом объяснении есть доля правды. В средние века, когда военное дело было профессией всей жизни, индивидуальная подготовка воина и военачальника требовала многих лет, и именно индивидуальная выучка воинов и командиров обычно решала судьбу того единственного сражения, от которого зависел исход кампании или даже всей войны. Поэтому правители вынуждены были считаться с военщиной. Для Восточного Туркестана и Средней Азии, так же как и для многих других стран мусульманского Востока, это означало необходимость союза ханской или иной верховной власти с кочевой родоплеменной военщиной, необходимость делить власть и доходы с верхушкой и даже всеми слоями военного сословия.

Между тем верхушка родоплеменной военщины была, как выражаются наши современные историки, своевольной и непокорной. Дело, однако, не в своеволии и непокорности, не в склонности к мятежам и бунтам этой военщины — причины кроются не в психологии и игре характеров. Дело в том, что верхушка родоплеменного воинского сословия была носителем совершенных иных политических идей, нежели ханская власть. Если константой и доминантой в развитии ханской власти была тенденция к единовластию и абсолютизму типа восточного деспотизма, то воинское сословие смотрело на хана или на иного правителя как на первого среди равных, как на вождя, а не на монарха, с которым оно имело право делить власть и доходы и которого оно могло менять или сменять, если он не соответствовал его идеалам. Ханская власть и воинское сословие представляли две разные социальные силы внутри господствующего класса, которые и породили две резко

отличающиеся одна от другой идеальные схемы организации власти. Это означало, однако, что эти силы постоянно находились в состоянии активного или замаскированного противодействия.

Таким образом, устранение Мухаммад Хайдар-мирзой активной военщины из своего войска было вызвано не неблагоразумием мирзы, а обусловлено содержанием исторического процесса, а именно: эта акция была направлена на ограничение влияния воинского сословия и имела целью увеличение объема прав самого мирзы. Другое дело, что в средние века на границах государств Восточного Туркестана, Средней Азии и других всегда стояли наготове силы, выжидавшие лишь моментов такого ослабления. Этим в значительной мере объясняется калейдоскоп возникновения и падения государств в этих странах. Эту судьбу разделил и Мухаммад Хайдар-мирза.

Таково материалистическое объяснение причины падения власти Мухаммад Хайдар-мирзы в Кашгаре. По этой причине мы и не можем принять объяснения этого события Мирза Хайдаром лишь с нравственно-психологических позиций, хотя в его отдельных обобщающих утверждениях и содержится доля истины.

Неверно в значительной мере и объяснение Мирза Хайдаром причин восстания Мухаммад Хайдар-мирзы весной 1481 г. в Аксу против Султан Йунус-хана тем, что на восстание его подбили смутьяны, внушившие мирзе мысль, что Йунус, уводя с собой в Могулистан людей мирзы, ограбит их там. Восстание мирзы — это его последняя попытка отстоять свою независимость от чагатаидов. Ведь если бы Йунус увел людей мирзы в Могулистан, то у него не осталось бы своих “подданных” и он превратился бы в чиновника Йунуса в Аксу, в распорядителя сельхозработ. Мухаммад Хайдар-мирза лишался своих доглатов, а без них он был никто. И он решился на последнюю попытку сохранить самостоятельность и часть Кашгарии под своей властью. Попытка не удалась.

Следует сказать также, что в образе Мухаммад Хайдар-мирзы, созданном Мирза Хайдаром, есть определенная двойственность. С одной стороны, автор “Тарих-и Рашиди” как бы

совершенно объективно, откровенно и без прикрас изображает его как правителя-неудачника, бичует его слабование, разоблачает его неумение вскрыть, пресечь интриги, его неспособность понять, что его вовлекают в заговор, и уклониться от участия в нем, его непонимание того, как нужно использовать людей в соответствии с их способностями. Создается впечатление, что Мирза Хайдар беспощаден в своем осуждении родного деда как человека и как государственного деятеля.

Впечатление это, однако, ложное. В действительности мы имеем дело с умной апологией. Действия, которые его дед предпринимал совершенно сознательно, преследуют конкретную и разумную цель и объясняются не непониманием обстановки, мягкостью характера, желанием быть хорошим родственником, неумением отличить зло от добра и т. д. Мирза Хайдар, несомненно, это понимал. Но он поставил перед собой вполне определенную цель — создать образ, отвечающий его политическим интересам и планам. Поэтому мирза в его изображении — жертва стечения обстоятельств, злого умысла неблагодарных родственников и смутьянов. Одним словом, судьба не улыбнулась ему. Мы же попытались показать, что мирза был умным и целеустремленным деятелем. Против него, однако, была сама история, которая поручила объединение Кашгарии другому человеку, обязав этого человека использовать иные средства. Мухаммад Хайдар-мирза не уловил дух конкретного исторического момента.

Наше истолкование биографий Эмир Саййида Али и Мухаммад Хайдар-мирзы находится в полном противоречии с объяснением Мирза Хайдара. Вместе с тем и наша попытка объяснения исторического процесса в Кашгарии за данный период, как попытка материалистической интерпретации, полностью противоречит концепции Мирза Хайдара. Но таково уж следствие применения современной научной методологии исследования истории, которая обнаженно и без прикрас анализирует прошлое в его истинной реальности.

Исторические корни уйгурской сказки о Чин Тёмюр-батуре и Махтум-суле

К числу широко распространенных сказок уйгуров относится сказка, известная под названием “Чин Тёмюр-батур и Махтум-сула”. Она была записана и включена в сборники уйгурского фольклора почти всеми собирателями уйгурских сказок: В. В. Радловым², Н. Н. Пантусовым³, С. Е. Маловым⁴, R. O. Wingate⁵. С. Е. Ма-

---

¹ О характере уточнений, внесенных в текст статьи, см. в предисловии. — Ю. Б.

² Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен, собранные В. В. Радловым. Ч. 6. Наречие таранчей. Спб., 1886. С. 168—174.

³ Пантусов Н. Н. Образцы таранчинской народной литературы, переведенные Н. Н. Пантусовым // Известия ОАИиЭ при Казанском университете. Казань, 1909. Т. 25. Вып. 2—4. С. 1—10.

⁴ Малов С. Е. Уйгурский язык. Хамийское наречие: Тексты, переводы и словарь. М.; Л., 1954. С. 85—88.

⁵ Wingate R(achel) O. Children's Stories from Chinese Turkestan Collected and Translated // Bulletin of the School of Oriental Studies. London Institution. London, 1928—1930.

ловым она была записана, по-видимому, и у лобнорцев — тюркоязычного народа, проживающего в районе озера Лобнор в Синьцзяне, который С. Е. Малов связывает по происхождению с древними киргизами. Об этом говорит наличие имен Чин Тёмюр-батура⁶ и Махтум-сулы⁷ в его книге “Лобнорский язык”. Сама сказка в этой книге не опубликована, но наличие упомянутых имен в словаре, приложенном к книге, в который, вероятно, были включены слова из опубликованных и неопубликованных записей, говорит за то, что С. Е. Маловым была сделана запись и лобнорского варианта этой сказки. В библиотеке АН Казахстана хранятся два рукописных варианта этой сказки⁸. Кроме того, мы пользовались записями сказки о Чин Тёмюр-батуре и Махтум-суле, сделанными студентами уйгурского отделения историко-филологического факультета Казахского государственного педагогического института им. Абая Аскарковым Нариманом и Кахаровым Зияиддином. В 1946 г. она была опубликована отдельной брошюрой в Ташкенте⁹. Печаталась она также и в учебниках для уйгурских школ¹⁰. В сокращенном виде была перепечатана в сборнике “Уйгур эл әдәбияти”¹¹. Переводилась

⁶ Малов С. Е. Лобнорский язык: Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956. С. 191.

⁷ Малов С. Е. Указ. соч. С. 99, 130, 141, 144, 145.

⁸ Рукопись библиотеки АН КазССР, № 926, первый вариант, л. 1—21; второй вариант, л. 43—59. Эти же варианты имеются и в Отделе истории сопредельных стран зарубежного Востока ИИАиЭ АН КазССР. Пользуясь случаем, выражаем признательность М. Алиевой, благодаря указанию которой мы могли ознакомиться с этими записями.

⁹ Чин Тёмүр батур. Йезип вә түзәп чиққучи С. Нәмра огли. Өзбәкстан дәвләт нәшрияти. Ташкәнт, 1946. 32 б. (араб. буквами).

¹⁰ Әдәбият. Йәттә жиллиқ вә оттура мәктәпләрниң VI-нжи синипи үчүн хрестоматия. Түзгүчиләр: С. Аюпов вә Н. Нигмәтов. Үчинчи қетим бесилиши. Алмута, 1954. 4—14 б.; Вәтән әдәбияти. Оттура мәктәпләрниң 5-нжи синипи үчүн хрестоматия. Түзгүчи: Н. Муһитдинов. “Шәрқ һәқиқити” нәшрияти. Ташкәнт, 1951. 10—19 б. (араб. буквами).

¹¹ Уйгур эл әдәбияти. Мәскәв, 1925. 234—243 б. (араб. буквами).

эта сказка и на другие языки. В. В. Радловым¹² был дан перевод ее на немецкий язык. Н. Н. Пантусов¹³ и С. Е. Малов¹⁴ перевели ее на русский язык. В переводе на русский язык издал ее и Л. Макеев¹⁵.

Сказка о Чин Тёмюр-батуре и Махтум-суле по своему содержанию относится к ойратскому циклу, т. е. к числу тех уйгурских сказок о калмаках (так в мусульманских источниках именовались ойраты, джунгары. — Ю. Б.), которые возникли в уйгурской среде в результате длительного территориального соседства уйгуров и ойратов, сопровождавшегося кровопролитной борьбой этих двух народов. Военная удача в этих боях была в основном на стороне ойратов. Населению Синьцзяна пришлось столкнуться с двумя нашествиями ойратов¹⁶. Первый раз это случилось в начале XV в., когда основная часть территории теперешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района находилась под властью монголов¹⁷ и ханов — потомков сына Чингиз-хана Чагатая, образовавших после распада Чагатайского улуса в XIV в. на территории Семиречья, Джунгарии и Кашгарии государство Могулистан.

¹² *Radloff W. Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff. VI Theil: Der Dialect der Tarantschi. St. Petersburg, 1886. S. 221—229.*

¹³ *Пантусов Н. Н. Образцы.... С. 1—10.*

¹⁴ *Малов С. Е. Уйгурский язык. С. 87—88.*

¹⁵ *Макеев Л. Казахские и уйгурские сказки / Переводы и литературные варианты Леонида Макеева. Изд. 2-е. Алма-Ата, 1951. С. 189—216.*

¹⁶ *Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казакского высшего педагогического института в 1926/27 учебном году. Ташкент, 1928. С. 21, 22.*

¹⁷ Монголы, или, как их называют мусульманские письменные источники, “моголы”, в то время вели кочевой образ жизни, жили в юртах; основной пищей их были мясо и кумыс; одевались они, как ойраты. По другому сообщению, они одевались, как мусульмане, но язык их был похож на уйгурский (древнеуйгурский. — В. Ю.). См. *Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. London, 1888. Vol. 2. P. 242.*

В период первого нашествия ойратов тяжесть непосредственной вооруженной борьбы с ними легла в первую очередь на плечи монголов (могулов. — Ю. Б.) и могулистанских ханов. Но, разумеется, и оседлое население — уйгуры не могли остаться в стороне от этой борьбы. Всякие внешние столкновения монголов (могулов. — Ю. Б.) со своими противниками ложились тяжелым бременем на плечи уйгуров, и прежде всего в экономическом отношении. Письменные источники сохранили указания на эти тяготы, которые испытывало земледельческое население в результате нашествий внешних врагов и феодальных междоусобиц. Разумеется, что такие исторические события должны были в какой-то мере отразиться в народной памяти и отложиться в фольклоре в виде различных песен, преданий, легенд и сказок.

Второе нашествие ойратов, последовавшее в XVII в., застало в Кашгарии феодальное теократическое государство во главе с ходжами — потомками Мухаммада, бывшими вначале при чагатаидах — ханах Могулистана¹⁸ духовными и политическими советниками. Эти ходжи были распространителями в Кашгарии учения суфийского ордена накшбандиййа, руководителями которого они являлись. Несмотря на то, что учение накшбандийцев проникло в Синьцзян еще при Вайс-хане в начале XV в.¹⁹, господствующим оно стало только при потомках Махдум-и Азама, когда большие массы населения стали их мюридами, в числе которых были и ханы. В среде ходжей не было единства. После смерти Махдум-и Азама между его сыновьями Ишан-и Кала-

---

¹⁸ В соответствии с уточненным позднее мнением В. П. Юдина, с начала XVI в. Кашгария вошла в восточнотуркестанское государство, созданное чагатаидом Султан Саид-ханом и получившее в местных письменных источниках наименование Могулия. Это новое для истории Восточного Туркестана положение В. П. Юдин ввел в науку в 1965 г. в рецензии на книгу А. М. Мугинова "Описание уйгурских рукописей...", которая воспроизведена в настоящем издании. — Ю. Б.

¹⁹ *Мирза Мухаммад Хайдар доглат. Тарих-и Рашиди*: Рук. ЛФ ИВ РАН. Д 71. С. 61.

ном и Исхаком Вали возникла вражда. Возникшая вначале на религиозной основе, она впоследствии привела к образованию в среде кашгарского мусульманского духовенства двух группировок — белогорцев и черногорцев, ожесточенно боровшихся за политическое господство в стране. Белогорцы, как партия, не пользовавшаяся поддержкой правящих слоев, выступили одновременно и против ханов за создание теократического государства. Естественно, что страна, раздираемая борьбой между ханами-чагатаидами и ходжами, с одной стороны, и между клерикальными группировками, с другой, в условиях беспощадной феодальной эксплуатации трудящихся масс не могла оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления внешнему врагу. В результате, после определенного периода более или менее успешной борьбы против ойратов, последние, воспользовавшись распрями между белогорцами и черногорцами, под предлогом оказания помощи предводителю партии белогорцев Аппак-ходже захватывают Кашгарию и размещают там свои гарнизоны²⁰. Таким образом, Аппак-ходжа, память которого глубоко чтилась темными народными массами, подпавшими под сильное религиозное влияние, в истории уйгурского народа сыграл довольно неблагоприятную роль, приведя для достижения и обеспечения своих личных целей и целей своей феодально-клерикальной группировки — белогорцев — войска ойратов, которым его противники — черногорцы и ханы — не могли оказать серьезного сопротивления как по причине прямого предательства отдельных феодалов, так и по причине общей внутренней слабости.

Последовавшей затем освободительной борьбе уйгурского народа против ойратов, конечно, позже был придан героический характер, а мусульманское духовенство для простого верующего народа выработало и идеологическое обоснование этой борьбы, объявив ее священной войной — газатом мусульман против неверных.

²⁰ *Мухаммад Садик Кашгари*. Тазкира-йи азизан: Рук. ЛФ ИВ РАН. Д 127. Л. 25аб.

Несомненно, что во второй период борьбы с ойратами рассказы о былых битвах времен первого нашествия ойратов должны были пользоваться очень большой популярностью. Реминисценции этих событий двухвековой давности в свете новых фактов получили иное истолкование, возрождались и широко распространялись в качестве образцов героизма, стойкости, патриотизма и свободолюбивых стремлений.

Под влиянием таких причин и появляется в устном творчестве уйгурского народа цикл сказок, совокупность которых мы условно называем ойратским циклом²¹. Сказки этой группы в основном однообразного содержания. Называются они обычно по имени главного героя. Так, в сборнике уйгурских сказок, опубликованном на русском языке М. Н. Кабировым и В. Ф. Шахматовым, имеется сказка “Адиль-аскер”²² — типичная сказка ойратского цикла.

Как было сказано выше, сказка о Чин Тёмюр-батуре представлена записями нескольких собирателей уйгурского фольклора, регистрирующими различные ее варианты. Наиболее полный вариант — публикация Л. Макеева, которая является переводом записи этой сказки, хранящейся в библиотеке АН Казахстана. Как нам сообщила М. Алиева, запись эта была сделана С. Шакирджановым. Она любопытна в том отношении, что в ней имеется ряд деталей, отсутствующих в других вариантах. Например, в этом варианте очень подробно характеризуется конь героя, описывается его богатырский сон. Запись Н. Аскарова интерес-

---

²¹ Война с калмаками отразилась также в фольклоре других народов, в особенности в фольклоре народов Средней Азии и Казахстана. Для этих народов калмаки стали основными “фольклорными” врагами, заслонившими собой противников всех предшествующих эпох. См.: *Боровков А. К.* Вопросы изучения тюркоязычного эпоса народов Средней Азии и Казахстана // Вопросы изучения эпоса народов СССР. М., 1958. С. 82, 88; *Жирмунский В. М.* Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Там же. С. 47, 48.

²² Уйгурские народные сказки / Составили и перевели с уйгурского М. Н. Кабиров и В. Ф. Шахматов. М., 1951. С. 84–91.

на тем, что в ней Чин Тёмюр-батур борется против калмаков совместно с Алпамышем; в конце сказки он женится на сестре Алпамыша Сулачач, а Алпамыш — на Махтум-суле.

Наиболее ценными в научном отношении являются публикации В. В. Радлова и Н. Н. Пантусова и запись Э. Кахарова. Они также дают довольно полный текст, который и может быть использован в первую очередь в исследовательских целях, так как, судя по некоторым данным, он в большей степени свободен от позднейших наслоений и ближе стоит к древнейшему варианту.

Публикации С. Е. Малова и R. O. Wingate дают только первую половину текста — эпизод борьбы Чин Тёмюр-батурса с Яльмюнгюз. Второй эпизод — борьба с калмаками — опущен²³.

²³ По мнению М. Алиевой, лишь первый эпизод этой сказки является древним, а второй сочинен и механически присоединен в позднейшее время, когда уйгурам пришлось столкнуться с калмаками. Отсутствие второго эпизода в записи С. Е. Малова объясняется, по ее мнению, тем, что "хамийский оазис не был под гнетом Джунгарского государства". См.: *Алиева М.* К вопросу о собирании, публикации и изученности уйгурских сказок // Труды Сектора востоковедения АН КазССР. Т. 1. Алма-Ата, 1959. С. 176. В действительности, Хамийский оазис не раз был ареной боев между калмаками и уйгурами и подвергался разгрому. См., например: *Думан Л. И.* Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII века // Труды Ин-та востоковедения АН СССР. Т. 20. М.; Л., 1936. С. 62, 67. Войны с калмаками оказали, конечно, не меньшее (если не большее) влияние на формирование уйгурского фольклора в Хами, чем в других городах Восточного Туркестана. Влияние это не ограничивается одним фольклором, а распространяется на многие стороны жизни хамийских уйгуров, прежде всего аристократии. Недаром хамийские беки в уйгурском фольклоре сравниваются с калмаками:

Қомулниң бәглири
 Һәжәп калмаққа охшайду,
 Ғулжиниң қимавазлири
 Һәжәп бәгләргә охшайду.
 Комульские беки
 Удивительно похожи на калмаков,
 Кульджинские азартные игроки
 Удивительно похожи на беков.

(Записано 1. VII 1959 г. от Хамраевой Дияляхан, 79 лет).

Запись С. Е. Малова столь невыразительна по языку и столь безыскусственна, запутана и скомкана, что легко можно сделать вывод о том, что его информатором был человек, совершенно не изошренный в рассказывании сказок.

Варианты В. В. Радлова и Н. Н. Пантусова очень близки между собой и разнятся только в незначительных деталях: существенную разницу между ними составляет то, что вариант В. В. Радлова записан под диктовку неграмотного уйгура и, следовательно, представляет сказку в том виде, в каком она бытует в народе как произведение устного творчества, а вариант Н. Н. Пантусова несет на себе следы книжной обработки, что выражается в большей "литературности" и введении в язык сказки лексических и грамматических особенностей староуйгурского языка. Известно, что Н. Н. Пантусов в бытность свою в Кульдже, когда ему приходилось заниматься вопросами переселения мусульманского населения из Илийского края в Семиречье, собирал уйгурский фольклор и образцы староуйгурской литературы, привлекая для этого уйгуров духовного звания. С уверенностью можно сказать, что сказка о Чин Тёмюр-батуре и Махтум-суле была для него записана кем-то из мулл и затем опубликована им без изменений. Есть основание думать, что этим муллой был уйгурский писатель прошлого века, имам кульджинской городской мечети Молла Биал бинни Молла Юсуф ан-Назим.

Можно, по-видимому, говорить лишь о некоторой активизации мотивов борьбы с калмаками в фольклоре илийских уйгуров-гаранчей, переселенных цинскими властями во второй половине XVIII в. в Илийский край из различных городов Кашгарии и проживавших в непосредственном территориальном соседстве с синьцзянскими монголами. Отсутствие сказок ойратского цикла в книге С. Е. Малова "Уйгурский язык" можно объяснить простой случайностью. По нашему мнению, сказку о Чин Тёмюр-батуре, и первый, и второй эпизоды которой строятся на одинаково древних мотивах тюрко-монгольского фольклора, сказочники могли рассказывать, произвольно опуская по тем или иным причинам второй эпизод, так как эпизоды эти каждый в отдельности характеризуются определенной целостностью и известной самостоятельностью. Это позволяет в случае необходимости каждый из них рассказывать как отдельную сказку.

Композиционно сказка о Чин Тёмюр-батуре распадается на два эпизода. Содержание ее вкратце сводится к следующему²⁴.

В прежние времена в Кульдже жил богатырь по имени Чин Тёмюр-батур. У него была сестра по имени Махтум-сула. Чин Тёмюр-батур был сильным и смелым охотником, а Махтум-сула — прекрасная красавица — вела домашнее хозяйство. Однажды он решил отправиться на охоту на семь дней и предупредил сестру, чтобы без него она не выходила из дома, не гасила огня, а если огонь погаснет, не ходила за огнем к старухам, так как от этого с ней может случиться несчастье. И он уехал на охоту на своем скакуне, забрав с собой собаку. После его отъезда Махтум-сула поставила на очаг согреть воду, чтобы помыть себе волосы. Кошка пролила воду на огонь и погасила его. Махтум-сула проголодалась, но огня для приготовления пищи не было. Поэтому она поднялась на крышу, огляделась по сторонам и заметила, что на востоке из какого-то шалаша поднимается дым. Махтум-сула отправилась к шалашу и нашла там дряхлую старуху. Старуха дала ей что-то в обе руки²⁵ и велела по пути домой рассыпать это по сторонам. Затем она взяла кусок кизяка, зажгла его, насадила на палку и дала Махтум-суле закусить ее зубами. Махтум-сула по пути домой рассыпала то, что ей дала старуха. От этого позади нее вырастали колючки. Старуха та была слепая семиглавая Яльмюнгуз. Держась за колючки, она добралась до дома Чин Тёмюр-батура, съела все мясо, приготовленное Махтум-сулой, затем подвесила Махтум-сулу к потолку и стала сосать у нее кровь из подошв ног. Так продолжалось в течение шести дней. Махтум-сула пожелтела, как шафран, и была близка к смерти. На седьмой день приехал с охоты Чин Тёмюр-батур. Узнав о случившемся, он надевает семислойную броню, шлем, опоясывается египетским мечом, призывает на помощь своих верных коня и собаку и прячется в засаде за дверью. Когда приходит

²⁴ Содержание сказки излагается по варианту, опубликованному Н. Н. Пантусовым.

²⁵ По варианту В. В. Радлова, это были вши.

Яльмюнгуз, он вступает с ней в единоборство. Бой длится несколько дней. Чин Тёмюр-батур отрубает ей шесть голов. Тогда Яльмюнгуз, у которой осталась только одна голова, на которой как раз и находился яльмюнгуз²⁶, пытается спастись бегством через тюнлюк. Чин Тёмюр-батур нагоняет ее на своем скакуне, и между ними с новой силой разгорается бой. В это время прибегает собака Чин Тёмюр-батура Каф-каф и приканчивает Яльмюнгуз²⁷. С последней головой Яльмюнгуз в руках Чин Тёмюр-батур возвращается домой²⁸.

²⁶ *Яльмюнгуз* (йәлмүңгүз), которая в уйгурском фольклоре называется также *йәлмүңүс*, *ялмигиз* или, что более обычно, *ялмавуз* или *йәлмавуз*, напоминает русскую ведьму или Бабу-ягу. Она предстает в образе дряхлой старухи-оборотня, которая в действительности является семиглавым людоедом. На основной из семи голов у нее и находится *йәлмүңгүз*, по которому и названо это фантастическое существо. Оно имеется в фольклоре и многих других тюркских и монгольских народов: узб. *ялмогиз*, каз. *жалмауыз*, кирг. *желмогуз*, хакас. *чылбиген*, алт. *дьялбеген*, якутск. *сiйрбаi*, тув. *шулбус*, монг. *шулам*, *шулмас*, *шулм*, *шумнас*, бур.-монг. *шолмо*, *шолмос*. Образ этого людоеда восходит к древнейшим религиозным представлениям тюркских и монгольских народов, к шаманистской мифологии. По представлениям алтайцев, *дьялбеген* — это семиглавый великан-людоед, выезжающий на сивом быке, главный богатырь бога подземного мира Эрлика. См.: *Улагашев Н.* Алтай-Бучай. Новосибирск, 1941. В уйгурских сказках *йәлмүңгүз*, спасаясь бегством от преследования, обычно пытается скрыться в колодце, т. е. уйти в подземное царство. По меньшей мере странным является утверждение К. Хасанова, что *ялмавуз* специфичны только для сказочной фантастики уйгуров. См.: предисловие К. Хасанова к книге “Уйгурские сказки” (записи и перевод М. Н. Кабирова и В. Ф. Шахматова. С. 14). На соответствие каз. *жалмауыз* и алт. *дьялбеген* указывалось еще в дореволюционной фольклористике. См.: *Никифоров Н. Я.* Аносский сборник: Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г. Н. Потанина. Омск, 1915. С. 266; *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4: Материалы этнографические. Спб., 1883. С. 766, 774, 775 и др.

²⁷ По варианту В. В. Радлова, Яльмюнгуз удается спастись бегством и она скрывается в городе калмакского хана.

²⁸ На этом кончается первый из двух эпизодов, на которые распадается сказка о Чин Тёмюр-батуре.

Спустя некоторое время Чин Тёмюр-батур вновь уезжает на охоту, предупредив сестру перед отъездом, чтобы она не выходила из дома и не расчесывала волосы над арыком. Через несколько дней после его отъезда Махтум-сула выходит из дома и моет²⁹ голову в арыке. С ее головы падает волос, он плывет вниз по течению и попадает в пруд перед дворцом калмакского падишаха. Сын падишаха находит этот волос и влюбляется в девушку, у которой такие прекрасные длинные волосы. Его слуги объясняют ему³⁰, что это волос красавицы Махтум-сулы. Он собирает своих беков, лам и зенги и с большим войском окружает дом Чин Тёмюр-батурса. Увидев врагов, Махтум-сула вступает с ними в бой, но долго оказывать сопротивление она, конечно, не в состоянии. Захватив Махтум-сулу, калмакский принц возвращается к себе. Об этом сообщают Чин Тёмюр-батуру. Он пишет вежливое письмо калмакскому шаху с просьбой вернуть Махтум-сулу, но тот рвет письмо и отказывается выполнить его просьбу. Начинаются бои между Чин Тёмюр-батуром и калмаками. Они длятся трое суток. Но воинов в калмакском войске столь же много, как песчинок в песках. Чин Тёмюр-батур вынужден вернуться с поля брани домой. Он несколько раз воевал с калмаками, но вызволить сестру из неволи не мог. В тоске по Махтум-суле он поручает свои стада коней, верблюдов, крупного и мелкого рогатого скота пастухам, а сам уединяется, плачет дни и ночи и, наконец, проплакав глаза, слепнет.

Калмакский принц женится на Махтум-суле. От него у нее рождается двое сыновей³¹. Махтум-сула все время думает о бегстве, но ее хорошо сторожат. Так проходит несколько лет. Однажды Махтум-сула напоила допьяна калмаков, села на черногривого, буланого коня и ускакала. Когда она переправлялась через реку, ее нагнали калмаки, но они на своих конях

²⁹ По всем другим вариантам сказки, "расчесывает" волосы.

³⁰ По варианту В. В. Радлова, сыну калмакского хана сообщает о Махтум-суле Яльмюнгуз.

³¹ По варианту В. В. Радлова, у Махтум-сулы было трое сыновей.

переправиться не смогли. Калмаки упрашивают ее вернуться. В ответ она требует вывести своих сыновей и бросить старшего из них в воду, объясняя, что, может быть, это заставит ее вернуться. Оба ее сына были брошены один за другим в реку и утонули. Но Махтум-сула не вернулась к калмакам, а направила своего коня в сторону города, где жил ее брат. По дороге она встречает большие стада верблюдов, коней, крупного и мелкого рогатого скота. На вопрос Махтум-сулы пастухи ответили, что стада принадлежат Чин Тёмюр-слепцу и объяснили, что Чин Тёмюр-батур проплакал свои глаза по похищенной калмаками сестре. Но никто не знает, где находится Чин Тёмюр-батур. Наконец, одна женщина сообщает ей, что ее отец увез Чин Тёмюр-батуру в Алтун-Арашан. Махтум-сула просит эту женщину сообщить Чин Тёмюр-батуру, что его сестра Махтум-сула вернулась. На случай, если тот не поверит, она передала с женщиной яблоко из Алматы. Женщина доставляет эту весть Чин Тёмюр-батуру и, когда тот не верит ей, передает ему яблоко. Чин Тёмюр-батур потерял себе глаза этим яблоком и прозрел. Он одаривает эту женщину, спешит навстречу Махтум-суле, забирает ее к себе в дом, производит учет скота, вновь поручает его пастухам, и они проводят жизнь в радостях и веселье.

Работая над списком анонимного сочинения по истории Кашгарии, открытым академиком В. В. Бартольд³², в главе о Вайс-хане мы обнаружили следующее сообщение: “Шир Алихан умер во время Шир Мухаммад-хана. От него остались один сын и одна дочь. Сын — Султан Вайс-хан, дочь Махтумханым. Но среди народа она прославилась [под именем] Махтум-силу”³³. Данная глава анонимной рукописи написана на основании соответствующих разделов сочинения Мирзы Мухаммад Хайдар доглата “Тарих-и Рашиди”. Аналогичное вышеприведенное сообщение нашлось и в одном из списков пе-

³² Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан // ЗВО ИРАО. Т. 15. Спб., 1904. С. 236 и след.

³³ Рукопись ЛФ ИВ РАН. В 2472. Л. 616.

ревода сочинения Мирзы Мухаммад Хайдар доглата на староуйгурский язык, выполненном Мухаммад Ниязом³⁴. “Султан Увайс-хан еще один раз сразился с Исан-тайши в окрестностях Турфана. И на этот раз хан потерпел поражение, а Исан-тайши одержал победу, и хан вновь попал в плен. Исан-тайши сказал, что “на этот раз так просто [я вас] не отпущу. В качестве выкупа за себя вы должны будете отдать [мне] свою сестру Махтум-ханым”. Хан поневоле, опасаясь за свою жизнь, отдал Махтум-ханым и сам [таким образом] освободился. Знаменитое имя этой Махтум-ханым — Махтум-сулу. Одним словом, среди народа известно, что хан воевал с калмаками шестьдесят один раз: один раз победил, а во всех других боях потерпел поражение”³⁵. Сравнение текста указанного списка анонимного сочинения с двумя другими его списками, а также сравнение текста цитированного списка “Тарих-и Рашиди” с другими списками этого сочинения на персидском языке, с другими списками переводов этого сочинения на староуйгурский язык и с переводом его на английский язык показало, что данное сообщение о Махтум-суле является позднейшей интерполяцией.

Предположив, что переводчик “Тарих-и Рашиди” на староуйгурский язык мог пользоваться сведениями из какого-то источника, нам недоступного, когда он делал в своем переводе вставку о Махтум-суле, мы постарались сопоставить сведения “Тарих-и Рашиди” о Махтум-ханым с образом Махтум-сулы. Естественно было и сопоставление образа Чин Тёмюр-батура со сведениями о жизни и деятельности Вайс-хана. Обратимся к сведениям о жизни этих двух

³⁴ О Мухаммаде Ниязе, полное имя которого Мухаммад Нияз Ахунд Ярканди, см. сочинение Имама Али Кундузи Ками “Таварих-и манзума” (Рук. ИВ АН РУз. № 597. Л. 736) и статью Л. Епифановой “Таварихи манзума”. Кулёмза асари хакида” в журнале “Ўзбек тили ва адабиёти масалалари”. Тошкент, 1959. 1. 69—71 б.

³⁵ Тарих-и Рашиди: Рукопись ЛФ ИВ РАН. Д 120. Л. 576.

исторических личностей, сохраненных для нас пером Мирзы Мухаммад Хайдар доглата³⁶.

После смерти Мухаммад-хана ханом Могулистана стал его сын Шир Мухаммад-хан. У младшего брата Шир Мухаммад-хана Шир Али-оглана был сын Вайс-хан. Вайс-хан враждовал с Шир Мухаммад-ханом. Когда он достиг совершеннолетия, то ушел от своего дяди и некоторое время кочевал "по казахскому обычаю" на границах Могулистана, в частности в районе Катэка и желтых уйгуров, которые локализуются, по "Тарих-и Рашиди", на юге Кашгарии восточнее Хотана. Вокруг него сплотилась группа отважных авантюристов. Во время этих скитаний Вайс-хан выдал замуж за Эмира Саййид Али свою младшую сестру Узун Султан-ханым, которая, по-видимому, не была родной сестрой хана, так как ранее Мирза Мухаммад Хайдар говорит, что у Вайс-хана была всего одна сестра Махтум-ханым³⁷. Для свадебного угощения Эмир Саййид Али убил на охоте двух оленей. Эпизод этот может служить иллюстрацией к тому образу жизни, который они вынуждены были в это время вести. Поскольку подобная жизнь не могла удовлетворить Вайс-хана и его окружение, он отправляется в Туркестан. В то время в Туркестане хакимом был Мир Шайх Нур ад-Дин ибн Эмир Сарбуга кыпчаки — один из великих эмиров Эмира Тимура. Вайс-хан женится на сестре этого эмира и получает от него военную помощь в борьбе против своего дяди. Начинаются стычки и бои между этими двумя противниками. Военное счастье в этих боях сопутствовало Шир Мухаммад-хану, а Вайс-хан обычно бывал бит. Однако он проявлял в борьбе исключительное упорство и не слагал оружия, несмотря на преследовавшие его неудачи. Бывали случаи, когда казалось, что он близок к осуществлению своих

---

³⁶ Жизнь Вайс-хана излагается по списку "Тарих-и Рашиди" Д 71. ЛФ ИВ РАН.

³⁷ По другим сведениям, у Вайс-хана было трое братьев — Зулькарнайн, Мансур, Султан Хусайн и пять сестер — Узун Султан, Мундуз, Махтум, Султан Нигар и Гохар Шад. См.: Рук. ЛФ ИВ РАН. В 745. Л. 146а.

планов — свергнуть Шир Мухаммад-хана и завладеть престолом Могулистана. Так, однажды в полночь Вайс-хан с отрядом в четыреста человек сделал большой переход и окружил ставку Шир Мухаммад-хана, где в этот момент не было сколько-нибудь значительной охраны. Шир Мухаммад-хан вынужден был отсиживаться в пруду, в то время как люди Вайс-хана рыскали по его ставке и убивали всех встречных. Но затем подошли войска Шир Мухаммад-хана, и Вайс-хан только с большим трудом смог уйти от погони. По-видимому, подобный случай больше не повторился, и Вайс-хан смог занять место своего дяди только после его естественной смерти.

Вайс-хан был ханом набожным, благочестивым, властолюбивым и отважным. Он запретил монголам (могулам. — Ю. Б.) нападать на мусульман и грабить их. Но в период своего царствования ему пришлось отражать нашествие ойратов. Как уже выше было сказано, Вайс-хан за свою жизнь дал калмакам шестьдесят одно сражение, из которых выиграл только одно. Дважды он попадал в плен к Исан-тайши. Первый раз он спасся от плена только потому, как утверждает автор “Тарих-и Рашиди”, что он не только не проявил трусости перед Исан-тайши, но, наоборот, держал себя с ним очень высокомерно и заносчиво. Этим он якобы доказал калмакскому предводителю, что он истинный потомок Чингиз-хана. Исан-тайши, для которого, как и для всех калмаков, память о Чингиз-хане была священной, освободил потомка этого грозного завоевателя, так как род Чингиз-хана по представлениям калмаков был неприкосновенен³⁸. Сам Вайс-хан объяснил потом свое бесстрашие перед лицом калмаков тем, что не пристало ему, мусульманину, склонять голову перед неверными. Второй раз он спасся от плена, отдав Исан-тайши в жены свою сестру Махтум-ханым. В одном из боев в местности под названием Беш-Каба он также был разбит и был близок к тому,

³⁸ У монголов существовал культ Чингиз-хана. См.: *Владимиров Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм.* Л., 1934. С. 145—146.

чтобы еще раз угодить в плен. Спас его Эмир Саййид Али, который взамен убитого под Вайс-ханом коня отдал ему своего и, схватив одного из калмакских военачальников, прикрывал себя и хана этим калмаком, как щитом. Он пронес его в одной руке до реки Или на расстояние одного фарсанга, затем бросил в реку и провел коня Вайс-хана под уздцы через Или. Во время этого бегства утонули двое сыновей дяди Вайс-хана. За услугу, оказанную в этой битве Эмиром Саййид Али, Вайс-хан пожаловал ему пять аймаков, три из которых находились под Хотаном.

Мирза Мухаммад Хайдар доглат сообщает, что Вайс-хан часто охотился на диких верблюдов в районе Тарима, Лоба и Катека. Шерсть убитых верблюдов он передавал своей матери Султан-хатун, которая вязала из нее для Вайс-хана рубашки и кальсоны. Хан носил это белье, надевая поверх него изящные одежды. Вайс-хан, по-видимому, подолгу жил в Турфане³⁹, так как Мухаммад Хайдар сообщает любопытную подробность, что хан занимался там земледелием. Он сам сеял для себя, но так как в Турфане воды было мало и хану из арыка воды не давали, то он сам вырыл колодезь и водой из него поливал свое поле.

Вайс-хан был мюридом Хазрат Мавлана Мухаммад Касани, который, в свою очередь, был мюридом Хазрат Ходжа Хасан Атгара. Последний же был мюридом Ходжи Баха ад-Дина накшбанда — основателя знаменитого суфийского ордена накшбандийя.

Жизнь Вайс-хана оборвала стрела его стрелка Чакыра, которого он за его исключительную меткость в стрельбе из лука забрал у Мир Мухаммад Шаха. Случилось это на берегу Иссык-Куля в стычке с войсками Сатук-хана чагатайда, от имени которого правил в Самарканде Улугбек. Во время сражения хан вырвался вперед, но конь его увяз в грязи, и он свалился в грязь вместе с конем. В это время подъехал стрелок Чакыр.

---

³⁹ По китайским источникам, Вайс-хан овладел Турфаном в 1422 г. См.: *Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. 2. P. 194.*

Увидев впереди себя барахтающегося в грязи человека, он принял его за вражеского воина и всадил ему в бок стрелу, которая вошла в тело хана по самое оперение. Так оборвалась бурная жизнь этого монгольского (могулистанского. — Ю. Б.) хана. Случилось это в 1428 г.

Что касается Махтум-ханым, то о ней известно, что, выйдя замуж за Исан-тайши, она родила двух сыновей и дочь. Имена сыновей — Ибрахим-онг и Ильяс-онг. Дочь Махтум-ханым впоследствии была выдана замуж за некоего Кадырберды-мирзу, сына Мир Керимберды. Когда Вайс-хан отдавал Махтум-ханым в жены Исан-тайши, он якобы потребовал, чтобы последний принял мусульманство, что тот и вынужден был сделать. Поэтому Ибрахим-онг и Ильяс-онг были воспитаны в мусульманской вере и, когда выросли, начали враждовать с другим сыном Исан-тайши Амасанчи-тайши, который, по-видимому, оставался язычником. В результате этой вражды Амасанчи-тайши вынужден был откочевать на территорию Могулистана, где он вновь вступил в вооруженную борьбу с могулистанскими ханами. Затем началась вражда между сыновьями Махтум-ханым и калмакским ханом. Поэтому Ибрахим-онг и Ильяс-онг должны были бежать с сорока тысячами человек на китайскую границу. Там они и умерли. От Ибрахим-онга остался сын по имени Батулай. По имени этого Батулая стал называться его народ, который был еще там во времена автора "Тарих-и Рашиди". С этим народом пришлось сражаться Мансур-хану, когда он совершал походы на Китай.

Сказка о Чин Тёмюр-батуре характеризуется использованием древнейших мотивов и образов. По своему содержанию она резко выделяется из основной массы уйгурских сказок. Для уйгурского сказочного фольклора обычными являются сюжеты, образы, мотивы и идеи, характерные для арабо-иранского и индийского сказочного мира. В сказке же о Чин Тёмюр-батуре только незначительные детали могут быть объяснены позднейшим влиянием, идущим с запада. Таково упоминание о египетском мече "мисран қилич" у Чин Тёмюр-батуре. Если бегло ознако-

миться с фольклором тюрко-монгольских народов, начиная с востока, от народов, не затронутых “мусульманской” культурой, и переходя на запад к народам, испытавшим сильное воздействие этой культуры, мы обнаружим, что основные мотивы сказки о Чин Тёмюр-батуре у восточных из этих народов являются обычными для их фольклора, а к западу становятся все менее и менее характерными и все более расплывчатыми, почти совершенно исчезая из устного творчества. Так обстоит дело, например, с образом Яльмюнгюз: у узбеков этот образ контаминировался с чародейкой “мистан кампир”, у татар и башкир — с “убыр”. На смену таким мотивам и образам приходят характерные для арабо-иранского и индийского фольклора; иногда они приобретают только новое название или окраску. Возникает вопрос, что же послужило причиной того, что из числа наиболее древних именно сказка о Чин Тёмюр-батуре сохранилась у уйгуров? Может быть, у уйгуров вообще не сохранилось сказок домусульманской эпохи? На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Такие сказки у уйгуров есть, но число их относительно невелико. Вопрос осложняется тем, что сказка о Чин Тёмюр-батуре, несмотря на свой весьма значительный объем, обладает поразительной устойчивостью текста, хотя и распространена на огромной территории расселения уйгуров. Следующей особенностью этой сказки является ее наличие и исключительная популярность только у уйгуров и отсутствие ее у других тюрко-монгольских народов, что также интригует исследователя, так как в фольклоре этих народов такие сюжеты обычно бывают общими для целого ряда народов. Например, сказание об Алпамыше и другие. Правда, отдельные эпизоды этой сказки можно найти в сказочном фольклоре и других народов. Например, рассказ о брате, который избавляет свою сестру от старухи-оборотня, сосущей кровь из сестры, и другие⁴⁰. Однако такие, весьма рази-

⁴⁰ См., например, сказку “Семь братьев и одна сестра” в сборнике “Таджикские народные сказки” (Сталинабад, 1957. С. 87—93) или сказку “Таңбатыр” в сборнике “Татар халық әкиятләре” (Казан, 1956. Икенче китап. 21—39 б.). Интересно, что в этих сказках и в сказке о Чин Тёмюр-батуре и Махтум-суле почти полностью совпадает рассказ о потух-

тельные совпадения не могут объяснить происхождения сказки о Чин Тёмюр-батуре, так как в ее цельном виде она характерна только для уйгурского фольклора.

Еще одной особенностью этой сказки является наличие в ней значительных стихотворных вставок, в которых отчетливей всего и проявляется устойчивость текста. Все это заставляет предположить, что сказка о Чин Тёмюр-батуре в окончательном виде сложилась сравнительно недавно, но в основе ее лежит какое-то древнее предание. Можно предположить, судя по стихотворным вставкам, что еще недавно это была не сказка, а произведение героического эпоса. Не секрет, что фольклор западных тюрков, подпавших под сильное культурное воздействие древних жителей на территориях их теперешнего расселения, либо совсем утратил, как у уйгуров, героический эпос, либо характеризуется сравнительно новыми сюжетами и утратой древних, либо в нем преобладают новые и незначительно распространены древние. Но когда же все-таки сложилось предание о Чин Тёмюр-батуре? Хронологическим ориентиром здесь служит совпадение имен Махтум-ханым и Махтум-сулы — это XV в. Но почему же мусульманско-арабское имя Махтум-ханым (< ар. مخدوم махдум “господин”) стало именем героини предания, построенного на древнейших мотивах, ведущих начало от шаманистской мифологии? Это может быть объяснено только тем, что сказка в первоначальном варианте сложилась в среде монголов(могулов. — Ю. Б.)-мусульман, владевших в XV в. Восточным Туркестаном. Как известно, ислам окончательно распространился у могулистанских монголов(могулов. — Ю. Б.) только при деде Вайс-хана Мухаммадхане, который непокорным монголам(могулам. — Ю. Б.)-язычникам вбивал в голову гвозди от подков. Разумеется, в созна-

---

шем у сестры огне, о последующих поисках его, о ведьме, сосущей кровь из сестры, и о спасении ее братьями. В некоторых казахских сказках говорится о пльвущем по воде женском волосе. См., например, в сборнике “Қазақ ертегілері” (Алматы, 1957. Т. 1) сказки “Аламан мен Жоламан” (с. 54—59) и “Ұшар ханның баласы” (с. 60—75).

нии обращенного в новую веру монгола (могула. — Ю. Б.) еще долго жили древние представления о мироздании, лишь постепенно сливавшиеся и вытеснявшиеся мусульманскими догматами. Процесс этот был настолько сложным, что даже и по сей день у некоторых народов мы находим своеобразный симбиоз этих двух религиозных мировоззрений. Принятие ислама может отчасти объяснить и процесс исчезновения или приспособления к новым условиям у некоторых народов древнего эпоса, пропитанного идеями шаманизма. Сказка о Чин Тёмюр-батуре может послужить неплохой иллюстрацией к такому приспособлению. Если изложенное выше соответствует действительности, то следует поискать наиболее древние истоки этой сказки у таких народов, как тувинцы, алтайцы, шорцы и другие. И действительно, мы находим у этих народов образ *Темир-мөге* — сына неба, у которого и имя созвучно имени Чин Тёмюр-батурса, и действия имеют много общего с его жизнью. Темир-мөге обычно выступает как соперник в сватовстве к прекрасной девушке, но в состязании или в поединке терпит поражение. В сказке Чин Тёмюр-батур также не в состоянии одолеть калмаков. Измененным является лишь то, что он выступает не как претендент на руку красавицы, а как защитник своей сестры. Могулистанские монголы (могулы. — Ю. Б.), ассимилированные тюркоязычным населением Восточного Туркестана, по-видимому, передали ему и свою сказку о Чин Тёмюр-батуре. Этим и объясняется наличие в сказке очень древних мотивов. Мы отнюдь не собираемся утверждать, что в фольклоре уйгуров таких мотивов нет. Мы этим хотим только сказать, что та совокупность древних мотивов и идей, которая своеобразно переплетается в сказке о Чин Тёмюр-батуре, естественнее всего могла сохраниться в фольклоре могулистанских монголов (могулов. — Ю. Б.). Ассимиляция монголов (могулов. — Ю. Б.) уйгурами, конечно, привела к новой активизации таких древнейших мотивов в фольклоре уйгуров.

В судьбе героев сказки и в жизни Вайс-хана и его сестры Махтум-ханым можно отметить много параллелей. Как и Чин Тёмюр-батур, Вайс-хан упорно сражается с калмаками.

Причем в этой борьбе он проявляет нестигаемую волю, несмотря на преследовавшие его неудачи.

Чин Тёмюр-батур предстает перед нами в образе могучего богатыря, охотника и скотовода, что вполне согласуется с жизнью Вайс-хана. Как уже говорилось, во времена скитаний Вайс-хана охота была для него и его соратников большим подспорьем. Эмир Саййид Али во время этих скитаний должен был отправиться на охоту, чтобы доставить мясо к своей свадьбе. Сам Вайс-хан часто охотился на диких верблюдов. Тот же Эмир Саййид Али после смерти Вайс-хана, завладев Кашгаром, предпринимал зимой облавные охоты, на которые вместе с ним ходило до 3000 человек. Охоты эти длились по три месяца. Вообще охота, и в частности облавная охота, в жизни монголов (могулов. — Ю. Б.) имела колоссальное значение как средство добывания продуктов питания, так и как средство обучения войск согласованным действиям больших воинских соединений наряду с индивидуальной воинской подготовкой каждого воина в отдельности. Исключительное военно-хозяйственное значение облавных охот в жизни монголов нашло свое отражение в ясе Чингиз-хана⁴¹. Что же касается того, что Чин Тёмюр-батур выведен владельцем больших стад скота, то это вполне согласуется с жизнью монголов (могулов. — Ю. Б.) времен правления Вайс-хана. Монголы (могулы. — Ю. Б.) в Могулистане в это время сохраняли кочевой образ жизни, и их основным богатством были большие стада коней и скота.

Показательным является и то, что в отсутствие Чин Тёмюр-батурса Махтум-сула сама берется за оружие и сражается с калмаками. В условиях кочевого быта женщина у монголов (могулов. — Ю. Б.) пользовалась не только относительной свободой в сравнении с положением женщины современного им оседлого

---

⁴¹ См. перевод главы о ясе из “Тарих-и Джахангуша”, сделанный В. Ф. Минорским и помещенный в работе Г. В. Вернадского “О составе великой ясы Чингис-хана” // Исследования и материалы по истории России и Востока. Вып. 1. Брюссель, 1939. С. 44—46.

населения, но часто выполняла хозяйственные работы наравне с мужчиной, а в необходимых случаях бралась за оружие и сражалась плечом к плечу с воинами. Такое положение женщины было закреплено и в ясе Чингиз-хана, по предписанию которой женщина в случае отсутствия мужчины должна была его замещать.

Любопытным с точки зрения подобного сопоставления является эпизод гибели в реке сыновей Махтум-сулы. Несомненно, что в этом эпизоде нашла свое отражение судьба сыновей дяди Вайс-хана, утонувших в Или во время бегства после поражения, нанесенного под Беш-Каба Вайс-хану Исан-тайши. Можно предположить, что в оформлении этого сказочного эпизода сыграла роль и судьба сыновей Махтум-ханым, которые впоследствии ушли к границам Китая и сведения о которых, разумеется, не могли регулярно поступать в Могулистан. В дальнейшем их исчезновение и судьба сыновей дяди Вайс-хана вполне могли контаминироваться в сказочном эпизоде гибели сыновей Махтум-сулы.

Характерным является в сказке наказ Чин Тёмюр-батура, данный им сестре, когда он отправляется на охоту. Он наказывает ей не гасить в очаге огонь. Как видим далее, невыполнение этого указания навлекло на Махтум-сулу несчастье. Мотив этот нельзя признать характерным для уйгурского сказочного эпоса. Он может быть понят, если опять обратиться к характернейшим особенностям монгольского (могульского. — Ю. Б.) быта, в частности к вопросу о культе огня у монгольских и некоторых других народов⁴². Хотя монголы (могулы. — Ю. Б.) в Могулистане еще при Туглук-Тимуре приняли ислам, они, конечно, сохраняли еще свои доисламские представления и верования.

---

⁴² Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Редакция, вступительная статья и примечания Н. П. Шастиной. М., 1957. С. 28—31, 33, 70, 176, 199—200; Банзаров Доржи. Собр. соч. М., 1955. С. 74; Spuler Bertold. Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Islamzeit 1220—1350. Mit einer Karte. 2. erweiterte Auflage. Berlin, 1955. S. 173—174; Дыренкова Н. П. Культ огня у алтайцев и телеут // Сб. музея антропологии и этнографии. Т. 6. С. 63—78.

Да ислам и не мог проникнуть глубоко в сознание монголов (могулов. — Ю. Б.), чему препятствовали некоторые особенности кочевого быта.

Согласуется также с монгольским (могульским. — Ю. Б.) бытом и запрещение Чин Тёмюр-батура сестре мыть волосы в арыке в его отсутствие. Невыполнение указания брата приводит к тому, что волос Махтум-сулы по течению реки достигает земель калмаков и влюбившийся в нее сын калмакского "падишаха" силой увозит ее и женится на ней.

Мотив плывущего по течению реки женского волоса, который попадает в руки главного героя и является вестником его жены, восходит к глубокой древности. Легенда сходного содержания имеется в сочинении персоязычного автора XI в. Гардизи "Зайн ал-ахбар" в разделе о кимаках. Приведем ее в переводе В. В. Бартольда. "Шад однажды стоял на берегу Иртыша со своим народом; послышался голос: "Шад! Видел ли ты меня в воде?" Шад ничего не увидел, кроме волоса, плававшего на поверхности воды; он привязал лошадь, вошел в воду и схватил волос; оказалось, что это была его жена Хатун. Он спросил ее: "Как ты упала?" Она ответила: "Крокодил схватил меня с берега реки". (Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: "Река — бог кимаков"). Шаду дали прозвище Тутук, что значит: "Он услышал голос, вошел в воду и не испугался"⁴³. В этой легенде наряду с указанием на то, что женой Шада оказался плававший на поверхности воды волос, интересным для нас является упоминание об обожествлении кимаками реки, в связи с чем, видимо, появляется и запрет входить в воду, что должно навлечь на преступившего запрет беду. Следствием этого явилась водобоязнь, что ясно видно из слов: "...вошел в воду и не испугался". Подобные представления характерны и для монголов, у которых существовали запрет и боязнь

⁴³ Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. // Зап. Имп. АН по ист.-фиол. отделению. Т. 1. № 4. С. 106. Указанием на эту легенду мы обязаны Ю. А. Зуеву.

входить в воду. Запрет этот был подтвержден и в ясе Чингиз-хана. Имеются и другие объяснения этого запрета⁴⁴.

Интересным является также и то, что, например, по варианту сказки, опубликованному Н. Н. Пантусовым, Чин Тёмюр-батур жил в Кульдже, лечил глаза в Алтун-Арашане и вернул себе зрение благодаря яблоку из Алматы, присланному ему Махтум-сулой. Таким образом, и сказочная география позволяет вполне определенно локализовать район, в котором жил Чин Тёмюр-батур, — это Илийский край Синьцзяна. По китайским источникам известно⁴⁵, что Вайс-хан перенес свою ставку на берега Или в город Или-балык, что опять-таки очень хорошо гармонирует с данными сказки. Любопытно, что в уйгурских сказках обычно отсутствует указание на место, где развиваются излагаемые события. В этом отношении сказка о Чин Тёмюр-батуре представляет собой редкое исключение, которое несомненно указывает, что сюжет ее имеет подлинную историческую основу, а герои ее — конкретные исторические лица, действовавшие в определенном географическом районе.

Таким образом, заключая все вышесказанное, можно сказать, что ничто не препятствует нам в попытке идентифицировать Чин Тёмюр-батура с Вайс-ханом, а Махтум-сулу — с Махтум-ханом.

---

⁴⁴ Вернадский Г. В. О составе великой ясы Чингис-хана. С. 23–24; Spuler Bertold. Die Mongolen in Iran. S. 172–173. По-видимому, запрет этот связан с древнейшими представлениями шаманистов о реке, как о дороге, связывающей верхний, средний и нижний миры и доходящей до подземного мира. Эти представления восходят в свою очередь к более древним анимистическим представлениям о родовой реке. По поверьям шаманистов, хозяйка реки, которую можно видеть расчесывающей свои золотые или рыжие волосы над водой или плывущей на льдине, наказывает потревожившего ее тем, что уносит его душу. Обычно это происходит в том случае, когда неосторожный берет в руки гребень хозяйки реки, который становится невидимым для его глаз // Шорский фольклор / Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н. П. Дыренковой. М.; Л., 1940. С. 271, 273.

⁴⁵ Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. 2. P. 241.

Наоборот, всесторонний анализ подтверждает эту мысль. Однако здесь встает вопрос о сказочном имени Вайс-хана. Если идентифицировать имя Махтум-ханым с именем Махтум-сулы не представляет никакой трудности, ввиду того, что прибавленное к имени Махтум слово “сула”⁴⁶ является монгольским и означает “красивая, красавица” и было, видимо, присоединено к этому имени калмаками, а может быть, еще и монголами (могулами. — Ю. Б.) Вайс-хана вместо официального “ханым”, то не так обстоит с именем Чин Тёмюр-батура. Тем не менее и в этом не может быть ничего удивительного. Имя Чин Тёмюр не было редкостью среди монголов. Так звали одного из родственников⁴⁷ и одного из эмиров⁴⁸ Чингиз-хана; это имя носил пра-правнук Вайс-хана⁴⁹, впоследствии прославившийся как один из полководцев

⁴⁶ Заимствованное тюркскими языками из монгольского, это слово имеется в казахском *сулу*, киргизском *сулуу* и некоторых других. В современном уйгурском языке оно не употребляется. В других тюркских языках оно употребляется в прямом значении и в качестве составной части женских собственных имен. В казахском эпосе есть даже героиня по имени Мақтым-сулу, или Ару-Мақтым, но между ней и Махтум-сулой ничего общего нет. См.:

باترلار. ايكنچى بولم. نارك اوغلى چورا. ابوبكر ديوايفدك جيناغان سوزدهرى. قازاق قر غز بلم قومىسياسى، توركستان ريسپوبليكاسينك باسباسوز چقارووچى ماحكاماسى. تاجكند، 1922 ج. 16—19 ب.;

Nərik ul' Cora. Batorylar urylarghnyň syjnaoň, ekinçi syjnaoň, syjnaoň Saduvaqas Sejpolla ul' (Səken). Qazaqystan baspasy, 1934. 47—49 б. Указанием на этот факт мы обязаны К. Жунисбаеву.

⁴⁷ *Рашид ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. вторая / Перевод с перс. О. И. Смирновой. М.; Л., 1952. С. 59.

⁴⁸ *Рашид ад-дин*. Указ. соч. С. 200; The History of the World-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini translated from the text of Mirza Muhammad Qazvini by John Andrew Boyle, Ph. D. Manchester University Press, 1958. Vol. 1. P. XVII, 88—89; Vol. 2. P. 460, 491—498, 532—534; Spuler Bertold. Die Mongolen in Iran. S. 38—39, 48.

⁴⁹ Тарих-и Рашиди: Рук. ЛФ ИВ РАН. Д 71; Бабур-наме. Записки Бабур / Перевод М. Салье. Ташкент, 1958. Л. 200б, 263б, 266а, 296б, 305а, 319б и др. В одной из рукописей имя правнука Вайс-хана приводится в форме Тёмюр Чин (рук. ЛФ ИВ РАН. В 745. Л. 146б). Можно было бы предположить, что “Чин Тёмюр” на основании народной

Захир ад-Дин Мухаммад Бабура в Индии. Однако ни одну из этих личностей сопоставить со сказочным Чин Тёмюр-батыром не представляется возможным. Вероятно, что в данном случае “Чин Тёмюр” является вторым именем Вайс-хана, которое он получил при рождении вместе со своим мусульманским именем. Может, это было его почетное имя, полученное им за его воинскую доблесть еще при жизни⁵⁰. Допустимо также, что это имя было ему присвоено впоследствии, когда предания о его делах стали перерастать в волшебную сказку, чему способствовало стремление и рассказчиков, и слушателей отразить в имени характерные черты своего любимого героя. Последнее предположение поддерживается таким интересным фактом. В работе С. Е. Малова

этимологии выведено из “Темучин”, что также легко согласуется с фактами фонетики уйгурского языка: *темучин* > *тэмүчин* > *тэмү(р)чин* > *тэмүр чин* с последующим “восстановлением правильного порядка” слов *чин тэмүр*, так как *чин* здесь могло быть воспринято как определение к *тэмүр*. Такая гипотеза легко может привести на мысль, что в образе Чин Тёмюра выведен Чингиз-хан. Но сопоставление фактов из жизни Чингиз-хана и Чин Тёмюр-батыра показывает, что отождествление этих личностей не представляется возможным. Скорее, здесь имел место обратный процесс, и имя Чин Тёмюр было превращено в Тёмюр Чин (*Тэмү(р)чин*). Из письменных источников известно, что эти имена употреблялись независимо друг от друга в одну и ту же историческую эпоху.

⁵⁰ Имя Чин Тёмюр-батур состоит из слов *чин* — настоящий, подлинный, *тэмүр* — железо и *батур* — богатырь, герой и может быть переведено как “настоящий железный богатырь”.

В персоязычном историческом сочинении о ханах Могулистана (и Могулии. — Ю. Б.) Шах Махмуд ибн Мирза Фазил чораса, хранящемся в Государственной публичной библиотеке в Москве, приводятся несколько фактов, когда некоторые из родственников Вайс-хана имели по два имени. Так, внук Вайс-хана Султан Ахмад-хан был прозван калмаками *алачи* “убийца” (л. 146); под этим именем он фигурирует у многих историков той эпохи. Четвертый сын Абд ар-Рашид-хана Султан Ибрахим за свою религиозность получил второе имя — Суфи Султан (л. 47а). Сын Шах Шуджа ад-Дин Ахмад-хана Зия ад-Дин Ахмад Султан получил имя Тёмюр Султан (л. 55а, 56а); другой его сын Абд ал-Латиф-хан — имя Аппак-хан (л. 60б). Старший сын Тёмюр Султана Султан Ахмад-хан получил второе имя Фулат-хан, младший сын Султан Махмуд-хан — имя Кылыч-хан (л. 59а).

“Уйгурский язык” имеется сказка, названная по имени ее главного героя “Арпаган-богатырь (Арпаган-батур)”⁵¹. Однако по содержанию она полностью совпадает⁵² с первым эпизодом сказки о Чин Тёмюр-батуре и Махтум-суле. Таким образом, один и тот же герой в двух вариантах одной и той же сказки носит различные имена. Это не может не свидетельствовать в пользу того, что оба имени этого героя могли быть присвоены ему впоследствии. Когда подлинное, но ничего не говорящее тюркоязычному слушателю имя Вайс-хана и реальные факты его жизни стали забываться, оно могло быть заменено именем идеального героя-богатыря. В разных местностях оно могло быть особым. Следует отметить также, что в сказке о Чин Тёмюр-батуре и Махтум-суле основным персонажем является Махтум-сула со всеми выпавшими на ее долю злоключениями, а Чин Тёмюр-батур предстает в образе идеального, но схематичного, а потому и второстепенного, защитника-брата, героя-богатыря. Поэтому образ Вайс-хана и обнаруживает тенденцию к большему изменению в сравнении с образом Махтум-сулы. Возможно, что в образе Чин Тёмюр-батура произошла контаминация образов Вайс-хана и какого-то древнего сказочного богатыря. Как уже было сказано выше, сходное с именем Чин Тёмюр-батура имеет имя сын неба в тувинском фольклоре — Темир-мёге⁵³. Тувинское *мёге* соответствует уйгурскому *бөкә* со значением “силач, борец”. *Бөкә* вполне могло быть заменено словом *батур*, более точно характеризующим качества героя.

Интересным является также и то, что в сказке не нашли отражения события из жизни Вайс-хана периода его борьбы с дядей. Там, где следовало бы ожидать повествования о перипетиях его скитальческой жизни и схваток с Шир Мухаммад-

⁵¹ Малов С. Е. Уйгурский язык. С. 94—95.

⁵² В тексте этой сказки слово *серкә* ошибочно переведено как “спички”. В действительности это слово означает “гнида”. В данном случае, видимо, произошло смешение слов *сиркә* “гнида” и *сәрәңгә* “спички” из русского *серянки*.

⁵³ См.: Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос: (Опыт историко-этнографического анализа). М., 1960. С. 11, 14, 18, 22.

ханом, мы находим описание его борьбы с Ялькюнтюз — картину весьма красочную, но совершенно нейтральную в смысле показа противостоящих друг другу реальных сил. Можно думать, что причина этого кроется в невозможности передачи подлинных событий, так как правящая династия не могла допустить распространения порочащих ее рассказов о распрях между ее членами, в основе которых крылись не столь уж возвышенные мотивы. Последнее предположение может также послужить объяснением причины замены имени Вайс-хана и выдвижения в центр повествования в качестве главного героя Махтум-ханом.

Весьма интересным является то обстоятельство, что, несмотря на свою широчайшую распространенность среди уйгурского народа, сказка о Чин Тёмюр-батуре в различных уголках Синьцзяна записывалась в мало отличных один от другого вариантах. Видно, была какая-то традиция, которая и поддерживала стандарт этой сказки. Возможно, что в данном случае это была устная традиция уйгурских сказителей — маддахов-маддалов, заучивавших наизусть много различных текстов и затем распространявших их в существенно не отличающихся один от другого вариантах. Но скорее всего существовал письменный вариант сказания о Вайс-хане — Чин Тёмюр-батуре наподобие широко распространенных на мусульманском востоке “тазкира” — своеобразных житий святых, заключающих в себе наряду с ценным фактическим материалом по истории описание различных чудес, приписываемых различным религиозным деятелям, позднее возведенным в ранг святых⁵⁴.

⁵⁴ В этом отношении любопытно сочинение “Тазкира-йи Мавлана Арш ад-Дин”, рукопись которого хранится в ЛФ ИВ РАН под шифром С 558. В этом сочинении Вайс-хан выводится как пьяница и развратник, что может быть понято, если вспомнить, что он был мюридом-накшбандийцем, в то время как Мавлана Арш ад-Дин — внук Имама Абу Хифз Кубра Бухари — был в Могулистане духовным руководителем последователей ордена кубрави (л. 546—566); несомненно, что в этом факте отразилось соперничество этих двух орденов. В этом сочинении в числе сыновей Туглук-Тимура называется Чин Тёмюр, что никакими другими

Вайс-хан был ревнителем ислама, он был мюридом-накшбандийцем⁵⁵, что проливает свет на то, почему его личность и приобрела под именем Чин Тёмюр-батура такую широкую популярность в среде уйгурского народа, так как несомненно, что когда в XVII в. уйгурам Синьцзяна под руководством ходжей — потомков пророка Мухаммада и руководителей ордена накшбандийца пришлось вступить в борьбу с калмаками, то личность его была окружена ореолом святости и рассказы о его жизни и деяниях, по-видимому, широко бытовавшие в народе еще при его жизни и сразу после его смерти, были переработаны не без участия духовенства в духе требований нового времени и использовались как средство разжигания религиозного фанатизма, направленного на борьбу с “неверными” калмаками. Этим легко объясняется наличие в сказке религиозных моментов, в частности трактовка борьбы Чин Тёмюр-батура с калмаками, как борьбы мусульманина с неверными.

Если предположение о тождестве личностей Вайс-хана и Чин Тёмюр-батура, с одной стороны, и Махтум-ханым и Махтум-сулы — с другой, является верным, то можно считать доказанным наличие в уйгурском сказочном эпосе исторической сказки, существование которой ранее подвергалось сомнению.

Жанровое своеобразие этих сказок состоит в том, что они сохранили в себе очень мало конкретно-исторического материала и собственных имен подлинных исторических личностей и почти целиком превратились в волшебные сказки. Однако тщательный анализ с использованием данных истории, этнографии, ономастики, топонимики и других наук позволяет выявить реальные факты, лежащие в основе таких сказок, и освободить их содержание от позднейших наслоений.

источниками не подтверждается, а потому должно быть признано не соответствующим действительности (л. 33а, 34б и др.). В этом тазкира много анахронизмов. Так, во сне Джалал ад-Дину Бухари является среди прочих лиц Махдум-и Азам, живший значительно позже этого сына Имама Абу Хифз Кубра Бухари (л. 20а). Указанием на наличие у Туглук-Тимура сына по имени Чин Тёмюр мы обязаны Х. Вахидову.

⁵⁵ Тарих-и Рашиди: Рук. ЛФ ИВ РАН. Д 71. С. 61.

Рецензия на “Описание уйгурских рукописей...” А. М. Мугинова

Выход в свет работы А. М. Мугинова является большим событием в уйгуристике. Ее по праву можно назвать первым научным описанием значительного собрания рукописей из Восточного Туркестана. Имевшиеся до сих пор сообщения о коллекциях рукописей из Синьцзяна представляли собой лишь списки названий сочинений с указанием имен авторов при почти полном отсутствии каких-либо дополнительных сведений². “Каталог рукописей уйгурской классической литературы” Юсупбека Мухлисова³ также составлен неудовлетворительно и лишен научной основы.

¹ Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии АН СССР. ИНА. М., 1962. — 206 с.

² Залеман К. Г. Рукописи Я. Я. Лютша // Известия Имп. АН. Спб., 1898. Т. 8. С. XVI—XIX; Он же. Мусульманские рукописи, вновь поступившие в Азиатский Музей в 1909—1910 гг. // ИАН. Серия 6. Т. 5. 1911. С. 251—263; Hartmann M. Die osttürkischen Handschriften der Sammlung Hartmann. Sonderabdruck aus den Mitteilungen des Seminars für orientalischen Sprachen zu Berlin. Jahrg. VII, Abt. 2, Westasiatische Studien. Berlin, 1904.

³ ئۇيغۇر كلاسسىك ئەدىبىياتى قوليازمىلىرىنىڭ كاتالوگى. 1. شىنجاڭ يەرلىك مۇزىيىغا تەييارلىق كۆرۈش باشقارمىسى، [اۋرۇمچى]، 1957 — يىل، ماى، تۈزگۈچى

В “Описании...” даются сведения по 359 сочинениям в основном из коллекций Я. Я. Лютша, Н. Ф. Петровского, С. Ф. Ольденбурга, Н. Н. Пантусова и некоторых других лиц. Издание снабжено предисловием, списком сокращений, списком сочинений, указателями — предметным, двумя именованными, географических названий, тремя хронологическими — и конкордансом шифров рукописей и номеров описаний. “При описании рукописей за основу взяты схемы, выработанные в ЛО ИНА АН СССР для описания персидских и таджикских рукописей, и памятка для составителей каталога-списка тюркских рукописей”⁴. Сводная схема дается в предисловии (с. 4–5). “Описание...” составлено большим знатоком тюркских, персидского и арабского языков, известным рядом своих статей, в которых глубоко и тонко анализируется ряд малоизвестных восточных сочинений. Оно в основном отвечает предъявляемым к подобного рода изданиям требованиям, что в целом позволяет оценить работу как выполненную на высоком научном уровне. Тем не менее “Описание...” не лишено и некоторых недостатков, которые могут быть сведены в следующие группы:

I. Термин “уйгурский”, введенный в название “Описания...”, “применяется условно для обозначения места происхождения рукописей” (с. 3), что вряд ли оправдано, так как в число описываемых сочинений входят произведения и переводы среднеазиатских авторов, которые пользовались тем же литературным языком, что и восточнотуркестанские писатели. В тексте самого описания языковая принадлежность сочинений определяется по-разному — “тюркский язык” (с. 18, 37), “турецкое стихотворение” (с. 21), “кашгарский язык” (с. 17), “кашгарский диалект” (с. 88), “кашгарское наречие” (с. 17), “кашгарские народные песни” (с. 24), “уйгурские рукописи” (с. 3),

. يزسؤپبكم مؤخلصو و. См. нашу рецензию в “Вопросах истории Казахстана и Восточного Туркестана” / Тр. Ин-та ИАЭ им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР. Т. 15. Алма-Ата, 1962. С. 197–206.

⁴ Мутнинов А. М. Указ соч. С. 4. Далее ссылки на номера страниц и описаний даются в тексте рецензии.

"несколько стихов на уйгурском языке" (с. 36), "по-уйгурски" (с. 117). Язык этот было бы, по-видимому, более правильным определить как староуйгурский в отношении тех произведений, которые были написаны в Восточном Туркестане.

II. Автор сообщает в предисловии, что "после распада монгольской империи в Восточном Туркестане утвердилась власть потомков сына Чингиз-хана Чагатая, которых восточные историки называли обычно "могульскими" ханами, а страну их со столицей в Яркенде — Могулистаном" (с. 4). Это утверждение содержит несколько фактических неточностей.

Во-первых, Яркенд, как и вся Кашгария, не входил в состав Могулистана. Кашгария находилась поначалу во владении эмиров могульского племени доглат, подчинявшихся в качестве вассалов чагатаидам Могулистана. До XVI в. в источниках эта страна именовалась Манглай-Субэ.

Во-вторых, Яркенд первоначально (в XV в.) стал столицей доглатов и лишь в начале XVI в. — столицей нового государства чагатаидских ханов, вытесненных из Могулистана и Средней Азии и отобравших Кашгарию у доглатских эмиров.

В-третьих, это новое государство, основателем которого был Султан Саид-хан (умер в 1533 г.), получило в источниках название Могулии⁵. В представлении восточнотуркестанских авторов в состав Могулии включалась не только собственно Кашгария, но и самостоятельное государство ханов-чагатаидов в Турфане и Чальше (Карашар). В состав последнего входил и Комул. Куча и Бай, составлявшие обычно особую административную единицу и входившие большей частью в состав яркендского государства, в некоторые периоды отлагались и представляли собой независимое владение.

⁵ تاريخ شاه محمود بن ميرزا فاضل جراس: Рукопись Гос. библиотеки РФ (Москва). Л. 796, 85а; تاريخ كاشغر: Рукопись ЛФ ИВ РАН. С 576. Л. 69а, 756, 976; هدايت نامه. ميرخال الدين كاتب بن مولانا قاضي شاه كوجك الياركندى: Рукопись Ин-та востоковедения АН РУз. № 1682. Л. 13а, 446, 716, 77а6, 996, 101а, 1106, 1116, 2176.

Европейская историографическая традиция не делала разницы между Могулистаном и Могулией; наименование Могулии, этого государственного образования, фактически разделенного на две независимые части, объединявшиеся только на короткие периоды, но номинально, в глазах современников, представлявшихся единым, ускользнуло от исследователей, в том числе и от В. В. Бартольда, брошюра которого “Очерк истории Семиречья” до сих пор является основным пособием по истории этого района.

Насколько позволяют судить источники, содержание, вкладываемое европейскими исследователями в термин *Восточный Туркестан*, и содержание термина *Могулия* в этно-территориальном отношении являются адекватными. В XVIII в., по-видимому, в связи с ослаблением и последующей ликвидацией в Восточном Туркестане ханской власти в местных сочинениях для обозначения страны на смену термину *Могулия* приходят наименования по числу городов, которые какое-то время сосуществуют с более ранними названиями. В “Ислам-наме” (№ 9–10) Восточный Туркестан именуется “Пятиградьем” (بش شهر) и “Шестиградьем” (التي شهر). В “Тазкира-йи азизан” (№ 102, 103, 129–133) он именуется “Четырехградьем” (تورت شهر) и “Семиградьем” (یتی شهر). В китайских сочинениях применялось название “Восьмиградье”, которое проникало и в сочинения уйгурских авторов. Эти названия, по-видимому, были вызваны к жизни сознательной политической тенденцией в период господства ходжей (конец XVII — первая половина XVIII в.), которая имела целью вытравить из памяти местного населения воспоминания о политическом господстве могулов.

В-четвертых, Могулистан в территориальном отношении, как это зафиксировал Мирза Мухаммад Хайдар доглат в “Тарих-и Рашиди”, включал в себя обширную страну, ограниченную Сырдарьей, Сары-Су, Балхашом, Иртышом и южными склонами Центрального Тянь-Шаня. Примерно в таком объеме он и предстает в источниках XIV—XV вв. Ошибочное мнение о вхождении Кашгарии в состав Могулистана вызвано тем, что Мухаммад Хайдар называет южными границами Могулистана Кашгар и другие города

Восточного Туркестана. Однако это сообщение Мухаммад Хайдара говорит о Кашгаре и других городах как о владениях, с которыми Могулистан граничил, но которые в его состав не входили. Конкретное применение термина *Могулистан* в "Тарих-и Рашиди" и других сочинениях не оставляет в этом никакого сомнения.

В представлении позднейших восточнотуркестанских авторов Могулистан фактически ограничивается территорией современной Киргизии и Илийского края. Что же касается авторов из Мавераннахра, то также и для них Могулистан в XVI и позднейших веках начинает терять свои четкие границы. Например, автор XVI в. Зайн ад-Дин Васифи территорию Киргизии, включающую Иссык-Куль, именует Казахстаном⁶. Это, вероятно, наиболее раннее употребление названного термина в восточных источниках. Его применение имеет под собой то основание, что именно на территории Киргизии на Чу и Таласе первоначально сложилась и затем развивалась собственно казахская государственность на этнической основе окончательно формировавшихся в этот период казахской и киргизской народностей, связанных политическим союзом⁷.

---

⁶ Зайн ад-Дин Васифи. Бадаи ал-вакаи / Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева. М., 1961. Т. 2. Л. 2196 (с. 1314).

⁷ Во взаимном расположении казахских жузов, видимо, зафиксирована последовательность распространения власти казахских ханов на территории Казахстана [В своей последней прижизненной публикации В. П. Юдин уточнил высказанную выше мысль: "Во взаимном расположении казахских жузов, видимо, зафиксирована последовательность распространения власти казахских ханов на территории Казахстана..." Отметив, что допустил здесь "неточную формулировку", он писал: "Мы и сейчас полагаем, что, возможно, временное возникновение Старшего, Среднего и Младшего жузов имело такую последовательность, но главным в том, почему они были Старшим, Средним и Младшим, было их властно-политическое ранжирование". См.: Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 140. Прим. 57. — Ю. Б.]: в Семиречье — Старший жуз, на территории бывшей Ак-Орды — Средний жуз и на территории бывшей ногайской (мангытской) орды — Младший жуз. Сама же необходимость деления на жузы, по-видимому, как на это указывалось и ранее, диктовалась хозяйственно-экономическим

Таким образом, уже в XVI в. представление о Могулистане принимает в известном смысле характер анахронизма, а могульские племена, значительная часть которых, несомненно, осталась на своих территориях, вошли в состав казахской (доглаты-дулаты, канглы-бекчики⁸, кераиты-кереи) и киргизской (булгачи и др.) народностей; киргизы, согласно сообщению Мирза Мухаммад Хайдар доглата, не составляли особой народности, а были частью могулов. Единство киргизов оформилось и они обособились на религиозной основе и в результате отказа признавать власть могульских ханов-чагатаидов — потомков Туглук-Тимур-хана.

районированием Казахстана, базирующемся на географо-климатических признаках. Термин *жуз* обладает значительной древностью: этим термином обозначалась Ак-Орда, которая именовалась также и Юз-Орда (каз. *Жуз-Орда*), о чем сообщает Махмуд бен Вали в "Бахр ал-асрар". См.: Бартольд В. Отчет о командировке в Туркестан // ЗВО ИРАО. Т. 15. Вып. 2—3. Спб., 1904. С. 256. Неизвестно, в какой связи с термином Старший жуз находится наименование ставки первых потомков Чагатая, располагавшейся в долине р. Или и именовавшейся Улуг-Иф — Старший Дом. См.: Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. The History of the World-Conqueror, translated from the text of Mirza Muhammad Qazvini by John Andrew Boyle. Manchester University Press, 1958. V. II. P. 504, 507, 536, 538, 563, 586, 612. Вопрос этот требует специального исследования.

⁸ Известно, что имя Бекчик носило одно из лиц, помогавших Туглук-Тимур-хану на его пути из Страны Калмаков в Аксу в Восточном Туркестане. Бекчик был родоначальником эмиров племени *бекчик*, до того неизвестного. Мирза Мухаммад Хайдар сообщает, что Бекчик владел аймаком *канглы*. См.: A History of the Moghuls of Central Asia, being the Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, dughlat. An English version, edited, with commentary, notes and map by N. Elias. The Translation by E. Denison Ross. London, 1898. Part 1. P. 16. Однако в позднейшее время *канглы* в этом районе исчезают, а вместо них в источниках фигурирует племя *бекчик*. Можно сделать вывод, что под названием *бекчик* скрываются *канглы*. По нашим наблюдениям, в XIV—XV вв. такому переименованию подверглись и некоторые другие племена. Мы считаем, что родоплеменной состав казахов Старшего жуза формировался в основном за счет могульских племен и родов Могулистана, которые были давними насельниками Семиречья, а по языку — тюрками, в культурном и хозяйственном отношении очень близкими к казахам.

III. Неточно утверждение, что ходжи в Синьцзяне "некоторое время (1826—1857 гг.) удерживали власть в своих руках" (с. 4). За эти годы потомки белогорских ходжей несколько раз предпринимали вторжения из Средней Азии в Кашгарию, которые сопровождались восстаниями местного населения. Однако они всякий раз бывали разбиты, и в Синьцзяне восставлялась власть маньчжурских императоров.

IV. В "Описание..." включены не все сочинения из Восточного Туркестана, имеющиеся в ЛО ИНА АН СССР, например, не вошло сочинение Мухаммад Салиха Йарканди *غزات المسلمين* (шифр В 3980).

V. Не всегда указываются имеющиеся описания и переводы сочинений. Так, описания № 13, 27, 157 дал К. А. Усманов, № 27, 40а, 41, 157 — Д. И. Тихонов, переводы и пересказы № 102, 103, 129—133 — Ч. Ч. Валиханов, N. Elias и M. Hartmann, № 45, 48, 54, 66 — F. Grenard⁹.

VI. Не всегда в прикладываемой к описанию литературе с пометой *уп. рук.* описываемая рукопись действительно упоминается: сочинение "Ислам-наме" (№ 9 и 10) в работах В. В. Григорьева и В. В. Бартольда не упоминается.

VII. Сочинения, описанные под № 91, 92—99, 100—101, 125, 126, 127—128, и некоторые другие являются не самостоятельными произведениями, а переводами глав из персоязычного

⁹ Усманов К. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне // Вопросы истории. 1947. № 2. С. 87—89; Тихонов Д. И. Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в. // Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР. 1954. Т. 9. С. 146—174; Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. Алма-Ата, 1962. С. 265—412; The History of the Khojas of Eastern Turkistan summarised from the Tazkira-i-Khwajagan of Muhammad Sadiq Kashghari by the Late Robert Barkley Shaw, edited with introduction and notes by N. Elias. Supplement to the Journal of the Asiatic Society of Bengal. LXVI. P. 1. Calcutta, 1897; Hartmann M. Ein Heiligenstaat im Islam. Das Ende der Caghataiden und die Herrschaft der Choğas in Kaşgarien // Der Islamische Orient. Bd. 6—10. Berlin. 1905; Dutreuil de Rhins J.-L. Mission scientifique dans la Haute Asie, 1890—1895. Troisième partie. Histoire — linguistique — archéologie — géographie — par F. Grenard. Paris, 1898.

сочинения Мухаммад Шарифа “Тазкира-йи Бугра-хан”, перевод которых на староуйгурский язык охарактеризован в “Описании...” под номером 81.

VIII. Не всегда сообщается литература, в которой содержатся сведения об авторах или названных в описаниях лицах. Например, сведения об авторе сочинения № 21 содержатся в “*Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan aus dem Nachlass von N. Th. Katanov, herausgegeben von Dr. Karl Menges*”. Berlin, II, 1943; автору “Тазкира-йи Бугра-хан” (№ 81) Мухаммад Шарифу посвящено особое тазкира (см. № 105 и 106 настоящего “Описания...”); сведения о Маулана Арш ад-Дин Вали, которому посвящены тазкира № 134—140, содержатся в “Тарих-и Рашиди” Мухаммад Хайдара, откуда они были заимствованы в другие сочинения.

IX. Не всегда правильно определяется время написания сочинения. Так, сочинение “Амир-и Али” (№ 19 и 20) написано не в 1863—1864 г., а после 1870 г., в котором состоялся описываемый в сочинении поход Якуб-бека против дунган. Неверная дата определена по дате на печати в сочинении. Однако известно, что печати служат в течение нескольких лет и оттиски их для точного определения дат не годятся.

X. Непонятно, почему “Тарих-и Рашиди” согласно “Описанию...” состоит из четырех частей. Известно, что это сочинение состоит из двух частей, из которых вторая была написана ранее первой.

XI. Описания сочинений иногда дают ошибочные сведения. Например, описание “Ислам-наме” (№ 9—10) содержит ряд фактических неточностей. Автор сочинения родился в Лукчуне не под Турфаном, а под Уч-Турфаном, который в сочинении называется Турфаном. Пир-и Камил уехал не в Кашгар, а из Кашгара в горы. В выражении “семнадцать шахзаде” числительным “семнадцать” переведено уйгурское *اون يىти* *ун йәтти*, что буквально значит “голос достиг”. Написанные арабскими буквами, эти два выражения представляют собой омографы. Под “Шира” имеется в виду “престол”. Следовательно, нужно говорить не о возвращении Давази в “Шира”, а о его повторном восшествии на

трон, так как слово *ширә* имеет в тюркских и монгольских языках именно значение "стол, престол". Стихи, приложенные к "Ислам-наме" и названные касыдами, в действительности являются мухаммасами. Сомнение вызывает и датировка написания "Ислам-наме" 1767 г. Скорее всего, это сочинение было написано во второй половине 1756 г.

Рукопись "Тарих-и джарида-йи джадида" (№ 28) является копией с издания этого сочинения в Казани в 1889 г., что необходимо было оговорить. За это говорят ошибки гаплографического характера в тексте грамоты Абу-л-Музаффар Султан Мансур-хана в рукописи. Кстати, в текст сочинения включены не две, а четыре грамоты.

Неточно охарактеризовано содержание сочинения¹⁰, описанного под № 13. В действительности в рукописи С 584 переписаны не одно, а четыре различных сочинения, два из которых на персидском языке, а два на староуйгурском. Введение первого из сочинений на староуйгурском языке написано на арабском языке. Первое из персоязычных сочинений называется не "Рашид-наме", а "Рашид ад-Дин-наме".

Восстание в Кашгарии, являющееся темой сочинения № 40а, окончилось не в 1894 г., а в 1878 г. вместе с разгромом государства Якуб-бека.

Тахаллус переводчика "Кабус-наме" (№ 148) не Рашиди, а Рушди.

В сочинении № 105 не говорится о том, что Сайрам, в котором родился Мухаммад Шариф, находился в области Аксу. Речь идет, несомненно, о Сайраме в Средней Азии, так как Сайрам в области Аксу в Кашгарии возник значительно позже. Об этом см. рукопись "Тарих-и амнийя" (№ 27 настоящего "Описания...", с. 513–515).

¹⁰ См. о нем.: Юдин В. П. Некоторые источники по истории восстания 1864 г. в Синьцзяне // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана / Тр. Ин-та ИАЭ им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР. Т. 15. Алма-Ата, 1962. С. 171–196.

К сочинению № 129 приложен не мунаджат, а две газели — Джахан-ходжи (Арши) и Наубати.

Выражение تذكره جهان، переведенное в описании сочинения № 103 как “история мира”, следует переводить как “Жизнеописание Джахана”, что является третьим названием этого сочинения, известного как “Тазкира-йи ходжаган” и “Тазкира-йи азизан”. Это сочинение в действительности посвящено описанию деятельности Ходжа Джахан-ходжи — черноморского лидера середины XVIII в. В научной литературе распространено неправильное мнение, что это сочинение описывает прежде всего жизнь и деятельность Аппак-ходжи.

Имеются неточности в описании сочинения Низари غریبار حایاتی (№ 348). Само название следует переводить не как “Рассказы о чудесах”, а как “Рассказы о страждущих” или “Рассказы о несчастных”. Путешествие по городам Средней Азии и Казахстана совершил не сам автор, а Зохур ад-Дин-бек — хаким Кашгара, которому посвящено и по заказу которого было написано сочинение. Путешествие было вынужденным, так как бек был изгнан из Кашгара после захвата города повстанцами Йусуф-ходжи в 1830 г., когда был убит отец этого бека, также хаким Кашгара. К. Г. Залеман потому называет автором этого сочинения Гариби, что в конце некоторых дастанов приводится наряду с именем Низари также и имя Гариби, а иногда и Зийан. Повидимому, эти три лица работали в творческом содружестве, о чем говорит и сам Низари (№ 348, л. 2746).

Необходимо было сказать, что сочинение جمع التواریح (№ 157) состоит из двух частей, названных автором дастанами.

Указанные недостатки, практически неизбежные при выполнении столь сложной работы, не снижают ценности “Описания...”, которое, как сказано выше, является первым научным описанием значительного собрания рукописей из Восточного Туркестана. Благодаря “Описанию...” это ценное собрание рукописей теперь становится доступным для специалистов.

Рецензия на “Государство кочевых узбеков” Б. А. Ахмедова

Исследование Б. А. Ахмедова — первая попытка систематического научного изучения исторического пути узбеков Восточного Дашт-и Кипчака XV в. Основная трудность в изучении этой проблемы — малочисленность известий, рассеянных к тому же по целому ряду восточных нарративных источников. Автор исследования сумел собрать основной комплекс этих известий.

История узбеков Дашт-и Кипчака — это история казахов и части современных узбеков. Сказанное поясняет важность этой проблемы и тот интерес, который возбуждает работа Б. А. Ахмедова у историков Казахстана и Узбекистана.

Оценивая в целом работу положительно, следует тем не менее сказать, что она не лишена и недостатков, иногда серьезных.

I. Обзор источников показывает, что автором учтены не все материалы. Неиспользованными остались такие сочинения, как “Фатх-наме” Шади и “Сборник летописей” Кадир-Али

---

¹ Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. АН СССР, ИНА, АН УзССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, главная редакция восточной литературы, 1965. — 191 с.

Хушум-оглы джалаира. Утверждение автора о том, что “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” — единственный тюркоязычный источник (с. 18), неточное, так как и “Сборник летописей”, и “Шайбани-наме” Мухаммад Салиха, и “Шаджара-йи турк ва могул” Абу-л-Гази написаны на тюркском языке. Мнение В. В. Бартольда, поддержанное Б. А. Ахмедовым (с. 20), о том, что “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”, “Фатх-наме” и “Шайбани-наме” Мухаммад Салиха в основе имеют один первоисточник — официальную историю шайбанидов, должно быть отвергнуто, так как таким источником следует признать именно “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”. Некоторые особенности орфографии этого памятника говорят о том, что, вероятно, поначалу он был написан на уйгурском алфавите. Можно считать установленным, что автором этого сочинения был Мухаммад Шайбани-хан. “Шайбани-наме” (“Шайбаниада”) неизвестного автора не является особым сочинением, а есть все то же “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”. Его отличие от последнего заключается лишь в том, что неизвестное лицо продолжило текст до времени гибели Мухаммад Шайбани-хана. Утверждение, что “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” написано на староузбекском языке, неточно, так как в языке этого сочинения преобладают кыпчакские элементы, что позволяет назвать язык этого сочинения староузбекским в том смысле, что это письменный язык узбеков Дашт-и Кипчака, т. е. оно должно быть признано памятником, фиксирующим черты языка того этнического коллектива, фактическим преемником которого являются современные казахи. Староузбекский язык формировался на иной диалектной основе. Хотя он и включил в себя некоторое количество кыпчакских элементов, но они не послужили его основой. Если исходить из вышесказанного, то язык этого сочинения можно определить как староказахский.

Б. А. Ахмедов, вслед за многими исследователями, переоценивает значение труда Бинаи “Шайбани-наме” как первоисточника. Это сочинение фактически является переложением на персидский язык “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”. Чтобы

не быть голословными, приведем один пример из "Таварих-и гузида-йи нусрат-наме".

اول عصردا ابوالخير خان نينك يورتيغه غنيم لار پيدا بولنى قصد قيلدیلار بو غنيم لار نينك اتلارى حاجى محمد ترخان نينك اوغلى سيدك ايتاق براق خان نينك اوغلى جانى بيك كراى عرب اوغلى دين بوركه سلطان منكقيت دين عباس بيك وموسى يغمورجى باشليغ لار يغبلب هر طرفدين قصد ايتى لار.²

"В тот век в юрте Абу-л-Хайр-хана появились враги. [Они] покушались [на жизнь Шейх-Хайдар-хана]. Имена этих врагов: сын Хаджи Мухаммад-тархана³ Сайидек [и внук Хаджи Мухаммад-хана, сын Махмудек-хана] Ибак, сыновья Барак-хана Джанибек [и] Кирай, из сыновей Араба Буреке-султан, из мангытов Аббас-бек и Муса [и] Йагмурчи; во главе [с ними враги] собрались [и] покушались [на него] со всех сторон".

В этом отрывке слово *اوغول* *oғул* употреблено не только в прямом значении "сын", но и в значении "потомок". Поскольку в тексте после слова *اوغلى* *oғлы* (букв. "его сын") идет перечисление имен нескольких лиц, то это слово ставится не во множественном числе, а в единственном, что является характерной особенностью морфологии тюркских языков. Помимо этого, между именами, как правило, не ставятся соединительные союзы. По этим причинам пары таких имен, как Сайидек и Ибак, Кирай и Араб, для неискушенного читателя могут превратиться в имена одного лица. А это может повлечь за собой вывод о появлении на исторической арене неизвестных лиц и неправильное определение их родственных отношений. Именно такую ошибку совершил Бинаи в начале XVI в., что совершенно точно говорит о том, что в основе его "Шайбани-наме" лежит "Таварих-и гузида-йи нусрат-наме", а также о том, что тюрки он знал плохо. В "Шайбани-наме" имеется и еще ряд ошибок аналогичного характера. Возможно, это послужило причиной того,

² *تواریخ کزیده نصرت نامه* : Рукопись ЛФ ИВ РАН. В 745. Л. 956 (не 256, как у Б. А. Ахмедова, см. с. 60).

³ *Тархан* дано ошибочно вместо *хан*. Ниже имя Ибак дано нами вместо неправильного в арабском тексте *Итак*.

что в дальнейшем Бинаи написал новое сочинение (“Футухат-и хани”) на тот же сюжет, которое Б. А. Ахмедов считает распространенной редакцией “Шайбани-наме” (с. 23). Уже под влиянием Бинаи ошибку, аналогичную вышеприведенной, в отношении истолкования соответствующего отрывка “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме”, совершают и Б. А. Ахмедов (с. 60), которого, конечно, в поверхностном знании тюркских языков упрекнуть никак нельзя, и А. А. Семенов.

В отношении использования источников Б. А. Ахмедовым можно также заметить, что мимо его внимания прошел сборник материалов, изданный в Казахстане и включающий в себя значительные извлечения из “Михман-наме-йи Бухара”⁴.

II. Невозможно согласиться со следующим утверждением Б. А. Ахмедова: “В начале XVI в. часть вышеуказанных племен (узбеки; узбеган у восточных авторов), сплотившихся вокруг Шайбани-хана, вторглась в Среднюю Азию и обосновались на территории современного Узбекистана. С этого времени термин *узбек* получил этническое значение, и тюркоязычное население всей этой территории приняло имя *узбек*” (с. 17). Термин *узбек* приобрел значение этнонима еще в XIV в. и не в Средней Азии, а в Восточном Дашт-и Кипчаке. Достаточно напомнить широко известное указание Фазлаллаха бен Рузбихана на то, что в состав узбеков входили *мангыты*, *шайбановцы* и *казахи*. Термин *узбек* покрывал три вышеназванных и в этом качестве выступал как объединяющий этноним. Можно утверждать, что он обозначал сложившуюся в Дашт-и Кипчаке народность. Термины *мангыты*, *шайбановцы* и *казахи* обозначали три составные части узбекской народности, разделенные политически. Племена этих трех группировок легко переходили из одной группы в другую, что засвидетельствовано источниками. История исчезновения в Восточном Дашт-и Кипчаке этнонима *узбек* и победы термина *казак* есть история политической борь-

⁴ Прошлое Казахстана в источниках и материалах / Под ред. проф. С. Д. Асфендиарова и проф. П. А. Кунте. Алма-Ата; Москва, 1935.

бы в так называемом Узбекском улусе, т. е. в казахских степях. Шайбаниды, как потомки Абу-л-Хайр-хана, в течение длительного времени господствовавшего в Восточном Дашт-и Кипчаке, претендовали на монопольное обладание именем *узбек*. Им, а также и *мангытам* противостояла группировка племен узбекской народности, обозначенная в качестве политического целого термином *казақ*. Последовательное включение частей группировок *шайбановцев* и *мангытов* в политический организм *казахов* привело к распространению термина *казақ* на территории всего Восточного Дашт-и Кипчака, поглощению как политических обозначений терминов *мангыт* и *шайбан* и, наконец, к приобретению термином *казақ* обобщающего политического значения, а затем (для соседних народов фактически одновременно) и этнического. Историки Казахстана утверждают, что при определении времени сложения казахской народности следует отказаться от стремления следовать за термином *казақ*. При этом имеют в виду неудавшиеся попытки искать казахскую народность там, где в истории народов и исторических источниках появляются *казаки* как социальный институт, как лица, группы лиц или коллективы, ушедшие от своего племени. Однако они оказались не в состоянии преодолеть другую тенденцию следовать за термином *казақ*, когда он появляется в значении политическом, т. е. с XV в. Между тем отказаться от стремления следовать за термином *казақ* означает искать народность в Дашт-и Кипчаке именно в отвлечении от этого термина во всех его значениях. Таковой является узбекская народность, которая в последующем переименовывается в казахскую. Следовательно, время сложения казахской народности можно предварительно датировать XIV столетием, хотя необходимо дальнейшее исследование предшествующей истории этнических коллективов Восточного Дашт-и Кипчака, чтобы утверждать, что эта хронологическая веха является наиболее нижней.

История узбеков, пришедших в Мавераннахр из Дашт-и Кипчака, показывает, что термин *узбек* в Узбекистане стал объединяющим этнонимом не с начала XVI в. Вплоть до Октябрьской

революции основные части современных узбеков не именовали себя *узбеками*, а употребляли в качестве самоназвания другие термины или не употребляли никаких и именовали себя по месту жительства; узбеки же противопоставляли себя этим группам. Поэтому и вопрос о сложении узбеков в народность должен решаться по-иному. В связи с этим высказывания Б. А. Ахмедова о времени появления узбеков (с. 149) не достигают цели, так как речь в критикуемых им высказываниях некоторых историков идет не о появлении отдельных слагаемых узбекской народности или вообще узбеков, а о времени появления узбекской народности как этнической категории, соответствующей феодальной формации.

Неверно называть узбеков и казахов XV в. тюрко-монгольскими племенами (с. 5—6). Монгольский элемент был тюркизован задолго до XV в.

Неверно также именовать *ойратов*, или *джунгаров*, *калмыками* (с. 7, 57, 59, 65—67, 83, 87, 134—137, 162). Этот термин применяется лишь в отношении *волжских калмыков*. Если употреблять термин *калмык* для обозначения *ойратов*, или *джунгаров*, то, по-видимому, его следует употреблять в тюркской форме *калмак* для отличия от *калмыков*.

III. Вряд ли можно согласиться с возведением Б. А. Ахмедовым государственной традиции узбеков Дашт-и Кипчака к повторению или возрождению “такого рода государств, как государства гуннов, тюрков и других кочевых народов Центральной Азии” (с. 46). Корни государственных традиций узбеков Дашт-и Кипчака следует искать в Улусе Джучи, как части Монгольской империи Чингиз-хана. В этом состоит и другая ошибка Б. А. Ахмедова — преувеличение роли государства Абу-л-Хайр-хана в истории Восточного Дашт-и Кипчака. Это государство является естественным преемником государства Джумадука. Можно назвать также правивших в Восточном Дашт-и Кипчаке Урус-хана, Куйручука, Барак-хана, Тохтамышша и других. Следовательно, государственная традиция в Восточном Дашт-и Кипчаке сложилась давно, ее истоки нужно искать в традиции, положенной монгольским завоеванием, в Улусе Джучи, в Ак-Орде Орда-

Ичена и, отчасти, в Золотой Орде. Что касается увязывания государственной традиции Дашт-и Кипчака периода послемонгольского завоевания с государственными образованиями предшествующих эпох, то это очень важный вопрос, но, к сожалению, совершенно не разработанный, так что всякие высказывания по этому поводу, не являющиеся результатом специального исследования, преждевременны.

Неправильно утверждение, что "после смерти Джанибека (1359 г.) Золотая Орда превратилась в арену борьбы за власть между потомками Орды, Шайбана и Тука-Тимура" (с. 32). Боролись между собой лишь потомки Шайбана и Тука-Тимура, а потомки Орды к этому времени уже сошли с исторической арены. Последнее обстоятельство в источниках не нашло четкого отражения, почему исследователи иногда неправильно причисляют тех или иных исторических лиц XIV—XV вв. к потомкам Орды-Ичена. Так, Б. А. Ахмедов причисляет к потомкам этого старшего сына Джучи Ахмад-хана и Махмуд-хана, сыновей Кичик-Мухаммада (с. 161—162). В действительности они были потомками Тука-Тимура. Потомками Тука-Тимура были также и казахские ханы, относительно происхождения которых господствует разделяемое, по-видимому, Б. А. Ахмедовым мнение, что они происходят из дома Орды-Ичена.

Разноречивы сведения Б. А. Ахмедова о времени образования Казахского ханства во главе с Гиреем и Джанибеком, если, конечно, за время возникновения казахской государственности считать откочевку этих лиц и оставить без внимания традицию, положенную Урус-ханом, Куйручуком и Бараком. Б. А. Ахмедов временем образования Казахского ханства в одном случае называет 40—50-е гг. XV в. (с. 6), в другом — 1455/56 г. (с. 62), в третьем — 1465/66 г. (с. 63), в четвертом — 80-е гг. XV в. (с. 151), в пятом — 90-е гг. XV в. (с. 150).

Неправильно также утверждение, "что Ак-Орда была более известна под названием Юз-Орда — сто орд" (с. 163). В данном случае термин *Юз-Орда* нужно переводить выражением *Орда-Сотня*.

Не достигает цели и полемика Б. А. Ахмедова (с. 75—79) с В. Ф. Шахматовым и С. Е. Толыбековым относительно земледелия в Казахстане, так как эти авторы говорят об отсутствии земледелия лишь у казахов, а не в Казахстане.

Неправильно определение, данное Б. А. Ахмедовым термину “улус”: “Под “улусом” следует понимать определенную территорию, данную в управление членам ханской семьи, удел” (с. 90). В другом месте он говорит, что “улус — удел и жившее в нем население, подвластное хану и членам его семьи” (с. 24). Следовательно, для Б. А. Ахмедова улус — это прежде всего определенная территория. Однако он сам же этому противоречит, например, в таком высказывании: “Этот улус кочевал между реками Урал и Эмба”. В XV в. под термином улус понимали определенный коллектив, составлявший, как правило, политическое целое. Достаточно вспомнить указание Мирза Мухаммад Хайдар доглата на то, что могульский улус Султан Йунус-хана после поражения от ойратов переместился с Или на Сырдарью.

Связывая термин улус с территорией, Б. А. Ахмедов свое толкование этого термина превращает в аргумент для доказательства существования “частной собственности ханов и феодальной знати на кочевья”, говоря, что “в источниках встречаем такие слова: “улус Абу-л-Хайр-хана”, “аймак Алаша-бахадур”, “Иль и улус Бурундук-хана” и т. д.” (с. 90).

Неверно утверждение, что “тарханные ярлыки, как и суйюргалы, давались исключительно за военные заслуги” (с. 94), хотя ниже приводится опровергающий это утверждение пример. Известно, что в XV в. звание *тархана* давалось мужчинам и женщинам, отдельным лицам и коллективам, представителям различных слоев населения.

В разделе о повинностях, существовавших в “государстве кочевых узбеков”, рассматриваются и такие, о существовании которых в этом политическом образовании в распоряжении Б. А. Ахмедова нет известий, например, *согум* и *шибагу* (с. 95—96).

Неправильно отождествление Б. А. Ахмедовым терминов *аталык* и *кукельташ* (с. 100), *ички* и *ишик-ага-баши*, *ишик-*

йхтийари (с. 101). Говоря о государственных должностях, существовавших в "государстве кочевых узбеков" Абу-л-Хайр-хана (с. 100—103), Б. А. Ахмедов приводит примеры из истории государств Мухаммад Шайбани-хана и могулов. Не только известия о государстве могулов, но и известия о государстве Мухаммад Шайбани-хана не могут быть безоговорочно отнесены к государству Абу-л-Хайр-хана, так как предварительно Б. А. Ахмедову следовало бы доказать, что устройство государства Мухаммад Шайбани-хана не претерпело никаких изменений под влиянием местных традиций в Мавераннахре. Однако этого Б. А. Ахмедов не сделал, а потому и метод его не выдерживает критики.

Глава "Социально-экономические отношения и государственный строй кочевых узбеков" в исследовании Б. А. Ахмедова — наиболее слабая часть книги. Она содержит много противоречий и недоказанных положений.

IV. Б. А. Ахмедов восстанавливает давно отвергнутую транскрипцию названия реки Чирчик в форме Аб-и Турк (с. 121). Еще В. Л. Вяткин и В. В. Бартольд установили, что следует читать Аб-и Фарак, или Аб-и Парак.

Неправильно отождествление Бурунч-оглана (Бурудж-оглан, Буруч-оглан) с Бузунджар-бий кийатом (с. 69—70). Буруч-оглан не может сопоставляться с этим лицом уже потому, что он был чингизидом, о чем говорит приложенный к его имени титул *оглан*, в то время как Бузунджар (Бузанджар, Бузанджир) был бием, т. е. чингизидом не был. Буруч-оглан — это Буреке-султан, сын Иадгар-хана, шайбанида, ставшего ханом после смерти Абу-л-Хайр-хана, о чем сообщает "Фатх-наме" Шади. Буреке является формой вежливого обращения от *Буруч*. Эта форма широко бытует в современном казахском языке.

Слову *му'изз* (معزز) Б. А. Ахмедовым придано значение "родословная" (с. 34, 36, 37, 42, 43, 54, 60, 63). В действительности оно имеет значение "прославляющий". Б. А. Ахмедовым придано ему такое значение, по-видимому, в результате невнимательного ознакомления со 2-м томом "Сборника материалов,

относящихся к истории Золотой Орды” В. Г. Тизенгаузена (М.; Л., 1941), где это слово, будучи извлеченным из названия сочинения *كتاب معز الانساب في شجرة سلاطين مغل* “Книга, прославляющая генеалогии в родословном древе монгольских султанов”, в примечаниях употребляется вместо этого длинного названия.

Результатом недоразумения является следующее утверждение: “У Мухаммад Хайдара имеются сведения о том, что один из могольских эмиров, Мир Хак-берды, построил крепость на берегу озера Куй-су, чтобы оборонять Моголистан от их (ойратов. — В. Ю.) набегов, и переселил туда всех жителей Иссык-Куля”. Из этого делается вывод, что “в самом начале XV в. калмыки уже кочевали на берегах Иссык-Куля, в Чуйской долине” (с. 66). В действительности Мухаммад Хайдар сообщает, что упомянутый эмир переселил своих людей на Иссык-Куль, на остров в устье речки Кой-Суйи, впадавшей в это озеро.

На с. 79 неправильно употреблен термин *джалаириды* вместо нужного *джалаиры*.

По-казахски правильно не *кишлау*, *коклау*, *яйлаг* и *кузлау* (с. 89), а *қыстау*, *көктеу*, *жайлау* и *күзеу*.

Слово *юртавил*, конечно, происходит не из словосочетания *йурт авламак*, что Б. А. Ахмедов переводит как “охота в юртах” (с. 105), а стоит как морфологическое образование в одном ряду с такими словами, как *қаравул*, *һаравул*, *чаңдавул* и прочие.

Неясны такие выражения, как “...были почти (?) присоединены к владениям Абу-л-Хайра” (с. 92), “как земледельцы, так и ремесленники, и торговцы вели более или менее (?) оседлый образ жизни” (с. 78).

Заключая все вышесказанное, можно сделать вывод, что Б. А. Ахмедов написал полезную работу, при использовании которой, однако, следует учитывать вышеперечисленные и аналогичные недостатки и ошибки.

Рецензия

на “Древнетюркские рунические памятники...” С. Г. Кляшторного

Рассматриваемое исследование написано известным востоковедом, зарекомендовавшим себя глубоким и тонким знатоком домонгольского периода истории народов Центральной и Средней Азии; оно подводит итог его многолетним изысканиям. Книга вызывает большой интерес у специалистов, что способствует дальнейшему изучению поставленных в ней вопросов. Проблематика работы имеет непосредственное отношение к территории и истории народов Казахстана. В связи с этим постановка и решение многих вопросов интересуют и историков республики.

Стержень исследования — интерпретация известий о Средней Азии, содержащихся в тюркских рунических памятниках Кюль-Тегину, Бильгя-кагану, Кули-чурру, надписях Тоньюкука и Онгинской. Это, в свою очередь, обуславливает хронологические рамки исследования VII—VIII вв. Известия о Средней Азии в этих памятниках сводятся к трем пунктам: 1) сообщения

---

¹ *Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии / Ответ. ред. А. Н. Кононов; АН СССР, ИНА. М.: Наука, 1964. — 216 с.*

о западной границе каганата; 2) сообщения о посольствах к тюркским каганам из Средней Азии и стран, расположенных к западу от нее; 3) сообщения о походах восточных тюрков на запад.

Содержание книги становится ясным из оглавления: “Введение”, “Эпоха рунических памятников” (гл. I), “Древнетюркские рунические памятники” (гл. II), “Согдийцы и тюрки” (гл. III), “Восточнотюркский каганат и Средняя Азия” (гл. IV). Решая основные вопросы, автор выходит за рамки поставленной проблемы и исследует попутно ряд других крупных и важных проблем, давно уже являющихся объектом пристального внимания востоковедов. Отправным пунктом в исследовании отдельных вопросов является то или иное конкретное сообщение памятников, интерпретация которого превращается в любопытный исследовательский этюд, входящий в качестве составной части в рамки общего исследования. Такой подход к исследованию и композиция монографии как следствие такого подхода ярко показывают, как много можно извлечь из рунических памятников при вдумчивом отношении к ним. “Лингвистов и литературоведов, историков и этнографов, обратившихся к этим памятникам, ждет немало неожиданного”, — говорит С. Г. Кляшторный о памятниках Кюль-тегину и Бильгя-кагану (с. 65). Это утверждение может быть распространено на все рунические памятники без исключения.

Исследование уже вызвало и будет, несомненно, вызывать творческие дискуссии² по всей проблеме в целом и по отдельным ее аспектам и вопросам.

Многие решения автора могут быть отнесены к несомненным удачам исследовательского поиска. Решенным, вероятно, можно считать вопрос о местонахождении *алты чуб согдак* “шести согдийских округов”. Раскрытие этой загадки и значения самого

---

² См. рецензии на кн. С. Г. Кляшторного: *Вайнштейн С.* // СЭ. № 3. 1965. С. 170—172; *Заднепровский Ю. А.* // НАА. № 6. 1965. С. 173—175; *Гумилев Л. Н.* // НАА. № 6. 1965. С. 175—179. Опубликованы рецензии и информационные сообщения также и в иностранной научной периодике.

термина дешифрует одно из неясных мест памятника Кюль-тегину и позволяет по-новому взглянуть на проблему расселения среднеазиатских выходцев в Центральной Азии, на так называемую проблему согдийской колонизации. Удачным представляется и решение вопроса о “Стране Аргу”. Выходя в данном случае за рамки исследования, С. Г. Кляшторный освещает ряд неясных до того источниковедческих вопросов. Оригинальной является и гипотеза о родине этнического коллектива *түрк*³. Как упущение автора здесь может быть отмечено не всегда последовательное употребление терминов *түрк* (тюрк), *тюркский*, *тюркоязычный*. Представляет интерес попытка решить вопрос и о таком неясном месте из памятника Кюль-тегину, как сообщение о посольстве народа *соғд бәрчәкәр буқарақ улус*⁴ в орхонскую

³ В китайских источниках — *туцзюе*, что реконструируется как *түркүт*. Последняя форма в некитайских источниках неизвестна, и вопрос о ее происхождении, реальном бытовании и возможности употребления в специальных работах служит предметом дискуссии востоковедов. Мы можем указать на наличие этнонима *түркәт* تورکات в “Тарих-и Рашиди”. Так назывался один из пяти аймаков, выделенных Вайс-ханом Эмир Сейиду Али в начале XV в. См.: A History of the Moghuls of Central Asia being the Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. An English version, edited with commentary, notes and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross. London. 1898. Part I. P. 66—67; تاریخ رشیدی: تالیف میرزا محمد حیدر دوغلات ل. 396; То же. Рукопись ЛФ ИВ РАН. С 569. С. 60.

⁴ При рассмотрении термина *улус*//*улуш* (с. 131) С. Г. Кляшторный делает ссылку на персоязычное сочинение “Абдаллах-наме”, в котором якобы упоминается “город Кушу-улуш”. Основанием для такого утверждения послужила фраза:

و روز جمعه سیزدهم درلبارس شهر یاری بیمن و ترس در نواحی یکان کینت در قوش اولوش آب بورالدای فرود آمد (شرف نامه شاهی تالیف حافظ تنیش بن میرمحمدالبخاری):

Рукопись ЛФ ИВ РАН. Д 88. Л. 3346. Мы эту фразу переводим, как “И в пятницу тринадцатого [числа месяца раби ал-аввал 990 г. х., т. е. 7/IV—1582 г. н. э.] бесстрашный и отважный государь [Абдаллах-хан II] остановился на берегу реки Арысь в окрестностях Иаканкента, при впадении [в Арысь] реки Бурулдай”, принимая здесь قوش اولوش за тюркское слово قوشولوش *қошулуш* — “присоединение”, в данном случае в качестве технического термина “впадение”. Раздельное написание قوش اولوش

ставку тюрков в 732 г. н. э. для участия в похоронах Кюльтегина. Интерпретация этого сообщения автором, если не будет признана окончательной, то, во всяком случае, стимулирует его дешифровку.

Исследовательские удачи С. Г. Кляшторного многочисленны, о них можно писать много.

Одним из недостатков исследования является переоценка роли личности Тоньюкука в истории Второго Восточнотюркского каганата. Однако избежать этого трудно, когда почти тринадцать столетий спустя слышишь его претенциозную речь: “(5) ...*Иагыл, — тіді. Иагмысы бән әртім — білгә Тонйуқуқ. Қаған муқысайын — тідім. Сақынтым: туруқ буқалы, сәміз буқалы арқада (6) білсәр, — сәміз буқа, туруқ буқа, тийін, білмәз әрміс, — тийін. Анча сақынтым. Анта кісрә тәңрі біліг бәртүк үчүн өзүм өк қаған қысдым. Білгә Тонйуқуқ, бойла баға тарқан (7) бірлә, Ілтәріс, қаған болайын, бәрийә Табгачығ, өңрә Қыгтаңығ, йырайа Оғузуғ — үкүс өк өлүрт*”. “(5) ...Он (Ильтерес-каган. — В. Ю.) сказал: “Приставай(те ко мне)”. Я был к нему приставшим — мудрый Тоньюкук. “(Не) каганом ли (мне его) пожелать, говорил я (в сердце своем). Я думал: если (будущий хан) вообще (букв. сзади, вдали) знает, (что у него есть) и тощие быки, и жирные быки, (6) но он не может (не способен, не знает) назвать (в отдельности, который) жирный бык (и который) тощий бык. Говоря, (в сердце своем) я так думал. Затем: так как небо даровало мне знание, то (несмотря на малые способности хана) сам я захотел (его в качестве) хана (захотел его ханом). (7) (А хан:) “С мудрым Тоньюкуком, в качестве бойла бага таркана, я, Ильтерес, да буду каганом!” Он много поразил на юге табгачей, на востоке (впереди) — киданей, на севере — огузов”.

могло образоваться при переписке сочинения, когда переписчик перенес неуместившееся *ۇلۇش* на другую строку. Следующий переписчик мог поставить перед *вавом алиф*. Понимание группы *قوش اولۇش* как название города не согласуется с контекстом. В любом случае упоминание города *Кушу-улуш* в конце XVI в. является необъяснимым анахронизмом.

Отметим, что С. Г. Кляшторный использовал тюркские рунические памятники в переводе С. Е. Малова: "Автор стремился цитировать эти переводы буквально. Однако в ряде случаев они подверглись изменениям и уточнениям терминологического и стилистического характера" (с. 4). Сверка текста исследования с изданиями памятников С. Е. Малова показала, что таких изменений и уточнений немного.

Робость в обращении с переводами маститого тюрколога является основным недостатком исследования С. Г. Кляшторного, так как эти переводы не являются окончательными; сам С. Е. Малов не рассматривал их в качестве таковых.

Вышеприведенный отрывок в переводе С. Е. Малова может послужить иллюстрацией к необходимости критического отношения к его переводам. Обращаем внимание на фразу из этого отрывка: "(А хан:) "С мудрым Тоньюкуком, в качестве бойла бага таркана, я, Ильтерес, да буду каганом!" В соответствии со строем тюркских языков прямая речь Ильтерес-кагана должна заключаться деепричастной формой глагола *tī-/tə-* "сказать", или его личной формой. В данном случае этот глагол отсутствует. Конечным словом прямой речи является *болайын*. Аффикс *-айын* является показателем первого лица единственного числа повелительно-желательного наклонения глагола. Поэтому С. Е. Малов и перевел это слово как "я да буду!" Однако просмотр того же отрывка убеждает, что в языке рунических памятников форма на *-айын* употребляется также и в качестве деепричастной. Например, *тійін/тэйін* — "сказав". Употребление деепричастий с этим аффиксом в отрицательной форме является обычным как для рунических, так и для позднейших тюркских памятников. Смотри, например, вторую строку надписи Тоньюкука: *болмайын* "не будучи". Это убеждает в том, что слово *болайын* является деепричастием от глагола *бол-* "быть, становиться". В таком случае приведенная фраза должна переводиться, как "Ильтерес-каган, будучи вместе с мудрым Тоньюкук-бойла-бага-тарканом..." В свою очередь, этот перевод указывает на то, что фраза не окончена. Если к этим словам прибавить

непосредственно следующие за ними, то фраза в уточненном виде обретет законченную форму предложения: “Совместно с мудрым Тоньюкук-бойла-бага-тарканом Ильтерес-каган как много истребил на юге табгачей, на востоке — киданей, на севере — огузов!”

С. Г. Кляшторный предпринял попытку дать этимологию имени Тоньюкука, справедливо отвергнув другие, как несоответствующие фактам тюркских языков. Предложенная им этимология (с. 28—31), получившая дополнительное обоснование в его недавно вышедшей статье⁵, предполагает двусоставной характер имени, в котором *тон* возводится к известному корню со значением “первый, первенец”, а *йукук* объясняется как существительное, образованное от глагола *йук-*/*йоқ-* “хранить, ценить” и имеющее значение “то, что сохраняется”, “клад”, “сокровище”. В целом имя переводится как “первородная драгоценность”, “первенец-сокровище”, что соответствует по значению и его китайскому имени Юаньчжень.

Тюркское имя, по мнению С. Г. Кляшторного, является калькой китайского, так как *юань* — это “первый, первородный, первенец”, а *чжень* — “драгоценность, сокровище”. Не отвергая этой этимологии, мы предлагаем другую, которая в известном смысле подтверждается словами самого Тоньюкука. Полагаем, что *йукук* может быть объяснено как производное от глагола *йук-* “прилипать, прилепляться”, здесь — в значении “присоединяться”. Все имя может быть переведено, как “первый присоединившийся”. И действительно, Тоньюкук считал себя первым лицом, присоединившимся к Ильтерес-кагану. То, что этому факту он придавал исключительное значение, видно из его слов: “Он (Ильтерес-каган. — В. Ю.) сказал: “Присоединяйтесь [ко мне]”. Присоединившимся был я — мудрый Тоньюкук”. Можно добавить, что глагол *йук-*/*йоқ-* “хранить, ценить” известен лишь по одному слу-

⁵ Кляшторный С. Г. Тоньюкук — Ашидэ Юаньчжень // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. М., 1966. С. 202—205.

чаю употребления в уйгурских юридических документах, а перевод его значения основывается только на контексте.

С. Г. Кляшторный считает, что лишь "после присоединения к Кутлугу Юаньчжень принял тюркское имя — Тоньюкук" (с. 28), а "до перехода на сторону Кутлуга Тоньюкук носил китайское имя, как и другие подчинившиеся империи тюркские вожди" (с. 31). Так ли это? Если удастся доказать, что Тоньюкук носил свое тюркское имя до присоединения к Ильтересу и что употребление его в китайских источниках не было ретроспективным, то наше предположение об обстоятельствах принятия им тюркского имени будет отвергнуто. Не будет опровергнута, однако, сама этимология. Мы не касаемся здесь гипотетического отождествления Тоньюкука и Юаньчжэня, которое нуждается в дополнительном обосновании.

В приведенном отрывке глаголу *қыс* "жать, давить" в сочетании со словом *қаған* С. Е. Маловым придается значение "пожелать (кого-либо) каганом". О наличии такого значения у этого глагола в тувинском языке ему сообщил А. А. Пальмбаха (*Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Словарь. С. 417*). "Тувинско-русский словарь"⁶ этого значения не подтверждает. Правильно понять значение словосочетания *қаған қыс* можно при учете показаний источников о ритуале интронизации кагана у тюрков. "При возведении государя на престол, ближайшие важные сановники сажают его на войлок и по солнцу кругом обносят девять раз. При каждом разе чиновники делают поклонение пред ним. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковой тканью, потом, ослабив ткань, немедленно, спрашивают: сколько лет он может быть ханом?"⁷ Аналогичный обряд исполнялся и над хазарскими каганами⁸. Контекст приведенного отрывка по-

⁶ Тувинско-русский словарь / Под ред. А. А. Пальмбаха. М., 1955. С. 259.

⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. 1. М.; Л., 1950. С. 229.

⁸ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 410.

казывает, что словосочетание *каган кыс*- приобрело переносное значение “возвести кагана на трон”, передавая общую идею интронизации. Оно совпадает по значению со словосочетанием *خان کوتارماك хан көтәрмәк* “поднять ханом”. Как видно из цитаты, обряд поднимания на войлоке входил и в ритуал интронизации кагана у тюрков. Однако если первое выражение вышло из употребления, то второе, наоборот, широко распространилось, сейчас известно почти всем тюркоязычным народам и без особых пояснений употребляется ориенталистами.

В целом может быть предложен следующий перевод всей цитаты из надписи Тоньюкука: “Он (Ильтерес-каган. — В. Ю.) сказал: “Присоединяйтесь [ко мне]”⁹. Присоединившимся был я — мудрый Тоньюкук. Я еще сказал: “Сделаю-ка я [его] каганом”. Я думал: “Если бы он [и] знал, что позади [у него есть] и тощие быки, и жирные быки, [то ведь он] не знает, [какой из них именно] жирный бык, [а какой] — тощий бык”, — так я думал. Затем, так как *тенгри* даровал мне знание, сам я и сделал [его] каганом. Совместно с мудрым Тоньюкук-бойла-бага-тарканом Ильтерес-каган как много истребил на юге табгачей, на востоке — киданей, на севере — огузов!”

Могут быть сделаны замечания по поводу толкования текстов, сообщающих о походе тюрков в Семиречье и за Сырдарью. Памятник Кюль-тегину относительно этого похода сообщает следующее: “(36)...*Ол йылқа тү(ргіс тапа Алтун йышығ)* (37) *тоға Әртіс*

⁹ Поразительно сходство слов Ильтерес-кагана с кличем, обращенным спустя восемьсот лет к своим сторонникам Мухаммад Шайбаниханом после того, как он в какой-то мере укрепился в Туркестане:

اندين سونك هر ولايت و هر يرلاردا قالغان قرينداس و نوكرلار يكا كيشى يباردى ديدى
كيم كناهلارينكىزنى كيجوردوك تركستان ولايتى يك قلمه بولدى اتاميزدين قالغان نوكرىمىز
سيزلار كيلنكىز خدائى بيركان دولتنى بيركا كورالينك ديدى.

“Затем [Мухаммад Шайбани-хан] послал гонцов к своим родственникам и нукерам, оставшимся по всем вилайетам и по всем местам, [и] сказал: “Мы простили ваши проступки. Вилайет Туркестана [теперь] подчинился [нам]. Нукеры, оставшиеся от нашего отца, придите! Будем вместе наслаждаться данным богом счастьем”.
تواریخ كزیده نصرت نامه. Рукопись ЛФ ИВ РАН. В 745. Л. 58аб.

үгүзіг кәчә йорыдымыз, түргіс будуныг уда басдымыз; түргіс қаған сүсі Болчуда отча борча кәлті, сүңүцдіміз; Күл тігін Башғу боз ат бiніп тәгді; Башғу боз... (38) ...әкісін өзі алтызды. Анта йана кіріп түргіс қаған буйуруқы, аз тутукуғ әлігін тутды. Қағанын анта өлүртіміз, ілін алтымыз; қара түргіс будун қоп ічікді; ол будуныг (табарда қондуртымыз, йана йорып (39) соғдақ будун ітәйін тийін, Йінчу үгүзіг кәчә Тәмір қапығқа тәгі сүләдіміз. Анта кісрә қара түргіс будун йағы болмыш кәңәрәс тапа барды. Бізің сү аты туруқ, азуқы йоқ әрті, йаблақ кісі әр... (40) алп әр бізіңә тәгмiш әрті. Антағ өдкә өкүніп, Күл тігінг аз әрiн іртүрү ыгтымыз. Улуғ сүңүш сүңүшмiш, ал Шалчы ақ атын бiніп тәгмiш, қара түргіс будуныг анта өлүрмiш алмыш, йана йорып...". "(36) ...В том (же) году мы пошли против тюргешей, поднявшись в Алтунскую чернь и (37) переправясь через реку Иртыш. Тюргешский народ мы победили во время сна (и обратили в бегство)... Войско тюргешского кагана пришло при Болчу подобно огню и вину. Мы сразились; Кюль-тегин, сев на серого коня Башгу, произвел атаку. Серый конь Башгу... (38) ...двух из них он сам попустил взять (т. е. потерял?). Затем снова войдя (т. е. ворвавшись в ряды врагов), он схватил собственноручно каганского приказного тюргешей, Тутука азов (!). Их кагана мы там убили, его племенной союз покорили. (Но) масса тюргешского народа откочевала в глубь (страны, т. е. подчинилась). Тот народ при Табаре (?) мы поселили. Вернувшись (39) с целью устроить согдийский народ, мы, переправясь через реку Йенчу, прошли с войском вплоть до Темир-капыга. После этого масса тургешского народа пошла на ставших (ей) врагами кенгересов. Кони нашего войска были тощи, провианта для них не было; плохие люди... (40) мужественные люди (воины) на нас напали. В такое время (т. е. при таких обстоятельствах) мы, раскаявшись (в своем предприятии?), отослали Кюль-Тегина в сопровождении немногих мужей. (Как мы после узнали) он дал большое сражение. Сев на белого коня героя Шалчы, он произвел атаку. Убил (многих) из народной массы тюргешей и покорил (оставшихся). Снова (или назад) двинувшись..."

Этот перевод С. Е. Малова принят С. Г. Кляшторным без особых уточнений. Однако он вызывает немало замечаний. Преж-

шись с целью устроить согдийский народ" *йана йорып согдақ будун ітәйін тийін* (КТб, 39—40) неправильно передает значение слова *йана*. Здесь оно имеет наречное значение "опять", а в сочетании с *йорып* — "опять двинувшись" или "опять выступив в поход". Выражение *йана йорып* является для памятников стандартным.

Серьезные возражения вызывает перевод фразы *анта кісрә қара түргіс будун йағы болмыш кәңәрәс тапа барды*. Здесь послелог $\int 1 \S$ *тапа* имеет значение "к, по направлению". Значение "идти войною на [кого-либо]" он приобретает только в сочетании с такими глаголами как *сүлә-* "воевать, идти войною". Так как в памятнике Кюль-тегину этот послелог преимущественно и употребляется с этим глаголом, поэтому С. Е. Малов и в данном случае перевел его "пошла на..." В памятнике Моюн-чуру значение послелога *тапа* выступает совершенно прозрачно. Например, *қарлуқ тапа тәзіп кірті* $\text{𐰇𐰏𐰣𐰆𐰚𐰣𐰏: } \int 1 \S \downarrow \downarrow \text{𐰇𐰏}$ "они убежали и добрались до карлуков" (МЧ, 34). Какая-либо враждебность в семантике словосочетания *тапа барды* отсутствует, оно сообщает только об уходе народа *кара-тюргешей* в сторону 𐰇𐰏𐰣𐰆𐰚𐰣𐰏 *кәңәрәс*, что, по-видимому, было обычной формой социально-политического протеста у кочевых народов, выражавшегося в откочевках. Словосочетание *йағы болмыш* здесь является не определением к *кәңәрәс*, а сказуемым предложения, в котором подлежащее — *қара түргіс будун*¹¹. Глагольные сказуемые в рунических памятниках употребляются в формах на *-мыш* или *-ды*, употребление тех и других перемежается (см. рецензируемую работу, с. 145). Всю фразу следует перевести как "затем народ *кара-тюргешей* стал [нам] врагом [и] ушел в сторону *кәңәрәс*".

Уточнение может быть внесено и в перевод слов *антағ өдкә өкүніп*. Глагол *өкүн-* имеет значение не только "раскаться", но и "сожалеть". Все выражение можно перевести как "сожалел по поводу такого обстоятельства".

¹¹ Ср.: Стеблева И. В. Поэзия тюрков VI—VIII веков. М., 1965. С. 120: "После этого масса тюргешского народа стала врагом и пошла против кенгересов(?)".

Памятники Бильгя-кагану и Моюн-чуру относительно этих событий дополнительно чего-либо существенного не сообщают. Что же касается надписи Тоньюкука, то в ней о тюргешском и среднеазиатском походах сообщаются, пожалуй, более подробные сведения, чем в памятнике Кюль-тегину. Однако они интерпретируют события по-иному. Все, что приписывается Бильгя-кагану и Кюль-тегину в памятниках в их честь, в надписи Тоньюкука приписывается последнему. С. Г. Кляшторный считает, что Бильгя-каган и Кюль-тегин, с одной стороны, и Тоньюкук — с другой, участвовавшие в киргизском и тюргешском походах совместно, в походе за Сырдарью действовали раздельно. При этом поход Тоньюкука предшествовал походу братьев.

Основанием для такого утверждения служит то, что надпись Тоньюкука демонстрирует стремительность развития событий после разгрома тюргешей, а памятники братьям — задержку, которая, по мнению С. Г. Кляшторного, длилась около года. Ссылка делается на памятник Кюль-тегину: “Тот народ при Табаре (?) мы поселили. Вернувшись с целью устроить согдийский народ, мы переправились через реку Жемчужную” (КТб, 38—39). Мысль о задержке Бильгя-кагана и Кюль-тегина была подсказана автору монографии словом *йана*, которое, по-видимому, было воспринято как указание на движение вспять. Недоразумение, связанное с переводом слова *йана*, было раскрыто нами выше.

Таким образом, перерыва в движении на запад памятник Кюль-тегину в сравнении с надписью Тоньюкука не показывает. Действительное различие в том, что памятник Кюль-тегину сообщает об уходе тюрков за Сырдарью, которые лишь после этого организовали карательный поход под руководством Кюль-тегина против взбунтовавшихся *кара-тюргешей*, а надпись Тоньюкука говорит о походе за Сырдарью в процессе погони за небольшой частью бежавшего народа *он оқ* (“десятистрельного”, или “десяти стрел”). *Кара-тюргешши* и часть народа *он оқ* — это те же тюргешши. Говорится также, что Кюль-тегин погнался за *кара-тюргешами* “в сопровождении немногих мужей”, а Тоньюкук сообщает, что они отправили в погоню войско народа *он оқ*,

титулатура, перечень военных походов или описание внутреннего состояния страны, а исторические события как материал для выражения определенной идеи¹³. Последний приговор основным руническим памятникам как историческому источнику, по-видимому, слишком суров, однако он справедлив как предупреждение не полагаться на их сообщения без какой-либо критики. Помимо всего, странным представляется вывод о двух раздельных походах с той точки зрения, что памятники Бильгя-кагану, Кюль-тегину и надпись Тоньюкука в целом повествуют о походах на кыргызов и тюргешей как о единых действиях тюрков, а ведь поход за Сырдарью был продолжением их общих действий против этих народов. Заканчивая вышележащее, следует сказать, что для утверждения о двух походах за Сырдарью тексты основных рунических памятников достаточных оснований пока не дают.

Для доказательства существования языковых контактов насельников-номадов Центральной Азии с носителями индо-иранских языков С. Г. Кляшторный использует сообщение китайских источников о наличии в языке “гуннского племени хэлянь — предков ашина” слова “фули, тюрк. *vögi* “волк” (с. 111), о котором “еще В. Банг заметил, что “слово *vögi* не может быть разъяснено с помощью тюркологических средств”. Использование слова *böri* “волк” в качестве аргумента, подтверждающего справедливость таких контактов в древности, кочует в последнее время из одной работы в другую и приобретает назойливый характер. Как дополнительное доказательство заимствования тюркскими языками слова *böri* используется наличие в индо-иранских языках фонетически близких к тюркскому названия волка: “согд. *wytk*, авест. *vahrka*, древнеперс. *vrkāna*, хотано-сакское *birgga*, осетинское (resp. аланское?) *bīrāy*, *berāy*” (с. 111).

Не подвергая сомнению гипотезу о возможности таких языковых контактов в целом, мы тем не менее считаем необходимым напомнить, что “с помощью тюркологических средств” не этимологизируются и такие тюркские названия животных как *it* — “собака”, *бука* — “бык-производитель”, *бугу* — “олень”,

¹³ Стеблева И. В. Указ. соч. С. 55.

куш — "птица", куян — "заяц", ат — "конь", кой — "овца" и т. д., что отнюдь не означает, что все эти слова в тюркских языках заимствованы из языков соседних народов. Сама методика и принципы вскрытия этимологии таких одно- и двусложных корневых слов тюркских языков еще недостаточно разработаны и обычно реализуются в плане случайных фонетических сопоставлений. Что же касается индо-иранского происхождения слова *бөри*, то последний исследователь названий животных в тюркских языках склоняется более к возможности сопоставления этого слова с тюркским *бөр*, *бор* — "серый", хотя также указывает и "на согдийское наименование волка, очень близкое к тюркскому"¹⁴. Звуковые совпадения не обязательно говорят о заимствовании. Например, разительными совпадениями являются каз. *бір* "один" и рус. *первый*, каз. *маған*, новоуйг. *маңа*, соответствующие по смыслу и близкие фонетически русскому *мне*, новоуйг. *йәтти*, узб. *йетти* — "семь" и перс. *häft*, هفت. По-видимому, факты материальных соответствий тюркских и индоевропейских языков не могут быть объяснены только заимствованиями и поэтому заслуживают внимания мнения тех исследователей, которые высказывают соображения о существовании генетического родства между этими языковыми семьями или о контактах между ними в отдаленную, недоступную обозрению эпоху.

Проблематичным представляется и признание С. Г. Кляшторным за словом *балықдақы* значения "тюркская беднота", "ятуки" (с. 26). Вся фраза "*Қаңым қаған йіті йәгірмі әрін ташықмыс; ташра йорыйур, тийін, кү әсіділ, балықдақы тағықмыс, тағдақы інміс, тіріліп йәтміс әр болмыс*" — "Мой отец-каган выступил (сначала) с семнадцатью мужами. Услышав весть о том, что он *бродит* вне (т. е. за пределами тогдашнего местожительства тюрков), жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились, и, собравшись, составили (отряд в) семьдесят мужей" (КТб, 11—12) говорит о том, что движение за присоеди-

¹⁴ Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 131, 132.

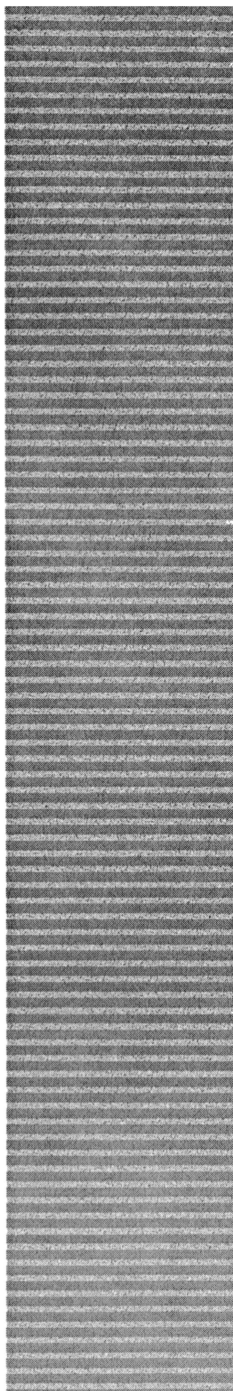
нение к повстанцам стало среди расселенных в Китае тюрков повсеместным, а выражение *балықдақы тағықмыс, тағдақы інміс* букв. “Находящиеся в городах поднялись в горы, находящиеся в горах спустились [в долины]” имеет в этом контексте все признаки литературного клише со значением всеобщности. Выражение же *йәтміс әр* — “семьдесят мужей” вряд ли следует понимать буквально. Слово *әр* — “муж” имеет в рунических памятниках не только это значение, но и значение “герой” и, вероятно, точно соответствует в социальном плане казахскому *батыр*. Можно предположить, что за спиной каждого из этих “батыров” стояла если не группа вооруженных родовичей, то во всяком случае отряд сплотившихся вокруг него повстанцев, признавших его своим предводителем. Если это так и если в данном случае имеет место определенная система древнетюркского подсчета количественного состава воинских контингентов, то можно понять, почему китайские источники сообщают, что “вокруг Кутлуга собралось 5 тыс. человек” (с. 26), и почему повстанцы добились быстрых и крупных военных успехов.

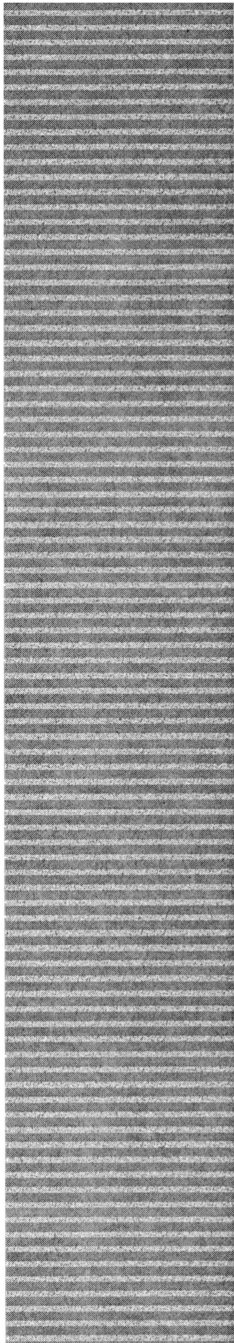
Возвращаясь к вопросу об отождествлении *балықдықы* с *ятуками*, заметим, что оно навеяно в монографии С. Г. Кляшторного тенденцией искать и находить социальное расслоение в составе участников любого общественного движения даже в тех случаях, когда источники не дают для этого оснований, и является, таким образом, неловкой данью этому опыту.

Можно было бы сделать и другие замечания относительно необходимости автору монографии более критически огно-ситься к переводам орхонских памятников, однако рамки журнальной рецензии не позволяют этого.

Отмеченные недостатки и подобные им не умаляют достоинств исследования и не могут повлиять на оценку его как работы, высокая научная ценность которой не может быть подвергнута сомнению. Она является достойным образцом традиций русского и советского востоковедения. Посвященное важным вопросам истории Центральной Азии, написанное строго научно и в то же время доступно и популярно, исследование является ценным вкладом в ориенталистику.

Приложение

**Опубликованные научные
работы В. П. Юдина**

●
**Публикации,
посвященные В. П. Юдину**

ОПУБЛИКОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ В. П. ЮДИНА

1. Русско-уйгурский словарь: Географические названия // Русско-уйгурский словарь. М., 1956. С. 1455—1473.
2. Исторические корни уйгурской сказки о Чин Тёмюр-батуре и Махтум-суле // Вопросы уйгурской филологии: Труды ИЯиЛ АН КазССР. Т. 2. Алма-Ата, 1961. С. 106—122; То же // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 222—250.
3. Спецредактор кн.: Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961. 328 с.
4. Некоторые источники по истории восстания в Синьцзяне в 1864 году // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана: Труды ИИАиЭ им. Ч. Валиханова АН КазССР. Т. 15. Алма-Ата, 1962. С. 171—196.
5. Рецензия на кн.: Каталог рукописей уйгурской классической литературы / Сост. Ю. Мухлисов. Урумчи, 1957. Вып. 1. 51 с. На уйг. яз. // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана: Труды ИИАиЭ им. Ч. Валиханова АН КазССР. Т. 15. Алма-Ата, 1962. С. 197—206.
6. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами // Известия АН КазССР. Серия общественная. Алма-

- Ата, 1965. Вып. 3. С. 52—65; То же // Юдин В. П. *Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда*. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 72—95.
7. Рецензия на кн.: *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962. 207 с. // *Известия АН КазССР. Серия общественная*. Алма-Ата, 1965. Вып. 2. С. 80—84; То же // Юдин В. П. *Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда*. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 251—260.
  8. *Известия “Зийа ал-кулуб (ضياء القلوب)”* Мухаммад Аваза о казахах XVI века // *Вестник АН КазССР*. Алма-Ата, 1966. № 5(253). С. 71—76; То же // Юдин В. П. *Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда*. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 167—178.
  9. Рецензия на кн.: *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965. 195 с. // *Известия АН КазССР. Серия общественная*. Алма-Ата, 1966. Вып. 2. С. 85—89; То же // Юдин В. П. *Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда*. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 261—270.
  10. Рецензия на кн.: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. 216 с. // *Известия АН КазССР. Серия общественная*. Алма-Ата, 1968. № 1. С. 64—71; То же // Юдин В. П. *Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда*. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 271—286.

Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин / Ин-т ИАиЭ им. Ч. Валиханова АН КазССР. Алма-Ата, 1969. 652 с. (МИКХ).

В этой книге В. П. Юдину принадлежат:

11. Статья “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” (с. 9—16), перевод из названного сочинения с тюркск. яз. (с. 16—43), комментарий к переводу (с. 493—504).

12. Статья "Фатх-наме" (с. 44—53), перевод из названного сочинения с перс. яз. (с. 70—73, 80—85).
13. Статья "Шайбани-наме" (с. 91—96).
14. Статья "Зубдат ал-асар" (с. 128—132).
15. Статья "Тарих-и Абу-л-Хайр-хани" (с. 135—140).
16. Статья "Бадаи ал-вакаи" (с. 172—177), перевод из названного сочинения с перс. яз. (с. 177—184), комментарий к переводу (с. 516—520).
17. Статья "Тарих-и Рашиди" (с. 185—191).
18. Статья "Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф" (с. 232—235), перевод из названного сочинения с тюркск. яз. (с. 235—236), комментарий к переводу (с. 533—536).
19. Статья "Шараф-наме-йи шахи" (с. 237—245).
20. Статья "Грамоты из Сыгнака" (с. 313—316), перевод грамот из Сыгнака с перс. и тюркск. яз. (с. 317—319), комментарий к переводу (с. 544—547).
21. Статья "Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар" (с. 320—328).
22. Статья "Тарих" Шах Махмуд бен Мирза Фазил чораса" (с. 369—378), перевод из названного сочинения с перс. яз. (с. 379—385), комментарий к переводу (с. 553—555).
23. Статья "Тарих-и Кипчаки" (с. 386—389), перевод из названного сочинения с перс. яз. (с. 389—397), комментарий к переводу (с. 555—557).
24. Статья "Тарих-и Кашгар" (с. 398—411), перевод из названного сочинения с тюркск. яз. (с. 411—418), комментарий к переводу (с. 557—559).
25. Статья "Ислам-наме" (с. 419—424), перевод из названного сочинения с тюркск. яз. (с. 425—430), комментарий к переводу (с. 559—560).
26. Статья "Фирдаус ал-икбал" (с. 431—435).
27. Статья "Тарих-и амнийа" (с. 476—486), перевод из названного сочинения с тюркск. яз. (с. 486—490), комментарий к переводу (с. 567—568).
28. Указатели именной, географической, терминологической, этнонимической совместно с А. А. Ибрагимовой, Н. Н. Мингуловым, К. А. Пищулиной (с. 569—630).

29. Сверка всех переводов извлечений из сочинений, включенных в МИКХ, с тюркскими и персидскими оригиналами, их окончательная редакция (с. 16—43, 53—90, 96—127, 133—134, 140—171, 177—184, 191—217, 235—236, 245—312, 317—319, 329—368, 379—385, 389—397, 411—418, 425—430, 435—475, 486—490).
30. Спецредактор кн.: Садвакасов Г. С. Язык уйгуров Ферганской долины: Очерк фонетики, тексты и словарь. Алма-Ата: Наука, 1970. 236 с.
31. Тезисы доклада “Тарих-и Шайбани” как источник по истории казахского и каракалпакского народов XVI—XVII вв.” // Тезисы докладов научной конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной XXIV съезду КПСС. Гуманитарные науки. КазГУ. Алма-Ата, 1971. С. 155—157.
32. Тезисы доклада “Об “узурпации” власти в Казахстане во 2-й половине XIV в. беком племени кыйат левого крыла Золотой Орды Тенгиз-Бугой” // Материалы итоговой научной конференции профессорско-преподавательского состава КазГУ. Алма-Ата, 1974. С. 6—7.
33. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 106—165; То же // В кн.: Утемиш-хаджи. Чингизнаме... Алма-Ата, 1992. С. 14—56 (см. 38 данного списка).
34. Анонимное тюркоязычное сочинение второй половины XVI в. из Восточного Туркестана “Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф” (Историко-источниковедческое введение, перевод, комментарий) // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 4—40.
35. “Тарих-и Шайбани” как источник по истории казахского и каракалпакского народов // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата: Наука, 1988. С. 201—221.
36. Молла Абд ал-Алим. Ислам-наме / Предисловие, перевод и комментарий В. П. Юдина // Международные отношения в Центральной Азии XVII—XVIII вв.: Документы и материалы. Книга 2. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 247—254.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина; Подготовила к изданию Ю. Г. Баранова; Комментарии и указатели М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

В этой книге В. П. Юдину принадлежат:

37. Перевод на русский язык с тюркского “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи (с. 87—118), подготовка факсимиле (с. I—XLVIII), транскрипция оригинального текста (с. 119—145), текстологические примечания (с. 160—219).
38. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... (с. 14—56) (см. 33 данного списка).
39. Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в Казахских степях в XIV в. (К проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) (с. 57—75).
40. Неизвестная версия гибели Урус-хана (из политической истории Восточного Дашт-и Кыпчака XIV в.) (с. 76—82).
41. О строительстве мавзолея кыйата Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в. в связи с историей Дашт-и Кыпчака (с. 83—86).
42. Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV—XVIII веков // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 17—71.
43. Могулы // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 96—136.
44. К этимологии этнонима казах(қзақ) // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 137—166.
45. Историографическая концепция автора “Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад Хайдар доглата // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 179—221.

На уйгурском языке

46. Эхо веков: Образцы староуйгурской литературы XI—XIX вв. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1963. 368 с. / Составление совместно с М. Хамраевым, С. Моллаудовым, Й. Мухлисовым; Ответственное редактирование совместно с М. Хамраевым; Составление староуйгурско-уйгурского словаря (с. 352—364).
47. Уйгурская литература: Хрестоматия по уйгурской литературе для IX кл. уйг. ср. школы. Алма-Ата: Казучпедгиз, 1963. 176 с. В соавторстве с К. Разиевым и С. Моллаудовым.
48. Уйгурская литература: Хрестоматия по уйгурской литературе для IX кл. уйг. ср. школы. Алма-Ата: Мектеп, 1966. 284 с. В соавторстве с К. Разиевым и С. Моллаудовым (дополненное 2-е издание 47 настоящего списка).
49. Абдурехим Низари. Избранное / Сост. В. П. Юдин; Предисловие М. К. Хамраева; Составление староуйгурско-уйгурского словаря (с. 203—261). Алма-Ата: Жазушы, 1969. 264 с. (Издание поэм уйгурского поэта XIX в. на староуйг. яз.).

На казахском языке

Статьи в “Казахской советской энциклопедии”:

Том 1. Алма-Ата, 1972:

50. Ақбарақ (с. 201—202).
51. Аққорған (с. 209).
52. Ақ-Қуяш (с. 211).
53. Арық-Буқа (с. 497).
54. “Ахсан ат-таварих” (с. 617).
55. Ахсиканди (с. 617).

Том 2. Алма-Ата, 1973:

56. Әбу Нәср әл-Қубави (с. 9).
57. Әдік-султан (с. 23).
58. “Әл-асар ул-бақия ан әл-қурун әл-һалия” (с. 31).
59. Әмір Сейід Самарқанди (с. 40).
60. “Бадаи ал-вакаи” (с. 75).

61. Базаршы (с. 80).
  62. Байани (с. 82).
  63. Басқақ (с. 179).
  64. Бауыршы (с. 209—210).
  65. “Бахр ал-асрар” (с. 211).
  66. Банадур-хан (с. 212).
  67. Баюндур (с. 218—219).
  68. Бәйзаві (с. 222—223).
  69. Бегім (с. 227—228).
  70. Бекзада (с. 242).
  71. Беклер бегі (с. 243).
  72. Бектілі (с. 244).
  73. Бекше (с. 246).
  74. Бенакент (с. 284).
  75. Бердибек-хан (с. 291).
  76. Беркеджар (с. 296).
  77. Бинаи (с. 330).
  78. Бойдас (с. 374).
  79. Бурқут (с. 497).
  80. Бұлатшы (с. 522).
  81. Бұлғақ (с. 522).
  82. Бұранғар (с. 526).
  83. Бұрыш-оғлан (с. 530—531).
- Том 3. Алма-Ата, 1973:**
84. Волин С. Л. (с. 62).
- Том 5. Алма-Ата, 1974:**
85. Келдібек-хан (с. 348).
- Том 8. Алма-Ата, 1976:**
86. Мир Алим Бухари (с. 62).
  87. Мир Мухаммад Амин Бухари (с. 63).
  88. Молла Абд ал-Алим (с. 109).
  89. Молла Нийаз Мухаммад Хоқанди (с. 110).
  90. Мухтасиб (с. 231).
- Том 9. Алма-Ата, 1976:**
91. “Рәшәхат әйн әл-һәйат” (с. 441).

На английском языке

92. Sinkiang: The Revolt of 1864 // *Central Asian Review*. London, 1963. Vol. XI. № 2. P. 168—180 (Перевод работы 4 настоящего списка).
93. The Moghuls of Moghulistan and Moghuliya // *Central Asian Review*. London, 1966. Vol. XIV. № 3. P. 241—251 (Перевод работы 6 настоящего списка).
94. Сокращенный перевод рецензии на кн.: Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков (Перевод работы 9 настоящего списка) // *Central Asian Review*. London, 1966. Vol. XIV. № 4. P. 351—352.

Издания, посвященные В. П. Юдину

1. Некролог: Вениамин Петрович Юдин // *Известия АН КазССР. Серия общественных наук*. 1983. № 4. С. 85.
2. Брагин А. Третье рождение. Туркестанская повесть. Алма-Ата: Жазушы, 1984. С. 14, 201—205: (воспоминание о беседе с В. П. Юдиным и упоминание о нем как о переводчике, по просьбе автора, 34-го хикмета Ходжи Ахмеда Яссави, литературно обработанного А. И. Брагиным).
3. Брагин А. Вильям аль-Москва // *Простор (Алма-Ата)*. 1985. № 12. С. 97—101; То же // Брагин А. Поздний рассвет: Повесть, рассказы, очерки, воспоминания. Алма-Ата: Жазушы, 1986. С. 301—312.
4. Сулейменов Р. Б., академик АН РК. Послесловие (посвящается В. П. Юдину в связи с изданием сочинения Утемиш-хаджи “Чингиз-наме”) // *Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина; Подготовила к изданию Ю. Г. Баранова; Комментарии и указатели М. Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 220—224.*
5. Ахмедов Б. А., чл.-кор. АН РУз. От ответственного редактора // *Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина...* С. 5—10.
6. Баранова Ю. Г. Вступительное слово // *Утемиш-хаджи.*

- Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина... С. 11—13.
7. Ирмуханов Б., доктор исторических наук, профессор. Русский исследователь казахской истории (в связи с изданием книги: *Утемиш-хаджи. Чингиз-наме // Казахстанская правда. 1993. 20 апр. С. 4.*
  8. Баранова Ю. Г. Научные чтения памяти востоковеда В. П. Юдина (Хроникальная заметка о первых чтениях) // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 1993. № 6. С. 86—87.
  9. Дудкова В. Мастер по “кочующим ошибкам”, или человек, который ходил в науке прямой дорогой // Экспресс К, 1993. 28 окт., 2 нояб.
  10. Ауман Э. Чтения памяти Вениамина Петровича Юдина (о вторых чтениях) // Наука Казахстана, 1994, № 11(23). 1—11 июня.
  11. Аль-Халел Карпык. “Чингиз-наме” Утемиш-хаджи и В. Юдин // Белая кость прошлого. Наши современники. Серия “Звезды Казахстана” (просветительно-рекламное издание). Алматы: Агентство Аль-Халел, РГЖИ Дауір, 1994. С. 140—141.
  12. Ананьева С. Юдинские чтения (о четвертых чтениях) // Наука Казахстана, 1996. № 11(71). 1—15 июня.
  13. Ирмуханов Б., доктор исторических наук, профессор. Он исследовал нашу историю. Крупнейшему казахстанскому востоковеду В. П. Юдину исполнилось бы 70 лет // Казахстанская правда. 1998. 20 февр.
  14. Абусейтова М. Х. Вклад В. П. Юдина в казахстанское источниковедение // Материалы I и II Научных чтений памяти В. П. Юдина (1993—1994 гг.) Алматы: Дайк-Пресс, 1999. С. 8—13.
  15. Мустафина Р. М. Вклад В. П. Юдина в казахстанское религиоведение // Материалы I и II Научных чтений памяти В. П. Юдина (1993—1994 гг.) Алматы: Дайк-Пресс, 1999. С. 14—16.
  16. Ананьева С. Юдинские чтения (о пятых чтениях) // Наука Казахстана, 1999. № 24(156). 16—31 декабря.

ПУБЛИКАЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ В. П. ЮДИНУ

Вениамин Петрович Юдин

12 мая 1983 г. безвременно ушел из жизни Вениамин Петрович Юдин, видный востоковед — историк, филолог, большой знаток персо- и тюркоязычных рукописей, исследователь и педагог.

В. П. Юдин родился 1 февраля 1928 г. в Волгограде. Свою научно-педагогическую деятельность начал как уйгуровед после окончания в 1950 г. Московского института востоковедения им. Н. Нариманова, где был оставлен в аспирантуре. Одновременно преподавал уйгурский язык. В 1955 г. был приглашен преподавателем на уйгурское отделение историко-филологического факультета КазПИ им. Абая. С этого времени научные интересы В. П. Юдина неразрывно связаны не только с уйгуроведением, но и с изучением истории Казахстана на основе сведений восточных источников, чем он занимался до конца своих дней — и в годы работы в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР (1960—1970), и будучи преподавателем кафедры истории Казахской ССР истфака КазГУ (1970—1976), и позднее, перейдя на работу в отдел уйгуроведения Института языкознания АН КазССР.

В. П. Юдин опубликовал свыше 80 научных работ на русском, уйгурском и казахском языках, некоторые из них вышли

за рубежом в английском переводе. Особое место занимает изданный в 1969 г. под руководством и при непосредственном участии В. П. Юдина капитальный труд — “Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)”, где ему принадлежат сверка и общая редакция всех переводов, переводы извлечений из 10 источников и комментарии к ним, а также источниковедческие статьи ко всем 17 источникам, вошедшим в “Материалы”. В этих статьях ученому удалось решить ряд вопросов историко-источниковедческого характера. Заслуживает внимания предложенная им классификация источников, учитывающая их социально-политические тенденции, зависимость по содержанию и т. д. В. П. Юдин установил, что первым годом достоверного упоминания в источниках казахских жузов можно назвать 1616 г., а не 1731, как считалось ранее. В Советском Союзе и за рубежом получила признание его работа “О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами”. В ней предпринята новая постановка вопроса о Могулии как отличном от Могулистана в этническом, территориальном и хронологическом отношениях государственном образовании и о могульском этническом компоненте, принявшем участие в сложении казахского, уйгурского и киргизского народов. Большой интерес представляют статьи, посвященные анализу малоизученных и ранее не привлекавшихся для изучения истории Казахстана и Восточного Туркестана рукописей: “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи (XVI в.), “Тарих-и Шайбани” (XVII в.), “Зийа ал-кулуб” Мухаммад Аваза (XVII в.) и др. Глубокий исследовательский характер носят печатные рецензии В. П. Юдина на описания уйгурских рукописей А. М. Мутинова и Ю. Мухлисова, на исследования по истории Казахстана и Средней Азии Б. А. Ахмедова и С. Г. Кляшторного. В рецензии на работу С. Г. Кляшторного В. П. Юдин внес отдельные уточнения в переводы двух древнетюркских рунических памятников, выполненные ранее С. Е. Маловым. Статьи В. П. Юдина публиковались в Советской исторической и Казахской советской энциклопедиях. Многое из того, что сделал В. П. Юдин, не было опубликовано при его жизни.

Он был членом Центрального совета Общества охраны памятников истории и культуры Казахстана, руководил работой секции востоковедения, много сделал для подготовки молодых специалистов по истории Казахстана.

В. П. Юдина отличали широта научных интересов, высокий профессионализм, оригинальность исследовательского поиска, принципиальность, требовательность, щедрость в научном общении.

Светлая память о талантливом труженике науки — Вениамине Петровиче Юдине навсегда останется в сердцах его коллег, учеников, друзей.

Группа товарищей

Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. 1983. № 4. С. 85.

Ходжа Ахмед Яссави из поэтического дивана “Хикмат”¹

Мы предлагаем вниманию читателя стихи Ходжи Ахмеда. В первых двух случаях нами взяты стихи в переводе А. Адалис, из 55-го тома “Библиотеки всемирной литературы”, тома, в котором представлены сокровища поэзии народов СССР.

Подстрочный перевод третьего стихотворения из “Хикмат” сделан для настоящего издания востоковедом В. П. Юдиным, а литературный перевод принадлежит автору книги.

Знакомство с этими стихами убеждает, что Ходжа Ахмед, как и многие его современники из далекого азиатского средневековья, будучи верен исламу, не чужд и острых социальных мотивов. И даже там, где он излагает суфийские представления о вере, порой достигает лирических высот, которые не оставят равнодушным любителя поэзии.

Прежней щедрости в народе нашем нет...

Правды шахов и визиров стерся след.

---

¹ Премудрость.

Отвергает бог дервишеский обет...
Для народа — время страшных бед,
о, люди!

Тот, кто был ученым мужем, знатоком,
Стал насильником, льстецом иль дураком,
Для дервиша правдолюбец стал врагом,
Посмотрите: это гибнет свет,
о, люди!

Разве долго до скончанья света? Нет!
Раб Ахмед солгал ли это? Нет.
Сам ли пользы от совета ждет? О, нет!
Уходя народу даст совет,
о, люди!

* * *

Некто был к власти приучен,
Тяжким богатством навьючен, —
Словно каргас — трупоед,
Сгинул в болоте вонючем,

Муфтий² лишь себя ведь
Ловко умел прославить —
Белое черным представить...
Буду в аду, в пепле бед!

Казий чванливым был самым,
В спеси он спорил с имамом³,
Каждый ослом был упрямым —
Пали под кладью, и — нет.

Горе мздоимцам: хоть в силе, —
Пальцы они прикусили.
Страшно им даже в могиле, —
Дать им придется ответ.

² Муфтий — духовное лицо, объясняющее мусульманские законы.

³ Имам — мусульманское духовное лицо.

Жирно кто ел и нечисто,
Кто одевался цветисто,
С трона хвалил за убийство,
Прах он — и прахом одет.

Тридцать четвертый хикмат

И вдруг я встал. Великие мне в кровь
Внесли к священной истине любовь.
Ко мне в тот час явился Хызр-баба⁴,
Взял за руку смиренного раба.

О, мои друзья!

Вина мне дал испить мой Хызр святой,
Когда пошел мне год тридцать второй.
Я был в плену губительных утех,
Но истина простила тяжкий грех.

О, мои друзья!

Вновь год прошел. Мне истина велит,
Мечты отбросив, рабски ей служить:
“Я дам тебе правдивой веры свет!”
Ликует сердце бедное в ответ.

О, мои друзья!

Я моего создателя хвалю.
Меня пинает каждый, — я терплю.
Пусть сон теряет надо мною власть:
Ушла гордыня и смирилась страсть.

О мои друзья!

Я в тридцать три в застолье кравчим стал,
Делил вино, себя не обделял.
Сбирал войска — шайтана сокрушить,
Два вожделенья смог в себе убить.

О, мои друзья!

---

⁴ Хызр-баба — святой.

В тридцать четыре мудрость я постиг,
Мне голос был: “Слагай хикматы в стих”.
С чильтанами⁵ я дружбы пил вино,
Чтоб истиной светиться заодно.

О, мои друзья!

Я в тридцать пять мечетью править стал.
Любовь дарил — тем, кто любви алкал.
Путь выпрямлял я сбившимся с пути
И помогал им истину найти.

О, мои друзья!

Я совершенства в тридцать шесть достиг,
Ко мне избранник обратил свой лик,
Я сгорбился, от счастья я рыдал,
И меч любви мне сердце искромсал.

О, мои друзья!

Мне тридцать семь, — во сне забылся я.
Лишь на рассвете пробудился я.
И без стенаний, без ненужных слез
Владыке я раскаянье принес.

О, мои друзья!

А в тридцать восемь разрыдался я, —
Ведь умирать не собирался я.
Но вдруг увидел явственно сквозь мглу:
Мне смертный час подносит пиалу.

О мои друзья!

Я в тридцать девять от печали сник,
Иссяк терпенья моего родник.
Лишь терпеливый радости познал,
Я ж был нетерпеливым. Я — увял.

О, мои друзья!

На сердце — мрак, и борода седа.
Жду милость я в день страшного суда.

⁵ Чильтаны — сорок невидимых людей, творящих добрые дела.

Цари земные знают и Аллах,
Что я бессилен, я погряз в грехах.

О, мои друзья!

Но милостью Аллах нас озарил, —
От пирова⁶ глотка и я испил.
Ищу свой путь я, не смыкая глаз,
Чтоб птица сердца в небо вознеслась.

О, мои друзья!

Но страх мой грешный омрачает дух,
Трепещет сердце — так велик испуг.
Так страшен мост названием Сарат⁷.
Ступив на мост, ты не уйдешь назад.

О, мои друзья!

Ты в сорок — раб. Ходжа Ахмед, смирись,
Плачь здесь, Ахмед!

В загробье будешь чист,
Вступив на тариката⁸ путь, Ахмед.

Ты с истиною в дружбе будь, Ахмед.

О мои друзья!

Алексей Брагин

Третье рождение. Алма-Ата, 1984.
С. 201—205.

Вильям Аль-Москва

В наше время самой усовершенствованной связи — телефон, а вот-вот и видеотелефон, телеграф, телетайп, звуковые письма — так легко рвутся простые людские связи. Рвутся в извечной мелкой суете, рвутся по нашему небрежению, рвутся в силу всяческих обстоятельств, которыми даже при всей их серьезности никак нельзя оправдать собственную невнимательность, собственные равнодушие и эгоизм.

⁶ Пир — высокий духовный наставник.

⁷ Сарат — мост из жизни в смерть.

⁸ Тарикат — путь к истине.

Без всякого серьезного повода оборвалась у меня связь с историком Вениамином Петровичем Юдиным. Оборвалась примерно тогда, когда я заканчивал работу над Туркестанской повестью, работу, в которой он мне так бескорыстно и так заинтересованно помогал.

Последний наш разговор был телефонным. По обычаю я обратился к нему за помощью, за советом. На этот раз беседа касалась Тимура и региона сырдарьинских городов. Вениамин Петрович отвечал чуточку медленнее, чем накануне, но — как это ему было частенько свойственно — с юмором:

— Вам ведь не надобно доказывать, что Тимур и не подозревал о существовании такой науки, как политическая экономия. Впрочем, и кочевники ведать не ведали о ней. А поступали часто согласно ее законам. Земельная рента им была неведома, да и не нужна. Но если строилось в степи здание, при этом такое величественное, что тень его отбрасывалась на Дешт-и Кипчак, то кочевник понимал — кто владеет этим зданием, тот владеет и всей землей окрест.

Как бы отчетливо ни звучал в трубке голос Вениамина Петровича, голос человека, привыкшего объяснять, я почувствовал в его тоне нотки раздражения, может быть — и просто усталости, просто болезни. Ведь знал же я, что ему недужилось.

— Вы мне позвольте задать еще один вопрос, если вам не хочется отдохнуть от всяких вопросов, — сказал я с той витиеватой вежливостью, которая не была принята между нами.

— Позволю, конечно!.. Задавайте, задавайте.

— Скажите мне, почему Тимур так дорожил званием гурегана, зятя... Почему он не довольствовался своим, достаточно грозным именем. Я говорю о временах его дружбы-вражды с Тохтамышем.

— Вы правы, имя Тимура в ту пору было достаточно грозным, но у Тохтамышша было одно преимущество, преимущество чингизида.

— Знать-то я это знаю, Вениамин Петрович, но, признаться, до конца не понимаю.

— Я вам объясню подробно, но не сегодня и даже не в ближайшие дни.

И вдруг с совершенно другой интонацией, доверительной и дружеской:

— Чувствую я себя дрянновато. Вот поправлюсь и обязательно позвоню. Ждите моего звонка.

Я ждал, но так и не дождался.

А до этого телефонного разговора у нас была еще одна беседа, мимолетная, полушутливая во время случайной встречи у библиотеки имени Пушкина, неподалеку от его квартиры.

Он был в голубой рубашке, спокойный, непохожий на самого себя, с бородой, которую отпустил, кажется, в больнице. Окладистая — лопаткой — борода, да еще с проседью, сильно старила Вениамина Петровича.

— Что это вы в старики записались?

— Хочу быть похожим на шейха, — отшучивался он, — а скорее всего апатия, надоело каждый день бриться. — И тут же не без улыбки — все равно я моложе вас.

Заглянул я в его серые глаза, воистину молодые, а не придуманные молодыми ради утешения действительно больного и действительно начинающего стареть человека.

Заглянул и увидел: свет, ясность. Жить ему да жить, работать да работать.

— А все-таки сбейте бороду, — пожелал я ему напоследок.

Он усмехнулся — озорной дух противоречия проснулся в нем:

— Вам назло не срею.

И подумалось мне, что он похож на очарованного странника, что бредет он по своему Востоку то пустынной землей, от оазиса одной рукописи к другому оазису, то землей обетованной, хранящей собрания старинных книг. У него учитель — книги и сама жизнь.

Он любил гордое и грустное рубайи Омара Хайяма:

Я — школяр в этом лучшем из лучших миров.

Труд мой тяжек: учитель уж больно суров.

До седин я у жизни хожу в подмастерьях,

Все еще не зачислен в разряд мастеров.

Эта наша последняя встреча была краткой, совершенно не деловой.

...Он уже ушел из жизни, а я считал его здравствующим, работающим.

Его черед позвонить по телефону так и не наступил.

...Как я любил бывать у Вениамина Петровича и Юлии Григорьевны дома. Что и говорить, их однокомнатная квартира для двух, повторяю, для двух ученых, была тесноватой. Книги были всюду — не только на полках, но и на подоконниках, на телевизоре, на диване, но муж и жена были умелыми лодчманами в этом книжном море. Здесь — избави бог — не водилось модных претенциозных изданий и просто книг с нарядными обложками (за исключением альбомов по искусству, особенно восточному), но уж Бартольд, Гордлевский, Семенов, Левшин, Бичурин, сборники институтов истории и востоковедения, журналы по специальности, микрофильмы редких изданий были представлены самым полным образом. Возьмешь книгу, раскроешь, обнаружишь на полях пометки, сделанные или арабским шрифтом, или на русском языке. Такими маленькими, аккуратными, круглыми буквами. Каждая буква отдельно и с небольшим наклоном в правую сторону: почерк Вениамина Петровича напоминал почерк Есенина. А в комнате пахло (да пахнет, пожалуй, и теперь) легким запахом табака и кофе, ну прямо как в приморской кофейне. Он часто сам варил кофе в кофеварке, пил его из стакана с мельхиоровым или серебряным подстаканником, подаренным к дню рождения одной из учениц. Он любил кофе и любил угощать им своих гостей, чаще всего приходящих по делу, их здесь бывало предостаточно.

— Вениамин Петрович, а почему они вас называют Вильямом? — спросил я его однажды.

— Вероятно, так лучше звучит по-тюркски. Шекспир, во всяком случае, тут ни при чем. Я как-нибудь расскажу.

Прошло некоторое время, и я снова услышал:

— Вильям аль-Москва.

Так приветствовал его молодой уйгур-аспирант.

И вот теперь, не от самого Юдина, а от других я узнал более подробно происхождение этого обращения. Вернемся для этого в первые послевоенные годы.

Школа, в которой учился Вениамин Юдин, находилась недалеко от линии Сталинградского фронта. Что такое война, он узнал не понаслышке. Занятия проходили под эхо бомбежек и вмятый

гул орудий, с полгода вовсе не учились. Закончил Юдин школу сразу после войны. Он и не думал заниматься наукой. Насльшанный о подвигах моряков Каспийской флотилии, Вениамин мечтал о военно-морском училище. Не приняли — зрение подвело. В Институт востоковедения имени Нариманова, будем правдивы, он попал почти случайно. Что ж, в жизни бывает и так: я знал блестящего хирурга, мечтавшего о консерватории и чуть ли не по ошибке поступившего в мединститут. Знал девушку, закончившую филологический факультет и переучившуюся на инженера-металлурга. Вениамину Юдину переучиваться не пришлось. Сталинградский мальчик, подросток, знавший опаленные войной степи Верхнего Дона, оказался неожиданно для самого себя врожденным лингвистом, студентом, памятьливым на исторические даты. Сама атмосфера института, еще хранившая некоторые добрые традиции Лазаревского, внушала уважение к отечественному востоковедению.

И студенты и преподаватели в эту вторую половину сороковых годов зачитывались книгой Игнатия Юлиановича Крачковского “Над арабскими рукописями”. Выдающийся ученый-арабист академик Крачковский писал свои “Листки воспоминаний о книгах и людях” в суровые годы войны. Проникновенные и изящные арабески были задуманы и начаты в блокадную зиму Ленинграда, а впервые увидели свет в майские дни 1945 года, в дни великой Победы.

Академик вспоминал и первые годы своей научной работы на кафедре арабской словесности Петербургского университета и первую свою командировку в Сирию и Египет для ознакомления с арабской культурой. Два года он странствовал по сирийским и египетским городам и селеньям. Он даже сотрудничал в местных газетах и журналах под псевдонимом “Русский скиталец”. Он так сблизился с арабами, что у него нет-нет да и возникало желание остаться навсегда в каком-нибудь маленьком городке, работать во имя прошлого и для будущего арабского народа, вести по принятому здесь обычаю неторопливые беседы за чашечкой кофе, вдыхать после жаркого дня вечернюю прохладу на крыше невысокого скромного домика.

— Оставайся с нами, Гантус ар-Руси, Игнаша из России, — не совсем веря в исполнение такой просьбы, уговаривали его сирийцы.

Студенты влюбленно всматривались в портрет седого академика. Они зачитывались его эссе, статьями и монографиями-исследованиями, где что ни страница, то открытие, где уважение и привязанность к Востоку сочетались с глубоким знанием и древней культуры, и реалий XX столетия.

Новобранцев востоковедения вводили в необычный и увлекательный мир сочинения Бартольда и Семенова и многих-многих других. Трудно было поначалу самим читать тюркские рукописи на арабской графике. Трудно, но как интересно, как поучительно. И сознанием владела мысль — без этого тюркологам не обойтись, будь он историк, будь он филолог. К концу учебы в институте Вениамин Юдин знал, что ни с одной из этих смежных специальностей он уже не расстанется. С одинаковым рвением он прилежно изучал историю Восточного Туркестана и тюркские языки, прежде всего уйгурский. На последнем курсе он уже свободно говорил, писал на нем и вел занятия на младших курсах.

Не было ничего удивительного в том, что уже в 1955 году, проработав немного в самом Институте востоковедения, он переехал в Алма-Ату по приглашению Казахского педагогического института имени Абая для работы на только что открытом уйгурском отделении историко-филологического факультета.

О лекциях молодого, русоволосого и светлоглазого преподавателя на уйгурском отделении историко-филологического факультета молва шла не только в столице республики, но и селениях Семиречья. Он читал историю уйгурского языка и уйгурской литературы. Читал на уйгурском языке, да так совершенно и ярко, что его лекциями заслушивались. А когда принимал зачеты или присутствовал на докладах студентов, то сердился, если уйгур коверкал родной язык.

Вероятно, в ту пору и возникло новое имя Вениамина Петровича — Вильям.

Воспитанник московского института щедро раздавал свои знания и одновременно с педагогической работой вел научный поиск. Так появляется исследование, его исследование "Исторические корни уйгурской сказки о Чин Тёмюр-батуре и Махтумсуле". Так в книге "Эхо веков", своеобразной антологии уйгурской поэзии, стараниями Вениамина Петровича реставрируют-

ся, становятся доступными читателю образцы творчества чуть ли не десяти поэтов, несправедливо преданных забвению.

С 1960 года целое десятилетие В. П. Юдин работает в Институте истории, археологии и этнографии имени Чокана Валиханова Академии наук Казахской ССР.

Я пишу не библиографическую справку, и поэтому не буду перечислять всех работ Вениамина Петровича. Но на одной хочется остановиться особо.

“МИКХ” — аббревиатура, известная едва ли не каждому отечественному востоковеду. Расшифровывается она довольно громоздко: “Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков”. И еще подзаголовок — “Извлечения из персидских и тюркских сочинений”. Солидная книга объемом в 650 страниц. Перелистайте “Историю Казахской ССР” — постоянные ссылки на МИКХ, и не только во втором томе.

Издание это, уже ставшее уникальным (тираж всего 1750 экз.), — настоящее достижение Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР.

В предуведомлении “От составителей” читаем: “Издание сборника было задумано кандидатом исторических наук С. К. Ибрагимовым, который руководил группой исполнителей до 1960 г. Завершена эта работа под руководством В. П. Юдина”.

Вениамин Петрович выступает здесь в разных ипостасях: он и один из основных составителей, он и автор вводных статей-справок, предпосланных каждому извлечению, статей, написанных емко, сжато и вместе с тем с остроумием и живостью: из семнадцати сочинений, извлечения из которых включены в сборник, десять он выявил и перевел лично — ему же принадлежат и комментарии к ним.

Не сегодня и не вчера, а еще в год выхода сборника (1969) меня заинтересовал вопрос: почему столь необходимая для изучения истории Казахстана и Средней Азии книга вышла в свет без обстоятельной статьи, обобщающей итоги многолетней исследовательской работы.

Ответ был неожиданно прост: такая статья была написана. Блестящая статья. Она и сейчас существует в рукописи, многие мне говорили об этом. В том числе и автор. Только сказал он

более чем скромно: кажется, кое-что удалось. Но поработать пришлось не один месяц.

Стоит ли говорить, что этим автором был Вениамин Петрович.

Однако, к большому сожалению, вступительная статья не увидела свет по бесконечно далеким от науки соображениям, а точнее говоря из-за зависти к таланту, из-за боязни, что в свете нового имени могут несколько потускнеть авторитетные имена.

Дело в общем крайне простое и даже тривиальное. Вениамину Петровичу было беспринципно предложено соавторство, а он принципиально от него отказался. В результате Юдин приобрел репутацию неуживчивого, капризного человека. И отнюдь не "охота к перемене мест" привела его осенью 1970 года на кафедру истории Казахской ССР исторического факультета Казахского государственного университета имени С. М. Кирова.

Бывшие студенты КазГУ в равной мере связывают с именем Вениамина Петровича и блестящие его лекции по истории Казахстана, и семинарские занятия, и кружок "Востоковед". Он был организован им на истфаке в 1970 году.

— Сегодня мы будем читать с вами Омара Хайяма. Вот послушайте.

И он начинал читать стихи по-персидски, потом переводил, помогал вникать в скрытый смысл.

— Вы думаете — Хайям был легкомысленным гулякой? Ничего подобного! Философ, один из лучших астрономов своего времени, в стихах он владел изяществом формы и проникал в глубины человеческих чувств.

Хайям, Хафиз.

И вдруг совершенно неожиданное обращение к "Персидским мотивам" Есенина.

Голубая родина Фирдоуси... Фирдоуси, как принято произносить теперь.

Когда знакомились с Фирдоуси или Навои, Вениамин Петрович подчеркивал значение их поэм не только для воспитания эстетических чувств, не только для постижения вершин поэзии Востока, но и как источников, в которых надо уметь находить и оценки исторических событий, и подлинные черты деятелей прошлого.

В дружеской свободной атмосфере кружка и преподаватель легче входил в контакт со студентами.

Появились юдинские ученики. Он передавал им не только свои знания, но и свою увлеченность. Учил скромности и дисциплине в работе. Сколько было у него дипломников, а сколько ученых, уже защитивших свои диссертации, вышло из дипломников. Приметив способного и прилежного ученика, он уже не выпускал его из поля зрения. И ученики тянулись к нему. Они никогда не вместились бы разом в комнату-лодочку Юдина, но каждый из них побывал там и в праздники, и в будни, и в дни болезни Вениамина Петровича. О кандидате исторических наук Меруерт Абусеитовой стоило бы написать отдельный очерк, как передал ей Вениамин Петрович свою преданность истории, свое классное умение работать с документами, как путешествовала Меруерт по городам Средней Азии в поисках рукописей-материалов, необходимых для изучения прошлого Казахстана, как проводила свои исследования о казахских ханствах.

Это она вместе с женой Вениамина Петровича Юлией Григорьевной рассказывала мне о том, как жил и работал Юдин, как воспламенялся, открывая неизвестные страницы и даже строки старых документов, как весело и верно дружил со своими братьями по профессии, словно любимый им д'Артаньян со своими мушкетерами.

Было ли у Вениамина Петровича какое-нибудь увлечение, хобби, как стали с некоторых пор говорить? Он ничего не коллекционировал, ибо нельзя же считать коллекционированием пополнение своей библиотеки нужными книгами. Он не занимался дзюдо или каратэ и редко — даже реже, чем нужно, — выезжал за пределы Алма-Аты.

И все-таки одна страсть была, но тоже научная страсть, связанная с интересами историка и филолога.

Его заинтересовала гипотеза о ностратических — родственных по происхождению — языках Евразии, Африки и даже... Америки. Произвели на него впечатление работы языковеда и этнографа Юрия Кнорозова, расшифровавшего язык индейцев-майя. Однажды Вениамин Петрович столкнулся с языком кечуа, в средневековом прошлом бывшим официальным языком Перу. Ему понравилось певучее звучание слов:

Илья — молния,
Инти — солнце,
Палья — женщина царской крови,
Пума — лев.

И, наконец:

Мама — мама.

А что, если я составлю кечуа-русский словарь, подумал Вениамин Петрович. И, представьте, составил, предварительно выписав и изучив словари кечуа-испанский, испанско-кечуа, кечуа-английский, англо-кечуа.

Дала знать — в какой раз! — способность к овладению языками.

Так что же такое этот словарь — хобби или еще не оцененная по достоинству научная работа?

Я попросил Василия Михайловича Никитевича, доктора филологических наук, крупного ученого-лингвиста, знавшего Вениамина Петровича, читавшего многие его труды, рассказать мне о нем и, в частности, прокомментировать его занятия кечуа.

— Хорошо помню Юдина в Казахском университете. Познакомились мы в первой половине семидесятых годов. Общались в комиссиях, в перерывах между лекциями. Филологический факультет был на втором этаже, исторический — над нами.

Вениамин Петрович был близок нам по духу. В нем легко угадывался не только историк, но и филолог. Сам склад его ума был, если можно так выразиться, историко-филологического характера. Он тяготел к нам, филологам, и в первую очередь к сотрудникам кафедры языкознания. И это вполне понятно. История и филология неизбежно объединяются, становятся как бы единой наукой, особенно при изучении истории определенного народа. И если это дописьменный период, то именно язык дает наиболее точные и убедительные данные, помогающие определить пути происхождения народа.

Постоянный интерес Вениамина Петровича к тюркским языкам вполне закономерен. Но не надо удивляться его тяге и к другим языкам. Он вникал в прошлое преимущественно по вертикали, проникая в древнейшие пласты языка, старался заглянуть, как сказал бы лингвист, в диахронические истоки.

Мне представляется неслучайным и увлечение Юдина кечуа, составление словаря этого древнего языка инков, языка, существующего и поныне в некоторых странах Латинской Америки, в одном случае даже государственного — наряду с испанским.

К сожалению, я незнаком со словарем кечуа, составленным Вениамином Петровичем. Но могу предполагать, что это результат не простого любопытства, не смежная с наукой — пусть и увлекательная — игра, а нечто гораздо большее и перспективное. Кто знает, может быть, Юдину удалось, пользуясь методами ностратического языкознания, увидеть связь народов Азии с народами Америки, какие-то общие черты их этнографии, их культуры.

...Вениамин Петрович стремился сблизиться с нами, лингвистами. Не могу простить себе, что со своей стороны я недостаточно решительно пошел ему навстречу. А ведь нам это сближение было в такой же мере желательно, как и историкам.

...Профессор В. М. Никитевич прав и в более широком плане. Щедрый и непосредственный, В. П. Юдин давал больше, чем получал, надеялся на соучастие и поддержку в своих исследованиях многих, но сбывались эти надежды далеко не всегда.

Смерть пришла внезапно, не дав ему возможности завершить все задуманное.

Однако смерть, даже внезапная, умеет справедливо подводить итоги и все ставить на свое место.

Случилось так, что почти одновременно из жизни ушли три крупных казахстанских историка, Вениамин Петрович в их числе. В четвертом номере “Известий Академии наук Казахской ССР” (1983 г.) серии общественных наук одновременно напечатаны три одинаковых по размерам некролога. Нисколько не умаляя заслуг первых двух ученых, я хочу отметить одну существенную разницу. В публикации памяти В. П. Юдина не перечисляются ученые звания и награды по очень понятной причине. Да он и не стремился к званиям и наградам. Поживи он подольше, они бы бесспорно появились. Но в перечне ученых трудов он никак не уступил своим старшим коллегам.

В конце 1983 года в Алма-Ате, в издательстве “Наука” вышел сборник “Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—

XVIII вв.". В нем опубликована большая работа Вениамина Петровича: "Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...".

С увлечением вчитываюсь я в страницы, насыщенные фактами, в страницы, просветленные пытливым умом, радуюсь концентрированности и изяществу формулировок. Узнаю новое.

И вдруг вспоминаю наш разговор по телефону о Чингизхане и чингизидах. Вениамин Петрович обещал к нему вернуться. Не позвонил, не смог позвонить...

Но в статье этой есть исчерпывающий ответ.

"Ведь были только "на небе бог и на земле Чингиз-хан..."

"Мы полагаем, что в данном случае есть все основания говорить о сложении новой религии. Религия эта была одной из составляющих мировоззрения и идеологии, порожденных татаро-монгольскими завоеваниями. Этот новый комплекс мировоззренческих и идеологических представлений мы назвали *чингизизмом*".

И далее:

"... тюрко-монгольские народы верили в реальность генеалогии Чингиз-хана, а его современники и последующие поколения знали, что он реальное историческое лицо".

И абзац ниже:

"...буддисты верили в реальность Будды, зороастрийцы — Зороастра, христиане — Иисуса Христа, мусульмане знали, что пророк Мухаммед, основавший ислам и по имени которого ислам иногда называют магометанством, — историческое лицо, относительно существования которого сомнения неуместны".

И через страницу:

"Прямую аналогию формированию чингизизма можно видеть в сложении магометанства — ислама. Существенная разница между их оформлением заключалась в том, что во втором случае "вначале было слово", а затем практические дела, а в первом — "меч", то есть дела, и лишь затем — "слово".

Вениамин Петрович вел смелую разведку на тех участках истории Казахстана, которые представлялись наиболее неясными, наиболее запутанными.

Он высказал, как уже упоминалось, интереснейшее мнение о Чингизе и чингизидах.

В этой же статье он писал: "... чингизизм как исторический феномен не изжил себя вплоть до нашего времени. История XX века дает ряд примеров его использования определенными кругами и силами в политической практике".

В высшей степени любопытны его высказывания о трех жузах — Старшем, Среднем и Младшем.

Нигде не встречал до Юдина такого убедительного толкования слова "казах":

"...переводов этого слова предложено много. Можно сказать, что все эти переводы верны и в то же время неверны. Переводы характеризуют какую-то сторону деятельности казака, оставляя нераскрытыми другие. Иными словами, слово *қазақ* не переводимо. Поэтому русские и восприняли его не переводя".

Не мне, литератору, давать оценки историческим концепциям Вениамина Юдина. Я могу только восхищаться его остроумием, смелостью мысли. Но вот профессор, доктор исторических наук Сергей Григорьевич Агаджанов, заведующий отделом в Институте истории Академии наук СССР, пишет о Вениамине Петровиче: "Я думаю о том, что мы довольно часто не осознаем истинную цену ученым при жизни. Неужели же, чтобы измерить величину чинара, нужно его спилить пилой смерти..."

Работой В. П. Юдина, связанной с историей Белой, Синей, Серой, Золотой Орд, его нынешние и будущие публикации не исчерпываются. Вскоре увидят свет его отдельные труды в Москве и у нас в Алма-Ате, подготовленные Институтом истории имени Валиханова.

Многие этапы истории Казахстана уже немислимо изучать без сделанного Юдиным.

Законченный портрет историка-востоковеда напишут, должны написать его коллеги, его ученики. Я же хотел сообщить только несколько штрихов из жизни ученого, выросшего в верхнедонских степях и ставшего увлеченным бескорыстным деятелем казахстанской исторической науки.

Алексей Брагин

Последний рассвет. Алма-Ата,
1986. С. 301—312.

Публикации, связанные с изданием книги Утемиш-хаджи “Чингиз-наме”

От ответственного редактора

“Чингиз-наме” относится к числу тех сочинений по истории Золотой Орды и Казахстана, которые все еще остаются вне поля зрения исследователей. Объясняется это, по-видимому, нераспространенностью списков этого произведения. На сегодня, как известно, в стране выявлен только один его список¹. Переглетен он в один том вместе с семью другими сочинениями, в основном богословского содержания, и, по всей вероятности, относится к XVIII — началу XIX в. К сожалению, он не отличается полнотой и прерывается на рассказе о Тохтамыш-хане (782/1380—797/1395). Написан этот текст по поручению Шайбанида Иш-султана (убит в 965/1558 г.) в первой половине XVI в.²

Автор — Утемиш-хаджи, сын маулана Мухаммада Досты; выходец из влиятельной семьи, бывшей в услужении у Ильбарс-хана (918/1512 — 931/1525). Предки же его были подданными Иадгар-хана, Шайбанида, улус которого в 80-х гг. XV в. располагался в низовьях Сырдарьи. Сам же Утемиш-хаджи служил вначале у вышеупомянутого Ильбарса, по-видимому, в должности дворцового писаря.

Первыми сведениями о “Чингиз-наме” и его авторе мы обязаны Е. Ф. Калю, В. В. Бартольду и А.-З. Валидову, которые отметили его научную значимость³.

Большой вклад в изучение “Чингиз-наме” внес видный казахстанский востоковед, ныне покойный В. П. Юдин. Это произведение было использовано им как один из основных источников при написании ряда работ, посвященных истории Казахстана XIV в.⁴ Три из

¹ Чингиз-наме: Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 1552/V. Л. 36а—59а.

² Чингиз-наме. Л. 36б.

³ [Каль Е. Ф.]. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной Библиотеки. Ташкент, 1889. С. 52; Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан (летом 1902) // Соч. М., 1973. Т. 8. С. 164—169; Валидов А.-З. Восточные рукописи в Ферганской области // ЗВОРАО. Т. 22. Ч. 2. 1915. С. 320.

⁴ Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 106—165 и др.

них — “Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в Казахских степях в XIV в.”, “Неизвестная версия гибели Урус-хана” и “О строительстве мавзолея Кыяата Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в. в связи с историей Дашт-и Кыпчака” публикуются впервые. И, наконец, В. П. Юдин подготовил памятник к печати на русском языке, снабдив его содержательными текстологическими примечаниями и транскрипцией оригинального текста.

Сведения “Чингиз-наме” имеют важное значение для решения проблем политической, этнополитической, хозяйственной, социально-культурной жизни населения средневекового Казахстана, проблем историографии и источниковедения. Сочинение Утемиша-хаджи охватывает время правления Чингиз-хана и Чингизидов — XIII—XIV вв. и содержит сведения о ханах Золотой Орды, начиная с Бату-хана и кончая приходом к власти Тохтамыш-хана. Оригинальность его представляет несомненный научный интерес для исследователей Золотой Орды и, в частности, для изучения Казахстана XIV в. — наименее исследованного периода.

Заслугой В. П. Юдина является то, что он первый выделил этот первоисточник в ряду других письменных сочинений, основанных на устной традиции, “степной устной историографии”, по его определению. К ним он относит, кроме труда Утемиша-хаджи (XVI в.), и другие сочинения XVI—XVII вв.: “Таварих-и гузида”, “Джами ат-таварих” Джалаира, сочинения Абул-Гази. Они дополняют материалы письменной историографии и, кроме того, написаны в соседних регионах — Хиве, Мавераннахре, Касимове, доносят до наших времен конкретные реалии жизни насельников Казахстана более ранних веков, в частности быт, идеологию, хозяйство, военное дело, язык кочевников Восточного Дашт-и Кыпчака XIV в.

“Чингиз-наме” написано в основном на материале преданий и устной информации. “В исторических сочинениях, — писал В. В. Бартольд, — он (автор “Чингиз-наме”. — Б. А.) находил только имена некоторых ханов, без всяких подробностей об их царствовании; большая часть ханов не была даже названа по имени. Поэтому он (Утемиш-хаджи. — Б. А.) стал собирать из уст знающих людей предания о прошлых временах... Скоро он прославился

как знаток преданий...”⁵. Собранный буквально по крупицам материал подвергался анализу. И только после этого он ложился в основу повествования. “Поскольку у меня было желание надлежащим образом знать об их (ханов Золотой Орды. — Б. А.) обстоятельствах, — писал по этому поводу Утемиш-хаджи, — по этой причине отправлялся к тем, о ком говорили, что такой-то старый человек хорошо знает предания, и расспрашивал [его] и устанавливал истину, и, взвесив на весах разума, приемлемое сохранял в памяти, а неприемлемое отвергал”⁶. Судя по его словам, у автора “Чингиз-наме” среди прочих информаторов были путешественники, вельможные люди, ханы (из числа последних он упоминает Ильбарс-хана)⁷, астраханцы Хаджи Нияз и Баба Али-бий из племен хитай, находившиеся на службе у Султан Гази-султана⁸, и др.

Автор много путешествовал по Хорезму и южным областям Золотой Орды, по окрестностям Каспийского моря и Нижнему Поволжью. И многие события в его книге описаны очевидцем. Так, рассказывая о сражении Берке-хана (655/1257—665/1266) с вторгшимся на территорию Золотой Орды войском Ильхана Хулагу-хана (654/1256—663/1265), Утемиш-хаджи пишет: “На том пути из Кулзумского (Каспийского. — Б. А.) моря многочисленными рукавами выходят заливы. Путь проходит, пересекая головы этих рукавов. Там есть высокие песчаные бугры. Я, бедняк, видел те места. [Их] называют Кыр-мачак...”⁹.

Излагая некоторые события, автор ссылается на хронику и дафтары Дост-султана¹⁰, старшего брата Иш-султана, правившего Хорезмом всего лишь один год (964/1557—965/1558). Приведем здесь эти места: “Некоторые говорят, что в этом войске был [сам] Хулагу-

⁵ Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. С. 165.

⁶ Чингиз-наме. Л. 366.

⁷ Чингиз-наме. Л. 516.

⁸ Был убит во время смут в Хорезме в 30-х гг. XVI в. Шайбанид Убайдаллах-хан Бухарский (940/1533-34—946/1539-40) воспользовался ими для завоевания в 1539 г. Хорезма (Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. С. 166).

⁹ Чингиз-наме. Л. 426.

¹⁰ Чингиз-наме. Л. 43а, 546.

хан (имеется в виду вышеупомянутое сражение Берке-хана с войском Хулагу-хана. — Б. А.). Когда войско это было разгромлено, он (Хулагу-хан. — Б. А.) был убит. Никто [однако] не знал о его гибели. Но в хрониках его величества Дост-султана говорится: “С тоски по этому войску, что было разгромлено в походе, он заболел и через два месяца умер”¹¹. Ниже, в рассказе о Туглы-Тимуре¹² сообщалось следующее: “В дафтаре, который находится у гордости султанов его величества Дост-султана, говорится, что Туглы-Тимур этот стал великим государем, правил Самаркандом и Бухарой”¹³.

В сочинении Утемиша-хаджи содержится немало сведений, представляющих интерес для исторической науки. К ним можно отнести данные о Шайбане и его потомках, пришедших к власти в Золотой Орде после Бердибека (758/1357—762/1361). “Тай-Дули-бегим, мать Джанибек-хана, — пишет Утемиш-хаджи, — призвала Хизр-хана, сына Мангутая, [и] сделала [его] ханом в вилайете Сарай”¹⁴. Здесь возникает вопрос: кто такой Хизр-хан? По словам автора “Чингиз-наме”, он — “сын Мангутая из потомства Шайбан-хана, [которого] звали Хизр-оглан. Юрт Мангутая, определенный ему Саин-ханом, находился в [местности] Ак-куль”¹⁵. Мангутай же, по Рашид ад-Дину, — это царевич, потомок Шайбана. Рашид ад-Дин упоминает о нем так: “Третий сын Шейбана — Кадак. У него был [один] сын: имя его — Тула-Бука. Этот Тула-Бука имел двух сыновей: старшего Мангутая и младшего Туман-Тимура...”¹⁶. У нас не было возможности определить, был ли Хизр-хан (Хизр-оглан) сыном этого Мангутая. Тем не менее царевич под именем Хизр-оглан в истории Золотой Орды фигурирует. Он действительно был Шайбанидом и сыном Ибрахима, братом

¹¹ Чингиз-наме. Л. 43а, 546.

¹² Личность идентификации не поддается. Может быть, имеется в виду Тука-Тимур, внук Шайбана, сын Мергена (*Рашид ад-дин. Сборник летописей*. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 74).

¹³ Чингиз-наме. Л. 546.

¹⁴ Чингиз-наме. Л. 386.

¹⁵ Чингиз-наме. Л. 506.

¹⁶ Сборник летописей. Т. 2 / Пер. с перс. Ю. П. Верховского. М.; Л., 1960. С. 74.

Арабшаха¹⁷. Что же касается активизации Шайбанидов в политической жизни Золотой Орды в 60–70-х гг. XIV в., то об этом мы не имеем достаточно данных¹⁸. Поэтому приведенные в “Чингиз-наме” сведения о возвышении Шайбанидов после Бердибека заслуживают серьезного внимания.

Шайбан, как известно, принимал деятельное участие в походах Бату на Русь, Крым, Европу в 1234–1238, 1238–1240 гг. Об этом писал, правда в самых общих чертах, Рашид ад-Дин¹⁹. Утемиш-хаджи же рассказал об этих событиях значительно шире и подробнее. Так, Рашид ад-Дин, повествуя о походе Шайбана (вместе с Букчеком и Бури) в 1238 г. на Крым, говорил о взятии им Таткара²⁰, очевидно, являвшемся в военном отношении достаточно укрепленным пунктом. Рассказ же Утемиша-хаджи об этом сводится к следующему: в Крыму Шайбан осадил мощную и неприступную крепость Кырк-ер, но смог ее взять лишь после долгих и кровопролитных осадных боев. Автор освещает это событие во всех его подробностях. Особенно интересен рассказ историка о военном приеме, к которому прибег Шайбан-хан: “Наконец он повелел: “С вечера и до зари бейте друг о друга любые предметы, которые издают звон!”²¹. Около десяти дней войны оглушали таким образом осажденных. В это самое время монголы с четырех сторон заложили подкоп и незаметно продвигали его вперед. Утемиш-хаджи продолжает: “Осажденные из-за гвалта и грохота не расслышали стука кирок [и] не сумели обнаружить [подкоп]”. Важно еще следующее свидетельство Утемиша-хаджи: “[И сейчас] еще сохранились следы того подкопа”²². Согласно Рашид ад-Дину, как мы уже говорили, наиболее значительным пунктом, взятым Шайбаном в Крыму, был Таткар. С учетом этого можно предположить, что здесь, по-видимому, Утемиш-хаджи говорит еще об одной крепости Крыма, подвергшейся осаде монголами и взятой Шайбаном в 1238 г.

¹⁷ СМИЗО. Т. 2. С. 55.

¹⁸ См.: Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 32–36.

¹⁹ Сборник летописей. Т. 2. С. 37, 39.

²⁰ Сборник летописей. Т. 2. С. 39.

²¹ Чингиз-наме. Л. 406–41а.

²² Там же.

М. Х. Абусейтова правильно установила идентификацию этой местности в своих комментариях к “Чингиз-наме” — это Чуфут-кала, расположенный недалеко от нынешнего Бахчисарая, разрушенный темником Ногаем в 1299 г.

Шайбан отличился и во время похода Батыея на Келар, Башгирд, Булар. Первую область Утемиш-хаджи именует Корал. Им названа еще одна область — Улак²³. Первый топоним не вызывает сомнений: область Келар (сюда относили земли поляков и венгров) называлась и Коларом. Что же касается топонима Улак, то, очевидно, под этим следует подразумевать Улакут, взятый монголами в 637/1238 г.²⁴ Ценно также следующее указание Утемиша-хаджи: “Затем [Шайбан-хан] пошел походом на вилайет Корал. Корал — очень большой вилайет. Много было за него сражений. Наконец, он покорил Корал и сделал его столицей. Там он скончался”²⁵.

Для специалиста ценны и данные “Чингиз-наме” о смутных временах, наступивших при правлении Бердибека. “В его время, — пишет Утемиш-хаджи, — было много смут. Мамай [из племени] кийат забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым, [а] левое крыло увел на берег реки Сыр[дарьи] Тенгиз-Буга, сын Кийата Джир-Кутлы. Хан [Бердибек] со своими близкими слугами (ички) находился в Сарае. Три года он был государем в городе Сарай, затем скончался”²⁶.

Обращают на себя внимание и сведения Утемиша-хаджи (здесь он следует за Минхадж ад-Дином Джузджани) о времени распространения ислама на территории Золотой Орды. До настоящего времени считалось, что население Дашт-и Кыпчака было обращено в ислам в первой половине XIV века, во времена Узбек-хана (712/1312—741/1340). По словам же автора “Чингиз-наме”, этот исторический факт имел место намного раньше — во времена правления Берке-хана. “Когда вилайет Дашта подчинился Берке-хану, — пишет он, — то большую часть неверных он обратил в ислам... После него [же] обратилось оно опять в [племя] отступников и стало неверным”²⁷.

²³ Чингиз-наме. Л. 41а.

²⁴ Сборник летописей. Т. 2. С. 45.

²⁵ Чингиз-наме. Л. 41а.

²⁶ Чингиз-наме. Л. 50аб.

²⁷ Чингиз-наме Л. 43аб, 49аб.

Укажем еще на один момент, на который Утемиш-хаджи может пролить свет. Как известно, взаимоотношения Джучи с его отцом в последние годы его жизни и обстоятельства смерти первого в источниках преподносятся по-разному. По "Табакат-и Насири", "когда... [он] (Джучи. — Б. А.) увидел воздух и воду Кыпчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих, в ум его стало проникать желание восстать против своего отца; он сказал своим приближенным: "Чингиз-хан сошел с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется наиболее целесообразным умертвить отца на охоте, сблизиться с султаном Мухаммадом, привести государство в цветущее состояние и оказать помощь мусульманам"; далее историк рассказал о том, что Чагатай отцу донес о намерении Джучи²⁸. Чингиз-хан послал против сына группу людей²⁹. О противостоянии отца и сына говорил Рашид ад-Дин: "[После покорения Хорезма] Джучи-хан направился к своим ордам. [Еще] раньше Чингиз-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны, как то: Келар, Баштирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кыпчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингиз-хан, крайне рассердившись, сказал: "Я его казню, не видать ему милости"³⁰. Чингиз-хан послал против непокорного сына войска во главе с Чагатаем и Угедеем, но "в это [самое] время прибыло известие о печальном событии с Джучи"³¹ (т. е. о смерти). Рассказ Махмуда ибн Вали в целом аналогичен вышеприведенному³². Абу-л-Гази отмечает только тот факт, что Джучи-хан умер за шесть месяцев до кончины Чингиз-хана³³.

Автор же "Чингиз-наме" сообщает об этом моменте следующее: "Джучи-хан был старшим среди сыновей его (Чингиз-хана. — Б. А.).

²⁸ СМИЗО. Т. 2. С. 14–15.

²⁹ Там же.

³⁰ Сборник летописей. Т. 2. С. 78–79.

³¹ Там же.

³² Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар: Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 5.

³³ СМИЗО. Т. 2. С. 204. Чингиз-хан, как известно, умер 9 рамазана 624/25 августа 1227 г. Если Абу-л-Гази прав, то смерть настигла Джучи где-то в последних числах февраля 1227 г.

Он дал [ему] большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчак, и сказал: “Пусть сей вилайет будет кормом для твоих лошадей. Дал [ему также] вилайет Хорезм. Когда Джучи-хан отправился в вилайет Дашт-и Кыпчак, он достиг Улуг-Таг, который известен. Однажды, когда он охотился в горах, ему повстречалось стадо маралов. Преследуя его и пуская стрелы, он свалился с коня, свернул себе шею и умер”³⁴. На наш взгляд, комментарии излишни. Здесь следует только обратить внимание на место гибели Джучи — Улуг-Таг, ведь охота в те времена была часто практикуемым способом избавления от нежелательного человека.

Мы затронули лишь отдельные моменты в связи с интересующим нас источником. Но и по приведенным фактам очевидно, что произведение Утемиша-хаджи может пролить свет на нерешенные проблемы в определенной области исторической науки.

Теперь многолетний труд В. П. Юдина станет достоянием широкого круга исследователей истории Золотой Орды и средневекового Казахстана. Предлагаемое издание включает в себя подготовленное В. П. Юдиным историко-культурное исследование “Чингиз-наме”, перевод сочинения на русский язык, текстологические примечания и транскрипцию восточного текста, а также факсимиле оригинального текста “Чингиз-наме”. Комментарии и указатели составлены М. Х. Абусеитовой. В подготовке данного издания активное участие приняла супруга В. П. Юдина — Ю. Г. Баранова. Она, в частности, написала вступление к исследовательской части и подготовила работу к изданию. Научному вкладу В. П. Юдина посвящено “Послесловие” академика АН РК Р. Б. Сулейменова.

Б. А. Ахмедов,
член-кор. АН РУз

Вступительное слово

С сочинением Утемиша-хаджи “Чингиз-наме” В. П. Юдин ознакомился в Ташкенте в конце 1967 г. при выявлении источников, содержащих сведения по истории казахского народа, в собра-

³⁴ Чингиз-наме. Л. 376.

нии восточных рукописей Института востоковедения АН Узбекистана. Автор этого произведения входил в блестящую плеяду хивинских историков.

До революции “Чингиз-наме” упоминалось в известном каталоге Е. Каля (1889 г.)¹. В 1902 г. В. В. Бартольд обратил на нее внимание при знакомстве с рукописями Туркестанской публичной библиотеки и включил сведения о ней в “Отчет о командировке в Туркестан”, опубликованный в 1904 г.² В 1915 г. появилась статья А.-З. Валидова “Восточные рукописи в Ферганской области”, где он пишет о приобретении им в Оренбурге в 1913 г. списка “Чингиз-наме”, который оказался “несравненно полнее ташкентского”³.

Труд Утемиша-хаджи стал объектом исследования В. П. Юдина в то время, когда он уже основательно проработал и проанализировал значительное число персо- и тюркоязычных сочинений по истории Казахстана, Средней Азии и Восточного Туркестана. В результате им был написан ряд источниковедческих статей.

Кроме того, в 1967 г. Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР был завершен большой коллективный труд — “Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII ве-

---

¹ *Каль Е.* Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной Библиотеки. Ташкент, 1889. № 806.

² ЗВОИРАО. Спб., 1904. Т. 15. Вып. 2—3. С. 219, 226—232; *Бартольд В. В.* Соч. М., 1973. Т. 8. С. 158, 164—169.

³ ЗВОИРАО. Спб., 1915. Т. 22. Вып. 3—4. С. 320.

Судьба этого более полного списка сочинения долгое время оставалась неизвестной. В начале 70-х гг. В. П. Юдин получил информацию, что рукопись находится в Стамбуле у А.-З. Валидова (Тогана). Попытки получить копию ни к чему не привели. И он вынужден был ограничиться в работе неполным ташкентским списком.

К сожалению, уже в самое последнее время (благодаря любезности Т. К. Бейсембиева) мне стало известно о вышедшей еще в 1976 г. в Стамбуле книге М. Кафали “Эпоха образования и распада Золотоордынского ханства”, где используется полный список “Чингиз-наме”, именуемый автором исследования “Историей Утемиша-хаджи”. *Kafalı Mustafa. Altın Orda Hanlığının kuruluş ve yükseliş devirleri.* İstanbul, 1976. 7. 169 b. (İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayın, № 2085).

ков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)”⁴. Многолетняя работа казахстанских востоковедов С. К. Ибрагимова, Н. Н. Мингулова, К. А. Пищулиной, В. П. Юдина, в которой определенное участие приняли их коллеги из С.-Петербурга О. Ф. Акимушкин и М. А. Салахетдинова, получила признание ученых-востоковедов. Не будет преувеличением сказать, что научный уровень этого исследования во многом был определен В. П. Юдиным, руководившим работой над ним на завершающем этапе.

Наряду с этим В. П. Юдин занимался выявлением и обработкой источников, извлечения из которых могли бы войти в следующий, новый том материалов по истории средневекового Казахстана. Так, в своей статье “Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV—XVIII веков” он, в частности, писал: “К настоящему времени нам стали известны еще несколько сочинений на персидском и тюркских языках, которые в разной мере могут быть использованы для изучения истории позднего казахского средневековья. Среди них такие светские хроники и поэмы, как “Тарих-и Шайбани” анонимного автора, “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи, “Имамкули-наме” Сухайла, “Зафар-наме” Муками, “Зафар-наме” Бадр ад-Дина Кашмири и др. Как видно из этого перечня, неиспользованных сочинений довольно много. Извлечения из них могли бы составить второй том сборника. Работа эта, по-видимому, будет осуществлена”⁵.

“Чингиз-наме” заняло особое место в источниковедческих изысканиях В. П. Юдина как источник, достоверно и ярко вос-

⁴ Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Составители С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969. 652 с. (Далее — МИКХ).

⁵ Статья обобщила источниковедческие наблюдения автора в ходе работы над МИКХ, ставила важные вопросы теории и практики казахстанского источниковедения и должна была предварять МИКХ, но не была опубликована. Хранится в архиве автора.

Подготовленные В. П. Юдиным переводы извлечений из некоторых перечисленных сочинений после его смерти были переданы в Отдел истории культуры Казахстана Института истории, археологии и этнографии АН РК для подготовки к изданию.

производящий политическую и социально-экономическую историю Дашт-и Кыпчака XIV в., военное дело, быт, культуру, идеологию и язык его кочевого населения. Работу по переводу “Чингиз-наме” В. П. Юдин сочетал с составлением словаря, в котором зафиксированы все случаи употребления каждого слова во всех грамматических связях. Эти материалы, несомненно, представляют интерес для исследователей истории казахского языка.

Исследование “Чингиз-наме” было результативным в плане теоретического источниковедения. Еще в ходе работы над МИКХ В. П. Юдин разработал синтезированную классификацию персоязычных нарративных источников по истории казахского народа⁶. Теперь же, исходя из своеобразия “Чингиз-наме” и некоторых других ранее известных ему сочинений, он делает принципиально важный вывод о возможности выделения особой классификационной группы из восточных письменных источников по истории Казахстана — источников, которые зафиксировали и донесли до нас устное историческое знание кочевников Дашт-и Кыпчака. Это степное устное историческое знание В. П. Юдин первоначально назвал “степной устной историографией”, а затем ввел более корректный, по его мнению, в отношении устной традиции термин — “степная устная историология”⁷.

Интерпретация известий “Чингиз-наме” по политической и этнической истории, социально-экономическим отношениям, культуре, идеологии Дашт-и Кыпчака XIV в. и выводы относительно классификационных особенностей сочинения, его места в системе письменных источников по истории Казахстана изложены в предлагаемых ниже четырех отдельных исследованиях. Первое — более позднее по времени написания (1983 г.) — увидело свет вскоре после смерти автора. Над тремя остальными он работал осенью 1981 г., готовясь к “Валихановским чтениям”, проводимым Казах-

⁶ Классификация в полном виде не опубликована, но излагалась в спецкурсе в КазГУ в 1970–1975 гг. и неоднократно упоминалась в статьях-справках, написанных В. П. Юдиным и предпосланных переводам извлечений из источников, включенных в МИКХ.

⁷ Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 122.

ским Обществом охраны памятников истории и культуры⁸. Эти сообщения публикуются в неизменном виде. Научное значение этих работ, в которых впервые исследуется такой самобытный и ценный источник по истории казахского народа, каковым является “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи, трудно переоценить.

Считаю своим долгом выразить глубокую признательность всем, кто способствовал изданию труда В. П. Юдина: академиком АН РК Ж. М. Абдильдину и М. К. Козыбаеву; членам Ученого совета Института истории, археологии и этнографии АН РК, рекомендовавшим книгу в печать; сотрудникам института К. А. Пищулиной, Х. А. Аргынбаеву, О. И. Исмагулову, ознакомившимся с рукописью работы и принявшим участие в ее обсуждении.

Особая благодарность безвременно ушедшему академику АН РК Р. Б. Сулейменову, члену-корреспонденту АН РУз Б. А. Ахмедову, доктору филологических наук Е. З. Кажибекову, ученикам В. П. Юдина — М. Х. Абусеитовой, Т. К. Бейсембиеву, Н. Э. Масанову и спонсорам издания Б. Х. Туралиеву, Б. К. Карашанову, а также Ж. М. Жапбасбаевой и А. К. Султангалиевой.

Ю. Г. Баранова

Послесловие

До настоящего времени источниковедение средневековой истории Казахстана разработано крайне слабо. Этому весьма важному вопросу до сих пор не посвящено ни одного монографического исследования, в котором давалась бы научная оценка большому комплексу источников. Все еще заметно отставание в изучении и публикации письменных памятников, рассредоточенных по многим собраниям рукописей страны и зарубежных стран. Без них, без содержащегося в них богатого фактического материала невозможно исследовать вопросы социально-экономических отношений, этнические процессы, идеологию, культуру. Основная задача источниковедения

⁸ Также см.: “Об “узурпации” власти в Казахстане во 2-й половине XIV в. беком племени кыяат левого крыла Золотой Орды Тенгиз-Бугой” // Материалы итоговой научной конференции профессорско-преподавательского состава КазГУ им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1974. С. 6—7.

истории — прежде всего выявление, систематизация и критическое изучение письменных памятников, умение извлекать из них наиболее полный и важный для научного исследования материал. Под понятие востоковедный (письменный) памятник истории и культуры подпадают не только соответствующие памятники, находящиеся на территории Казахстана и созданные народами Казахстана, но и аналогичные памятники, находящиеся за его пределами и созданные другими народами, в случае, если они имеют существенное значение для изучения истории культуры Казахстана.

Одной из основных в истории Казахстана является проблема историко-культурных традиций казахского народа, изучение ранних этапов его истории, монгольского и послемонгольского периодов, в том числе этнической, политической, социально-экономической истории, культурного наследия казахов. Эта проблема предусматривает, в первую очередь, публикации письменных восточных сочинений, трудов мыслителей прошлого.

Настоящее издание посвящено важной и актуальной теме — истории Казахстана XIV в. Это тюркоязычное историческое сочинение Утемиш-хаджи бен Маулана Мухаммада Дости из Хорезма, переведенное и исследованное известным казахстанским востоковедом В. П. Юдиным.

В. П. Юдин сразу оценил своеобразие этого сочинения, его особое место среди других. Исследуя “Чингиз-наме”, он поднял большой пласт свежего исторического материала, некоторые неизученные вопросы событийной истории, хронологии, генеалогии и культуры казахов.

В исследовательскую часть включены четыре работы В. П. Юдина. Каждая из них посвящена определенным вопросам политической истории, материальной культуры, в них поднимаются и новые проблемы истории средневекового Казахстана. Большое значение имеет авторская интерпретация, что важно для понимания источника.

В этих работах, на наш взгляд, самым ценным является то, что в них ставятся вопросы прикладного и теоретического источниковедения, впервые сформулировано положение о степной устной историологии и принадлежности “Чингиз-наме”, как и ряда других ис-

точников, к тем письменным памятникам, которые являются ее носителями, хранителями. Они основаны на устной историографической традиции насельников Дашт-и Кыпчака и важны для реконструкции истории, культуры Казахстана, поскольку написаны на тюркском языке, отразившем язык насельников Казахстана. Дальнейшая разработка проблем, поднятых В. П. Юдиным, существенно важна для проникновения в сущность исторического процесса в Казахстане.

Безусловно, публикация рукописи Утемиша-хаджи “Чингизнаме” в оригинальном тексте, ее транскрипции, перевода, посвященных ей статей В. П. Юдина представляет собой крупный вклад в источниковедение средневековой истории Казахстана.

Вениамин Петрович Юдин (1928—1983 г.) много сделал для развития казахстанского востоковедения. Это был талантливый ученый-востоковед, историк, филолог, большой знаток персидских и тюркоязычных рукописей, исследователь и педагог.

В. П. Юдин родился 1 февраля 1928 г. в Волгограде. Свою научно-педагогическую деятельность начал как уйгуровед в 1950 г. после окончания Московского института востоковедения им. Н. Нариманова, где был оставлен для прохождения аспирантуры по уйгурской филологии (под руководством известного тюрколога проф. В. М. Насилова) и преподавания уйгурского языка.

В 1955 г. В. П. Юдин был приглашен на работу в КазПИ им. Абая в связи с открытием там уйгурского отделения, студентам которого он читал на уйгурском языке курсы по древней и классической уйгурской литературе, фольклору и языку (1955—1961 г.).

Со времени приезда в Алма-Ату научные интересы В. П. Юдина неразрывно связаны с изучением истории Казахстана на основе сведений восточных источников, чем он и занимался до конца своих дней — и в годы работы в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР (1960—1970 г.), и будучи преподавателем кафедры истории Казахской ССР исторического факультета КазГУ (1970—1976 г.), и позднее, перейдя на работу в Отдел уйгуроведения Института языкознания АН КазССР. Наряду с казахстанской тематикой В. П. Юдин плодотворно исследовал в историческом и филологическом плане богатейшее рукописное наследие уйгурского народа. В. П. Юдину

принадлежит свыше 80 научных публикаций — это работы на русском, уйгурском и казахском языках, некоторые из них вышли за рубежом в английском переводе.

Особое место занимает изданный в 1969 г. под руководством и при непосредственном участии В. П. Юдина капитальный труд — “Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)”, где им осуществлены сверка и общая редакция всех переводов, перевод извлечений из 10 источников, написаны комментарии к ним, а также 17 источниковедческих статей по всем источникам, вошедшим в МИКХ. В этих статьях ученому удалось решить широкий круг вопросов историко-источниковедческого характера.

Особого упоминания заслуживает предлагаемая им классификация источников, учитывающая социально-политическую ориентацию их авторов, зависимость источников по содержанию и т. д. В. П. Юдин установил, что первым годом достоверного упоминания в источниках казахских жузов можно назвать 1616 г., а не 1731 г., как считалось ранее. “Материалы” заложили прочную научную основу для углубленного изучения комплекса проблем истории Казахстана соответствующего периода. Выход в свет этой книги стал ценным вкладом в развитие востоковедения.

Большой интерес представляют статьи В. П. Юдина, посвященные анализу малоизученных и ранее не привлекавшихся для изучения истории Казахстана и Восточного Туркестана рукописей: “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи (XVI в.), “Тарих-и Шайбани” (начало XVII в.), “Зийа ал-кулуб” Мухаммад Аваза (начало XVII в.) и др.

Признание специалистов получила работа В. П. Юдина “О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами” (Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1965, № 3). В ней предпринята попытка нетрадиционного освещения вопроса о государстве Могулия как отличном от Могулистана в этническом, территориальном и хронологическом отношениях государственном образовании и о могульском этническом компоненте, принявшем участие в сложении казахского, уйгурского и киргизского народов.

В. П. Юдину принадлежит исследование об исторических корнях одной из распространенных уйгурских народных сказок (1961 г.). В. П. Юдин — один из составителей и ответственных редакторов антологии уйгурской классической литературы XI—XIX вв. “Эхо веков” (1963, на уйг. яз.). В 1969 г. он издал сборник поэм уйгурского поэта XIX в. Абдурехима Низари (на уйг. яз.). При его участии были изданы “Хрестоматия по уйгурской литературе” для IX класса средней школы (1963, 1966, на уйг. яз.) и “Русско-уйгурский словарь” (М., 1956). В. П. Юдин — специальный редактор “Уйгурско-русского словаря” (Алма-Ата, 1961) и монографии Г. С. Садвакасова “Язык уйгуров Ферганской долины” (Алма-Ата, 1970).

Глубокий исследовательский характер носят рецензии В. П. Юдина на описания уйгурских рукописей А. М. Мугинова и Ю. Мухлисова, на исследования по истории Казахстана и Средней Азии Б. А. Ахмедова и С. Г. Кляшторного. В рецензии на работу последнего В. П. Юдин внес отдельные уточнения в переводы древнетюркских рунических памятников (в честь Тоньюкука и Кюль-тегина), выполненные ранее С. Е. Маловым. Статьи В. П. Юдина публиковались в Советской исторической и Казахской советской энциклопедиях.

В. П. Юдин принимал активное участие в обсуждении и рецензировании научных работ своих коллег. Он обладал большим научным авторитетом среди востоковедов страны. К нему часто обращались за консультациями, В. П. Юдин участвовал в определении принципов составления многотомного “Научного описания казахских рукописей”, издаваемого Институтом литературы и искусства им. М. О. Ауэзова АН Казахстана с 1975 г.

С самого начала научной деятельности В. П. Юдин обратил на себя внимание не только глубиной знаний, широтой эрудиции, но и способностью творчески решать те или иные вопросы, научные проблемы, и зачастую его подходы не совпадали с общепринятыми представлениями. Поднимаемые В. П. Юдиным вопросы способствовали дальнейшей разработке теоретических востоковедных проблем, новых концепций. Вениамин Петрович много размышлял над вопросами философии истории и методоло-

гии исторических исследований, об исторической перспективе, ценности письменных источников и т. п. Он придавал большое значение проблемам источниковедения, сравнительно-текстологическому анализу восточных письменных памятников средневековья, их классификации по идейно-политическим и текстологическим особенностям. Этим источниковедческим вопросам был посвящен спецкурс “Персо- и тюркоязычные источники по истории Казахстана XV–XVIII вв.”, разработанный и прочитанный им на историческом факультете КазГУ в 70-х гг.

В. П. Юдин много сделал для подготовки молодых специалистов по истории Казахстана. Он стремился пробудить у студентов интерес к истории казахского народа, к изучению восточных рукописей. Большой популярностью на факультете пользовался руководимый им научный студенческий кружок “Востоковед”, на котором Вениамин Петрович вел занятия по персидскому языку.

Велики заслуги Вениамина Петровича Юдина в деле подготовки востоковедческих научных кадров. Его ученики успешно работают в избранной области. Говоря о школе В. П. Юдина, необходимо отметить, что здесь имеется в виду не только разработанное им научное направление в источниковедении, но и его научное кредо, его стиль работы, мировоззрение ученого, комплекс методов формирования творческой личности.

В. П. Юдина волновал вопрос о будущем востоковедной науки вообще и о путях развития казахстанского востоковедения в частности. Он принадлежал к числу тех историков-востоковедов, которые обладали глубинными познаниями в сфере всемирной истории и литературы и умело использовали их для изучения сложнейших вопросов истории Востока.

Развитию востоковедения и в том числе источниковедения в Казахстане способствовала работа В. П. Юдина, проводимая в Обществе охраны памятников истории и культуры. По его инициативе была учреждена Постоянная востоковедная археографическая экспедиция и разработана программа маршрутов в различные центры рукописохранилищ. Результатами экспедиций явились новые архивные материалы (Омск, Оренбург, Томск и др.), а также выявление и приобретение восточных рукописей по исто-

рии Казахстана в республике и за ее пределами. Собранные материалы представляют собой уникальные источники по истории и культуре Казахстана. Общественная деятельность В. П. Юдина также была подчинена цели изучения и популяризации востоковедных памятников по истории и культуре Казахстана.

До последних дней жизни Вениамин Петрович был полон творческих замыслов. Его последние публикации содержат в себе большой научный потенциал, отмечаются высоким профессионализмом, глубиной мыслей, точностью наблюдений — качествами, которые были присущи ему всегда.

Многое из того, что сделал В. П. Юдин, не было опубликовано при его жизни. Это переводы источников, исследования по истории казахского и уйгурского народов и по другим вопросам.

Издание “Чингиз-наме” представляет большой научный интерес для научных работников, студенчества, интеллигенции и широкого круга читателей. Подобная публикация восточных сочинений поможет разрешить важную задачу пополнения источниковой базы исследований истории и культуры Казахстана.

*Р. Б. Сулейменов,
академик АН РК*

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле; Перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина; Подготовила к изданию Ю. Г. Баранова; Комментарии и указатели М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. — 296 с.

Русский исследователь казахской истории

На протяжении веков казахи оставались одним из самых многочисленных, если не самым многочисленным тюркским народом. Именно численность, наряду с признанной воинской доблестью, позволила им сохранить и закрепить за собой гигантскую территорию от Волги до

Алтая. Выдающийся русский ученый-востоковед академик В. Радлов отмечал еще в 60-х годах XIX в. исключительную цельность казахского языка, практическое отсутствие в нем диалектов, поражался единообразием обычаев казахов, их привычек, быта, характера.

К сожалению, несмотря ни на более чем трехстолетнюю государственную самостоятельность, ни на значительную роль, которую казахи играли в истории Центральной и Средней Азии, по ряду причин, главным образом из-за своеобразия цивилизации кочевничества, исключающей постоянное проживание в городах, история казахского народа периода его формирования, образования и становления казахского ханства не получила достаточно полного письменного обоснования.

Между тем кочевники создали самобытную цивилизацию, которая была, по выражению Радлова, противоположна культуре эпохи оседлых народов, т. е. не похожа, но не враждебна последней. Своеобразие цивилизации кочевников заключалось в том, что отсутствие у них письменных источников: хроник, летописей, специальных исторических трудов — как бы компенсировалось коллективной памятью народа, богатейшим устным историческим знанием. Генеалогии ханов и султанов Дашт-и Кыпчака, многочисленные шежиры и дастаны, героические подвиги батыров и деяния ханов, которые впоследствии перерастали в героический эпос, — все это было отражение живой, немеркнувшей истории народа.

Будучи письменно зафиксированным, устное историческое знание кочевников представляет неоценимый вклад в исследование истории этих народов. Эти сочинения освещают исторические события в степи как бы изнутри, поднимают такие пласты внутренней жизни кочевого общества, которые недоступны внешним наблюдателям, как правило, иностранным авторам. Именно таким произведением является книга Утемиш-хаджи “Чингиз-наме”.

“Чингиз-наме” — тюркоязычное произведение, написанное в первой половине XVI в. на основе главным образом устных преданий кочевников Дашт-и Кыпчака. Его автор Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Досту входил в блестящую плеяду хивинских историков.

В центре сочинения, как это видно из названия, история правления Чингиз-хана и его потомков, ханов Золотой Орды, начиная с

Батья и кончая приходом к власти Тохтамыша. Таким образом, оно охватывает период XIII—XIV вв. “Чингиз-наме” — произведение глубоко достоверное и многоплановое. Вдумчивый читатель найдет здесь сведения и по политической истории Золотой Орды, и весьма ценные, нередко уникальные данные по этнополитической, хозяйственной, социально-культурной жизни, быту, идеологии, языку кочевого общества, населения Восточного Дашт-и Кьлпчака, т. е. Казахстана. Особая ценность сочинения как оригинального исторического источника заключается в том, что оно помогает изучению наименее исследованного периода истории Казахстана — XIV века.

Мы не претендуем на научное исследование этого важнейшего исторического источника, которое с блеском сделал замечательный казахстанский востоковед В. Юдин. В прошлом году издательство “Гылым” выпустило в свет сочинение Утемиш-хаджи. Настоящее академическое издание “Чингиз-наме” в переводе на русский язык В. Юдина — явление уникальное в исторической науке Казахстана.

Блестящий и глубокий знаток и исследователь персо- и тюркоязычных источников по истории средневекового Казахстана и Средней Азии, В. Юдин внес крупный вклад в историческую науку Казахстана. Особую ценность представляют, на мой взгляд, его изыскания о сущности чингизизма, характере и роли различных орд, истории жузов (он установил, что о жузах впервые упоминается в 1616 г., а не в 1731 г., как утверждалось ранее), об этногенезе казахского народа (научный мир с интересом ожидает публикации его рукописи, посвященной специально этому вопросу). Введение в науку понятия “степная устная историология” как особой классификационной группы из восточных письменных источников по истории Казахстана — также заслуга В. Юдина.

Труд ученого-историка не только объясняет прошлое, но помогает понять настоящее. Казалось бы, что общего между современностью и чингизизмом? В. Юдин убедительно доказал, что чингизизм как исторический феномен не изжил себя до наших дней, и он видел его жизнеспособность, мощь в своеобразном сплаве религии и идеологии.

Изданная книга, другие труды В. Юдина позволяют оценить его как замечательную личность. Он сумел сохранить свою свободу, независимость ученого-исследователя. В. Юдин из тех русских, советских

ученых, которые приехали в Казахстан не ради карьеры или материальных благ. Он жил ради науки, сам творил, поэтому-то, наверное, не считал защиту диссертации обязательным атрибутом ученого. Крупный ученый, которым мог бы гордиться любой западный университет (и который создал бы ему наилучшие материальные условия), он жил скромно на скудную зарплату рядового научного работника. Он имел учеников, к нему тянулась молодежь, жаждавшая подлинной науки. И он воспитал своих учеников — М. Абусситову, Т. Бейсембиева, Н. Масанова настоящими учеными-исследователями.

“Чингиз-наме” — безупречное академическое издание. Супруга ученого Ю. Баранова персонально благодарит всех, кто оказал в этом содействие: от руководства Института истории НАН РК до благородных меценатов науки.

И в заключение хочу сказать следующее. Наша республика сильна дружбой, единством ее многонационального народа. В. Юдин — один из лучших его представителей. И он вполне заслужил признание казахского народа. Думаю, лучшим выражением нашей благодарности было бы учреждение на исторических факультетах столичных университетов, где он работал, именной (В. П. Юдина) стипендии за особые успехи в источниковедении. А книгу “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи предлагаю представить на соискание премии имени Ч. Валиханова.

*Беймбет Ирмуханов,
доктор исторических наук,
профессор*

Казахстанская правда. 1993. 20 апреля.

“Чингиз-наме” Утемиша-хаджи и В. Юдин

Перу блестящего историка из Хивы Утемиша-хаджи принадлежит тюркоязычное произведение “Чингиз-наме”, датируемое первой половиной шестнадцатого века. Оно было написано на основе устных преданий казахских кочевников. Это произведение охватывает период тринадцатого-четырнадцатого веков и проливает свет на историю правления Чингиз-хана и его потомков, вплоть до

известного нам Тохтамыша, дает богатейшие сведения о жизни казахов в мало исследованные учеными времена.

Осуществил перевод этого оригинального сочинения вместе с его научным анализом видный казахстанский исследователь Востока В. Юдин. Как блестящую оценивает работу Юдина другой известный ученый, доктор исторических наук, профессор Беймбет Ирмуханов. Но блестящие перевод и исследование — это еще, к сожалению, лишь полдела. Труд необходимо издать. И в появлении великолепного академического издания “Чингиз-наме” на русском языке — заслуга и руководства Института истории Национальной академии наук Республики Казахстан, щедрых меценатов науки. За это прекрасное академическое издание мы можем быть благодарны им сегодня вместе с супругой В. Юдина Ю. Барановой.

По мнению профессора Беймбета Ирмуханова, В. Юдин был глубоким исследователем и знатоком персо- и тюркоязычных источников по истории средневекового Казахстана. Он внес огромный вклад в его историческую науку. Большую ценность представляют, считает Ирмуханов, изыскания В. Юдина о сущности чингизизма, который как исторический феномен сохранился по наши дни; об истории казахских жузов. В частности, В. Юдин установил, что в письменных источниках об этих крупнейших родоплеменных образованиях казахов упоминается впервые в 1616 году, а не в 1731-м — как утверждалось учеными до Юдина. А это меняет многое в научных воззрениях на историю возникновения жузов.

Заслуга В. Юдина, по Беймбету Ирмуханову, — и введение в науку понятия “степная устная историология”. Ну а в чем живучесть чингизизма, на много веков пережившего самого Чингиз-хана и созданную им великую монгольскую империю? Юдин видел причины этой живучести в особом сплаве идеологии и религии.

“Русское издание “Чингиз-наме”, другие труды Юдина дают все основания говорить о нем как о на редкость даровитом человеке и ученом, — утверждает профессор Б. Ирмуханов. — Юдин из тех, кто жил наукой и ради науки, пренебрегая карьерными, материальными и иными соображениями. Эта значительная личность создавала вокруг себя своеобразную ауру, в которой было легко и хорошо творить другим. Об этом свидетельствуют имена его уче-

ников — подлинных ученых-исследователей М. Абусейтовой, Н. Масамова, Т. Бейсембиева и других”. И я считаю, продолжает Ирмуханов, что книга “Чингиз-наме” должна быть выдвинута на соискание премии имени Чокана Валиханова, а на исторических факультетах столичных университетов, где работал Юдин, необходимо учредить именную стипендию В. П. Юдина за особые успехи в источниковедении.

Трудно возразить Б. Ирмуханову, отмечающему заслуги В. Юдина перед казахстанской наукой. Ведь благодаря этому талантливому ученому и переводчику мы сегодня получили неопределимой важности данные о жизни, быте, культуре, языке, идеологии своих далеких предков. Эти данные имеют для нас не только научный или даже общечеловеческий интерес. Они ценны и важны для нас как инструмент познания и преобразования жизни сегодняшней, как своеобразный мост из прошлого — через настоящее — в будущее.

Аль-Халел Карпык

Белая кость прошлого.
 Наши современники. Серия
 “Звезды Казахстана”.
 Алматы, 1994. С. 140–141.

**Мастер по “кочующим ошибкам”,
 или человек, который ходил в науке прямой дорогой**

*...Великие мне в кровь
 внесли к священной истине любовь*
 Из 34-го Хикмета Ходжи Ахмеда Яссави.
 Подстрочный перевод В. П. Юдина

В предисловии к “Материалам по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)” сказано: “Этот период изучен совершенно недостаточно, так как основные источники написаны на восточных языках (персидский и тюркский литературные языки XV–XVIII вв.), недоступных большинству исследователей”¹, поэтому огромный исторический кусок

¹ МИКХ — общепринятое сокращенное название этого труда.

практически выпадал из целостной картины большого народа. Вероятно, не окажись В. П. Юдин в Казахстане, все равно рано или поздно ученые прочли бы эти источники и стерли белые пятна. Но судьбе было, видимо, угодно, чтобы одним из первооткрывателей стал Вениамин Петрович. Не только потому, что в совершенстве владел этими языками, но еще и потому, что пробудился в нем жгучий интерес к малоизученному периоду XV—XVIII веков в истории Казахстана.

Ведь мало того, что надо было отыскать эти источники, но еще и тщательно изучить. А изучив, кстати, можно было и не обнаружить того, на что надеялся. Большим везением вполне может считаться, если найдешь две-три строчки. Эти бесценные строки необходимо прокомментировать, соотнеся их, по возможности, не только с какими-то частными событиями, но и со всемирной историей, поскольку все в нашем мире взаимосвязано. То есть, по выражению В. Юдина, "интерпретация конкретных сообщений памятников превращается в любопытный исследовательский этюд".

Надо заметить, Вениамин Петрович помимо персидского, арабского, тюркских превосходно знал и европейские языки. Вообще был блестяще образован. Имел одно завидное качество ученого-исследователя — системное мышление. Он четко видел проблему в целом, отделяя главное и второстепенное.

Работал с жадностью, зарываясь в восточные рукописи в Ленинграде, Ташкенте, Душанбе. То, что было возможно, заказывал на дом.

Но вернемся к МИКХ. Сборник был издан в 1969 году. Вообще же задумал его видный казахский историк С. К. Ибрагимов. До 1960 года он руководил группой исследователей, пока нелепо не оборвалась его жизнь. Вот тогда-то В. Юдин и пришел в Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова и завершил работу коллеги.

Совершенно не принижая вклада казахстанских ученых-историков К. А. Пищулиной, Н. Н. Мингулова, следует все-таки сказать, что львиную долю работы выполнил Юдин. Необходимые сведения о всех сочинениях и документах, включенных в МИКХ, содержатся в его статьях-справках. Им же выполнены сверка русских переводов всех извлечений с текстом персидских и тюркских сочинений и окончательная редакция переводов.

Сборник вышел, но не многие знают, что набор вступительной статьи к нему Вениамина Петровича был рассыпан в типографии по указанию свыше. Причина тривиальна в научном мире — нежелание автора брать в соавторы начальника. Вообще этот труд дался Юдину потом и кровью. Тогда-то он и заболел надолго и всерьез. Из института же вынужден был уйти.

Но не стоит, видимо, сейчас ворошить прошлое, тем более что “иных уж нет, а те далече”... Вот только этот сборник — на века.

В самой судьбе Вениамина Петровича много, на первый взгляд, случайностей. Посудите сами. Мальчишка с хутора Зимники, что в Волгоградской области, грезит о карьере военного моряка и в год окончания войны едет в Ленинград, лелея мечту о поступлении в училище. Вероятно, представлял себя таким бравым и статным, в красивой форме, на белоснежном каком-нибудь линкоре. Экзаменов не очень боялся, потому что учился легко, без напряжения. Рано привык к самостоятельности (отец воевал, мать ночи напролет шила, чтобы прокормить семью). Но вот незадача: не прошел по зрению! Предложили, правда, остаться на лечфаке, но его это никак не устраивало: “Что же это я, здоровый парень, буду лечить здоровых мужиков на корабле? Ничего себе работа!”. Возвращаться ни с чем на хутор — это было не в его характере. Едет в Москву и... случайно забредает в Институт востоковедения. После сдачи экзаменов он — студент японского отделения.

Почему? Может, экзотическая страна Япония сродни моряцкой романтике? Известно только, что о своем выборе он никогда не пожалел. Учеба захватила. Мало того, обнаружили блестящие лингвистические способности. Он почти играючи осваивал новые языки. Причем интерес к изучению языков шел параллельно с изучением истории, литературы их носителей. С японского он впоследствии перевелся на Синьцзянское отделение, которое и окончил в 1950 году с присвоением квалификации страноведа по Синьцзяну со знанием уйгурского и английского языков. Сразу же был зачислен в аспирантуру по специальности “Уйгурская филология”, одновременно преподавал уйгурский язык на своем факультете. Будущее было устроено. Никто не сомневался, что он сделает блестящую карьеру.

Но надо же было такому случиться! В институт с совершенно определенными намерениями приехал далекий гость из Казахстана, министр просвещения. В Алма-Атинском педагогическом институте открывалось новое отделение уйгурского языка и литературы. Нужен был преподаватель. И не просто хороший, а очень хороший! Юдина уговорили. Он бросил Москву и переехал поближе в географическом плане к предмету своих научных интересов.

Поехал-то он, конечно, как уйгуровед и проработал в КазПИ пять лет, покоряя своих слушателей не только знанием языка, но и doskonaльным знанием предмета. Его доверительная, уважительная манера чтения лекций с большой личной заинтересованностью в изучаемом предмете, казалась необычной для студентов. В этого доброжелательного, улыбочивого, интересного человека невозможно было не влюбиться!

Авторитет Юдина в уйгуроведении высок и непререкаем. Им выпущены словари, учебники, переводы классиков уйгурской литературы с комментариями и словарями. Среди выпускников Юдина — ученые, педагоги, журналисты.

Но ему стали тесны рамки преподавателя уйгурского языка и литературы. Круг научных интересов ширился. Живя в Казахстане, он просто не мог не заинтересоваться его народом и историей. Тем более, когда обнаружил, как много в этой истории еще непознанного. Вот этот большой пробел — XV—XVIII века — и стал предметом его научных изысканий.

По оценкам специалистов, В. Юдину принадлежит первенство в разработках некоторых ключевых вопросов, в частности, по проблемам происхождения казахского народа и кочевничества.

По поводу происхождения казахских жузов до В. П. Юдина господствовали две точки зрения: в основе — принцип ранжирования (старший, средний, младший), а также триальная военная организация — центр, левый и правый фланги. Юдин же считал, что в основе происхождения лежит фактор экономико-географический, что и убедительно доказал. В частности, в рецензии на книгу А. М. Мугинова "Описание уйгурских рукописей Института народов Азии АН СССР" он пишет: "...в Семиречье — Старший жуз, на территории бывшей Ак-орды — Средний жуз и на

территории бывшей Ногайской (Мангытской) Орды — Младший жуз. Сама же необходимость деления на жузы, по-видимому, как на это указывалось и ранее, диктовалась хозяйственно-экономическим районированием Казахстана, базирующимся на географо-климатических признаках”.

Вениамин Петрович Юдин был также исследователем этнической истории казахского народа. В 1965 году им была опубликована работа “О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулли и их этнических связях с казахским и другими соседними народами”. Юдин считал, что “без изучения истории могулов не могут быть правильно поняты многие стороны исторического процесса в Центральной Азии. Один из важных вопросов истории могулов — этническое взаимодействие с казахами, киргизами и другими народами”. Ученый полагает, что могульские племена доглат и канглы-бекчик вошли в состав Старшего жуза, как несомненно для него и то, что могульское племя керанты приняли участие в сложении Среднего жуза.

В год смерти Вениамина Петровича — 1983-й — вышла его статья “Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...”. В ней — совершенно новая концепция, потрясающая идея, по оценке некоторых специалистов: специфическое кочевое мироощущение вначале в форме огузизма, а затем чингизизма. Чингизизм не стал мировой религией, но для кочевников на протяжении двух столетий эти формы духовного развития были господствующими. Не зря одной из основных заповедей Огуз-кагана была такая: “Кочуйте. Не будьте оседлыми”. В этом — специфика мировосприятия кочевников. По словам профессора Н. Масанова, В. Юдин был первым человеком не только в советской, но и в мировой историографии, обратившим на это внимание.

Кроме того, в этой работе Вениамин Петрович установил, что о жузах впервые упоминается в 1616 году, а не в 1731-м, как утверждалось ранее. Как, впрочем, и ввел в науку понятие “степная устная историология” как особую классификационную группу из восточных письменных источников по истории Казахстана.

Эта блестящая статья, изобилующая открытиями, написанная безупречным слогом, вошла в книгу “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи. Но о ней разговор особый.

В этом году в Центре востоковедения впервые прошли научные чтения памяти востоковеда В. П. Юдина, а также состоялась презентация его книги “Чингиз-наме” Утемиша-халджи. В ее составлении и выпуске приняли участие многие люди: и вдова его Ю. Г. Баранова, и академик Р. Б. Сулейменов, и член-корреспондент АН Узбекистана Б. А. Ахмедов, и любимые ученики-коллеги М. Х. Абусеитова, Н. Э. Масанов.

Книга эта — явление уникальное в исторической науке Казахстана, по мнению ученых. Это тюркоязычное произведение было написано в первой половине XVI века на основе устных преданий кочевников Дашт-и Кыпчака. А в центре повествования история правления Чингиз-хана и его потомков, ханов Золотой Орды, начиная с Батыея и кончая Тохтамышем. В ней уникальные сведения по идеологии, быту, культурной жизни, языку жителей Восточного Дашт-и Кыпчака, то есть Казахстана.

По словам заместителя директора Центра востоковедения М. Х. Абусеитовой, книга, видимо, будет в ближайшее время переведена на английский. Чрезвычайную заинтересованность к ней проявили и в Турции, просили разрешения на перевод.

Не зря Вениамин Петрович говорил, что “после нас останутся только наши труды”, а не ученые степени и звания, которых он, кстати, не имел. По должности дослужился лишь до старшего преподавателя и младшего научного сотрудника. Сказать, что ему не давали защищаться, будет, пожалуй, неправдой. Он сам этого не хотел, потому что написание диссертации — это не только научный труд, но и ряд совершенно отработанных действий, в числе которых “прицеп” имен с регалиями, нудное техническое оформление. То есть то, в чем начисто отсутствует элемент творчества, новизны. Это было абсолютно неприемлемо для склада его ума и характера. Поэтому в ученом мире у него и было двойственное положение. С одной стороны, обыкновенный мнс, а с другой — глыба. И хоть ранжирование условно, но это одно из правил людского общежития. Поэтому многих раздражало в Вениамине Петровиче это несоответствие формы и содержания. По уровню образования, знаний он был на голову выше многих. И с вышестоящими были сложные отношения, потому что компромиссы — это

была не его стезя. Главным был поиск научной истины. По определению профессора Н. Масанова, “в науке он был беспредельно честен, научная истина была для него святой”.

Поразительно, но даже дежурные рецензии с определенным набором фраз и устоявшихся оборотов под пером Вениамина Петровича превращались в настоящие исследования, изобилующие своими собственными открытиями, гипотезами.

Профессор Н. Масанов вспоминает, что Вениамина Петровича он знал с детства, поскольку его отец был дружен с ним. Из этих детских воспоминаний предстает большой, пышущий здоровьем, улыбающийся, светловолосый мужчина, излучающий неумную энергию. В связи со смертью отца прервались на какое-то время отношения с Юдиным. Вторая встреча произошла в студенческие годы на истфаке КазГУ. Вениамина Петровича он просто-напросто в первую минуту не узнал. Перед ним “был сильно исхудавший, наполовину уменьшившийся человек, со взглядом как бы вовнутрь себя”.

— Мне кажется, когда он серьезно заболел, то понял, что ему на земле отпущен определенный срок. А потому нельзя было больше разбрасываться. Природа наградила его, конечно, щедро, но жизнь диктует свое...

Напомню, что в КазГУ В. Юдин пришел как бы вынужденно, с болью расставшись с Институтом истории. Но Бог мой, как же повезло студентам истфака, что учились там в это время! Может быть, он и переменялся, но, как прежде в КазПИ, на его лекциях яблоку негде было упасть. Настоящих учеников у него было немного, но то, что он оказал огромное влияние на формирование и мировоззрение людей, общавшихся с ним, бесспорно.

Потом, не был он никогда ученым-занудой. Компании веселые любил, рыбалку. Великолепно читал стихи на персидском, выдерживая их особый размер и ритмику, вызывая восхищение слушателей. Но, кстати сказать, и детективами зачитывался. Среди молодежи всегда был своим.

Нурбулат Эдигеевич не считает себя учеником Вениамина Петровича в традиционном смысле этого слова, потому что их отношения, может быть, в память отца были и дружескими и просто

старшего с младшим, а также и отношениями коллег одновременно. Ему позволялось спорить. Эти споры с бесконечным выкуриванием сигарет за чашкой кофе чаще всего заканчивались тем, что Юлия Григорьевна выговаривала Нурбулату: “Доведешь до инфаркта...” Иногда от встречи до встречи проходили месяцы. До тех пор, пока эмоциональный юноша вдруг не осознавал, что Юдин-то, оказывается, был прав, исподволь подталкивая его к разрешению каких-то вопросов. Его это очень удивляло, ведь он специально не занимался его проблемой. Надолго разошлись их пути, когда Нурбулату показалось, что на некоторые аспекты истории Юдин смотрит с неверных позиций. Прошли годы, прежде чем он понял, насколько честен был этот человек, никогда и ничего не делавший против неопровержимых фактов, против истины.

— Когда я сел писать монографию и практически вышел на полгода из обычной жизни, то понял, что он смотрел на десять шагов вперед по сравнению со мной, профессионально занимающимся этой проблемой. То, к чему я пришел сам, через экологию, железную логику, он увидел сразу же!

...В молодые годы он не был для меня Учителем в теперешнем смысле слова. Я только сейчас понял, что он для меня значил. И если отринуться от всех титулов и рангов, реально взвесив вклад каждого ученого в изучение истории Казахстана, то у меня есть свой рейтинг. Номер один — безоговорочно Юдин, как самый выдающийся исследователь истории Казахстана за последние 50—60 лет, номер два — Ю. А. Зуев и номер три — Ш. А. Тулешев.

Иное дело Меруерт Хуатовна Абусейтова, нынешний заместитель директора Центра востоковедения. Вениамин Петрович возлагал большие надежды на ее будущее в науке. Меруерт была любимой ученицей. А пришла она к нему тоже в КазГУ, записавшись в кружок по изучению персидского языка. Тогда многие в него записались, очарованные лекциями Юдина. Остались же только те, кто связывал свою будущую жизнь и работу с источниковедением.

В этом году М. Абусейтова осуществила давнишнюю их с Вениамином Петровичем мечту — поработать в рукописохранилищах Турции. А еще он хотел в Англию и Индию — райские места для источниковедов!

...Тогда пути были закрыты, и не только для него.

— На нас косо смотрели, ведь занимались мы “черт знает чем — ханами” вместо того, чтобы историю компартии штудировать. Но Вениамин Петрович никогда не грешил “тенденцией искать и находить социальное расслоение в составе участников любого общественного движения, тем более в тех случаях, когда источники не дают для этого оснований”. Часто с грустью говорил, что пишет в стол. А сейчас наступили иные времена.

В стол он наработал действительно много. В последние годы, когда Вениамин Петрович уже практически не выходил из дома, ему как-то принесли посмотреть привезенную из Москвы книгу “История государства инков”. Его необыкновенно заинтересовал язык индейцев кечуа. Бытует такая версия, что тюркские народы связаны с индейцами Америки. Он понавывисывал множество словарей, книг, хоть как-то касающихся этой проблемы. В итоге родился кечуа-русский словарь из почти четырех тысяч слов, картотека которого, как и множество других работ, ждет своего часа.

Он всегда глубоко копал. Есть такой термин в науке “кочующие ошибки”, которые когда-то приняли за истину и не пытались перепроверить. Он же на веру ничего не принимал. А сомневаясь, перепроверял множество раз, пока не убеждался в чем-то. В этом — ответственность ученого за все, что им сказано, написано.

Огромную заслугу В. П. Юдина профессор Масанов видит еще и в том, что “он один из представителей русской интеллигенции, внесших неоценимый вклад в формирование казахской интеллигенции и интеллигенции Казахстана вообще”. Профессор Б. Ирмуханов вслед за Масановым считает, что “крупный ученый, которым мог бы гордиться любой западный университет... вполне заслужил признание казахского народа. Думаю, лучшим выражением нашей благодарности было бы учреждение на исторических факультетах столичных университетов, где он работал, именной стипендии за особые успехи в источниковедении. А книгу Утемиша-хаджи “Чингиз-наме” предлагаю представить на соискание премии имени Ч. Валиханова”.

Остается добавить, что чтения в память В. П. Юдина в Центре востоковедения отныне станут традиционными. Готовится к выпуску и сборник из неопубликованного. В этом году ученик Вениамина Петровича Т. Бейсембиев свою первую лекцию в США посвятил памяти Учителя.

Полагаю, имя этого человека важно знать не только специалистам. Откройте Юдина, и вы окунетесь в далекие, далекие дни. Слово исследователя-чародея с неповторимым изяществом расскажет вам, к примеру, о неизвестной версии гибели Урус-хана или сбросит волшебство с известной уйгурской сказки о Чин Тёмюр-батуре и Махтум-суле, и вы вместе с ним будете открывать реальные факты, лежащие в ее основе. Возможно, вас, как и меня, заморозит отрывок из сочинения Мухаммада Салиха Яркенди в работе В. П. Юдина “Некоторые источники по истории восстания в Синьцзяне в 1864 году”:

“Сделаю я заявление относительно начала войны. Был год Крокодила, месяц сафар. В Джаме был удивительно жестокий бой, подданным в том бою душа была сладка... Испугавшись, войско спустилось в ров, многие, пораженные пулями, лежали как розы”.

Все очень просто и гениально. И кажется, за прекрасным слогом — легкость, никакого надрыва, исследовательских мук. Но это кажущееся. По словам Ю. А. Зуева, коллеги Вениамина Петровича, труд им проделан титанический. “Не знаю, смогу ли оценить его вклад в мировую тюркологию, но здесь его заслуги бесспорны”.

Валентина Дудкова

Экспресс-К. 1993. 28 октября;
1993. 2 ноября.

Научные чтения памяти востоковеда В. П. Юдина

27 апреля 1993 г. состоялись I Научные чтения, посвященные памяти известного казахстанского востоковеда Вениамина Петровича Юдина (1928—1983 гг.). Инициатива проведения этого мероприятия исходила от ученых Казахстана, считающих

себя учениками В. П. Юдина. Центр востоковедения НАН РК проделал всю научно-организационную работу по осуществлению этого начинания серьезного научного и глубоко нравственного характера.

В 1993 г. В. П. Юдину исполнилось бы 65 лет.

Научные чтения предварила презентация изданной в конце 1992 г. монографии В. П. Юдина (Утемиш-хаджи. Чингиз-наме), открывшей новую страницу в источниковедении средневековой истории Казахстана и уже получившей положительную оценку научной общественности.

Во вступительном слове директора Центра востоковедения д. ф. н., профессора Е. З. Кажобекова и в выступлениях д. и. н., профессора Н. Э. Масанова, д. ф. н. Т. Т. Талипова, д. ф. н. А. Ибатов, к. и. н. С. А. Касабулатовой и др. была дана высокая оценка научной значимости этого труда В. П. Юдина, в котором представлены оригинальный текст, транскрипция, перевод на русский язык уникального тюркоязычного сочинения XVI в., каким является "Чингиз-наме" Утемиша-хаджи, а также интерпретация разнохарактерных сведений этого источника.

Как выражение глубокого интереса к научному наследию В. П. Юдина прозвучали предложения продолжить работу по подготовке к изданию исследований и переводов, не увидевших свет при его жизни.

Широта научных интересов В. П. Юдина, показавшего себя большим знатоком персо- и тюркоязычных источников по истории казахского и уйгурского народов, способным к мотивированным реконструкциям прошлого, исследователем, внесшим большой вклад в изучение старуюйгурской литературы и тюркологии, определила и соответствующий диапазон тематики сообщений на Научных чтениях. В большинстве из них поднимались вопросы источниковедения истории казахов, их этногенеза, культуры и языка. Несколько сообщений были посвящены уйгуроведческой проблематике. Наибольшее внимание привлекли научно значимые и интересные сообщения:

"В. П. Юдин и источниковедение истории Казахстана"
(к. и. н. М. Х. Абусейтова, ЦВ НАН РК);

“Вклад В. П. Юдина в казахстанское исламоведение” (к. и. н. Р. М. Мустафина, Ин-т истории и этнологии НАН РК);

“Путешествие” И. Шильтбергера по странам Азии как исторический источник” (к. и. н. А. Ф. Асонова);

“Бухарские источники по истории казахов XVIII в.” (к. и. н. Ж. М. Жапбасбаева, ЦВ НАН РК);

“Этногенез казахов: проблемы и метод” (д. и. н., профессор Н. Э. Масанов, КазНГУ);

“Чингизово право в истории российской государственности XV—XVI вв.” (к. и. н. И. В. Ерофеева, Ин-т истории и этнологии НАН РК);

“Роль и значение научной деятельности востоковеда А. Е. Алекторова в исследовании истории казахского народа” (к. ф. н. С. В. Ананьева, Ин-т литературы и искусства НАН РК);

“Облавная охота и ее влияние на военное дело кочевников Евразии” (А. Кушкумбаев, ЦВ НАН РК);

“Исторические процессы формирования и развития казахского языка” (д. ф. н. А. Ибатов, ЦВ НАН РК);

“В. П. Юдин и изучение уйгурской классической литературы” (к. ф. н. С. Моллаудов, Ин-т уйгуроведения НАН РК);

“О раннем проникновении буддизма в Восточный Туркестан” (к. и. н. Д. А. Исиев, Ин-т уйгуроведения НАН РК);

“Ирригация у уйгуров Семиречья (на рубеже XIX—XX вв.)” (к. и. н. Г. С. Баратова, Ин-т уйгуроведения НАН РК);

“Некоторые аспекты взаимоотношений в художественных ремеслах уйгуров (конец XIX — XX в.)” (к. и. н. Р. У. Каримова, Ин-т уйгуроведения НАН РК).

Перечень может быть продолжен, но намечающаяся возможность издания материалов чтений в недалеком будущем делает это вряд ли необходимым.

Неизгладимое впечатление оставило стремление большинства докладчиков подчеркнуть значение научного вклада В. П. Юдина в разработку интересующих их проблем, уважительное отношение учеников и коллег к его научному наследию. Все это нашло отражение в принятой резолюции, которая предусмат-

ривает ежегодное проведение научных чтений памяти В. П. Юдина, издание его работ и другие мероприятия.

Итак, можно говорить об успехе прошедших чтений и надеяться, что, став традиционными, они будут способствовать развитию казахстанского востоковедения.

Ю. Г. Баранова

Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. 1993. № 6. С. 86—87.

Чтения памяти Вениамина Петровича Юдина

Краткая биографическая справка. В. П. Юдин родился 1 февраля 1928 г. в Волгограде; в 1945 г. окончил десятилетку (хутор Зимники Волгоградской области) и поступил в Московский институт востоковедения (Дальневосточный факультет, Синьцзянское отделение). В 1950 г. окончил его с присвоением квалификации страноведа по Синьцзяну со знанием уйгурского и английского языков. Учась в аспирантуре по специальности “Уйгурская филология” (1950—1954 гг.), преподавал уйгурский язык на Синьцзянском отделении. В 1955 г., переехав в Алма-Ату по приглашению министра просвещения КазССР, начал преподавать уйгурскую литературу и язык в КазПИ. С июля 1960 по октябрь 1970 г. работал научным сотрудником отдела дореволюционной истории Казахстана Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, в 1970—1976 гг. — старшим преподавателем на кафедре истории Казахстана в КазГУ. В 1976—1983 гг. работал научным сотрудником отдела уйгуроведения (группа истории) в Институте языкознания АН КазССР. Умер 12 мая 1983 г.

В. П. Юдин — ученый-востоковед, перу которого принадлежит свыше 80 научных работ: статей, переводов, комментариев к переводам, докладов, рецензий и т. д. на русском, уйгурском, казахском и английском языках. Среди них — рецензии на книги

“Каталог рукописей уйгурской классической литературы”, “Древне-петропавловские рунические памятники как источник по истории Средней Азии” С. Г. Кляшторного, “Государство кочевых узбеков” Б. А. Ахмедова (перевод последней опубликован в журнале “Central Asian Review”, Лондон).

Он был спецредактором уйгурско-русского словаря, одним из авторов хрестоматий по уйгурской литературе, авторов и составителей фундаментального труда “Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений)”, других работ.

Первые научные чтения, посвященные памяти В. П. Юдина, состоялись в прошлом году, когда исполнилось 10 лет со дня смерти ученого. 27 мая этого года в Центре востоковедения НАН РК были проведены Вторые Юдинские чтения, названные “Центральная Азия: источниковедение, история, политика, филология, культура”. На них были приглашены ученые, занимающиеся проблемами востоковедения, из институтов истории и этнологии, литературы и искусства, археологии, уйгуроведения НАН РК, КазГУ, КазГУМЯ, ЖенПИ, Госконсерватории и др.

Чтения предварило вступительное слово директора ЦВ НАН РК доктора филологических наук Е. З. Кажибекова. Он сказал, что научные чтения — это форма общения ученых, их знакомства друг с другом, различными научными изысканиями. Чтения призваны способствовать концентрации внимания на решении приоритетных проблем востоковедения. В частности, сегодня, подчеркнул Е. З. Кажибеков, перед востоковедами стоит актуальнейшая задача, самым непосредственным образом связанная с именем и деятельностью В. П. Юдина, — составление словаря тюркских языков. Он отметил также, что научные чтения стали доброй традицией Центра. Так, кроме Юдинских чтений здесь проводятся Научные чтения памяти Р. Б. Сулейменова, посвященные кругу проблем по этнокультурологии и истории казахских ханств.

Затем на чтениях прозвучали — как на русском, так и на казахском языках — различные научные сообщения; некоторые из них вылились в дискуссию по проблемам востоковедения. Так, принципиально новый взгляд, отличный от ортодоксальной науки,

на этнос и этногенез как социокультурный процесс изложил в своем сообщении “Этногенез кочевников Евразии: мифы и реальность” доктор исторических наук, профессор Н. Э. Масанов. Поиску исторической связи между хазарами и казахами посвятил свои изыскания и, соответственно, выступление доктор исторических наук, профессор Б. Ирмуханов. Научно-исследовательская деятельность Алихана Букейханова — тема доклада кандидатов исторических наук Т. П. Волковой и И. В. Ерофеевой. Научный сотрудник ЦВ А. А. Азизян изложила результаты проведенного ею искусствоведческого анализа связи типов языка и орнамента древнейших раннеземледельческих культур Востока. “Русские востоковеды-исследователи А. Е. Алекторов и Г. Н. Потанин об И. Алтынсарине и Ч. Валиханове” — тема сообщения кандидата филологических наук С. В. Ананьевой.

После перерыва Чтения возобновили свою работу, но уже по секциям — филологов и историков. Были сделаны интересные сообщения по языку тюркоязычных памятников, например “Корни метафор в поэмах “Кутадғу билиг”, “Хибат ул-хакайк” и их бытование в современном казахском языке” (К. А. Абенова, преподаватель КазГАУ).

В Чтениях приняли участие не только коллеги, соавторы и соисследователи В. П. Юдина, его последователи и ученики, но и молодые ученые. Так, историки единодушно отметили сообщение аспиранта Института истории и этнологии НАН РК Г. Агелеуова “Йер-Суб — божество древнетюркского пантеона”.

Естественно, что не все желающие — авторы заявленных 45 научных сообщений — успели выступить на Чтениях. Материалы Первых и Вторых Юдинских чтений в ближайшее время будут изданы отдельной книгой.

...У Вениамина Петровича Юдина нет громких титулов, он не занимал высоких должностей. Единственное его почетное звание — оно же ученая степень — Востоковед. В зале, где проводились чтения, были выставлены работы Востоковеда В. П. Юдина (не все из них еще опубликованы) — его научное наследие, по счастью доставшееся нам, знавшим и не знавшим его лично. Стенд украшала изданная два года назад книга “Чингиз-наме”. В издание включены факсимиле

оригинального текста “Чингиз-наме” — сочинения Утемиша-хаджи, содержащего ценнейшие сведения по истории Золотой Орды и средневекового Казахстана, выполненное В. П. Юдиным историко-культурное исследование текста, его перевод на русский язык, транскрипция и текстологические примечания (подготовлено к изданию Ю. Г. Барановой, комментарии и указатели М. Х. Абусеитовой). Сегодня исследователи считают “Чингиз-наме” одним из основных источников сведений о политической и социально-экономической жизни кочевников Дашт-и Кыпчака XIV в.

Включенную в книгу статью “Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...” и неспециалист прочтет с большим интересом, совершив увлекательный экскурс в средневековье; специалист же найдет здесь глубочайшее и детальное историческое, языковедческое и т. д. исследование проблемы.

Анализируя повествования “Чингизовой книги”, В. П. Юдин ввел в научный оборот термин, обозначающий устное историческое знание кочевников, — степная устная историология. В другой своей статье “Переход власти к племенным биям и неизвестной династии тука-тимуридов в Казахских степях в XIV в.” ученый писал, что, кроме восточных письменных памятников, “...имеется принципиально иной источник, данные которого... во многих случаях являются уникальными, а потому бесценными, — это степная устная историография — память самого субъекта истории о своем прошлом. Реконструировать историю Казахстана можно только на основе привлечения данных обеих историографий — обычной, письменной, то есть продукта культуры оседлых народов, и степной, устной”.

Эльмира Ауман

Наука Казахстана. 1994. № 11
(23). 1–15 июня.

Юдинские чтения

Институтом востоковедения МН–АН РК 30 мая проведены IV научные чтения памяти востоковеда В. П. Юдина “Актуальные проблемы эволюции общества в Центральной Азии”.

Вступительное слово произнес директор Института доктор филологических наук Е. З. Кажибеков. Он остановился на новых подходах к разработке проблем источниковедения, познакомил участников конференции с планами работы Института, в частности с созданием фонда "Евразия", и сообщил о скором выходе в свет сборников выступлений на предыдущих научных чтениях.

Кандидат исторических наук, заместитель директора Института М. Х. Абусейтова предложила собравшимся интересный доклад на тему "К проблеме эволюции казахского общества XV—XVIII вв.", в котором выдвинула собственную научную концепцию по разрабатываемой проблеме, остановилась на проблеме казахской государственности. Доклад вызвал живой научный интерес и многочисленные вопросы.

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой АГУ им. Абая Б. Б. Ирмуханов посвятил свое научное сообщение актуальной теме "Казахское государство и казахская государственность". Он также подчеркнул, что по примеру Института востоковедения научные чтения в этом году состоялись и в КазГУ им. аль-Фараби. Они были посвящены известному историку Бекмаханову. Отметил он и такой факт, что в работе научной конференции принимают участие студенты-дипломники АГУ им. Абая с очень интересными сообщениями. Это будущее нашей науки. Доклад профессора Ирмуханова привлек внимание присутствующих логичностью изложения, научной обоснованностью и вызвал живой обмен мнениями.

С особой теплотой было воспринято научное сообщение научного сотрудника института Ю. Г. Барановой "Проблема казахской государственности в неопубликованных работах В. П. Юдина". Юлия Григорьевна хранит и собирает все материалы Вениамина Петровича, пропагандирует его научное наследие и вместе с М. Х. Абусейтовой возглавляет оргкомитет по проведению Юдинских научных чтений. Хочется отметить, что в зале заседаний института вот уже четвертый год подряд в конце мая собираются удивительные люди, подвижники и пропагандисты научного наследия Юдина, его ученики и последователи.

С интересом были выслушаны выступления В. У. Махпировой "Источники формирования и особенности функционирования

древнетюркской ономастики”, Б. Б. Карибаева “Некоторые проблемы образования Казахского ханства”, Г. Е. Агелеуова “Боже-ство Йол-Тенгри в древнетюркском мировоззрении”, Б. Напил “Некоторые структурные особенности односложных корней в ал-тайских языках (диахронический взгляд)”, Б. Ибраева “Хор-хут — Коркут — Коркыт?” и др.

Светлана Ананьева

Наука Казахстана. 1996. № 11
(77). 1–15 июня.

Он исследовал нашу историю

Сегодня и всемирно известный Чингиз Айтматов и менее известный Алекс Москович неожиданно в унисон восклицают: “Как повезло казахскому народу!..”. Поддерживая общее настроение этих безусловно умных людей, готов сказать: да, повезло, но вкладываю в эти слова, естественно, собственное понимание сути.

Нам, казахам, исключительно повезло, что нашу историю исследовали такие ученые, как академики В. В. Вельяминов-Зернов, В. В. Радлов, В. В. Бартольд, профессиональный и морально-нравственный облик которых и сегодня остается эталоном гуманности и верности науке. В условиях господства в ней идей и воззрений о кочевниках как о диких, отсталых элементах человеческого общества они в своих трудах утверждали, что казахи имели государственность, свою самобытную цивилизацию. Еще в 60-е годы XIX в. Радлов отмечал исключительную целостность казахского языка, практическое отсутствие в нем диалектов, поражался единообразию обычаев казахов, их привычек, быта, характера. Он особо подчеркивал высокий уровень самоидентификации, т. е. национального самосознания казахов: “Повсюду их (казахов. — *Б. И.*) резко отличает от других тюркских народов общее им всем осознание принадлежности к народу казаков (казахов. — *Б. И.*)”.

Казахи, будучи преимущественно кочевым народом, не создали своей письменной истории, поэтому их история оказалась в сильной зависимости от позиций, оценок и даже фактических данных ученых-инородцев, историографий других стран, государствен-

ная, религиозная и иная тенденциозность которых была очевидной. Разумеется, казахи, как и другие номады, не были лишены исторической памяти, исторических знаний. Отсутствие письменных источников — хроник, летописей, специальных исторических трудов — компенсировалось как бы коллективной памятью народа, богатейшим устным историческим знанием.

Будучи письменно зафиксированным, это историческое знание становится устной историологией. Последняя имеет исключительное значение для освещения истории кочевых народов. Сочинения этого рода освещают исторические события в степи как бы изнутри, поднимают такие пласты внутренней жизни общества, которые недоступны внешним наблюдателям. Разумеется, нельзя абсолютизировать устную историологию. Только сопоставление источников различных жанров, сверка их данных позволяют прийти к истине и воссоздать подлинную картину тех или иных событий.

В плеяде замечательных русских ученых, с симпатией и любовью изучавших историю казахского народа, почетное и достойное место принадлежит В. П. Юдину (1928—1983 гг.). Вениамин Петрович родился 1 февраля 1928 г. в Волгограде. Окончил Московский институт востоковедения имени Н. Нариманова. В 1955 г. Юдин был приглашен на работу в КазПИ им. Абая, и с тех пор до конца своей жизни он работал в Алма-Ате (в АН Казахской ССР, КазГУ им. С. М. Кирова). Будучи крупным специалистом по уйгуроведению, он, однако, прикипел к казахской истории. Блестящий и глубокий знаток и исследователь персоязычных источников по истории средневекового Казахстана и Средней Азии, В. П. Юдин внес бесценный вклад в историческую науку Казахстана. Особое место в его творчестве и в целом в казахстанской историографии занимает первый в Казахстане фундаментальный источниковедческий труд — «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.» (1969 г.). Нисколько не умаляя заслуг других авторов — С. К. Ибрагимова, Н. Н. Мингулова, К. А. Пищулиной, — без преувеличения можно сказать, что сей капитальный труд своим появлением на свет обязан Юдину. Он проделал громадную исследовательскую работу: осуществил сверку и общую редакцию всех переводов, сделал перевод извлечений из 10

источников, написал комментарии к ним, а также 17 статей по всем источникам, вошедшим в сборник. Как справедливо писал академик АН республики Р. Б. Сулейменов, “в этих статьях ученому удалось решить широкий круг вопросов историко-источниковедческого характера”.

Очень важный сам по себе ввод в научный оборот новых источников — их интерпретацию В. П. Юдин сочетал с разработкой ряда сложных методологических, философских проблем исторической науки Казахстана. Таковы его изыскания о сущности и природе чингизизма, характере и роли различных орд, истории казахских жузов, этногенезе казахского народа и термине “казах”, роли могольского элемента в составе казахского народа, генеалогии казахских ханов. Введение в науку термина “степная устная историология” как особой квалификационной группы восточных письменных источников по истории Казахстана также заслуга Юдина.

Изданная уже после смерти В. П. Юдина востоковедом Ю. Г. Барановой (его супругой), при большой поддержке академиков М. К. Козыбаева и Р. Б. Сулейменова, книга хивинского историка первой половины XVI в. Утемиша-хаджи “Чингиз-наме” как бы венчает творчество Вениамина Петровича.

“Чингиз-наме” — тюркоязычное произведение, написанное главным образом на основе устных преданий кочевников Дашт-и Кыпчака. В центре внимания сочинения находится история правления Чингиз-хана и его потомков — от Батыея до Тохтамышша. “Чингиз-наме” — произведение глубоко достоверное и многоплановое. Вдумчивый читатель найдет здесь сведения и по политической истории Золотой Орды, и весьма ценные, нередко уникальные данные по этнополитической, хозяйственной, социально-культурной жизни, быту, идеологии и языку кочевого общества Восточно-Дашт-и Кыпчака, т. е. исконной земли казахов.

Особая ценность сочинения как оригинального исторического источника заключается в том, что оно помогает изучению наименее исследованного периода истории Казахстана — XIV века.

“Чингиз-наме”, как видим, дает разносторонние сведения по истории Казахстана XIV в. Научное исследование этого важнейшего исторического источника глубоко и с блеском сделал Юдин.

Хотя сочинение Утемиша-хаджи было известно еще до революции, только Вениамин Петрович впервые в полном объеме осуществил перевод его на русский язык, транскрипцию, текстологические примечания, привел факсимиле (т. е. оригинал текста) сочинения. Без преувеличения можно сказать, что “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи — и уникальное событие в исторической науке Казахстана, и свидетельство наших возможностей по изданию научных произведений мирового класса.

Вениамин Петрович Юдин был замечательной личностью. Блестящий ученый-востоковед, историк, филолог, исследователь и педагог, он сумел сохранить свою свободу, независимость ученого-исследователя. В. П. Юдин был из тех русских, советских ученых, которые приехали в Казахстан не ради карьеры или материальных благ. Он жил ради науки, не считал степень обязательным атрибутом ученого, жил на скромную, даже по тогдашним меркам, зарплату научного сотрудника. Он имел учеников, к нему тянулась молодежь, жаждавшая подлинной науки и знаний. Его ученики Н. Масанов, М. Абусейтова, Т. Бейсембиев стали сегодня признанными учеными.

Отдавая дань уважения памяти В. П. Юдина, мы чтим огромный вклад в науку Казахстана замечательных ученых С. К. Ибрагимова, Я. Д. Серовайского, М. М. Копыленко — истинных патриотов Казахстана. Пусть всегда везет казахскому народу на таких соотечественников!

Бейбет Ирмуханов,
доктор исторических наук,
профессор

Казахстанская правда. 1998. 20 февраля

Вклад В. П. Юдина в казахстанское источниковедение

В данном сообщении, отнюдь не претендующем на сколько-нибудь полную характеристику источниковедческой деятельности В. П. Юдина, мы попытаемся хотя бы коротко перечислить основ-

ные моменты этого большого вдохновенного труда. Эти моменты раскрывают отношение В. П. Юдина к источникам, его источниковедческую технику, деятельность в области теоретического источниковедения, его вклад в создание и развитие источниковедения истории Казахстана.

В. П. Юдин родился 1 февраля 1928 года в г. Волгограде. После окончания школы в 1945 году он поступил в Московский институт востоковедения. Вениамин Петрович слушал лекции известных ученых-востоковедов плеяды замечательных преподавателей — В. М. Насилова, Н. А. Баскакова, Е. Э. Бертельса и многих других. Своих учителей Вениамин Петрович вспоминал с глубокой благодарностью на протяжении всей своей жизни.

В Московском институте востоковедения Вениамин Петрович получил хорошую востоковедческую подготовку. Однако лишь непрерывная работа над углублением своих знаний в области восточных языков, литературы, культуры народов Центральной Азии, погружение в мир первоисточников, неустанный, постоянный труд превратили В. П. Юдина в “энциклопедию” казаховедения и уйгуроведения.

Студентом В. П. Юдин проходил практику в Уйгурском районе Алма-Атинской области, где хорошо овладел уйгурским языком. Будучи студентом 5-го курса, Вениамин Петрович привлекался к преподавательской работе, обучению студентов уйгурскому языку.

Свою научно-педагогическую деятельность начал как уйгуровед в 1950 году после окончания Московского института востоковедения им. Н. Нариманова, где он был оставлен для прохождения аспирантуры по уйгурской филологии (под руководством известного тюрколога профессора Владимира Михайловича Насилова) и преподавания уйгурского языка.

В 1955 году В. П. Юдин был приглашен на работу в КазПИ им. Абая в связи с открытием там уйгурского отделения, студентам которого он читал на уйгурском языке курсы по древней и классической уйгурской литературе, фольклору и языку (1955—1961 гг.). С этого времени научные интересы В. П. Юдина неразрывно связаны с изучением истории Казахстана на основе сведений восточных источников, чем он занимался до конца своих дней и в годы работы в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР

(1960—1970 гг.), и будучи преподавателем кафедры истории Казахской ССР истфака КазГУ (1970—1976 гг.), и позднее, перейдя на работу в отдел уйгуроведения Института языкознания АН КазССР.

Наряду с казахстанской тематикой В. П. Юдин всегда занимался уйгуроведением, в первую очередь плодотворно разрабатывал богатейшее рукописное наследие уйгурского народа в историческом и филологическом плане.

Перечень научных публикаций В. П. Юдина превышает восемь десятков наименований — это работы на русском, уйгурском и казахском языках, некоторые из них вышли за рубежом в английском переводе.

Сочетание двух самостоятельных и вместе с тем тесно связанных между собой областей науки — истории и филологии — благотворно сказывается на его специальных исследованиях и по истории средневекового Казахстана, где необходимо знание истории. Вот почему все труды В. П. Юдина в области истории, литературы, языка характеризуются тонким и тщательным анализом фактов и широким и вместе с тем осторожным синтезом явлений. Они всегда содержат новые оригинальные мысли, обоснованные и подкрепленные огромным фактическим материалом.

Для исследовательского метода В. П. Юдина характерно привлечение всех доступных источников, как восточных, так и иностранных, использование всех фактов, сообщаемых историческим источником. Вениамин Петрович расширил источниковую базу истории Казахстана. Особое место занимает изданный в 1969 году под руководством и при непосредственном участии В. П. Юдина капитальный труд “Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений)”, где им осуществлены сверка и общая редакция всех переводов, перевод извлечений из 10 источников, написаны комментарии к ним, а также 17 источниковедческих статей по всем источникам, вошедшим в МИКХ. Однако необходимо отметить, что написанная В. П. Юдиным вводная статья “Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV—XVIII вв.” не была опубликована.

Некоторые вопросы теории и практики казахстанского источниковедения были отражены В. П. Юдиным в статьях-справках.

В этих статьях ученому удалось решить широкий круг вопросов классификации и систематизации источников. Особого внимания заслуживает предлагаемая им синтезированная классификация персоязычных источников по истории казахского народа, учитывающая социально-политическую ориентацию их авторов, зависимость источников по содержанию и т. д. “Материалы” заложили прочную научную основу для углубленного изучения комплекса проблем истории Казахстана соответствующего периода. Выход в свет этой книги стал ценным вкладом в развитие казахстанского востоковедения.

В этот период им написаны статьи, посвященные анализу малоизученных и ранее не привлекавшихся для изучения истории Казахстана и Восточного Туркестана рукописей: “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи (XVI в.), “Тарих-и Шайбани” (начало XVII в.), “Зийа ал-кулуб” Мухаммад Аваза (начало XVII в.).

Нужно сказать, что исследование “Чингиз-наме” было результативным также в плане теоретического источниковедения. Исходя из своеобразия “Чингиз-наме” и изучения целого ряда других тюркоязычных сочинений, В. П. Юдин делает принципиально важный вывод о выделении особой классификационной группы из восточных письменных источников по истории Казахстана — источников, которые зафиксировали и донесли до нас устное историческое знание кочевников Дашт-и Кипчака. Это степное устное историческое знание В. П. Юдин впервые определил термином “степная устная историология”.

Кроме того, что он использовал все разнообразие восточных письменных памятников, все виды исторических источников (граммоты и указы, памятные записи, рукописи, археологические), он поставил вопрос о привлечении богатейшей агнографической литературы к изучению Казахстана, таких, как “Зийа ал-кулуб”, “Джалис ал-муштакин” и пр.

Во всех работах В. П. Юдина виден искусный источниковед, успешно сочетающий технику филологического анализа с глубоким пониманием исторического содержания текста. В этих работах виден большой знаток и ценитель восточной исторической литературы, постоянно заботящийся об изучении и издании исторических памятников. С источниковедческими штудиями В. П. Юдина органичес-

ки были связаны его исторические исследования. В. П. Юдин писал свои труды исключительно по первоисточникам. Он владел всей совокупностью письменных первоисточников по истории Центральной Азии. В виде небольшого отступления я хотела бы обратить ваше внимание на то, что потребность в научных исследованиях средневекового периода истории Казахстана велика. Трудности исследовательской работы в этой области не ограничиваются только отсутствием научной литературы, необходимо также принять во внимание и тот факт, что почти все источники на персидском и тюркских языках находятся только в рукописях, причем некоторые из них учеными почти не привлекались к исследованию. Это обстоятельство ставит исследователя одновременно в невыгодное и выгодное положение: невыгодное — поскольку ему часто приходится проделывать ряд предварительных, подчас чисто филологических стадий работы; выгодное — поскольку большую часть вопросов приходится ставить и разрешать впервые.

В. П. Юдину принадлежит глубокое исследование этнической, политической, культурной истории Казахстана на основе сведений рукописей “Чингиз-наме” Утемиша-хаджи, “Тарих-и Шайбани”, “Зийа ал-кулуб” Мухаммад Аваза и др. Примером служат классические работы Вениамина Петровича: “Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...”, “Переход власти к племенным биям и неизвестной династии тукатимуридов в казахских степях в XIV в. ...”, “Неизвестная версия гибели Урус-хана...”, “О строительстве Мавзолея кыйята Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в. ...”, где поднимается проблема восточных письменных источников, степной устной историологии и предьстории Казахского ханства.

В этих работах В. П. Юдина рассматривается особый период в истории Казахстана — XIV век — век предьстории Казахстана и других национальных государственныхностей. Без тщательного изучения истории XIII—XIV вв. трудно понять историю возникновения Казахского ханства.

Признание специалистов получила работа В. П. Юдина “О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами”. В ней предпринята попытка нетрадиционного освещения вопроса

о государстве Могулия как отличном от Могулистана в этническом, территориальном и хронологическом отношении в государственном образовании и о могульском этническом компоненте, принявшем участие в сложении казахского, уйгурского и кыргызского народов. Поднимаемые в этих работах В. П. Юдиным вопросы способствовали дальнейшей разработке теоретических востоковедных проблем, новых концепций. Он придавал большое значение проблемам источниковедения, сравнительно-текстологическому анализу восточных письменных памятников средневековья, их классификации по идейно-политическим и текстологическим особенностям.

Источниковедческим вопросам был посвящен спецкурс “Персоязычные источники по истории Казахстана XV—XVIII вв.”, прочитанный Вениамином Петровичем на историческом факультете КазГУ в 70-х годах. В годы своей педагогической деятельности на историческом факультете КазГУ (1970—1976 гг.) В. П. Юдин много сделал для подготовки молодых специалистов по истории Казахстана. Читая спецкурс, он пробудил у студентов интерес к истории казахского народа, к изучению восточных рукописей. Большой популярностью на факультете пользовался руководимый им научный студенческий кружок “Востоковед”, на котором Вениамин Петрович вел занятия по персидскому языку. Велики заслуги Вениамина Петровича Юдина в деле подготовки востоковедческих кадров. Он — опытный учитель и заботливый наставник научной смены. Многие его ученики защитили кандидатские и докторские диссертации и успешно работают в различных научных учреждениях.

Говоря о школе В. П. Юдина, необходимо отметить, что имеется в виду не только научное направление в области источниковедения, разработанного им, продолжаемое его учениками, но и школа как жизненный и творческий путь, как стиль работы, как приемы обучения учеников, передачи опыта коллегам и установления с ними взаимопользных контактов, словом, как комплекс черт, всесторонне характеризующих творческую личность в ее становлении, развитии и наиболее ярких проявлениях. Мне посчастливилось прослушать увлекательный и незабываемый спецкурс Вениамина Петровича и посещать научный кружок “Востоковед”, что оказало большое влияние на формирование моих интересов и про-

буждение любви к истории, культуре, этнографии казахского народа. В. П. Юдин был полиглотом, он овладел во всех тончайших нюансах большим числом восточных языков — иранскими, тюркскими, арабским — и западноевропейскими. Природа наградила его редкостным даром глубочайшего постижения языков, их законов и духа.

Вениамин Петрович любил молодежь. Он был общителен по природе, любил делиться своими мыслями и знаниями, особенно с молодыми людьми, в которых замечал склонность к науке. Гостеприимно принимал их у себя, снабжал книгами, давал советы, руководил занятиями. В. П. Юдин был доступен всем в ущерб и своей работе, и своему отдыху, и своему здоровью. Он всех подкупал простотой и щедростью.

В. П. Юдина постоянно волновал вопрос о будущем востоковедной науки вообще и о путях развития казахстанского востоковедения в частности. Он принадлежал к числу немногих историков-востоковедов, которые прекрасно разбирались в важнейших проблемах всемирной истории и литературы и умело использовали эти знания для изучения сложнейших вопросов истории Востока.

Развитию востоковедения, в частности источниковедения в Казахстане, способствовала работа В. П. Юдина, проводимая в Обществе охраны памятников истории и культуры Казахстана. Он был членом Президиума общества, председателем секции востоковедения. По его инициативе была учреждена Постоянная востоковедная археологическая экспедиция и разработана программа маршрутов в различные центры архиво- и рукописохранилищ. Результатами экспедиций явились сбор рукописных и архивных материалов (Ташкент, Душанбе, Санкт-Петербург, Омск, Оренбург, Томск и др.), а также выявление и приобретение восточных рукописей по истории Казахстана в республике и за ее пределами. Собранные экспедициями материалы представляют собой нередко уникальные источники по истории и культуре Казахстана. Общественная деятельность В. П. Юдина также была подчинена цели изучения и популяризации востоковедных памятников по истории и культуре Казахстана.

До последних дней жизни Вениамин Петрович был полон новых творческих замыслов, упорно работал над рукописями вос-

точных сочинений, их исследованием. Его последние публикации отражают большое желание работать, те же широту интересов, высокий профессионализм, глубину мысли, образность языка, точность наблюдений, которые были присущи ему всегда. Член-корреспондент АН Республики Туркменистан, проф., д. и. н. С. Н. Агаджанов, узнав о смерти В. П. Юдина, писал мне в письме: "Я думаю о том, что мы довольно часто не осознаем истинную цену ученым при жизни. Неужели же, чтобы измерить величину чинара, нужно его спилить пилой смерти..."

Научное наследие В. П. Юдина значительно превышает все опубликованное им. Остался огромный интересный материал, которому надо будет сохранить жизнь. В настоящее время мы готовим к изданию избранные труды Вениамина Петровича, куда войдут опубликованные и еще не опубликованные работы по истории, культуре Казахстана, Восточного Туркестана.

Живым наследием В. П. Юдина являются и его ученики. Он честно выполнил свой долг ученого, дав науке подготовленные им кадры специалистов-востоковедов. От них зависит оправдать надежду своего Учителя.

*М. Х. Абуseitова,
доктор исторических наук*

Материалы I и II Научных чтений
памяти В. П. Юдина 1993—1994 гг.
Алматы. 1999. С. 8—13.

Вклад В. П. Юдина в казахстанское религиоведение

Научные интересы В. П. Юдина, выдающегося казахстанского ученого-востоковеда, были очень широки. И среди них — исследования в области исламоведения, которые дали казахстанской исторической науке новые ценные письменные источники. Известно, что изучение истории ислама, его проникновения и распространения в Казахстане затрудняется из-за крайне ограниченного круга источников. Поэтому многие проблемы мало исследованы, а вопросы суфизма в Казах-

стане фактически не разработаны. Новые материалы по исламу у казахов, вводимые в научный оборот, становятся событием в исторической науке. Привлекая внимание к этой проблеме, В. П. Юдин писал: "В настоящее время основной причиной, тормозящей изучение казахского средневековья, является малочисленность исторических известий. Основными источниками по истории этой эпохи являются восточные нарративные сочинения. Одной из групп таких источников являются агиографические сочинения, ценность которых давно признана востоковедением. Для изучения истории казахского народа жития мусульманских святых фактически не привлекались"¹. В источниковедческих работах В. П. Юдина большое внимание уделено переводам и анализу материалов агиографического содержания, в частности сочинению Мухаммад Аваза "Зийа ал-кулуб". Характеризуя этот источник, В. П. Юдин отмечал, что "сочинение Мухаммада Аваза сообщает значительные по своей важности сведения о распространении ислама среди казахов в XVI в. Они тем более ценны, что аналогичных им по содержанию свидетельств во введенных к настоящему времени в научный оборот источников этой эпохи почти нет"². Это сочинение посвящено деятельности известного среди казахов суфийского миссионера Ходжи Исхака Вали, крупного идеологического и политического деятеля XVI в., с именем которого в значительной степени была связана история распространения суфизма в Казахстане. Он активно проповедовал суфийское учение ордена накшбандийа в черногорской форме, вербовавшего мюридов, организационно оформлявшего на местах отделения черногорской корпорации. Наряду с другими материалами этого источника большой интерес вызывают сведения о древних домусульманских культах у казахов и о вступлении казахского хана Таваккула со ста двадцатью сыновьями и султанами в число мюридов Ходжи Исхака. Анализируя материалы сочинения Мухаммад Аваза, В. П. Юдин делает предварительные выводы: ислам в XVI в. распространялся в Казахстане в форме суфийских учений, значительную роль в распространении ислама играла светская знать — ханы и султаны³.

¹ Юдин В. П. Известия "Зийа ал-кулуб" Мухаммад Аваза о казахах XVI века // Известия АН КазССР. Сер. обществ. 1966, № 5. С. 71.

² Там же. С. 72.

Характеризуя социально-политическую роль ислама у казахов, В. П. Юдин отмечал: “Исламизация казахского населения, как внедрение в его сознание религиозной идеологии развитого феодального общества, не могла не стимулировать процесса укрепления верховной власти и государственных институтов, более четкого оформления феодальных отношений и процесса дальнейшей консолидации народности... Исламизация казахов, несомненно, способствовала укреплению на идеологической основе союза казахских феодалов с духовными и светскими феодалами городов Туркестана и Мавераннахра”⁴. Таким образом, в этих предварительных выводах В. П. Юдин обозначил ряд проблем, которые требуют тщательной разработки и исследования.

В. П. Юдин осуществил огромную по своему значению и объему работу по изданию ставшего сегодня классическим коллективного труда — “Материалы по истории казахских ханств”, в которую вошли новые его переводы, комментарии к ним, исследования. Этот труд имеет неоценимое значение для казахстанской исторической науки. Мне представляется важным отметить также материалы, имеющие непосредственное отношение к исламу в Казахстане и, в частности, к родословным ходжей⁵. Фрагменты этих родословных, как показали этнографические материалы, полученные мной в результате полевых исследований, до сих пор сохранились в памяти памятных записях, письменных хрониках местных знатоков и хранителей старины. Эти материалы показывают, какую роль играли ходжи в религиозной и политической жизни казахского общества, а также жизненность и преемственность многих традиций, связанных с мусульманским мистицизмом и его проявлениями в наши дни.

Работой, еще раз продемонстрировавшей профессионализм и талант исследователя, стала “Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...”. В. П. Юдин обращается в ней к очень важному аспекту идеологической жизни кочевников — к мировоззренческому синкретизму, названному им чингизизмом. “Предания о происхождении Чингизхана, его рода, его предков были, — пишет он — например, включены

³ Там же.

⁴ Там же. С. 72–73.

⁵ Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 488.

в мусульманские представления о происхождении человечества и тем самым в мусульманскую картину мира. История происхождения рода человеческого в мусульманских исторических сочинениях начиналась, как обычно, с сотворения человека и истории пророков, была дополнена циклом преданий об Огузе, генеалогией рода Чингиз-хана и дальнейшим разветвлением родов, племен и народов кочевого мира. Таковы, например, "Сборник летописей" Рашид ад-Дина и многие другие мусульманские исторические труды⁶. В своих размышлениях о религиозном и мировоззренческом синкретизме у кочевников В. П. Юдин приходит к важному выводу: "...у ряда кочевых народов синтез шаманистских, буддийских, мусульманских и других концепций и чингизидской доктрины привел к сложению фактически нового иллюзорного мировоззрения, новой идеологии...", которая овладела всеми слоями общества⁷.

Даже такой, далеко не полный, обзор работ В. П. Юдина дает представление о его значительном вкладе в казахстанское исламоведение. В наши дни его труды приобрели особое звучание и актуальность, что свидетельствует о научной интуиции и даре предвидения замечательного исследователя, Ученого с большой буквы. В своих научных поисках он не руководствовался сиюминутной конъюнктурой и не распылял свой талант на однодневные, не преодолевшие высокой нравственной планки серьезные исследования работы. Именно поэтому его труды никогда не утрачат своей значимости и не будут преданы забвению новыми поколениями исследователей.

Р. М. Мустафина,

кандидат исторических наук

Материалы I и II Научных чтений
памяти В. П. Юдина 1993—1994 гг.
Алматы. 1999. С. 14—16.

⁶ Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...// Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 108.

⁷ Там же. С. 109.

Юдинские чтения

В Институте востоковедения прошли V научные чтения, посвященные памяти известного казахстанского востоковеда Вениамина Петровича Юдина (1928—1983).

В них приняли участие ученые Франции и Японии.

В. П. Юдин, прекрасно владевший несколькими восточными и западноевропейскими языками, был талантливым источниковедом, сочетавшим филологический анализ с глубоким пониманием исторического содержания текста.

По инициативе В. П. Юдина — он тогда являлся членом Президиума Общества охраны памятников истории и культуры Казахстана, председателем секции востоковедения — была учреждена Постоянная востоковедческая археографическая экспедиция и разработана программа сотрудничества с различными центрами-хранилищами рукописей. В результате работы таких экспедиций были выявлены рукописные и архивные материалы (в Ташкенте, Душанбе, Санкт-Петербурге, Омске, Оренбурге, Томске и т. д.), а также приобретены восточные рукописи, уникальные источники по истории и культуре Казахстана.

Значительно научное наследие В. П. Юдина. Много неопубликованного. В настоящее время Институт востоковедения готовит к изданию избранные труды ученого.

О его жизненном и научном пути рассказала директор Института востоковедения доктор исторических наук М. Х. Абусейтова. С интересными научными докладами выступили профессор АГУ им. Абая Б. Б. Ирмуханов — “В. П. Юдин и проблемы казахской государственности”, доктор исторических наук Н. Маманов — “Этногенез и этничность в кочевой среде Казахстана”, заместитель директора Института С. К. Кушкумбаев — “Интересы Казахстана в Центральной Азии: стратегические приоритеты и новые вызовы” и др. С большим интересом был заслушан доклад верной спутницы В. П. Юдина на его жизненном пути, научного сотрудника института Ю. Г. Барановой “Известия сочинения Сухайла “Имамкули-хан-наме” о казахско-среднеазиатских отношениях в первой половине XVII в.”

Сегодня можно вести речь о научной школе известного ученого-востоковеда. В 70-х годах, работая преподавателем кафедры истории Казахской ССР в КазГУ, Вениамин Петрович создал научный студенческий кружок "Востоковед". Некоторые его студенты защитили кандидатские и докторские диссертации. Усилиями его благодарных учеников проводятся (в пятый раз) научные чтения памяти Учителя. Великолепным подарком к памятным Юдинским чтениям стали "Материалы I и II научных чтений памяти В. П. Юдина 1993–1994 гг." (Алматы: Дайк-Пресс, 1999). Эпиграфом к ним послужило высказывание известного российского востоковеда А. Н. Самойловича: "Уважение к памяти и заслугам отошедших в вечность деятелей... является необходимым исполнением нашего культурного долга и дает, кроме того, повод продвинуть вперед начатые, но далеко не законченные дела".

Светлана Ананьева

кандидат филологических наук

Наука Казахстана. 1999.

№ 24(156). 16–31 декабря

ТҮЙІН

Жинаққа белгілі қазақстандық шығыстанушы Вениамин Петрович Юдиннің (1928—1983) алпысыншы-сексенінші жылдары жазған таңдамалы еңбектері енген. Жинақтың жалпы көлемінің үштен бірі осыдан 30 жыл бұрын жарық көрген дүниелер. Қалғандары алғаш рет жарияланып отыр, бұл туындылар қазақ, ұйғыр халықтары тарихын зерттеушілерге деректану, рулық-тайпалық құрам, этнонимдер этимологиясы т. б. сұрақтар төңірегінде қызығушылық тудырады сөзсіз.

В. П. Юдиннің өмірі мен шығармашылығында “Қазақ халқының XV—XVIII ғасырлардағы тарихының парсы және түркі деректері” мақаласы айырықша орын алады. Бұл еңбек оның қазақстандық (С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина), ленинградтық (О. Ф. Акимушкин, М. А. Салахетдинова) шығыстанушылардың 1969 ж. бірлесіп жариялаған “XV—XVIII ғасырлардағы қазақ хандықтарының тарихы бойынша материалдар (парсы және түркі шығармаларынан)” (ҚХТМ) еңбегімен тікелей байланысты көп жылдық (1960—1968) табан ақы, маңдай терімен жасалған жұмысының нәтижесі.

Аталған мақала “Қазақ халқының XV—XVIII ғғ. тарихы бойынша парсы және түркі жазба деректерін топтастырды, оған қоса шайбанид, шағатай, тимурид, сефевид, аштарханид, хива, жоғары тап, агнографиялық шығармалар тобын даралады. Жалпы алғанда мақала — қазақ халқы тарихының теориялық деректануына қосылған қомақты үлес. Мақаламен танысу барысында, оқырман терең зерттеудің ауқымдылығы мен кеңдігіне көз жеткізеді.

Өкінішке орай, бұл еңбек белгілі себептермен кезінде жарияланбады.

ҚХТМ-ға В. П. Юдиннің 17 деректану мақаласы енгенімен, аталған жалпы деректану зерттеуінің кірмей қалуы жоғарыдағы күрделі жинақтың ғылыми деңгейін төмендетті.

Міне, ҚХТМ басылып шыққаннан соң, 30 жыл өткеннен кейін В. П. Юдиннің “Қазақ халқының XV—XVIII ғғ. тарихы бойынша парсы және түркі жазба деректері” жарық көріп отыр.

В. П. Юдиннің шығармашылығында моғол тақырыбы айырықша орын алады. Жинақта Моғолстан, Моғол мәселелері, моғол этносының тағдыры, оның Орталық Азияға, ру-тайпалық құрам

мен тілдік, сондай-ақ қазақ, ұйғыр т. б. халықтармен этникалық байланыстарының тарихына ықпалына екі мақаласы арналған. “Моғолстан мен Моғулия моғолдарының ру-тайпалық құрамы және қазақ, көршілес басқа халықтармен этникалық байланысы туралы” мақаласы 1965 жылы жарияланып, мамандардың жоғары бағасына ие болды. Келесі жылы Англияда ағылшын тілінде аудармасы жарық көрді. 1978 жылы жапон зерттеушісі Мано Еджи ағылшын тілінде В. П. Юдиннің моғолдардың рулық-тайпалық құрамы жөніндегі деректерін толығымен қайта жазды.

1982 жылы Т. И. Сұлтанов Мырза Мұхаммед Хайдар Дулатидің “Тарих-и Рашидинің” әдеби тарихы туралы зерттеуінде жаңа бағытты атап көрсетті. Соның көш басында В. П. Юдин аталды.

“Моғолдар” мақаласын автор 1980 жылы бастап, моғол этносын зерттеу тарихына арналған бөлігін өкінішке орай аяқтай алмады. Жалпы алғанда еңбек аса құнды, “соңғы он жылдықта “Тарих-и Рашидиді” зерттеуде жаңа бағытты; “алғаш рет “Тарих-и Рашидиде” Шығыс Түркістан халықтарының этногенезін зерттеу нысанына айналдыруға “моғолдар мен басқа көршілес халықтардың этникалық тарихын зерттеуді” бөліп қарастыруды ұсынды. “Моғолдардың рулық-тайпалық құрамы туралы” мақаласының “Моғолдар” мақаласымен бір байланыста қайталап жариялануы автордың зерттеу әдістерінің ерекшелігін айқындауға мүмкіндік береді.

“Қазақ” этнонимінің этимологиясын зерттеу нәтижесін В. П. Юдин әзірлеп хабардар еткенімен, ол да жарық көрген жоқ. Бұл еңбекте “қазақ” этнонимінің сол кезеңде бар 22 этимологиясын сын тезіне алып, автор С. Е. Маловтың “Түркілердің Енесай жазбалары. Мәтіндер мен аудармалар” (М.; Л., 1958) атты кітабындағы Ұйық-Тұран өзеніндегі көне түркі руникалық ескерткішіндегі деректер негізінде жаңа ғылыми этимология ұсынады.

Агиографиялық шығармаларды В. П. Юдин нақты тарихи шынайы ақпараттар көзі ретінде бағалады. Накшбандиййа исламдық сопылық орденінің қаратаулық сектасы уағыздарын XVI ғ. қазақтар арасында таратуы жөніндегі мәліметтерге “Мұхаммед Аваздың XVI ғ. қазақтар туралы “Зийа әл-кулуб” хабаршысы”

атты мақала арналған. Ол 1966 ж. жарық көріп, күні бүгінге дейін өз өзектілігін жоғалтқан жоқ.

“Тарих-и Рашидидің” авторы Мырза Мұхаммед Хайдар Дулатидің тарихи көзқарасын зерттеу В. П. Юдиннің ұйғыр халқының тарихы (XIV ғ. екінші жартысы — XVII ғ. 70 жылдары) бойынша үлкен еңбегінің бөлігі боп табылады. Ол “Ұйғыр халқының қысқаша тарихы” (XIII—XVIII ғғ.) авторларының бірі ретінде 1976—80 жылдары еңбек еткен-ді.

Мырза Хайдардың тарихи көзқарасы, симпатиясы мен антипатиясы XV ғ. Моғолстандағы оқиғаларды және оған тәуелді Шығыс Түркістандағы, атап айтқанда Қашқариядағы кезеңдерді баяндау барысында, Мырза Хайдар шыққан дулаттың моғол тайпасы әмірлерінің қызметі ашылады.

“Шын Темюр-батур мен Махтум-суле жайлы ұйғыр ертегісінің тарихы түп-тамыры” мақаласы алғаш рет “Ұйғыр филологиясының мәселелері” жинағында жарияланды. Бұл ұйғыр ертегісінің сюжеттерімен байланысты тарихи-деректану-филология зерттеуінің нәтижесі әрі моғол мәселесіне байланысты ғылыми зерттеулерінің алғашқы қадамы болды. Моғолдар туралы сөз болғанда сол кезде қабылданған терминологиядан шықпай, автор “моғолстандық моңғолдар”, “Уайс-ханның моңғолдары” деп жазғанымен, олардың түркітідестігін дұрыс көрсетіп отырды. 1965 ж. В. П. Юдиннің өзі “моғол”, “моғолдар” деп жазылу қажеттігін дұрыс дәл көрсетті.

Мақалаларды қайта басуға дайындау кезінде қазіргі кезде қабылданған нормаларға сәйкес жеке сөздер мен атаулар дәлдене түсті.

Аталған мақаланы жинаққа енгізу барысында осыдан қырық жыл бұрын жарық көрген мақалаларды қарастыра отырып, В. П. Юдиннің шығармашылық өсу ерекшелігіне назар аударғанды жөн көрдік. Жаңа ғылыми тұжырымдама негізінде өз нұсқасын ұсынады.

Ірі шығыстанушылар А. М. Мугинов, Б. А. Ахмедов және С. Г. Кляшторныйдың еңбектеріне жазған пікірлерінің шығыстану ғылымын дамытуда үлкен маңызы бар.

Мәселен, А. М. Мугиновтың кітабына пікірінде В. П. Юдин отандық және шетелдік ғылымда алғаш рет уақыты мен территориясы бойынша Моғолстаннан бөлек шығыс түркістандық Моғо-

лия мемлекеті туралы айтады. Оның негізін қалаушы шағатай, моғолстандық хан Сұлтан Саид-ханның ұрпағы болып, XVI ғ. басында Моғолстанға тәуелсіз Қашқарияда дулат әмірі әбу Бәкірдің иелігін талқандады.

С. Г. Кляшторныйдың “Көне түркі руникалық ескерткіштер Орта Азия тарихы бойынша дерек ретінде” монографиясына В. П. Юдин кей сәтте руникалық мәтіндердің жеке үзінділерін өз көзқарасымен қарастыра отырып орысша аудармасының нұсқасын ұсынады.

Ұсынылып отырған жинақ В. П. Юдиннің Алматыда басылған қазақстандық және ұйғыртану жөніндегі еңбектерін түгел қамтымайды, олар өз кезегін күтуде.

Қосымша ретінде В. П. Юдиннің жарық көрген еңбектерінің толық тізімі, ол туралы жарияланымдар мен естеліктер берілді.

1998 жылы В. П. Юдинге 70 жыл толды. Осы мерейтойына орай оның еңбектерінің жинағының “Қазақстандық шығыстану зерттеулері” академиялық сериясымен шығуына шығыстанушы, тарих ғылымдарының докторы М. Қ. Әбусейітова мен серия демеушісі, “Дайк-Пресс” баспасының директоры Б. А. Қазғұловтың еңбектерінің арқасында шындыққа айналып отыр.

SUMMARY

This is a collection of selected works by the famous Kazakhstan orientalist Venyamin Petrovich Yudin (1928–1983), written between 1960 and 1980. Part of them, which make up about a third of the volume, were published, but more than 30 years ago. The rest of the works are published for the first time and will be interesting to the modern researchers of the history of the Kazakh and Uighur peoples for use in source-researching, tribal composition, etymology of ethnonyms, and other questions.

The first article in the collection, “The Persian and Turkic Sources on the History of the Kazakh People in the XVth–XVIIIth Centuries” holds a special place in V. P. Yudin’s creative work and life. This is the result of his many years (1960–1968) hard work, directly connected with the preparation by the Kazakhstan orientalists (S. K. Ibrahimov, N. N. Mingulov, K. A. Pishchulina, V. P. Yudin) and their Leningrad colleagues (O. F. Akimushkin, M. A. Salahetdinova) of a large collective work, published in 1969: “The Materials on the History of the Kazakh Khanates in the XVth–XVIIIth Centuries (Excerpts from the Persian and Turkic Writings)” (further referred to as MHKKh). The article should have prefaced MHKKh – in it all the sources of the collection were characterized according to the interconnectedness of their contents, with account to political and social orientation, places of origin and a number of other attributes. V. P. Yudin considered that he had developed “a synthesized classification of the Persian and Turkic narrative sources on the history of the Kazakh people in XV–XVIII”. The groups were defined such as Shaibanid, Chaghataid, Timurid, Sefavid, Ashtarkhanid, Khivan, secular, hagiographical, etc. On the whole, the article was a serious contribution to theoretical source-research of the history of the Kazakh people. Looking at this article allows reader to conceptualize the breadth and depth of this unordinary research.

The article, however, was excluded from MHKKh at the final stage of publishing the book for some non-scientific reasons. Although in MHKKh V. P. Yudin’s 17 source-researching articles were published – on each of the sources included in the collection – the absence of an overall

source-research article, introducing into the problems and specifics of such a serious work as MĦKKĦ, lessened its scientific value.

At last, more than 30 years after the publication of MĦKKĦ, the article "The Persian and Turkic Sources on the History of the Kazakh people in the XVth–XVIIIth Centuries" has finally been brought to light.

Throughout Yudin's studies the problem of the Moghuls plays a large role, and in investigation of this problem he made his contribution. Two works of this collection are directly dedicated to the examination of the questions of the history of Moghulistan, Moghuliya, the fate of the Moghul ethnoses, their role in the history of Central Asia, tribal composition and language, ethnic connections with the Kazakhs, Uighur and other peoples. The article "The Tribal Composition of the Moghuls of Moghulistan and Moghuliya and their Ethnic Connections to the Kazakhs and Other Neighbouring Peoples" was published for the first time in 1965. It received wide notoriety and the acclaim of specialists. In the following year the article was published in English translation in "The Central Asian Review" (London, 1966. Vol. XVI, No. 3. Pp. 241–251). In 1978, the Japanese researcher Mano Eiji, also in English, reproduced all the data on the tribal make-up of the Moghuls, presented by V. P. Yudin (Mano Eiji. *Moghulistan // Acta Asiatica*, 34 (1978). Special Issue: Historical Studies on Central Asia in Japan. Pp. 46–60).

In 1982, T. I. Sultanov, in his research on the literary history of "The Tarikh-i Rashidi" by Mirza Muhammad Haidar Dughlat, pointed out the tendency "in the works of the last decades" of a new direction in the study of "The Tarikh-i Rashidi": "researching of the ethnic history of the Moghuls and other neighbouring peoples" which "for the first time is turning the study of the ethnogenesis of the peoples of Eastern Turkestan on "The Tarikh-i Rashidi" material into a research problem". The first in a number of the authors to represent this new direction was rightly named V. P. Yudin (Sultanov T. I. "The Tarikh-i Rashidi" of Mirza Haidar Dughlat (The Literary History) // *The Written Sources of the East. Historical-Philological Researches. Annual*. 1975. Moscow, 1982. Pp. 130, 135).

During 1980, V. P. Yudin prepared the article "The Moghuls". The work presents large interest, and in many ways goes further than the first publication, clearly demonstrating the author's ability in historical-linguistic analysis, and deep penetration into investigating questions.

The result of his investigating the etymology of the ethnonym *Kazakh* (Қазақ) V. P. Yudin at first reported at the functioning in those years a scientific seminar of the department of pre-revolutionary history of Kazakhstan in the Academic Institute of History, Archeology and Ethnography. This was in 1966 or 1967. The article was prepared later, but was not published. This is a highly professional historical-linguistic study, in which 22 etymologies of the ethnonym *Kazakh* (Қазақ) already existing to that date were subjected to critical analysis, and a new original etymology was offered, based on the data from an ancient Turcic runic writing from the river Uyk-Turan, published in the book by S. E. Malov "The Enisei Writings of the Turks. The Texts and Translations" (Moscow-Leningrad, 1958).

V. P. Yudin considered hagiographical sources to be to a definite extent reliable, containing concrete historical information. His article "The Evidence of "The Zia al-Kulub" by Muhammad Avaz on the Kazakhs of the XVIth Century" was dedicated to one of these, containing information about the propagation of dogmas of the Chernogor sect of the Islamic Sufic Naqshbandiya order among the Kazakhs in the XVIth Century. The article was published in 1966, but presents interest up to our days, suggesting not only V. P. Yudin's motivated opinions, but as well the Russian translation of good quality of some excerpts from this rare and little studied writing in Persian.

The research on the historical views of Mirza Muhammad Haidar Dughlat, the author of "The Tarikh-i Rashidi", and their socio-political origins is a part of the serious investigation by V. P. Yudin on the history of the Uighur people (second half of the XIVth – the 70's of the XVIIth Century) on which he worked in 1976–1980 as one of the authors of "A Short History of the Uighur People (XIII–XVIII)".

The historical views of Mirza Haidar, his likes and dislikes clearly unfold in the process of his depicting the events of the XVth century in Moghulistan and Eastern Turkestan, Kashgar in particular, periodically submitted to Moghulistan, the activities of the amirs of the Moghul Doghlat tribe, from which Mirza Haidar originated.

The article "The Historical Roots of the Uighur Fairy-Tale about Chin Temyur-Batur and Makhtum-Sula" was published for the first time in the collection "The Questions of the Uighur Philology" in 1961. This was the result of a thorough historical-philological investigation in connection with the plot of the Uighur fairy-tale. It was the first experience by V. P. Yudin researching questions, which turned out to be connected in a certain way with the Moghul problem. The terminology of the work as the Moghuls are mentioned, does not go beyond that which was acceptable at that time: the author writes "Moghulistan Mongols", "Mongols of Vaiskhan", while simultaneously correctly stressing their Turkic language. In 1965, V. P. Yudin convincingly proved the correctness the terms "Moghul", "Moghuls".

In the course of preparing this article for republication, several clarifications of separate words and terms, according to the present acceptable standarts, have been inserted into the text.

Introducing the above mentioned article into this collection is motivated by a desire to remind about this interesting, groundbreaking research, which for the first time came to light almost 40 years ago; it is worth bringing to the attention of the reader the unique creative growth of V. P. Yudin.

Presented in this collection V. P. Yudin's three reviews on the books of leading orientalists A. M. Muginov, B. A. Ahmedov and S. G. Klyashtornii were already published respectively in 1965, 1966, 1968, but until this day have not lost their scientific significance. They contain, as is customary for this genre, not only critical analysis, pointing out their worth and shortcomings. These reviews have their own scientific significance, they put and solve a number of important research questions.

For example, in the review on the book by A. M. Muginov, V. P. Yudin, for the first time in domestic and foreign science, talks

about the Eastern Turkestan state Moghuliya to be distinct one from Moghulistan as to the time of its formation and territory. Its founder was a Chaghataid, descendant of the Moghulistan khans — Sultan Said-khan, who in the beginning of XVI destroyed in Kashghar the possession of the Doghlat amir Abu Bakr, then independent from Moghulistan.

In the review on the monograph by S. G. Klyashtornii "The Ancient Turkic Runic Writings as a Source on the History of Central Asia", V. P. Yudin suggests his own variants of translation into Russian of some fragments of the runic text, changing the meaning and correcting the translations of S. E. Malov used by S. G. Klyashtornii in his research.

This collection comes far from covering of all that V. P. Yudin performed during the years of his life and work in Almaty for the Kazakhstani and Uighuric studies, and is awaiting its publication.

The materials of this collection are preceded by a preface by the editor-compiler. As an appendix, a list of V. P. Yudin's published works follows and reproduced are the publications dedicated to him.

The collection of V. P. Yudin's selected works is appearing in the excellent academic series "The Kazakhstan Oriental Studies", which has become a reality thanks to the efforts of the enthusiast-orientalist, doctor of historical sciences M. Kh. Abuseitova, a student of V. P. Yudin, and the deserving of much thanks, sponsor and publisher of the series, B. A. Kazgulov, director of publishing company "Daik-Press".

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вторая жизнь (вместо предисловия)</i>	5
Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV–XVIII веков	17
О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулли и их этнических связях с казахским и другими соседними народами	72
Могулы	96
К этимологии этнонима казах (қазақ)	137
Известия “Зийа ал-кулуб” (ضیاء القلوب) Мухаммад Аваза о казахх XVI века	167
Историографическая концепция автора “Тарих-и Рашиди” Мирза Мухаммад Хайдар доглата	179
Исторические корни уйгурской сказки о Чин Тёмюр-батуре и Махтум-суле	222
Рецензия на “Описание уйгурских рукописей...” А. М. Мугинова	251
Рецензия на “Государство кочевых узбеков” Б. А. Ахмедова	261
Рецензия на “Древнетюркские рунические памятники...” С. Г. Кляшторного	271
<i>Приложение</i>	287
Опубликованные научные работы В. П. Юдина	289
Публикации, посвященные В. П. Юдину	298
<i>Түйін</i>	372
<i>Summary</i>	376

Юдин В. П.

Ю 16 Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 384 с. + вкл. 4 с. – (Казахстанские востоковедные исследования).

ISBN 9965-441-39-1

В сборник включены десять работ известного казахстанского востоковеда В. П. Юдина (1928–1983). Проблематика их довольно широка – в них исследуются многие вопросы как казаховедческого, так и уйгуроведческого направлений: политическая и этническая история, этимология этнонимов, источниковедение и т. д. В основе изысканий лежат сведения из многочисленных тюрко- и персоязычных нарративных источников эпохи позднего средневековья.

Книга будет интересна и полезна не только специалистам-востоковедам, преподавателям и студентам исторических и востоковедных факультетов университетов, но и более широкому кругу читателей, интересующихся прошлым казахского и уйгурского народов.

Научное издание

Юдин Вениамин Петрович

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В XIV–XVIII ВЕКАХ
ГЛАЗАМИ ВОСТОКОВЕДА**

Редактор *Т. П. Казанникова*

Художник серии *В. П. Васильев*

Вклейка *В. Д. Сычева*

Компьютерная верстка

Л. Е. Чертковой, В. Е. Корешковой

Компьютерный набор *Л. А. Немировской*

Подписано в печать 20.07.01.
Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 24,0. Уч.-изд. л. 21,3.
Тираж 1000 экз.

Издательство “Дайк-Пресс”,
480100, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29.
Тел.: 62-28-35, 62-69-63

Директор Б. А. Казулов

Типография ТОО “Print-S”
480082, г. Алматы, ул. Ибрагимова, 1.

ЮДИН
Вениамин
Петрович
(1928–1983)

Родился в Волгограде. В 1950 г. окончил Московский институт востоковедения им. Н. Нариманова. Там же прошел аспирантуру, преподавал уйгурский язык.

С осени 1955 г. жил в Алматы, занимаясь научно-исследовательской и преподавательской работой в АН КазССР, КазПИ им. Абая, КазГУ.

Среди многих интересовавших его проблем главными были: изучение восточных рукописей и разработка — на основе свидетельств источников на персидском и тюркских языках — политической, этнической и религиозной истории казахского и уйгурского народов эпохи средневековья, их культурного наследия. Он предложил синтезированную классификацию персо- и тюркоязычных нарративных

источников по истории казахского народа XV–XVIII вв., ввел в науку понятие чингизизма как целостной религиозно-мировоззренческой системы, обосновал положение о степной устной историологии, “открыл” восточнотуркестанское государство Могулия, Серую Орду пятого сына Джучи Шайбана и его потомков и т. д. Многие вопросы истории народов Центральной Азии не могут быть правильно освещены без учета того, что сделано В. П. Юдиным.

Работы В. П. Юдина издавались на русском, казахском, уйгурском, английском языках. Общее их число превышает 90. Весом его вклад в капитальный труд казахстанских востоковедов “Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков” (1969), выявление и публикацию образцов староуйгурской поэзии XVI, XIX вв. (на уйг. яз., 1963, 1969). Он перевел и интерпретировал тюркоязычное сочинение XVI в. Утемиша-хаджи “Чингизнаме” (1992).

В. П. Юдин оставил учеников и последователей.